ЕВАНГЕЛИЕ

от

РЕЖИССЁРА

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ РЕЖИССЁРА

Себастьян Оз

Евангелие от режиссёра

Религиозно-историческое исследование,

написанное в форме художественного произведения

Бульварный роман

Предисловие

АВТОБИОГРАФИЯ

Веселилось детство в старом бараке.

Юность кусалась, как злая собака.

Шрамы на теле, черти внутри.

Я вспоминаю, как сильно в те дни

Пахла трава и гудели шмели

И девичьи лица прыщами цвели,

Как мысли до крови терзали мне губы,

За дерзкий язык как страдали зубы,

Страхом тогда пеленалась ярость

И презиралась беззубая старость,

Как билось о клетку сердце в груди,

И вот всё прошло, всё уже позади.

Быстрее, быстрее бег колеса.

Сомкнувши глаза, я смотрю в небеса –

Ищу серафима

И вижу орла.

Стою неопалимый,

А вокруг дотла

Сгоревшие доктрины

Истлевших мудрецов,

Пустые витрины

Магазина снов.

Пусть ветерок надышит

Мне слова в ладони,

И голос мой услышат

С крыльями кони.

Перед вами книга, собранная в более-менее связное повествование в основном из воспоминаний и записок одного странного человека, а также из бесед с ним. Это бывший режиссёр, с которым познакомил меня мой друг Евгений Альтов при довольно странных обстоятельствах. Я посещал Альтова в центре психического здоровья после пережитого им стресса. Там он подружился с Сергеем Афанасьевичем Левием и практически не расставался с ним, проводя с ним вместе всё свободное от процедур время. Этот человек был абсолютно здоров, на мой взгляд, но предпочитал оставаться в больнице. При этом он пребывал всегда в прекрасном настроении, глаза его были наполнены смыслом, весельем и уверенностью. Таким я его запомнил.

В эпиграфе – одно из его стихотворений. В записках, послуживших основным материалом для этой книги, были вперемешку эпизоды его жизни, отрывки из неоконченной повести про Иоанна Богослова, просто мысли на разные темы, стихи, комментарии. Всё это было свалено в одной картонной коробке, которую он мне отдал примерно через месяц после нашего знакомства.

Главное открытие Левия, ради которого он взялся за своё писательство, после прочтения всей книги станет для вас интересным и простым. И весьма, весьма актуальным. Я в этом не сомневаюсь. Но первые главы наверняка покажутся непонятными и оторванными от жизни зарисовками на историческую тему. В отличие от совсем уж развлекательной литературы, вам придётся при чтении прилагать усилия. Постепенно вы увидите, что одно из четырёх канонических Евангелий – это богословское опровержение трёх других, написанное в форме повествования о жизни Христа, как и три другие евангелия. Личная жизнь автора заметок так странно переплелась с событиями той эпохи, что пришлось разбить историческое повествование отрывками из его дневников и устными рассказами. Они отмечены римскими цифрами в отличие от исторической линии, которая разделена на традиционные главы.

Вывод из моего личного опыта разбора этих текстов – их наиболее интересно читать будет тем, кто очень хорошо знает Писание. Впрочем, людям современным, интеллектуалам и учёным, любителям поэзии будет не менее интересно.

Удачного чтения.

Некоторые записи с моими пометками. По мере составления книги я перестал отмечать, откуда запись, и просто разместил всё более-менее в логичной последовательности. Сохранена орфография автора: прописные и заглавные буквы, имена и транскрипции некоторых слов. Возможно, это имело значение.

Глава 1

Звезда над Назаретом

Материалы для сценария. Иоанн – автор Евангелия; Прохор – его ученик. Место действия: Эфес, сто второй год по Р. Х.

Прохор положил подушку на циновку, и старец сел. Седая курчавая борода учителя казалась выдранной из верхней части головы и приклеенной к щекам и подбородку. Лысина была обрамлена такими же белыми волосами с красивыми завитушками. Выпуклые, большие, голубые глаза старца, слегка белёсые от старости, как будто жили отдельно от тела. Они вращались, всверливаясь в собеседника, указывали, смеялись, гневались. Прохор иногда путался и не мог вспомнить, сказал ли учитель что-то языком или этими своими глазищами.

– Прохор, дитя, сядь.

Прохор сел рядом и достал стило и свиток.

– Нет, отложи это. Я хотел просто поговорить с тобой.

– О чём, отче?

– Ты веришь Писанию?

– Каждому слову, отче. Ведь это божественное слово.

– А если в нём ошибки?

– Как это? Если бы так, мы бы не знали, чему верить.

– Хорошо, правильно ты сказал. Но что делать, если всё-таки найдутся несогласия?

– Я не встречал… А разве они есть? Но думаю… Бог разрешит их, если попросить Его. Просто мы не всё знаем… Когда люди спорят, каждый верит своей правде, но истина-то одна. Так ведь, старче?

– Да, сынок, так. Но жизнь сложнее. Ты помнишь евангельскую историю о рождении Иисуса? – Старец прекрасно знал, что Прохор наизусть помнил Евангелия, но каждый раз спрашивал.

– Она есть у Луки и Матфея. Правда, от Марка начинается уже с крещения в Иордане.

– Но благая весть – это свидетельство. Кто же мог свидетельствовать, если апостолы тогда сами были младенцы, а некоторые и не родились ещё? – Глаза старца повернулись в орбитах и указали чёрными точками зрачков куда-то на дальний скат крыши, где была дыра и виднелось небо.

– Мария могла. Сказано, что она слагала всё в сердце своём, – Прохор загорелся, он был вспыльчив.

– Да, дитя. Но она женщина, а им нет веры.

– Разве всё было не так?

– Посуди сам, Прохор. Помнишь, как у Матфея? Когда родился Иисус в Вифлееме, волхвы увидели его звезду, пришли в Иерусалим и спрашивали: где царь иудейский? И их отправили в Вифлеем. Они шли за звездой и пришли к дому, где был Иисус, поклонились ему, отдали дары и отошли в свою страну. А Иосифу сразу после их ухода было видение во сне, он взял Марию с младенцем, и они бежали в Египет.

– Да, так и есть, старче. Вслед за волхвами в Вифлеем пришли посланные от Ирода, чтобы убить Иисуса – законного царя от семени Давида, которого все ждали.

– Сам Ирод был из идумеев и не еврей вовсе, потому ревновал. Но семейство успело убежать. Так, а что там у Луки? Они не бежали в Египет из Вифлеема?

– Сказано, что после рождения Иисуса в Вифлееме его по закону на сороковой день принесли в Иерусалим, чтобы посвятить Господу и

принести жертву. А после родители с Иисусом сразу вернулись в Назарет. А Египет, да, Египет… – ученик явно растерялся и опустил голову.

– У Луки о волхвах ничего не сказано и о бегстве в Египет? – старец хитро прищурился и уколол Прохора взглядом, как спицей.

– Не сказано… но всё это было.

– А когда? Сказано, что из Иерусалима семья пошла в Галилею, так? И жили там. Зачем же волхвы пришли в Вифлеем? Там уже младенца не было.

– А если по дороге домой в Назарет… они… они опять остановились в Вифлиеме? И туда же пришли потом волхвы… А потом – в Назарет… Лука мог это опустить?

Прохор говорил всё менее уверенно.

– Хе-хе. Зашли в Вифлеем? По дороге, говоришь? Значит, в Египет – из Вифлеема, сразу как ушли волхвы? А как же Назарет? В Назарет не попали, значит? Ну-ну… А у Луки… Прочитай! Они просто пошли домой из Иерусалима, и жили в Назарете, и *младенец возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости, и благодать Божия была на нём*. А кроме того, подумай, дитя, зачем бы им было опять возвращаться в Вифлеем? В хлев!? Они ведь приходили туда на перепись, а задержались из-за родов.

Прохор за прошедшие годы много раз смущался, когда находил, что евангелисты противоречат друг другу. Но потом всегда всё чудесно разъяснялось. Он привык, поэтому после минутной растерянности пришёл в себя:

– Значит, остаётся одно: волхвы пришли в Вифлеем до прихода семейства в Иерусалим… в сорок дней очищения… Вы меня искушаете, отче?

– Нет, дитя, я учу тебя думать. Кормлю тебя пока молочком, чтобы ты вырос и мог есть твёрдую пищу. Продолжи свою мысль. Если волхвы пришли в Вифлеем в эти сорок дней, то по их отшествии восвояси, как написано, семья бежала в Египет. Как же жертва в Иерусалиме на

сороковой день? А-а? И как младенцу оказаться в Назарете и возрастать там? Так вот, дитя: либо из Вифлеема в Египет, как у Матфея, либо из Вифлеема в Иерусалим, а затем в Назарет, как у Луки. Иного не может быть.

– История про волхвов – ложь? И про бегство в Египет? – Прохор окаменел и выглядел так, словно в хижину вбежал лев.

– Получается так, дитя. Не всему написанному в Евангелиях можно верить. Перемалывай всё жерновами ума.

– Мне так нравилась история про Вифлеемскую звезду!

Глаза Прохора стали влажными.

– Ты мог бы, дитя моё, как разумный, по-другому догадаться, что история эта бабья – выдумана. Просто посчитай. По закону Иисуса обрезали на восьмой день, а на сороковой они ушли из Вифлеема. Если волхвы увидели звезду родившегося царя иудейского, сколько времени они потом добирались в Вифлеем через Иерусалим?

– Не знаю.

– Там путь длинный с Востока. Даже от нас в Иерусалим идти было бы больше месяца. Так что они не могли успеть в Вифлеем до ухода оттуда семейства. История про волхвов – красивая сказка.

Прохор едва не плакал. Глаза его блестели, полные слёз. Наконец слеза упала на пол, взбив струйку пыли.

– Ну что ты, дитя. Рыбаки, хотя и апостолы, всего лишь люди. А истину открывает дух святой.

Весь день Прохор ходил понурый и лёг спать до заката. Заснуть ему удалось за полночь.

И вот Прохор спит и видит сон.

Толпа мальчишек бежит за тремя странно одетыми иноплеменниками. Они провели в Иерусалиме несколько дней, и даже сам Ирод принял их, как послов с Востока.

– А вы правда пришли поклониться сыну Давида? А кто он?

– Как вы узнали про него?

– Два года назад мы увидели звезду, которая возвестила нам о его рождении, – ответил один из более разговорчивых путников.

– А что это у вас на головах?

– Эй, а вы из какой страны?

Три иноземца продолжали молча ехать на ослах. Караван с водой, продуктами, вином и подарками будущему царю двигался за ними. Слуги и любопытствующие замыкали процессию. Наконец иноземцы выехали за пределы Иерусалима по дороге в Вифлеем. Караван остановился. Один из трёх, по-видимому, старший, показал рукой остальным:

– Опять звезда появилась. Следуем за ней.

Все обрадовались увиденному, так как в Иерусалиме звезда исчезла, и пришлось всех расспрашивать, где родился царь.

– Но она на севере, а нам нужно в Вифлеем.

– Кому верить, этому хитрецу, которого называют царём, или знаку свыше? Мы поедем за звездой.

Прохор проснулся и схватился за свитки. Нигде нет такого, что волхвы направились в Вифлеем. Их туда посылали. Но опять появилась звезда, и они пошли за ней. Придя, вошли в дом и нашли там младенца с матерью. Но в Вифлееме семейство жило с овцами, а не в доме!

Прохор вскочил:

– Старче, старче. Я всё понял. Звезда привела волхвов в Назарет, а не в Вифлеем. Через два года после рождения Иисуса. Семейство с младенцем вернулись туда из Иерусалима, совершив всё по закону, как и написано у Луки. А потом через два года пришли волхвы, и семейство отправилось в Египет. Из Назарета. Это уже у Матфея – продолжение сказанного Лукой.

– Не умничай, Прохор. Волхвы спрашивали, где родился царь, и им рассказали пророчество и направили в Вифлеем.

- Но они не пошли, куда указал им царь! Не пошли! Они ему не поверили, а пошли за звездой!

Прохор от возбуждения начал жестикулировать, едва не задевая старца:

– Волхвы видели её на востоке. Их страна на востоке, они там жили. А потом она вновь появилась, когда они вышли из Иерусалима, и они обрадовались и пошли за ней. Так и сказано у Матфея, что они увидели звезду и обрадовались – это уже после Иерусалима, – Прохор говорил громко, почти кричал.

– И сколько, по-твоему, было младенцу, когда они пришли в Назарет? – старец усмехнулся одними глазами, а голосом погасил возбуждение Прохора.

– Думаю, года два-три. Ирод всех убил в Вифлееме от двух лет и меньше, выведав возраст от волхвов. Зачем убивать двухлетних, если Иисус только родился? И почему волхвы назвали такой возраст?

– Волхвы могли обмануть его, сказав, что увидели звезду раньше.

– Да, учитель. Но зачем было обманывать? Они же не знали, что он собирается всех убить.

– Ты сам сказал, что волхвы Ироду не поверили.

– Учитель, они на развилке поверили звезде, это правда – здесь был выбор, куда идти. Ирод сказал одно, а звезда показала другое. Ирод не знал… или… или сказал из зависти. Но убивать младенцев! Они и представить не могли!

– Это они тебе сказали? – старец округлил глаза, будто удивился. Потом рот его растянулся в улыбке.

– Да н-н-нет же! – Прохор очень разволновался, глядя на старца, и стал заикаться. – Н-н-нет, но Бог знал, что они хотели вернуться и известить Ирода. Почему же ещё было им откровение не возвращаться? Так что ясно – они не думали, что Ирод пошлёт убийц.

– Да ты не иначе фарисей, друг мой. Цепляешься, выкручиваешься. Будь проще. Истина – она в простоте.

– Я не цепляюсь, отче. Я увидел сон.

– Сон? Снам, брат ты мой, верить не должно. Только некоторые могут правильно истолковывать сны. А младенцам в вере нужно слушать наставников.

– Сон меня только навёл на мысль, а я проверил по Евангелию. И всё сложилось.

Старец задумался. Хотя он и был упрям, но прислушивался к доводам разума и любил красоту и стройность мысли. «Надо признать, – подумал он, – Прохор смышлён. Если бы волхвы пришли в Вифлеем, о них бы знали все, от мала до велика: откуда пришли и куда направились. Всё бы выведали! Даже в огромном Иерусалиме какой переполох был от иноземцев! Стражники мигом пустились бы в погоню, разведывая по дорогам, где шло семейство и куда отправились волхвы. И догнали бы их. А так… Получается, если волхвы не выдумка, то Прохор прав: о них никто в Вифлееме не слыхал и сказать стражникам ничего не мог. Никто ничего не утаивал, просто семейство покинуло Вифлеем два года назад, во время переписи. Кто бы их вспомнил? Они были как все, пришедшие тогда на перепись».

Хм. Да, так вполне могло быть. И Евангелия согласуются. Старец похвалил Прохора и отправил собирать упавшие смоквы, а сам решил ещё поразмыслить.

А ведь стражники могли подумать, что будущего царя прячут, и доложили Ироду. Ирод же велел убить всех младенцев в Вифлееме и округе. Чтоб наверняка. Теперь всё стало на места.

Старец, кряхтя, поднялся и вышел во двор.

I

РЕШКА

Компиляция из дневниковых записей и воспоминаний С. А.

«Всё, что я расскажу, началась несколько лет назад после звонка друга, моего однокурсника. Не обращайте внимания на стиль – у нас привычка, ещё с учёбы в МГУ, говорить иногда в рифму. Это помогало от похмелья лучше, чем огуречный рассол. Ну и веселее как-то. Так и прицепилась привычка в нашем круге, но теперь уже выветрилась. И это хорошо.

– Привет, Сергей. Ты мне очень нужен.

– Ни свет ни заря – поднимайте якоря. Я готов.

– Будь другом, встретимся у меня, завтра в 10. Помнишь адрес?»

Выйдя на балкон весенним утром следующего дня и вдохнув не успевший согреться холодный ночной воздух, Сергей Афанасьевич посмотрел вдаль и начал рефлекторно перебирать рифму:

Укрылось утро за кромкой леса,
Бельё тумана
С плеч великана
Мороз развесил
На стрелах крана.
Бельё…

– Марочка, моя рубашка ещё мокрая?!

Сергей Афанасьевич вспомнил, что договорился с Петром о встрече.

– Да успеешь ты, успеешь… Да, пожалуй, мокровата. Ну, одень свитер, как обычно. Велика важность. Ты же к Петюне собрался? Поцелуй его за меня... – Маргарита весело подмигнула.

– Петюне? Петюне?!.. Ах ты… Ах ты… ведьма… Заигрываешь с моими друзьями?

– Ревнуешь? Накажи! Зайчик ты мой пушистый, – Маргарита схватила мужа за плечи недалеко от шеи и затрясла, как обычно играют с кошками. Она любила котов, но после смерти Барсика котёнка не взяли из-за аллергии мужа.

– Наказать? Ты хочешь увидеть моё мужское звериное начало? Нет уж. Жди от меня… эпиграммы, что ли. Они ведь прилипают и не забываются. Сама себе будешь потом напевать. Помнишь, Настю из агитбригады ведьмой прозвали? И ведь прилипло к ней: Настя-ведьмочка. Она блудливая была, эта Настенька, и любила в основном студентиков-арабов, негритят. Наших не баловала. Так вот, эта песенка о ней была – я её тогда сочинил. Сейчас, сейчас, как же там…

Сергей Афанасьевич помурлыкал, помурлыкал и пропел:

Возвращаясь поутру
В маленькую конуру,
Ведьма часто приносила
Сувениры из могилы:
Череп, кости, башмаки,
Иногда часы, браслеты,
Дорогие сигареты,
А однажды притащила
Иностранца из Манилы.
Ночью, бедный, так кряхтел,
что сбежали все соседи,
Даже чёрт не утерпел.
И теперь она одна
Сидит томно у окна.

– Это не про меня. Я другая.

– Все вы похожи. Ладно, отложу свою месть – но ты трепещи. Нет ничего больнее слова.

Сергей Афанасьевич полностью доверял Маргарите, а показной ревностью поддерживал её своеобразную игру. Она же постоянно проверяла на нём свою женскую привлекательность.

– А может, ну его? Не идти никуда… А, Марочка?

– Иногда великие дела начинаются с похода в уборную. Брось монетку. Пусть выпадет решка.

Выйдя из метро, Сергей Афанасьевич направился к огромному серому зданию, напоминающему скалу и запомнившемуся ему ещё с детства своей мрачной сосредоточенностью. Дверь едва поддалась.

– Мне на второй. То есть в 205-й.

– Ваша фамилия? Так, Ваш паспорт. Вот пропуск – не забудьте поставить время выхода.

Специфический министерский запах въелся в стены.

– К Петру Афанасьевичу можно?

– Присядьте. Одну минуту, я узнаю… Да, проходите.

– О-о, сколько лет? Да ты прям атлет!

– Это всё лыжи. Да зимы уже нет.

– Ну, давай к делу. Меня, так сказать, не по профилю привлекли: разговор зашёл… там, – показывает пальцем на потолок. – В общем, вспомнили, что я по молодёжи был когда-то. Нужен креативный, очень талантливый и модный в их среде – вроде тебя. Хотя… мы не молоды уже. Время летит, да… Короче, лови момент.

– Да я готов. О чём снимать?

– Про бога.

– Вообще? Или про какого-то конкретно?

– Ну ясно – про Христа. Завтра в Переделкино на подворье в 11.30. Не забудь «Отче наш» прочитать на ночь. Его Святейшество благословит на важное дело и даст все цэ-у.

– Постой, постой, э-та, по-стой… Я же … некрещёный, я агностик, ё-маё, – Сергей Афанасьевич от неожиданности смутился и залепетал, как уличный мальчишка.

– Сергей, не ёрзай на стуле, если уже сел. Всё решено и назад хода нет. Святейшему ангелы уже нашептали в уши. Все подписались, тебе мелочь осталась – всё снять, продумать там… ну, ты знаешь. Это твоё.

– Погоди, Афанасич. Ты что, не знаешь? Я же …эта. Как сказать? Из жидов мы. Еврей то есть я.

– Да ладно, не кривляйся. Ты же наш. Сергей Арт… Как ты? Артемьевич или Артамонович?

– Афанасьевич. Батя у меня – Афанасий Борисович, как у тебя. А дед – Борис Моисеевич. В те времена… Сам знаешь…

– Ну даёшь! Я думал, ты наш. Ишь, как спрятался! Ну, не важно. Теперь будешь крещёным – после благословения Его Святейшества, так сказать. От преизбытка этой, то есть – благодати. Стяжаешь, так сказать. Короче, друг мой. Я тебя жду там, перед въездом. Не опаздывай – чревато. Мне пора. Всё, пока, пока.

Глава 2

Крещение назорея

Материалы для сценария.

В верхнем левом углу листка пометки карандашом:

Эпизод 1. Крещение назорея. Почему Иоанн отказывался крестить Иисуса. Библия, Книга Чисел: Во все дни назорейства своего свят он Господу.

Действующие лица:

Ефрем, торговец шерстью из Вифании близ Иерусалима;

Наум, его собеседник, житель Иерусалима;

Толпа на берегу Иордана;

Иоанн Креститель и назорей.

Место пустынное, до ближайшего селения два дня пути. Толпа приготовилась к крещению и ждет указаний от Иоанна. Двое уже оделись и стоят в сторонке, сохнут, наблюдая за происходящим. Их имена: Наум и Ефрем. Подходит назорей с длинными волосами и нестриженой бородой, становится рядом с народом. Иоанн подзывает его.

– Ефрем, глянь-ка, назорей пришёл. Ты его знаешь?

– Нет.

– Иоанн с ним разговаривает.

– Угу.

– Кажется, назорей просит его крестить. Вот так да-а!

– А что такого?

– Назорей свят по закону. Как же он может креститься в покаяние? Это он должен крестить! Назорей перед Богом как первосвященник. Так книжники говорят.

– Как это?

Наум посмотрел на собеседника с удивлением:

– Да так. Обет назорейства – это обет не пить вина и… ну ещё там… не стричься. Но главное… В общем, фарисеи говорят — это священство, только добровольное. Давай посмотрим, чем всё закончится.

– Смотри-ка, да они спорят.

Иоанн отказывается его крестить, а назорей явно не хочет уходить.

Ефрем цокает языком:

– А ты прав, брат Наум. Иоанн не может принять покаяние от того, кто свят.

Наконец спор окончен, и Иоанн, к удивлению собеседников, допускает назорея. Толпа входит в Иордан. Назорей тоже вошёл.

– Смотри, Ефрем, а Иоанн таки крестит его. Не пойму, в чём безгрешный кается? Он таки назорей или нет?

– Ух ты, смотри-ка, смотри. Видишь голубя – над ним порхает. Сел на него. Это Божий знак!

– Ага, у тебя повсюду знаки. Ты и жену по знаку выбрал, и что?

– Толпа выходит из воды. Ты видишь назорея?

– Нет, он… он где-то затерялся. Пойдём ближе, посмотрим.

Подходят. Наум обращается к крещёным:

– Шалом. Вы не видели, куда назорей исчез?

Из толпы:

– Нет. Кажется, он ушёл сразу.

Эпизод 2. Иисус в Капернауме. Иисуса называли «святый Божий», зная, что он назорей.

Через восемь недель в синагоге Капернаума. Посреди синагоги, рядом с возвышением лежит человек, над ним склонился старейшина и ещё двое. В двух-трех шагах от них стоит некто с небритой головой, явно назорей. Человек десять сбились в толпу возле выхода и обсуждают происшедшее, но почти шёпотом. Остальные уже вышли. Говорили в основном Иосиф, державший рыбную лавку, его зять Левий и Иуда из Вифсаиды, привозивший рыбу свежего улова. Он обычно оставался в ночь на субботу на ночлег в Капернауме, в доме у сестры.

Левий говорит возбуждённо и скороговоркой, обращаясь к Иосифу:

– Нет, ты видел? Дядя Авдей подошёл к нему, чтобы обличить, и тут же упал с пеной.

Иосиф отвечает ему медленно, словно подмороженная рыба. Открывает рот и выдыхает почти беззвучно слова:

– Тише ты. Да, я рядом с ними стоял. Авдей слушал его, слушал, а потом и говорит: «Знаю, кто ты! Назорей, святой у Бога? Так зачем же пришёл сюда к нам? Мучить своими речами? Всё, что ты говоришь, никто не в силах исполнить. А мы соблюдаем закон и угождаем Богу». И пошёл на него. А назорей ничего и не делал особенного, только сказал: «Замолчи и выйди из него».

– А ты понял, о чём это он проповедовал? – Иуда тоже говорил шёпотом, поглядывая на назорея. – Кажется, про царство благоденствия, что оно грядёт. Сказал: «Не заботьтесь о дне завтрашнем, делитесь тем, что имеете, любите даже врагов». Чего дядя Авдей к нему прицепился?

– А, видать, заело его. Вишь, мучил его назорей новым учением. Авдей же закон соблюдал – у-ух, – Иосиф взмахнул рукой и ухнул, словно птица сорвалась с ветки. – И себя чуть не цадиком считал. А тут – делитесь!

Назорей вышел, и толпа оживилась. Кто-то из стоящих рядом с Иосифом подал голос:

– Это бес из Авдея вышел. Видели пену? Меня как холодом окатило!

Все живо включились в обсуждение:

– Какой ещё бес?

– Все одно, что боги, что бесы. Для эллинов это все боги, они им кадят и называют по именам.

– Кто этот Авдей, разве он язычник? Разве язычники в синагогу ходят?

– Ты, смотрю, новенький здесь. Из Иудеи? У вас там нет таких? А здесь многие поклоняются богам тайно или когда ездят по торговле к эллинам в Тир или Сидон. Заходят в храмы, кто к Аполлону, кто к Астарте, кто ещё к кому. Приносят дары, выпрашивают успеха. Род неверный.

– И что? Авдей из таких?

Никто не ответил.

Наконец все вышли и стали расходиться. Иосиф с Левием и Иуда остались возле синагоги снаружи. Иосиф кивнул в сторону назорея:

– Говорит, царство Божие приблизилось. Покайтесь и веруйте в эту благую весть. То же, что и Иоанн проповедовал.

– А я вот не вижу его, царство это. Назорея крестил Иоанн, говорят. От кого крестился, от того и научился, значит, и последует за ним. Начинают всегда с проповеди, а потом – бунт и тюрьма.

– Иоанн не бунтовщик был. Но его уже взяли, сидит в Махероне.

– Все говорят, что Иоанн – пророк. А ведь казнят его, как Иуду из Гамалы! Да?

– Да. И за Иудой тогда много народу пошло. Он Израиль объявил царством Бога. Так римляне не стерпели такого царя, который на небе и не кесарем назначен.

Трое увлеклись разговором и не видели, как поодаль, где стоял теперь назорей, собрались любопытствующие. Иуда опять спросил про учение:

– Иосиф, так назорей в каком смысле учит, что царство Бога приблизилось? Это как Иуда из Гамлы проповедовал?

– Да нет, кажется. Назорей говорит, что царство внутри нас.

– Странно как-то… Как же оно приблизилось? Что внутри, у меня всегда с собой, кроме того, что… входит и выходит. Гы-ы.

– Пророки всегда говорили про новый завет и что Бог напишет закон в сердце, а не на каменных скрижалях. Я так понимаю, что царство – это там, где законы царя действуют и исполняются. Если внутри себя исполняешь закон, а не снаружи, для притворства, то царство уже внутри.

– Хочешь сказать, жить по совести? Это как-то смутно всё… – Левий почесал затылок.

– Скажи, Левий, ты всегда знаешь, как поступить по закону? Или спрашиваешь у фарисея, чтоб растолковал, что в законе написано?

– Бывает.

– Вот, то-то. А будет просто – внутрь посмотрел, а тебе ответ: поступай так-то и так. Как это сбудется, и будем так жить – вот тебе и царство Божие. Тогда оно и внутри, и снаружи будет. Если все так будут жить. А пока только приблизилось. И то не для всех. Я так разумею.

– Толково. У него услышал?

– Понятно – от него. Не от рыбы же в лавке.

Из синагоги давно все вышли, кроме Авдея и старейшины. Наконец Авдей пришёл в себя и появился в дверях, оглядываясь по сторонам и щурясь от солнца. Подошёл к назорею и протянул руку. Они говорили.

Иуда прервал молчание:

– Смотри, а Авдей-то присмирел. На пользу ему пошло. А то чуть что, так он первый в драку. И горластый был очень, глаза навыкате.

Назорей в сопровождении Симона и ещё нескольких рыбаков пошёл по главной улице.

Левий – вниз по дороге. Пройдя немного, обернулся к Иуде и Иосифу:

– Пойдём за ним. Видите, они в дом Симона пошли. У Симона там тёща, который день в горячке, если не померла.

Назорей с Симоном, Андреем и ещё человек пять вошли в дом.

– Ага, шумят. Тёща, кажется, встала. Никак, он чудотворец – даром, что ли, обет принял? А я до него назореев-то не видал. Он откуда и как его зовут? Иуда, что молчишь?

– Зовут Иисусом. Сам, по слухам, из Назарета. Мать у него там и братья, а отец умер. Иосифом звали. У меня родственница из тех мест.

– И что там?

– Да я и расспросить-то не успел. Говорит, ничего особенного, обычный плотник. Только он ещё обет назорейства принял. А ещё недавно ходил в Иудею на Иордан, к Иоанну, крестился от него. Вот

только вернулся, и из Назарета – сразу в Капернаум. Здесь у него теперь несколько учеников: братья Зеведеевы и Симон с Андреем.

Постепенно народ расходился. Назорей остался в доме Симона.

Иуда отправился к сестре, Иосиф с Левием пошли домой. По дороге зашли в лавку, посмотреть, всё ли в порядке. Придя домой, услышали, как женщины громко и быстро что-то говорят, явно не слушая друг друга. Громче всех был голос Сары, жены Левия. Когда мужчины вошли, все мигом смолкли, как по команде. И после паузы Сара затараторила с той же громкостью и скоростью, обращаясь к мужу и свекру одновременно, не разделяя речь на смысловые отрезки:

– Я была у соседки. Вы слышали, что у нас творится? Появился назорей, родственник рыбаков с Базарной. Он исцелил у них тёщу. Из Авдея бес вышел. Я с Заной собираюсь к ним после захода солнца. Они никак маленького не зачнут. У меня суставы ломит. Гила с нами идёт, у неё…

Иосиф и Левий, одновременно*:*

– Да замолчи ты!

Сара замолчала.

Левий, спокойно:

– Ладно, иди, потом расскажешь.

II

ЕГО ВОРОБЕЙШЕСТВО

Из дневника С. А.

Хожу взад-вперёд перед входом в монастырь. Зубы стучат.

Вспомнился культовый сериал «Игра престолов» с так и неразгаданным до конца церковным иерархом Его Воробейшеством.

Был ли он искренним бессребреником, готовым умереть за веру, или циничным интриганом и властолюбцем? Ответа нет, потому что результат был бы одинаковым в обоих случаях. Публика к такому не привыкла, ей хочется ясности. Но историческая суть теократии и власти папы была передана гениально точно и кратко. Хорошая работа.

За такие… Столько денег! С такими деньжищами можно и чёрта представить ангелом и заставить его петь Ave Maria. В голове закрутилась рифма на мотив из старого советского мультика про бременских музыкантов:

– Воробей, не робей,

Дай мне денюшку скорей.

– Эй, где стража? Готовь пушку.

Если видишь вора, бей.

Взять его на мушку.

Нужно быть осторожней. Его Воробейшества устроены одинаково – узрят во мне своим прозорливым оком растратчика и еретика и прибьют, моргнуть не успеешь.

11.30.

– Ваше Святейшество, благословите. Ваше Святейшество, разрешите представить Вам восходящую звезду российского кинематографа Сергея Арта…моновича Левого.

– Левий, Сергей Афанасьевич, Ваше Святейшество.

– Да-да, Бог благословит.

– Я хотел спро…

– Постишься? Вот тебе шоколадка от меня, чёрный плиточный шоколад, не скоромный. Постись, детка, постись – это и телу, и душе вспомоществование. Как молодёжь? Постится? Ну, хорошо, хорошо. Да, вот фильм сняли наши братья. Они заблудшие, а фильм хороший, заряжает очень. Фильм Гибсона «Страсти Христовы» смотрел? Нет? А

зря! Посмотри. Без духа всё приходит в спокойствие, затухает. Нам нужен новый взгляд, свежий, нам огонь нужен. Нужно молодёжь встрепенуть, обратить их взор к небу, от гаджетов оторвать их нужно. Берёшься?

– Да-а я-я, как-то…

– Ну вот и молодец. Бог благословит.

Прошла неделя. Я и Маргарита дома. Маргарита собралась на работу, я ещё в постели:

– Мне приснился странный сон.

Куда делся телефон?

Маргарита:

– Он у тебя под подушкой

кудахчет, как несушка.

Держи, тебе смс-ка из Сбера.

Кота накормит баба Вера.

Ухожу, не забудь, цветы полей.

Я:

– Хм, здесь, кажется, пара лишних нулей.

В тот же день вечером, после работы. Маргарита занята на кухне, я в домашних тапочках и халате:

– У нас Библия в доме есть?

– Господи! Ты услышал меня! Прозрел, зайчик мой прозрел.

– Да нет же, прости, Марочка. Мне Библия – для работы. О, какая габаритная, – я даже крякнул, принимая от жены тяжёлую, красиво изданную Библию в кожаном перелёте и серебряном окладе. – Спасибо. С такой толстухой мне бы только сладить, мы с ней что-то обязательно родим.

– Там ничего нового для тебя – Тора и книги ваших пророков, и Новый завет в конце. С первой частью ты же с детства знаком? От бабушки. Не притворяйся, что у тебя намечается увлечение прекрасной незнакомкой.

– Да это были детские бабушкины сказки, я и не помню их все. А здесь такой объём.

– Да? А сколько с ней, с этой, как ты сказал, толстухой ты вечеров в постели провёл? Забыл? И, кстати, предпочитал её мне, а потом объявил себя агностиком и задвинул куда-то. Ты хочешь и со мной теперь так?

Маргарита надула губки.

– Прости, Марочка, нет времени. Я пойду, полистаю.

– Ладно, тогда читай с конца. Туда ты никогда не дочитывал. Но не допоздна.

Маргарита колыхнула формами и поплыла в спальню.

Глава 3

Спор о любви

Материалы сценария.

Карандашом надписано:

Эпизод 1. Спор о любви. Синоптики (Матфей, Марк, Лука) против Иоанна.

А я говорю вам: любите врагов ваших. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? (Матфей).

Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за любящих (φίλων) вас [друзей своих – синод.]

(Иоанн).

Площадь Капернаума. Несколько пожилых евреев стоят возле лавок с товарами и беседуют. В отдалении, у рыбацких лодок на берегу озера шумит толпа.

– Слышал, Еремия? В городе только и говорят о назорее. Один исцелённый, Захаром назвался, якобы был прокажённым. Он из Кесарии.

– И что с ним?

– Да он здоровый, только в лохмотьях. Иисус его едва коснулся…

– Так нельзя же, он нечистый, – Еремия был совсем стар, но едва не подпрыгнул. – Где закон? Где закон?

– Ну что ты руками машешь? Как гусь… А если он сразу очистился? Тогда что? Иисус коснулся ещё прокажённого или уже чистого? А-а?

– Это к учителям, это не к нам. У книжников спрашивай…

Еремия только рукой махнул и дальше молчал. Остальные продолжали судачить:

– Да что вы комаров отцеживаете? Захар сам его умолял: если любишь, говорит, имеешь силу меня очистить. А любовь выше всех правил – так назорей учит.

В этом месте С. А. поставил пометку карандашом: *(в синод. Εαν Θέλῃς – переведено с греческого, как «если хочешь», а не «если любишь»).*

– Любовь, любовь… Как будто любовь даст силу. Да и как любить всякого встречного да поперечного. Кто он Иисусу? Чудо Бог сотворил! Захотел и сотворил, и всё!

– Бог! Но за любовь Иисуса и по вере этого несчастного.

– Да просто дар у назорея – исцелять, вот и всё. При чём тут любовь? И вера?

– Целителей у нас много, и от горячки лечат, и от иной какой хвори…

Говорили все почти одновременно, так что и разобрать было нельзя, кто что сказал.

– Да, лекарей много. Но чтобы от проказы исцеляли – я такое только от стариков слышал, да в синагоге из закона о том читали.

– А деньги берёт?

– Нет! Он проповедник. Или пророк. Но учение у него странное.

Видно было, что эти слова всех заинтересовали. Группа сразу окружила говорившего, которого звали Саввой.

– И что за учение? Опять против римлян?

Савва приосанился. Он явно был склонен поговорить о серьёзных вещах:

– Вот раввины говорят, что нужно любить своих, ближних – то есть родственников, друзей, и вообще всех, кто верит в единого Бога… э-э, всех евреев, то есть, братьев наших, – подвёл черту Савва.

– Так мы… как большая семья. От отца Авраама ещё. Так и есть, что не так?

Савва дал рукой знак помолчать и продолжил:

– Нас как узнают среди эллинов и персов и даже египтян? По тому узнают, что имеем любовь меж собой. Где ни находимся, еврей еврею помогает. Да у нас высшее благо душу положить за друга. Мне мой ребе Рашаба так и говорил: «*Нет больше той любви,* Савва, *как если кто положит душу свою за друзей своих».* А Иисус знаешь, чему учит?

– Чему?

– А что ближний – это любой, кто рядом и кому сейчас нужна помощь. Хоть враг Бога, хоть Израиля, самарянин любой. Любите, говорит, врагов, а не только друзей. Любить тех, кто вас любит, легко, говорит. Таким путём все идут, и язычники. А дорога в царство Божье узкая, нужно быть праведнее фарисеев. Вот его учение. Умереть за такого

ближнего, это как? Неужто я пойду умирать за самарянина? – Савва стоял, приосанившись и торжественно уперев руки в поясницу.

– Я больше тебе скажу. Я и за тёщу не пойду умирать, хотя она истинная еврейка. Но она мне не друг, а враг. За благодетеля моего, Иуду из Магдалы, я бы пошёл на смерть. Он меня от кабалы выручил, век ему буду благодарен.

В этом месте надписано карандашом:

Эпизод 2. Грешники. Про Христа говорили, что он ест с мытарями и грешниками (Марк). По Иоанну этого нет.

Как показать грешника, если делать кино? У него что же, на лбу написано? Мытарей вот все знали в лицо, а как отличали грешников?

Если он виновен в чём-нибудь из сих и исповедается, в чём он согрешил, то пусть принесёт Господу за грех свой, которым он согрешил, жертву повинности из мелкого скота, овцу или козу, за грех, и очистит его священник от греха его (Левит).

В сторону моря через площадь прошло ещё несколько человек. Один из беседующих, Анания, бодрого вида старик, махнул рукой в сторону проходящих:

– Вот скажите мне вы, убелённые сединой. Этот Иосия, сколько его помню, ни разу не ходил в Иерусалим на праздник. Что, у него нет грехов? Так он хоть одну жертву за грех принёс за последние семь лет? Нет. Он грешник. Грешник закоренелый. И таких сколько? Да половина у нас здесь. Так они все там на берегу: и мытари, и блудницы, и грешники. А некоторые и одежды эллинские не стыдятся носить, чтоб уж точно все знали, что они грешники.

– Ты прав, Анания. И как же назорей может с ними хлеб преломлять?

– Как? Так он говорит, что они впереди фарисеев идут в царство Божие. Что это? Воистину, мне его не понять.

– Ага, трудно, да-а… Вот сказано же: если согрешил, принеси жертву. Да хоть голубей. И тогда все видят, что Бог простил тебя. Ещё согрешишь, так ещё пойди, принеси жертву. А Иисус что? Говорит – жертвы бесполезны. Что пользы, если все теперь тебя считают цадиком, а ты внутри не переменился и не отрёкся греха? А если покаялся, ну-у… там, примирился с братом, то можешь принести жертву. Ну и как я теперь буду отличать добропорядочного иудея? Никак.

Еремия опять возбудился и замахал руками:

– И где закон? Где за-ко-он!?

– А он сам-то жертву принесёт, когда окончит обет?

– Так ему, поди ж ты, не из чего за жертву заплатить. Нищий он. Таких много. Если только кто за него принесёт, тогда острижётся.

Надпись карандашом.

Эпизод 3. Сын человеческий. В синоптических Евангелиях Иисус называл себя сыном человеческим и ни разу не назвал сам себя Сыном Божиим, а у Иоанна постоянно. В чём разница?

Далее зачёркнут целый абзац.

От толпы возле моря отделились две фигуры и направились к дому Симона. Один из беседующих показал на идущих:

– Кажется, Симон с братом. Иисус их сам избрал и ещё нескольких. Они не из тех, кто пришли исцеляться – идейные они, ходят за назореем, слушают его, учителем зовут.

– Ну да, эти двое и ещё сыновья Зеведея. По слову его пошли за ним, когда никто не знал, что он исцеляет. Сейчас-то вон сколько народу вокруг него. Но они после чудес пришли.

На берегу раздались крики, и видно было, как толпа расступилась, образовав круг.

– Пойдём ближе, посмотрим.

Беседующие подошли ближе. В центре на земле лежал приличного вида человек лет сорока. На бороде и в углах рта виднелась пена, глаза двигались из стороны в сторону. Анания спросил:

– Кто это?

– Тувия из Магдалы.

– А что это с ним?

Собеседник повернулся к Анании:

– А тебе зачем?

– Я живу здесь. Имя моё Анания. А ты кто?

– Я Калев.

– Скажи, Калев, что с ним случилось?

Калев вышел из круга и встал ближе к подошедшим.

– Я знаю этого Тувию. Он еврей, но друг эллинам. Они в новолуние едят грибы и скачут на горе.

– На горе?

– Да, перед идолами – танцуют, в транс впадают, беснуются. Всякие там ритуалы у них, ножами колются, как в древности. И ещё считают себя пророками, как Иезавель. Она у них в почете – на небе как будто теперь она, в небесных обителях.

– А зачем он к назарею пришёл?

– Они ждут мессию, но думают, что он родится от Всевышнего и девы, как якобы их Ваал или там Гермес какой-нибудь. Духом сойдёт с неба и воплотится.

Анания затряс головой, явно начиная злиться:

– Ничего не понимаю. Объясни толком, при чём здесь мессия.

– Так Тувия и те, кто с ним, считают Иисуса сыном бога. Он подошел к назорею, словно бы в трансе, и говорит ему: «Знаю, кто ты, сын Бога Всевышнего».

– А тот что?

– А назорей ему: «Выйди из него вон». Тувия тут же и упал с пеной и затрясся. А теперь вот лежит, как мёртвый.

– Подожди, Калев. Запутал ты меня. Сам назорей себя кем считает?

– Откуда мне знать то? Но он им отвечает всегда: «Я сын человеческий».

– И где он сейчас?

– Да в лодке он, у берега. Слышишь, проповедует? Ему здесь и встать негде, задавят.

Подойти ближе к назорею было невозможно. Толпа, многие в лохмотьях, стар и млад, стояли плотным кольцом вокруг невидимого проповедника. Постояв ещё немного, Анания, Еремия и те, кто с ними, пошли по домам, обсуждая виденное.

III

ЗАЧЕМ РАВВИНУ РУССКАЯ РАВНИНА?

Из записок. Израиль. Лето.

Зачем равви́ну

Русская равнина?

Раввин любит Хайфу, Цват и Раана́ну.

Родина предков. Здесь жарко! Очень! Но при том спокойно и легко дышится.

Не могу пока разобраться с географией. Иисус встретился с Иоанном и учениками в Вифаваре, близ Иордана. Так в Евангелии от Иоанна. Но как он за день добрался до Каны Галилейской? По 65-му шоссе, потом по 71-му получается километров 150. Я «долетел» часа за два с

половиной. Пешком по горам, по петляющей дороге, думаю, даже для хороших ходоков – неделя пути.

Здесь, в Израиле, иной раз непонятно, кого больше – туристов или местных. У всех, кто приезжает, голова немного набекрень – в поездках все религиозны. Таковы ли они дома, когда заколачивают деньги?

В отеле познакомился с русским физиком из Базеля, профессором. Надеялся найти трезвого собеседника среди экстатических маньяков, а он оказался креационистом и ни о чём другом говорить не мог. Он один из тех, у кого особенно ярко проявлено содружество в одном черепе совершенно несовместимых взглядов. И он не испытывает от этого никакого дискомфорта! Меня всегда поражали такие люди. Итак, он втянул и меня в эту бесплодную дискуссию о сотворении мира и человека. Впрочем, не совсем бесплодную. Звали его Альберт.

Решил записать разговор в общих чертах.

После традиционной для этой темы перетасовки археологических, геологических и прочих научных и ненаучных фактов и их интерпретации разговор возвратился к началу, то есть к Библии:

– Альберт, послушай. Я хорошо знаком со всей этой аргументацией и некогда даже старался удержаться на вашей стороне. А ты не пробовал, забыв все догматы, прочитать первоисточник?

– Какой первоисточник?

– Библию, Библию. Там образный язык – он понятен из разных культур и эпох. Там Бог говорит: *Да произрастит земля зелень, да произведёт земля душу живую*. Не сам он, а земля, как соавтор. А разве не это мы наблюдаем в эволюции? Совсем не так, как писал Василий Великий в своём знаменитом Шестодневе – в мгновение ока. Мол, земля произвела живое, как мыши, по его мнению, рождаются из пыли. Весь креационизм родился из этой пыли Василия, из той эпохи невежества. Не в укор ему. Но Бог не факир, ему эффекты не нужны.

– Но там же прямо написано – всё сотворил Бог в шесть дней.

– Это не в обычном смысле дни, они начались ещё до создания светил, если помнишь. Потому так и сказано: назвал Бог свет днём, а тьму ночью. Когда есть свет, всё видно. «Видно» – это, прежде всего, относится к видению ума. До сотворения живого ни одному наблюдателю, ангелу, скажем, если ты в них веришь, в голову бы не пришло, что молекулы можно так сложить, что из них родится жизнь. Нельзя помыслить то, чего нет. Этого слоя реальности ещё не было, жизни не было. Её появление – дар Бога, чудо.

– А вот с этим я полностью согласен.

– Не спеши радоваться, Альберт. После чуда земля рождает всё многообразие жизни эволюцией - не только борьбой за существование по-дарвиновски, а разными путями. Так вот, рождение жизни – это свет, который открывает бесплотным умам Творца. Почему? Потому что всему воинству небесному стало после сотворения жизни очевидно, что Бог есть. Они увидели его умом, в умном свете: Бог есть! Это день. А эволюция прячет затем акт творения покрывалом из естественных процессов и делает его невидимым. Это уже ночь. И так раз за разом.

– Но разве умные силы не лицезрят Бога всегда?

– Бог для них так же невидим, как и для нас. Он достигается верой, когда ночь. А днём всем видно, что мироздание, жизнь, человек – всё это создано Богом. Только в этом смысле они его лицезрят. Мы тоже предстоим пред лицем Божиим, но вы понимаете, надеюсь, что это не буквально.

– С этим я соглашусь. Но почему же наступает ночь? – нужно отметить, что Альберту поначалу понравилось объяснение шести дней и ночей в Книге Бытия. Как учёный, он привык рассматривать разные гипотезы и не отметать их с порога.

– Любое чудо со временем становится обыденным и объяснимым, день проходит, наступают сумерки, а потом и темнота. В наше время, например, большинство, как Лаплас, не нуждается в гипотезе Бога. Это ночь. Так повторялось несколько раз, когда умные силы колебались в вере. Они смотрели на мир и не видели дел Творца.

– Да, было падение среди умных сил: треть из них увлёк дьявол.

– Им казалось, что их же предыдущие восторги – от невежества, а всё мироздание объяснимо и без Бога. Это ночь. И вот опять новый день, появление разумного существа из праха, из всё той же земли, преобразованной эволюцией, поколение за поколением в нечто, достойное стать человеком.

– Опять. Но ты же сам сказал, что творение разума – это чудо, свет Творца. Разве нет?

– Верно. Но сосуд создан эволюцией. Homo sapiens сам по себе неразумен, как отдельный индивид он – животное. Умное, но всё-таки животное. Возьми ребёнка, брось его в лесу… Кто вырастет? Волчонок? Значит, разум изначально обретается где-то вне биологической машины? В ребёнка разум попадает извне, так? Кто его создал, этот разум, и где он хранится?

Альберт потрепал Библию в мягком переплёте, которую он всегда носил с собой, по крайней мере здесь, в Израиле, и сказал:

– Пожалуй, соглашусь. Разумное мышление, культура и знания – сначала в маме с папой, в книгах, в языке, во всем обществе. Но как это возникло? Я имею в виду, как получилось, что разум обобществлён? В одном отдельном существе, в Homo sapiens – ум животного. Это так, я согласен. А когда мы едины, то вместе имеем разум, который затем проникает и в каждого из нас, становится неотделим от каждого. Так?

– Вот-вот, курица или яйцо. А теперь представь, что живописи не было и художник впервые в мире написал картину, да ещё прекрасную. Кого бы это не потрясло? И кто бы мог подумать, что можно отражать великолепный мир на холсте? Но, рассмотрев кисти, краску, движение руки, наносящей мазок, кто-то подумает, что в этом нет ничего невероятного. Хотя до появления живописи о ней нельзя было и помыслить. Так и с разумом, отражающим мир. Задним числом наука может объяснить, как мёртвая материя соединяется в нечто совершенно новое, что мы называем жизнью. Она видит последовательность событий, причин и следствий, приведших к

жизни, а потом и к разуму, но не хочет видеть руку Творца. Она не понимает всю невозможность придумать несуществующее. Особенно свободный разум, восседающий на материи, законах, причинах и следствиях, – на том, что детерминировано и не имеет свободы.

– Почему нельзя? Я могу придумать всё.

– Все? Попробуй придумать хоть что-то, что не состоит из известных понятий и вещей. Ум этого не умеет. Он только открывает то, что уже есть, и комбинирует.

– Какого чёрта! А компьютер?

– Комбинация существующего… Хотя оригинальная. Человек ведь образ Творца. Человек может творить из существующего. И подражать. Робот – плохое подражание живого, компьютер – разума. Но что за чудо – первый разум из материи, из атомов! Даже представить его было невозможно до того, как он появился.

– Согласен, согласен. Я возражал и себе тоже, скорее, чтоб утвердиться… – Альберт привстал. Ему нравилась наша беседа.

Я продолжил:

– Разумная материя! Материя в руках Творца приобретает любые формы, но мы не видим Его работы. Мы видим цепочки причин и следствий и не понимаем, что материя движется к цели, указанной Творцом. Разве может червь, копающийся в глине, представить и поверить, что из глины можно сотворить прекрасный сосуд, а из земли – цветок?

Альберт задумался. Видна была внутренняя борьба.

– Нет! Нет! Эволюция исключена! Я, конечно, согласен с тем, что был замысел творения, его цель… и даже, что материя движется к цели. Но к цели, указанной Богом. Она просто движется… без создания новых форм.

– Так думали саддукеи. В том-то и дело, Альберт, что начальные условия и законы не жёстко определяют конечную точку: есть ещё неопределённость. Поэтому материя пластична и подчиняется духу.

Сначала Бог ставил цели земле, указывая, что ей произвести, – ты сам читал об этом в книге Бытия, – и эволюция подготовила форму, способную стать разумной. Вдохнув в неё дух, Бог создал человека и задумал подчинить вселенную ему, как и сказано в восьмом псалме, а Сам почил от дел. Человек научился в раю менять вселенную, возделывать сад, ставить цели самостоятельно и достигать их.

– Эволюция? Комары там всякие, паразиты… Бр-р-р… Откуда они? Это замысел? Это цель? Нет, это ошибки, следствие греха… Так что… Если есть законы, то как достигнуть цель, стоящую в стороне от цепочки причин и следствий? Тем более, если цель ставит человек? Кто он такой? А эволюция вообще не имеет цели! Она неразумна. Какая у эволюции цель? Эволюция – это движение к хаосу. Траектория движения материи задана законами и не обязательно ведёт к цели. Так что… Мы возвращаемся к акту творения. Все цели были достигнуты одномоментно – актом творения. Вернее, дней творения шесть. Но никакой эволюции!

– Тебе не нравятся комары, паразиты, хищники, смерть, страх? Мне тоже. Но человек пал, и земля покатилась без цели, как мы и видим её сейчас, – она произвела волчцы и плевелы, гнус, болота, а затем пустыни, потеряла разнообразие видов.

Альберт задумался, и мне показалось, что он опять поколебался и был готов отступить от жёсткого креационизма. Но я ошибался. Спор ещё некоторое время возгорался и затухал.

– Появление человека – это новый день, это свет, в котором видно Творца, – сказал я, подводя черту под темой сотворения человека. – Без Творца не могло возникнуть то, чего нет и что невозможно представить. И опять вечер и опять ночь. Это уже то, что мы видим. А будущий день ещё не настал. Это день творения новой вселенной, нового неба и новой земли. Таковы поэзия и образы книги Бытия.

Альберт яростно спорил с тем, что материя участвовала в творении, меняясь эволюционно. Я здесь не привожу его доводы, они из набора всем известных. Потом мы перешли к теме жизни вообще, и Альберт спросил:

– До человека была сотворена просто жизнь. Чем, по-твоему, животные или растения отличаются от камней?

– Раньше спорили об этом, писали. Но так ни к чему, кажется, не пришли. Пригожин придумал порядок из хаоса. Помнишь такую модель – брюсселятор? В потоке свободной энергии, в процессе увеличении энтропии, случайно образуются структуры, которые сопрягают этот процесс с противоположным, но меньшим по энергии. Они уменьшают энтропию внутри за счёт увеличения снаружи и так поддерживают свои структуры, которые растут и выживают, конкурируя между собой. Ну и вообще – ещё много есть у Пригожина в этом духе. Это ты должен знать.

– Всё это как-то… Я бы сказал, натянуто. В смысле приложения к жизни. Конечно, это неплохое описание, но…

– Я того же мнения. Мы интуитивно различаем живое от неживого. Законы живого не вывести из молекул. Так же как законы макромира – из квантового мира. Эти слои материи разделены разными характерными временами, разной скоростью процессов, и потому между ними есть разрыв причинности – сингулярность своего рода.

– Ну-у… Так ты сам креационист – правда, своеобразный. Жизнь – это дар Творца, это так!

– Именно так. И главное свойство животной жизни, которое мы можем ухватить и описать, – это способность отражать внешнее, то есть создавать образ внешнего в своей внутренней структуре и формировать реакцию, рефлекс на внешнее, на раздражитель с помощью этого образа. Живые структуры рождают внутренний закон, алгоритм, определяющий индивидуальный ответ, а не просто подчиняются общему закону, как весь физический мир. Это главное, что отличает живое от неживого. Живое стремится стать свободным от внешнего принуждения, от закона природы, создавая свой индивидуальный внутренний закон.

– Но и нейросети построены на самообучении и формировании индивидуальной реакции.

– Да, именно. Это подражание живому, но в очень узком диапазоне реакций. А жизнь – это тотальное формирование индивидуальной реакции, во всех аспектах. Это свойство даже отдельной клетки, амёбы какой-нибудь. Она учится отползать от опасности, размножаться, когда нужно, сжиматься, экспрессировать разные наборы белков, запасать энергию и прочее-прочее. Живое в ходе развития научилось формировать индивидуальные реакции и тотально заполнило этим свойством всё, где это даёт преимущество выжить.

– Опять…

– В неживой материи законы общие, универсальные, не отличающиеся от объекта к объекту. А живой организм – это субъект, подобный целой вселенной. Он создаёт для себя внутренний закон, рефлекс – на основе индивидуального опыта взаимодействия со средой и для ответа на все возможные внешние воздействия.

Ещё в бытность молодым ученым я любил читать Библию. Ещё тогда меня удивляло, сколько открытий приносит просто внимательное чтение. Я никогда не любил держать в моей голове взаимоисключающие идеи, считая их одновременно истинными. Наука отдельно, Библия отдельно – это не для меня.

Мы ещё некоторое время посидели. Я выговорился и настроился теперь слушать, но Альберт всё больше молчал, наконец совсем насупился, и вскоре мы разошлись по номерам.

Глава 4

Кто ангел Завета?

Материалы сценария.

Надписано карандашом:

Вопрос, кто назван в Евангелии ангелом (посланником) завета: Иисус или Иоанн

Креститель? Посланник заключает завет… Кто ещё? Значит, Иисус! Почему говорят про Иоанна?

Эпизод 1. Ангел (ἄγγελος греч.– посланик, вестник) Завета. В синодальном переводе Евангелия стоит «ангел», а у Малахии на иврите – «посланник».

Начало Евангелия (благой вести) Иисуса Христа, сына Божия, как написано у пророков: вот, я посылаю ангела (посланника) моего пред лицем твоим, который приготовит путь твой пред тобою (Марк).

Вот, я посылаю посланника моего, и он приготовит путь предо мною, и внезапно придёт в храм Свой Господь, которого вы ищете, и посланник завета, которого вы желаете; вот, он идёт, говорит Господь Саваоф (пророк Малахия).

Капернаум. Во дворе синагоги в субботу после молитвы. Беседуют Наум и Миха.

– Шалом, брат Наум. О-о, сегодня даже калеки приползли. Давно не видел такого рвения к молитве.

– Шалом, Миха. Здорова ли невестка твоя? Жена моя справлялась о ней.

– Да, слава Всемогущему, горячка прошла у неё. Смотри-ка, сколько народу на Иисуса пришли посмотреть и послушать. Но больше всего – за исцелением.

– А-а. А о чём спорят?

– Назар, главный из фарисеев, речь держал. Выражал сомнения об Иисусе. Ну, они – мужи учёные, знают поболее нас.

– И что сказал?

– Говорит, странно всё. Исцеляет, а субботу нарушает. С мытарями и эллинистами трапезничает. А они на праздники не ходят в Иерусалим и жертвы не приносят. Грешники, одним словом. А ещё паралитика

исцелил, но притом заявил: прощаются тебе грехи. Много на себя берёт.

– А что ещё говорят?

– Говорят, выглядит всё так, будто бы Бог с ним, но при том он нарушает закон, так что наши мудрецы никак не разберутся. Вот, пришли посмотреть, не исцелит ли в субботу. В прошлый раз калеки все к темноте только собрались к дому Симона, по окончании субботы, а теперь уже и не дожидаются. При свете приходят. Так дело пойдёт, о законе скоро и не вспомнят. Старейшины волнуются.

– Ну так, если исцеляет, значит, и Бог с ним?

– Вроде так. А закон нарушает. В том и вопрос.

К говорившим присоединился Анания:

– Люди говорят, что он из одной блудницы семь раз изгонял бесов. Изгонит, а она опять к нему: «Я знаю, кто ты. Ты сын бога». Он ей запрещает, она падает с пеной, а на следующий день всё снова.

– Да, знаю её. С ней ещё несколько человек пришли, родственники.

– Она блудница, с эллинами жила. Они богатые, дарили ей много чего и божков своих. Она назорея одним из них почитала, пока он не выгнал из неё эту мерзость эллинскую. Теперь вот присмирела, ходит за ним везде.

Еремия подошёл позже других и пока стоял молча. Это была его любимая тема последнее время – обсуждать дела назорея. Поняв, о чём речь, он присоединился к разговору:

– Таких к нему часто приводят. Это они у эллинов научились.

– Говорят, они едят что-то, чтобы дух в них входил, потом падают на землю и трясутся. А некоторые скачут с бубнами и потом лежат как мёртвые. Получают, будто бы, откровения от своих богов. И на могилах спят, чтобы мёртвые им открыли будущее.

– Ага. Я тут видел одного, – поддержал Еремию ещё один местный, вышедший из синагоги. – Его привели аж из Кесарии. Он часто впадает

в трясучку. Его подвели к Иисусу, так он задергался так, будто назорей его главное божество. Пока Иисус не приказал ему умолкнуть, всё кричал: «Сын божий, сын божий».

– Для них всё, кто творит чудеса, либо боги, сошедшие с небес на землю, либо сыны божии.

Кружок беседовавших увеличился, но говорили больше Анания с Еремией, остальные вставляли реплики. Солнце припекало, начали расходиться. Анания и Еремия жили рядом и пошли вместе, продолжая разговор:

– Вот и говорят, что он силой дьявола исцеляет. А нет разве? – Анании хотелось подзадорить собеседника.

– Ты что? Знаешь, что он бесноватым отвечает, когда они падают перед ним?

Еремия изогнулся и проблеял мерзким голосом, подражая бесноватым: святый божий, святый божий.

– Ну?

– Я, говорит, сын человеческий. Это чтобы никто не подумал, что он согласен с ними. Его фарисеи обвиняли: мол, ты заодно с одержимыми. Но потом замолкли. Все уж знают, что для Иисуса нет Бога, кроме Бога Авраама. Он называет его Отцом нашим небесным.

Анания остановился:

– А почему так называет? Мы – рабы Божии, а не дети. Сыны Божии – это ангелы.

– А ещё Соломон или Давид… Про них сказано, что Бог им Отец. И… кажется, до потопа потомков Сифа звали сыновьями Божьими, – Еремей явно помнил Писание лучше соседа.

– Э-э, – только и смог сказать Анания.

– А ты помнишь, у нас книжник был из Иерусалима. Он приходил послушать Иисуса. Как же его звали, забыл…

– Иосиф, кажется. А что?

– Да, Иосиф. Я спрашивал у него про это. Он всю Тору и пророков знает. И знаешь, что он мне ответил?

– И что?

– Он мне из пророка Малахии прочёл. Сейчас вспомню… я специально заучил, слушай: *Не один ли у всех нас Отец? Не один ли Бог сотворил нас? Почему же мы вероломно поступаем друг против друга, нарушая тем завет отцов наших?* Так вот, Анания: Бог – Отец всем нам.

– Значит, Иисус говорит как пророк? Так он пророк?

– Ну, да. Напоминает то, что мы стали забывать. Бог – Отец наш.

Помолчали. Еремия покряхтел и остановился. Дышалось тяжело.

– Мне Иосиф ещё кое-что растолковал из Малахии. У него есть про Машиаха пророчество. И там то же, что и про Моисея в Торе сказано: *Вот, я посылаю посланника моего, и он приготовит путь предо мною, и внезапно придёт в храм свой Господь, которого вы ищете, и посланник завета, которого вы желаете; вот, он идёт, говорит Господь Саваоф.*

– Ты и это запомнил?

– Запомнил, и что?

– А разве это не про Иоанна Крестителя? Про него так все говорят.

– Про него тоже. И Иисус так говорил о нём.

– Я знаю, что Бог обещал через Моисея воздвигнуть из нас пророка, подобного ему, который заключит новый завет. Про такого пророка говорит Малахия? Про ангела завета?

– Да, про него, посланника и помазанника. Но Иоанн отказался, сказал, что не он машиах, что посланник завета не он. Он только послан крестить водой. Ещё говорил, что идёт за ним тот, кто будет крестить духом святым и огнём. У Малахии дальше про ангела завета знаешь, что сказано?

– Что?

– И кто выдержит день пришествия его, и кто устоит, когда он явится? Ибо он – как огонь расплавляющий и как щелок очищающий.

– Так что, Иисус больше подходит, как посланник завета, чем Иоанн? Он будет крестить огнём расплавляющим? Не водой?

– Спроси, что полегче. Он пророк и исцеляет, и Бог чудеса через него творит. Такие чудеса, что, узнав о них, Иоанн посылал к нему учеников спрашивать, он ли тот, кого все ждут?

– Ну?

– Он не сказал прямо. Но и так ясно, что у нас здесь всё закаменело, нет жизни. Иосиф красиво растолковал мне, что перст Божий расплавил камни и написал на них заповеди. Но они застыли, и мы не можем их менять, и держимся буквы. А Иисус словно опять их расплавляет своим учением, как огнём, и пишет на сердце. Мы по-новому понимаем слова Божьи, как будто они другие. Они те же, но понимаются лучше, сердцем.

– Когда ты от него всё это слышал? Почему я это не знаю?

– Иисус часто говорит: имеющие уши, да слышат.

Анания и Ефрем беседовали до перекрестка в конце улицы. Дальше была развилка: Ефрему вверх, а Анании вниз, к морю. Они попрощались и пошли каждый своей дорогой.

IV

Я ПОМОГУ ТЕБЕ РОДИТЬСЯ, МОЯ ПРЕКРАСНАЯ ЖАР-ПТИЦА

Из записок. Израиль.

Я заново открываю для себя Библию. Библия оказалась интересной книгой. Очень интересной! Её легко читать, в ней всё просто, а с

другой стороны, она состоит как бы из множества зеркал, в которых отражается всё во всём. Истории иногда совсем разные, а если присмотреться, то случившееся с человеком повторяется с народом, простые события и образы служат притчей, объяснением и часто пророчеством для великих исторических перемен.

Вот, хотя бы, пример: Иаков возвращается в дом к отцу Исааку после службы Лавану за дочерей, которых взял себе в жёны. Лаван был несправедлив и нещадно использовал Иакова. Бог, благословивший отца и деда Иакова, помог ему разбогатеть и уйти от Лавана. На берегу реки Иавок, за которой его ждали опасности, Иаков ночью боролся то ли с Богом, то ли с ангелом, говорившим от имени Бога, и повредил в борьбе ногу и стал хромать. Бог дал ему имя Израиль, что значит «тот, кто боролся с Богом». Спустя много лет народ, названный его именем, также оказался в рабстве и, выходя из Египта, получил от бывших господ золото во множестве. Но потом народ стал противиться Богу, как их праотец, и также не перешёл Иордан после египетского рабства и многих чудес, испугавшись опасностей. Бог за это водил народ сорок лет в пустыне, а они хромали на обе ноги, поклоняясь другим богам. События с Иаковом оказались пророчеством о народе Израиля. Находить эти отражения, образы одного в другом – увлекательное, надо сказать, занятие, это своего рода интеллектуальная игра. Я думаю, у неё есть фанаты. Но об этом как-нибудь потом.

От Марка – наиболее простое и цельное Евангелие, и первые слова в нём, как в книгах пророков: *Начало благой вести Иисуса Христа, сына Божия,* и дальше там про крещение Иисуса. У Матфея и Луки крещению предшествуют обстоятельства рождения Иисуса. Но от Марка – лежит в основе этих двух. Так говорят библеисты. От Иоанна – стоит отдельно, оно, как считается, самое мистическое и возвышенное. Так что первые три, в отличие от Евангелия Иоанна, назову «рыбацкими» Евангелиями – реальными их авторами, кроме Матфея, были рыбаки, ставшие апостолами. Марк и Лука только собрали и записали их свидетельства.

Читаю Евангелия глазами режиссёра – профессиональная привычка. Чем дальше, тем интереснее. У Иоанна вообще нет ничего о крещении

Иисуса и о его искушении в пустыне. Принципиально! Это не потому, что Иоанну, писавшему позже всех, не было смысла повторяться. Здесь другое – Иоанн спорит с рыбаками о чём-то важном, более важном…

Продолжение.

Зашёл в храм Космы и Дамиана на Покровке. Что меня цепляет, так это пение. Я даже не говорю о византийском, где есть четверть-тона. Это вершина и действует на подкорку. Но и наше многоголосье – как оно берёт за душу! А когда поют верующие, да ещё консерваторские! Не люблю профессиональный церковный хор – лучше, когда поют профессионалы, но по зову сердца.

Ещё раз к Иоанну. Иоанн Богослов считает каждый день от встречи Крестителя с Иисусом. Вот как у него всё описано в первой главе. Приходят фарисеи спрашивать Иоанна Крестителя, почему он крестит. На следующий день Иоанн впервые видит Иисуса и указывает на него: вот тот, которого я не знал, но над которым увидел духа, как голубя. Ещё через день Иоанн стоит с учениками, опять видит приходящего Иисуса и указывает на него ученикам, называя его сыном Божьим. Иисус в этот же день приводит учеников домой, на следующий находит Филиппа и Нафанаила и собирается в Галилею, а на третий день после своего появления перед Иоанном и учениками он уже в Кане Галилейской.

Где его дом? Рядом с местом, где крестил Иоанн? Странно… И как он потом добрался до Каны за пару дней? Вопросы, вопросы…

Вот что важно. Важно! Можно спорить, почему Иоанн Богослов не упомянул про крещение Иисуса. Я-то уверен, что он сделал это намеренно: из контекста совершенно ясно, что крещения не было! Но об этом можно спорить. А вот сорок дней, которые Иисус провёл в пустыне после крещения до прихода в Галилею, не просто выпадают из повествования Иоанна – их некуда вставить. Некуда! Невозможно!

Я уверен, что этот пересчёт дней приведён им в Евангелии специально, чтобы исключить саму возможность искушения Иисуса в пустыне. Иоанн не просто дополняет остальных евангелистов – он

нарочито и рьяно спорит с ними. Он уверен, что искушения Иисуса в пустыне не было и быть не могло! Так же, как в его дискурсе невозможно крещение Иисуса от Иоанна. Иоанн крестил в покаяние! Но в чём каяться Слову, которое у Бога?

Иисус говорил истину: *Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным*. Желание устранить искушение Иисуса привело Иоанна Богослова к географической ошибке: расстояние между переправой (Вифавара), где крестил Иоанн, и Каной Галилейской не преодолеть и за неделю, а он выделил на это меньше трёх дней. Вряд ли это казалось Иоанну важным. Он не мог предположить, что через сотни и даже тысячи лет кто-то будет копаться в развалинах, оставленных римлянами после Иудейской войны, и составит карту. В те времена более вероятным казался скорый конец мира.

Продолжение.

Подозреваю, дело в том, что главная идея Евангелия от Иоанна – воплощение Слова. А для воплощённого Слова искушение от дьявола и крещение во оставление грехов – это нонсенс. Это пока гипотеза. В рыбацких Евангелиях идея воплощения совсем не просматривается. Неужели в этом всё дело? Они что же, по-разному понимали пришествие Христа? Мне нужен консультант по Библии. И читать, как можно больше читать.

Продолжение.

Звонила Марочка. Кажется, подозревает, что я завёл здесь роман с какой-то горячей, чернявой и богатой еврейкой. Верит, что у меня зов крови. Я считаю, что у русских, в том числе у русских евреев, его почти нет. Русские могут объединяться вокруг какой-то идеи, поэтому за границей они не кучкуются по крови, а легко ассимилируются. Считают, что такая разобщённость – недостаток. Наоборот. Это свидетельство, что хоть в этом удалось оторваться от животных. Россия – одна из немногих стран, где евреи почти растворились в русской культуре и этносе.

К делу.

Евангелие Иоанна слишком похоже на философский трактат. Первые слова – откровение о Боге: *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог*. Это совсем нехарактерно для Писания.

В Библии любое откровение начинается с преамбулы: в лето такое-то было откровение пророку такому-то. Или ещё проще: *Так говорит Господь*. Известный всем апокалипсис так и начинается: *Откровение Иисуса Христа, которое дал ему Бог* … Получатель откровения должен быть безупречен, чтобы ему поверили, и ясно излагать, откуда и как он получил слово. Иоанн не такой, и он не рыбак, это совершенно ясно. Назову его Евангелие философским.

Продолжение.

Нужно покопать в этом направлении. Философия рано или поздно изгоняет дух из любой веры. Не задушил ли Иоанн, кто бы он ни был, в своих философских объятиях благую весть? Мне что-то прозревается здесь, как в предутреннем тумане, какая-то неузнанная или давно забытая драма.

Чувствую, что идея фильма уже стучится где-то в подсознании, нужно помочь ей проклюнуться. Эй, я здесь!

Я помогу тебе родиться,

Моя прекрасная жар-птица.

V

ОСТАНОВИВШИЙСЯ ВЕТЕР

Из записок. На злобу дня.

Мне вредно читать газеты перед сном. Желчь вбрасывается в желудок, и он начинает раздражаться и ныть. Экономика на полном ходу врезалась в либеральную стену, заботливо построенную правительством и ЦБ. Они так хотели затормозить инфляцию! Теперь

мы попали в замкнутый круг рецессии с падающими доходами населения.

Кто в курсе, меня поймёт. Экономика – наука простая: как кормить коня, ухаживать за ним, чтобы ездить на нём. А нынче режиссёр лучше понимает этого зверя, чем те, кому положено! Тащите сюда конюха – его нужно пороть.

Впрочем, для горожан у меня другой образ. Экономика разогналась, как хороший паровоз, и тащила за собой кучу вагонов. А машиниста испугала хулиганская вывеска: санкции. И он дал по тормозам. А, может, это «спящие» проснулись? На нас, на творческом классе, их активность скажется сразу, мы будем снимать низкобюджетное кино для умников – в который раз.

Новости – это как сахар. Уму приятно, но от них развивается информационный диабет, если много читать. Потому я занят чтением Писания, философией, историей, погружаюсь в контекст того времени.

Догматы мешают пониманию смыслов больше всего. Они напоминают мне остановившийся ветер. Когда-то он дул в паруса. Теперь Ноев ковчег церкви без паруса плывёт по водам времени, из его окон-икон выглядывают бородатые мужики, иногда женщины в платочках, и всматриваются в нас и в нашу жизнь. В него иногда подсаживают новых пассажиров. Вопрос: куда они плывут, и есть ли там новое небо и новая земля?

Меня всегда интересовал вопрос об источниках откровений. А если эти ребята, авторы Библии, всё выдумали? Кто они, писатели-фантасты или есть всё же реальность невидимая, которая им открылась? А может, они собиратели мифов, которые шлифовались умами и вылизывались языками поколений до блеска? Уж больно красиво у них получилось.

Теперь о том из четырёх Евангелий, которым все восхищаются. У Моисея первые слова такие: *В начале сотворил Бог небо и землю*. Это откровение о материи, о твари, а не о Творце. А что у Иоанна? *В начале было Слово, и Слово было у Бога и Слово было Бог*…. Но,

простите. Воспевать качества Бога и его дела – это одно, и совсем другое – разбирать, как он «устроен».

Человеческий ум способен исследовать всё, что не выше его: материю и себя. А Бога он призван славословить, радоваться Ему, подражать, смотреть в небо и мечтать, надеяться. Но если ум крепко не держать, он попробует лезть со своим скальпелем на самые небеса. Он будет подпрыгивать, но всё напрасно – нет крыльев.

У Иоанна Бог стал объектом рассмотрения, словно он сам – творение. Философское Евангелие проникло не просто на кухню к Богу, а к нему под одежду, высматривая, какой он там, за покрывалом мрака непостижимости. Это хуже богохульства. Немыслимое для еврея преступление. Скорее всего, Иоанн Богослов был или эллином, или сильно эллинизированным евреем, живущим в рассеянии.

Библия построена на иных основаниях, нежели Евангелие Иоанна. Моисей был *научен всей премудрости египетской*. И Бог, как сказано, беседовал с Моисеем лицом к лицу – что жрецы не знали, он ему открыл. Как это было, описано в его Пятикнижии. Но ответьте мне, кто, когда и при каких обстоятельствах дал откровение Иоанну? Сам он молчит об этом.

Кто открыл Иоанну Богослову тайну о Логосе? Апостолы о Логосе не сказали ни слова. И даже мудрый Павел не ведал, что Иисус – Логос. А Иоанн умолчал, где, когда и как получил откровение. Зато Филон Александрийский, хоть и не апостол и не видел Христа, но поведал нам о некоем сыне Бога – Логосе. Написал раньше Иоанна.

Евангелия рыбаков – это свидетельства. Что слышали и видели, то рассказали. Что же Иоанн? Его Евангелие начинается с открытия непостижимых тайн из неизвестного источника. Вернее, источник более-менее прослеживается – Филон Александрийский. Так что иоанновские духовные тексты – не откровения от Бога, а философские «открытия» Филона, встроенные в повествование о Христе.

Но нельзя же так писать, как писал Филон! Кто это прочтёт? Только умники? Нахожу, что Иоанн без преувеличения был гений, один из величайших. Он понял, что нужен не философский трактат, а

сакральный текст, которому бы поверили, не рассуждая, и который приняли бы те, кто уже знаком с другими Евангелиями. И Иоанн создал такой текст. Он гений, но… выходит, он – злой гений! Или нет?

Нужно встряхнуть университетские архивы в моей головушке. Запылились.

Продолжение.

Иоанн Богослов был невероятно умным человеком. Он не мог игнорировать вопрос об источнике своих «откровений» о Логосе и Боге и оставил намёк сразу после первых строк: *Иоанн пришёл свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали через него.* Итак, всё, что сказано о Логосе, да и вся первая глава подаётся автором как свидетельство Иоанна Крестителя. Не прямо, конечно. Нет, нет! За язык не схватишь. Ну что же, хитро. И умно, ничего не скажешь – всё приписать такому авторитету. С Крестителем не поспоришь. И поди, докажи, что он такого не говорил.

Продолжение.

Встал очень рано. Возникло желание почитать псалмы. Сердце тосковало без молитвы – что-то новое для меня.

У Маргариты всегда лампада перед иконой. Но у меня внутренний барьер – не могу молиться перед крашеным деревом. Никому, кроме Бога, образ которого не написать ни красками, ни даже воображением.

Вспомнил, как однажды вместе с Маргаритой читали Демона Лермонтова. Она изумлялась:

– Как же это? Тамара, невеста Христова, отреклась от мира, одела власяницу и молилась ночами перед иконой спасителя, проливая слезы и… не устояла, пала. Отдалась инкубу! Кто же устоит?

– Точно не ты! Проверено…

– Ах ты. Ну ка, попробуй… – Маргарита выпятила губку и упёрлась кулаком в свою осиную талию, полупривстав с постели.

– Остынь, остынь. Сама заметила, что Тамара молилась перед иконой.

– Опять ты. Ну при чём здесь икона? – Маргарита начала закипать.

– Ну, хорошо – перед образом человека, писанный он или воображаемый. Порочная любовь всегда примешается к чистой, если женщина молится мужчине… Даже если он – сам Иисус.

– Ах ты богохульник!

– Спокойно, спокойно, Марочка. Вспомни хотя бы католических монашек, до чего они доходили в своём воображении. Истории эти, знаешь ли… раньше восемнадцати я бы не рекомендовал читать. Да и ваши… невесты Христовы.

– *«К моей любви, к моей святыне не пролагай преступный след».* Вот как за неё ответил ангел такому же демону, как ты, когда он вошёл в её келью. А ещё: *«Дух беспокойный, дух порочный, Кто звал тебя во тьме полночной? Твоих поклонников здесь нет…»*

Маргарита раскраснелась и говорила пафосно, как с амвона. Передо мной была лермонтовская грузинка молодая. Я с вожделением посмотрел на неё… наверное, как тот демон. Да-а, Маргарита моя вдохновила бы, пожалуй, поэта – красивая, стройная и пылкая. Как же такой не возмечтать в одиночестве о плотской любви к небесному жениху? И она уж не дева, ей ещё труднее устоять.

Ну что ж, мне есть чем ей ответить:

– С образом на иконе уже давно слился демон и стал им: «*Она моя! – сказал он грозно, – Оставь её, она моя! Явился ты, защитник, поздно, и ей, как мне, ты не судья. На сердце, полное гордыни, Я наложил печать мою; здесь больше нет твоей святыни, здесь я владею и люблю!*» Ангел-хранитель не ведал о её тайной страсти. Он защищал невесту Христову, как ему казалось, когда в келью вошёл демон. Но вдруг ангел увидел, что демон прав, и улетел, как побитая ворона.

– Ты что! Как ты мог так подумать? Ты думаешь, она молилась не Христу? Или… Я запуталась.

– А ты, стоя перед образом, знаешь, кому молишься? Литературному герою из жития? Ты их не знаешь, не видела… только читала о них. Это

придуманные образы, не имеющие духа жизни, за которыми рано или поздно встанет демон. Ты не удержишься… как и она.

– Кому же она молилась?

– Тому, кто неясно являлся во сне: *Святым захочет ли молиться — А сердце молится ему.*

– А если она в порыве безумной любви молилась погибшему жениху?

– Точно не ему. Всех земных женихов она отвергла, а о первом не вспоминала. Женихом стал для Тамары Иисус – такой, как она его представляла. Он казался ей небесным женихом.

– В том, кто потом явился Тамаре… в нём был и свет, и тень! Это не мог быть Христос! Как она могла спутать? – Маргарита так яростно возражала, что я невольно представил, как она вскочила с кровати и начала бить посуду.

– Спо-кой-но, Марочка… Конечно, явился не Христос! Я о том и говорю тебе. Но молилась она Христу перед образом. Хотя и чувствовала, что её любовь к нему нечиста. *Но, полно думою преступной, Тамары сердце недоступно Восторгам чистым.* Она, если ты поняла, что смутило сторожа перед келью девы юной, ночами отдавалась демону. А когда этот некто явился, Тамара не узнала его и спрашивала, кто он. И, раскрываясь перед ней, вдохновлённый любовью и надеждой демон сбрасывает с себя образ Христа, под которым пробрался к её сердцу: *«Зачем, красавица? Увы, не знаю!.. Полон жизни новой, с моей преступной головы Я гордо снял венец терновый».*

– Венец терновый…

– В терновом-то венце на иконах и картинах кто изображён? А, Марочка? Вот демон-преступник и снял венец – гордо, без вины за лицедейство. Открылся Тамаре, какой он есть, прямо говоря ей о своей злой стороне: *«Я тот, чей взор надежду губит; Я тот, кого никто не любит…»*

Я взглянул на Маргариту. Гнев прошёл, она была готова слушать, и я продолжил:

– Поэтому он и принял образ того, которого любят. Встал за иконой Иисуса, чтобы не быть отринутым сразу. А теперь от этой своей тьмы он, как ему кажется, отказывается навсегда и искренне, с клятвой, ради любви… *«Клянусь любовию моей: Я отрекся от старой мести, Я отрекся от гордых дум; Отныне яд коварной лести Ничей уж не встревожит ум; Хочу я с небом примириться, Хочу любить, хочу молиться, Хочу я веровать добру».* Но демон есть демон.

– Неужели Лермонтов мальчиком… это пережил? О чём писал? Я про Тамару…

– Ты имеешь в виду любовь к демону?

– Да. Он метался от Бога к … Впрочем, он сам искал пули.

Я молчал. Маргарита забыла про икону, её больше потряс сам Лермонтов.

Маргарита успокоилась. После выброшенной вовне порции пафоса она казалась неприступной и холодной, как айсберг. Мне захотелось проверить, сколько времени потребуется на то, чтобы его растопить. Оказалось, недолго.

VI

ЧТО ЕЩЁ НЕ ТАК С ГЕОГРАФИЕЙ? ТИВЕРИАДА

Из дневника С. А.

Кинерет, Галилейское море или Тивериадское озеро. Интересно, как его называли во времена Иисуса? Вчера уснул прямо под небом на холме. Сейчас смотрю на это место сверху Гуглом:

Жаркий, влажный Кинерет,

Кружок меж губами гор,

Кузнечиков твоих балет

Не забыть с тех пор,

Как, жужелицей став,

Спал, раскинув руки,

На волосах твоих трав.

Посмотрел, как Кинерет описан в Евангелиях. У Луки Кинерет называется Генисаретским озером. Это эллинское название еврейского и ханаанского Кинерета. У Марка и Матфея просто – Галилейское море, или просто – море.

Когда читал Иоанна, ожидал, что у него и здесь будет что-то своё. Он тоже называет море Галилейским, но чаще – Тивериадским. Тивериада, она же Тверия, – один из четырёх священных еврейских городов. Но во времена Христа евреи там не селились и море Тивериадским не называли.

Решил покопаться в исторической пыли – я это люблю, когда бывает нужно для фильма.

Город был скверным для евреев – считалось, что он построен на могилах, на развалинах города Ракката колена Неффалима. Об этом есть у Флавия. Кстати, построен был незадолго до описанных в Евангелиях событий, то есть около 16 года нашей эры. Название дали новое в честь императора Тиберия. Там была резиденция Ирода Антипы, жили эллины, в основном придворные и прислуга – все новые жители. Кругом были идолы и обычная эллинская жизнь: философы, зрелища и каждодневное веселье. Короче, Содом в глазах простых евреев того времени.

Но Тверия была таковой всего двадцать-тридцать лет – перед войной с Римом Агриппа перенёс столицу в Сепфорис. И в городе появились евреи. Жители Тверии не участвовали в восстании и сдались римлянам без боя в 70 году, и потому город остался неразрушенным, в нём одном после иудейской войны евреям не возбранялось селиться, и он на много веков стал единственным городом империи, где евреи составляли большинство.

Так что город из скверного сделался для евреев святым. Сюда перебрался синедрион, йешивы, академия из Иерусалима. Знаменитые раввины похоронены в Тверии. Здесь дописывался Талмуд. Это был центр еврейского богословия и культуры. Здесь была высшая инстанция суда по всем спорам всех евреев в мире. Короче, с 70 года это, по сути, новая столица для всех евреев рассеяния.

Если бы евангелист Иоанн был рыбаком и апостолом, то не стал бы называть Галилейское море Тивериадским по названию скверной языческой столицы. А если он родился на тридцать-сорок лет позже Иоанна, сына Зеведея, и жил в рассеянии, где-нибудь в Асии, то вполне – город уже воспринимался иным. Такая вот у Тверии-Тивериады интересная история.

С Тивериадой связана ещё одна ошибка этого загадочного автора. Он написал, что известное всем преломление хлебов случилось близ Тивериады. Из текста понятно, что в нём участвовали её жители и те, кто пришёл издалека с Иисусом: на следующий день после умножения хлебов из Тивериады *пришли другие лодки* (то есть уже были лодки из Тивериады) *близко к тому месту, где ели хлеб по благословении Господнем*. Похоже, Иоанн не знал, что в Тивериаде жили почти исключительно эллины! А с эллинами евреи хлеб не преломляли, это было совершенно исключено.

Преломление хлеба – обычай евреев, который передался по наследству христианам и со временем, напитавшись энергиями язычества, превратился из благочестивого обычая за трапезой в мистерию. Ученики же и после вознесения Христа гнушались есть с язычниками. Петра даже упрекали за общие трапезы с христианами из язычников, прибывшими к нему от Иакова, так что он таился и устранялся, опасаясь обрезанных. Что поделать – это историческая правда. Иисус так учил: *я пришёл к погибшим овцам дома Израилева*, сначала нужно накормить детей, а потом давать хлеб псам. И заповедал апостолам не входить в города самарянские. А когда один раз Иисус и апостолы попытались переночевать в селении самарян по дороге в Иерусалим, те их не приняли. По Иоанну же Иисус целый город самарянский обратил к Богу.

Всё вышесказанное не отменяет доброго отношения к язычникам: притча о самарянине, исцеление дочери сирофиникиянки… Речь лишь о том, к кому первому послано слово.

Продолжение.

Утро вечера мудрёнее, говорят. Ясно: у Иоанна – полная путаница в географии Палестины. Здесь разбираться и разбираться. Но я, кажется, нашёл верный ключик: Иоанн Богослов – еврей рассеяния, живший на десятилетия позже Христа.

Но что он за человек? Зачем он взялся править благую весть?

Библия и история поглощают с головой, во всяком случае, меня. Но что-то у меня на сердце неспокойно. Как там моя Марочка? Без её любвеобильности я чувствую себя огурцом, вытащенным из рассола.

Глава 5

Гора Елеонская лучше

Старец привстал с циновки и подошёл к углу хижины, где лежали разложенные вдоль стены свитки. Сверху были более красивые, широкие и ровно скрученные – книги Писания, которые ему подарили когда-то прибывшие из Александрии греки. Они были богаты и сделали такой подарок из уважения к старцу, которого знали не только во всей Асии, но и в Памфилии, и в Ликии, и в Галатии.

Старец вернулся с одним из них.

– Прохор, радость моя. Вот, не помню, – старец хлопнул себя по лбу ладонью. Звук был такой громкий, что воробьи, жившие под крышей, разом вспорхнули и загомонили. – Скажи-ка мне, мы с тобой на прошлой неделе говорили про Вифлеем?

– Да нет, отче. Не далее, как второго дня.

– Ага. Так ты тогда мудро ответил, не по годам. Вот тебе ещё одна загадка. Ум у тебя молодой, быстрый. А ну как разберёшься?

Старцу хотелось непременно поколебать Прохора и заставить взглянуть на три Евангелия, которым Прохор верил до последней

буквы, с долей сомнения, как на самые обычные истории. Старец Иоанн хотел писать своё Евангелие, в котором была бы видна глубина. Как учил Филон из Александрии.

– Я слушаю, старче.

– Ты знаешь, дитя, что во всех трёх благовестиях сказано, что сразу после искушения в пустыне и взятия Иоанна под стражу Иисус пошёл проповедовать в Галилею. Так?

– Так, отче.

– И ты веришь?

– Истинно так.

– А если в том есть ошибка?

– Но почему, отче? Ведь все трое написали об одном.

– Об одном? А вот Лука написал, что Иисуса не приняли в Назарете, хотя и слышали, что он творил чудеса в Капернауме. А потом он вернулся в Капернаум и исцелил там тёщу Симона.

– Ну так и есть. Что здесь не так?

– А то, что по Марку исцеление тёщи Симона было едва ли не первое чудо в Капернауме. После изгнания беса. Только став известным, Иисус пришёл в Назарет, родной город. А Лука написал, что тёща была уже после Назарета. Если в одном ложь, можно ли верить всему?

Прохор задумался. Старец светился от произведённого на ученика эффекта. Нужно развивать наступление, подумал старец.

– У них написано, что Иисус вышел на проповедь после Крестителя, когда Иоанна уже взяли под стражу. Говорят некоторые, что Иоанн, может, и не знал, кто Христос? Не знал, что Иисус – это и есть Христос? – Старец хмыкнул. – Разве так было?

– Но что плохого, учитель, если два свидетеля расходятся в мелочах, говоря одинаково о главном? Так всегда бывает. Каждый помнит по-своему: Назарет впереди или тёща… Это в пользу того, что была и тёща, и Назарет. А Иоанн правда не знал, что Христом Бог избрал

Иисуса из Назарета и посылал к нему учеников узнать: *ты ли тот, который должен прийти, или ожидать нам другого?*

– Друг мой, так можно всё оправдать, – старец Иоанн иногда обращался к Прохору не как к ученику. – Хорошо. Вот тебе покрепче орешек.

Старец раскрутил свиток и цокнул:

– Кажется, не тот взял. Не вижу уже ничего. Ладно… Помнишь, жёны пришли на гроб Господень, и ангелы сказали: пойдите скорее и возвестите ученикам, что Господь воскрес и предваряет их в Галилее? И сам Иисус, по дороге встретив их, сказал то же. И одиннадцать учеников пошли в Галилею, и он был там. Не помню только, у кого из трёх так…

Старец разматывал свиток. Наконец остановился и хотел зачитать, щурясь своими огромными глазами. Не смог и передал свиток Прохору.

– Вот, зачитай. Кажется, это от Матфея.

Прохор прочитал:

– *Одиннадцать же учеников пошли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус, и, увидев его, поклонились ему, а иные усомнились. И, приблизившись, Иисус сказал им: дана мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа…*

Старец нетерпеливо слушал, порываясь встать. Наконец, когда Прохор окончил чтение, старец поднял вверх палец, но сам остался сидеть. Палец грозил какое-то время, а затем стукнул по свитку прямо в слова: *иные усомнились.*

– Ага. А вот у Луки всё иначе. У него нигде нет такого – что Господь послал апостолов в Галилею. У Луки так: он, будто бы, явился им сказать, чтобы оставались в Иерусалиме, пока не облекутся силой. Потом они пошли в Вифанию, рядом с Иерусалимом, и там он вознёсся. Не в Галилее! А как было? Ясно, что одно из двух ложь!

Прохор знал наизусть Евангелия, но об этих разногласиях раньше не думал. Его зацепило другое: до чего же дошли доброхоты, что из доброго намерения прибавляли от себя к свидетельствам апостолов?

Прохор так погрузился в размышления, что ничего не слышал, и когда поднял глаза, увидел склонившегося над ним старца, беззвучно открывавшего рот. И сразу, словно уши его отверзлись, воздух прорезался высоким, скрипучим голосом:

– Прохор, дитя, проснись! Проснись!

– Ой. Отче, простите. Что это со мной? А мы говорили про… Да, да. Ангелы сказали жёнам, что Иисус воскрес и велел ученикам идти в Галилею, где будет ждать их. Но жёны боялись и молчали. Когда же рассказали ученикам, им не поверили. Потом Иисус явился двоим, идущим в Еммаус, – и с ними так же. Ученики не верили, что Иисус воскрес, и потому не пошли в Галилею. Где же было быть Иисусу? Он явился им в Иерусалиме и упрекал за неверие, и повелел оставаться в нём, пока не облекутся силой и верой. Так у Марка и Луки. А вот тот, кто добавил к писанию Матфея про вознесение Иисуса в Галилее, думал, что делает доброе дело. Мол, если обещал Иисус предварить в Галилее, то разве мог солгать? А получилось что?

Старец застыл, слегка приоткрывши рот. Что это? Он не узнавал ученика. Грудь окаменела, и старец не мог вздохнуть. Наконец воздух пошёл, и он произнёс сиплым голосом:

– Так что, по-твоему, Иисус не знал наперёд, что ученики ему не поверят? А если знал… зачем сказал, что предварит их в Галилее?

Старец закипел, он сжал кулачки и стоял как согнутый лук, готовый порвать тетиву.

– Но… Но, старче. Конечно, он не знал всего. Он же не бог!

Старец схватился за свиток в руках Прохора и потянул на себя, но Прохор отпустил его и проскользнул мимо старца в дверь, крикнув со двора, что скрутило живот и он скоро вернётся.

Прохор пошёл по тропинке в сторону от моря. Ветер успокаивал, он шёл и думал: на самом деле, есть разногласия в Евангелиях, и нужно

трезво смотреть на писания, замечать несоответствия. Важно видеть смыл и воспринимать дух, а в букве всегда есть место несовершенству. Но смысл и дух должны быть едины.

Кто-то, похоже, сделал вставку в тексты Матфея. Там, кроме вознесения Иисуса в Галилее, появилась заповедь крестить народы во имя Отца и Сына и Святого духа. Всегда крестили во имя Христа, как в Деяниях апостолов написано: *покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар святаго духа.* И в посланиях Павла – где про крещение, то про крещение в Иисуса Христа. У евреев всегда так было: крестили в того, за кем идут, кто учитель, вождь и посредник завета. Было крещение в Моисея, было крещение Иоанново в покаяние. Потом в Христа.

А тут кто-то добавил: во имя Отца и святого духа. Мол, не от Христа только приняли учение, а ещё от самого Отца духом святым. Это написали, подражая призванию Павла, но не поняли смысла. Павел писал к Галатам, что избран к апостольскому служению не человеками, и не через кого-то из живущих, но воскресшим Христом и Богом Отцом. Но с Павлом было истинно так, и Анания этому был свидетель.

Прохор остановился на пригорке. Вдали бушевало море, светясь пеной. Носились чайки, мокрый ветер нёс свежесть с моря. Прохор прилёг на траву, раскинув руки. Хотелось всё обдумать, глядя на белый звёздный ковёр.

Павел, кажется, вообще не считал крещение очень уж важным делом, назвал его одним из начатков учения. Оно – символ очищения от прошлых ошибок. Сделали и сделали – это хорошо, но не более. Как обрезание. Это символ того, что ты уверовал. Для всех и для себя, прежде всего, чтобы не колебаться потом.

Главное – не колебаться в вере. Бывает, придёт новый проповедник и учит по-своему, и крестит заново, и так раз за разом. Горе-учителя, чтобы их ученики крепче держались за учение и не бегали к другим, стали пугать их страшной мистической силой крещения. Прохор частенько слышал об этом от приходивших к старцу. Со временем

крещение превратилось в эллинскую мистерию, источник таинственных сил и благодати. Крещёные эллины стали бояться этих сил, а не предательства веры. Так добрая цель через обман становится злом.

С тех пор как Прохор ушёл от жреца и крестился, он не любил обряды. Любые. Они для него были прочно связаны со служением богам. Крещение он воспринимал иначе – это была для него черта, знак, что он вступил в завет с Богом. Значение и силу имел завет, а не черта. Старец принял от Прохора обет жить по совести и верить в единого Бога и в Иисуса Христа и окунул его в море. До этого он только слушал старца и Антония из Милета, но ещё ходил в храм Аполлона.

Прохор сам не раз присутствовал при крещениях. Иногда крещаемому отстригали немного волос с головы. Старец сам так делал, но не знал, зачем это. А Антоний разъяснил, что раньше по окончании обета остригали назореев. Только их стригли полностью, а сейчас только прядь, как символ. Иисус был назореем, и Павел принял обет и потом очистился, и многие другие из христиан вслед за Христом. И потому христиан стали называть сектой назореев. А сейчас уже и не помнят, зачем отстригают локон – все просто следуют правилу.

Прохор вскоре уснул прямо под небом. Ночью стало прохладно, он вскочил и бегом отправился в келью старца, застал учителя спящим на циновке и сам лёг рядом.

VII

ТОШНОТА

Маргарита Левий лежала на диване без нижнего белья, вытянув свои длинные ноги. Она тщательно рассматривала их, выискивая вмятинки целлюлита. Телефон зажат между плечом и ухом.

– Петюня, привет. Куда ты послал моего Сергунчика? Куда из-за тебя ускакал мой серенький зайчик? Мне без него грустно, жестокий ты человек.

Хрипловатый голос Петра просипел на манер Высоцкого, пробиваясь через слегка заплетающийся язык:

– О-о! Ты вовремя, Мар,
У тебя – Божий дар!
Я весь день,
Как олень,
Убегал от их стаи.
И они отстали
Только у края
Моего рая,
Цифрой в проводах лая.

Мне теперь невмоготу.
Запиваю «Тошноту»,
А испуганное завтра,
Убежав со страниц Сартра,
Прячась в бокале Шираза,
Хнычет, зараза.
Приезжай, развей мой кошмар,
Мар.

– Ты и правда, как загнанный зверь. Всё так плохо?

– Они скоро вычислят, что я не из опричников, не их волчьей стаи, что я… травоядный. И они меня разорвут и сожрут. А Сергей… Что Сергей? Счастливый человек. Занимается творчеством. И почему бы не стать творцом, имея такую жену?

– Вы оба глупые стихоплёты. Но-о я скоро буду. Жди.

VIII

УКУС ВАРАВВЫ

Из записок С. А.

Утро. Возле храма 12 апостолов (Капернаум) сидел на берегу странный тип с вывернутым наизнанку подрясником, немытыми волосами. Он был похож на ряженого юродивого из плохого фильма. Вокруг три-четыре женщины с открытым ртом слушали его. Я подошёл. Он представился Вараввой.

– Странное имя, – говорю.

– Я разбойник, убийца, Варавва.

Из его путаной проповеди женщинам я понял, что он убийца, но неким образом избежал приговора. Другой, невинный, взял вину на себя. Это потрясло Варавву, и он уверен теперь, что приговорённым был сам Христос. Теперь самозваный Варавва искупает вину, скитаясь по святым местам. Но в нём была некоторая странность. Он словно упивался, когда уничижал себя, рассказывая о своих грехах и ничтожестве. При этом все события его жизни происходили в какие-то значимые церковные дни, всё было неслучайно. Словно Богу только и дел было, что подавать ему сигналы с помощью дат и совпадений. Слушатели и особенно слушательницы подпали под его почти гипнотическое влияние. Некоторые задавали вопросы, как ученики учителю. Какой-то неприятный сладковатый запах ощущался от души этого человека.

Меня словно что-то толкнуло, и я спросил, не знаю, почему:

– А ты не рыбак? Чувство, что ты с удочкой не расстаёшься. Только вместо рыб – люди, а удочка – уверенность в собственной святости.

Он впился в меня своими голубыми, большими глазами, словно вкручивал их в меня, и безмолвным напряжением лица передавал всю

гамму чувств: как ему горько от моих слов, но он меня любит и никогда не ответит на моё хамство. Но я ведь режиссёр и видел игру. Стало противно, что он так пялился, и я без намёков послал его:

– Пошёл ты, святоша хренов. Залюбил глазами.

Он издал высокий звук и бросился на меня, схватив своими гнилыми зубами мою руку. Я безуспешно пытался стряхнуть его с руки, как змею. После удачного пинка ногой он отлетел. Рука жутко болела и кровоточила. Я почти терял сознание от странного ощущения в голове. Вся радость от моего пребывания на святой земле исчезла, и мне захотелось домой.

Глава 6

Хиллель и Шломо

Материалы сценария.

Капернаум. Возле дома, где жил Иисус.

– Шалом, Анания. Столько народу. Случилось ли что?

– Шалом. Из Назарета мать Иисуса с братьями пришли, хотят забрать назорея.

– Он что же, болен? – Ефрем пришёл, услышав гул толпы, и был озадачен.

– Болен? Нет, не заболел… но старейшины и фарисеи говорят, что он закон не исполняет и одержим злым духом. Мол, изгоняет бесов силой их князя, Вельзевула. На него законники ополчились, а из ревнителей есть те, кто грозит убить. Слухи уж до родственников дошли. Мать, вот, всполошилась, пришла. Уверяет, что он не одержимый, а вышел из ума. Она во-он там. Видишь её? Она с братьями его стоит вне, а он в доме.

– Это у него с детства? Это…

– Да кто знает? Он ни мать не признал, ни братьев! Сказал, мол, братья его те, кто слушают слово Божие и соблюдают его.

За неделю до этого.

В доме начальника синагоги возлежали: фарисеи Шломо, Хиллель, Шмуэль и ещё двое учеников Хиллеля; Беньямин и другие книжники; начальник синагоги Ицхак и его сыновья. Один из них записывал, что говорили учителя. Все ждали прихода уважаемых гостей из Переи – многие пришли узнать о новом проповеднике назорее и услышать, что думают о нём старейшины и книжники.

Хиллель. Народ совершенно невежественен. Посмотрите, все верят в эллинские сказки. Думают, что их исцелит воплотившееся божество типа Асклепия.

Ицхак. Что ещё за Асклепий?

Хиллель. Бог врачевания у них, рождённый от Аполлона, которому храм в Ионии стоит. У этих бесов бесчисленных князь один, дьявол, Вельзевул. Эллины его Зевсом называют, а филистимляне Ваалом, что в переводе есть господь.

Шмуэль. Равви, так они считают, что верховный Бог спит и в делах не участвует, а всё поручил господину, Ваалу. Он – управляющий от имени Бога?

Хиллель. Сейчас не время уроки давать. Уважаемым людям это ни к чему, а вам не к спеху. Завтра приходите с вопросами.

Шломо. Уважь их, Хиллель. Да и мы послушаем. Ты жил у язычников в Тире, много о них знаешь. А мы здесь с ними дел не имели. Ждать гостей за беседой легче.

Хиллель. Если вы не возражаете… Помнишь, Шмуэль, как Илияху пророков Ваала заколол?

Шмуэль. Да, равви. Пророки Ваала лгали, что Творец уснул, а все дела отдал наместнику. А Илияху их спрашивал: может, это ваш Ваал спит?

Хиллель. Этим вопросом Илияху возвращал им их ложь о спящем Боге. А к народу взывал: *Признайте, что наш Господь – Бог*. Все ведь знали,

даже язычники, что с неба кто-то ими управляет, и называли его Ваалом, господом то есть. И ещё давали ему разные имена. Но наш Господь – Бог Авраама, Исаака и Иакова, который управлял нами с самого исхода из Египта, и ещё раньше, он есть Бог всех, Творец, Всевышний. То есть нами сам Бог правит, никому он нас не перепоручал. Псалом вспомните*: Признайте, что Господь – Бог, что он нас создал, что его мы, что мы народ его, паства его!* Что думаешь об этом, равви Беньямин?

Беньямин. Да что тут думать? Ясно, что другими народами ангелы управляют, а не Бог. Народы их господами называют. А над нами – только Бог, он сам наш господин.

Шломо. Позвольте слово сказать. Вспомните, как прогневался Бог на народ из-за золотого тельца и сказал: *Не пойду с вами*, *пошлю пред тобою ангела, и прогоню хананеев, аморреев, хеттеев, ферезеев, евеев и иевусеев, и введёт он вас в землю, где течёт молоко и мёд; ибо сам не пойду среди вас, чтобы не погубить мне вас на пути, потому что вы народ жестоковыйный.* Народ возрыдал, а Моисей отделился от них и поставил свой шатёр вне стана, который назвал скинией откровения. В ней он хранил ковчег откровения и скрижали. Моисей упросил Бога идти с ним, и Бог тогда сказал: *Сам я пойду, и введу тебя в покой.* Моисею обещал, заметьте, уважаемые. Моисею, а не всему народу! И пошёл с Моисеем! А народ только следовал за Моисеем, и имел в своём стане скинию собрания для принесения жертв. Так кто дал им закон, Бог или ангелы? И кому они приносили жертвы в пустыне?

Беньямин. Но после смерти Моисея и Иисуса Навина скинию откровения присоединили к походному храму, скинии собрания и назвали Святое святых, и боялись входить в неё, чтобы не умереть. И мы верим, что сам Бог с нами и после Моисея, а не ангелы. И что Бог нам дал закон, а не ангелы, и не ангелам мы служим, принося жертвы, но сам Бог есть наш Господь. Ему мы служим, когда выполняем постановления закона о жертвах. Шломо, не смущай учеников такими речами!

Шломо. Я не смущаю, Бог не нуждается в защитниках – это ещё Иов сказал. Так что слушайте: если Моисей отделился от стана, чтобы идти с Богом, а жертвы приносили в стане, то разве не ангелами был дан закон о жертвах?

Хиллель. Шломо, ты и правда зашёл в речах далеко.

Все смутились. Ученики слушали с явным интересом, но опустили головы и не показывали вида. Хиллель раскраснелся и был явно возмущён речами Шломо, но пока сдерживал себя. Один из учеников продолжал невозмутимо вести запись разговора.

Шломо. Бог оставил народ служить ангелам после греха с тельцом. И не ангелам ли жертвы приносились нашими отцами? Как сказано: *Бог же отвратился и оставил их служить воинству небесному.* И ещё Бог спрашивает через пророка: *Дом Израилев! Приносили ли вы мне заколения и жертвы в продолжение сорока лет в пустыне?* Мы знаем, что приносились жертвы в пустыне, но вопрос: кому? И некоторые из фарисеев говорят, что мы *приняли закон при служении ангелов*, а от Бога – только десять заповедей. Выходит, этот назорей, который творит чудеса, нарушает законы, данные через Моисея ангелами, а не самим Богом. А Бог сначала хотел, чтобы мы все были *священниками и народом святым*, но этот завет так и не был заключён, не так ли?

Хиллель. Шломо, да ты что, его последователем стал? Оправдываешь беззаконника? Считаешь, что закон нам на время дан, и не Богом, а ангелами? Да ты что себе позволяешь?

Шломо. Но скажи тогда, равви, какой силой назорей Иисус изгоняет бесов и исцеляет хромых и даже прокажённых? Разве не перстом Божьим он это делает? А если нарушает постановления о субботе или другие, то нарушает данное нам ангелами! Разве не так?

Хиллель. Не может перстом Божьим исцелять беззаконник. Это он силой Веельзевула делает.

Шломо. Хиллель, но это ты хулишь Бога! Только Бог благ и подаёт благо людям. Веельзевул не творит благо. А признавая это за Ваалом,

ты присоединяешься к язычникам. Они верят, что боги их врачуют, и за это приносят им в благодарность жертвы. Чем ты тогда от них отличаешься? Если силой Веельзевула можно изгонять бесов, то кому приносить жертву благодарности?

Хиллель вскочил и набросился на Шломо. Шломо некоторое время пытался защищаться, но затем был вынужден покинуть собрание. Остальные сочувствовали Хиллелю, авторитет которого был высок в Иерусалиме. Только двое из присутствующих встали и вышли из дома вслед за Шломо.

IX

БАРСИК, ПЧЕЛИНЫЙ РОЙ, КИРДЖАЛИ, ДЕГУСТАЦИЯ ЛЮБВИ

Из рассказа С. А. Записано автором.

Сергей Афанасьевич и его друзья часто баловались рифмой, это была их игра. После возвращения из Израиля режиссёру не терпелось поделиться впечатлениями с другом Александром Анатольевичем Страховым.

– Але, Саша? Сколько зим? Приземлился, Серафим?

– Привет. Да уж сто лет.

– Занят чем-нибудь с утра?

– Пишу иконы, коротаю вечера.

– А я о Христе хочу снять фильм – не для попов, а для людей.

– Что случилось, ты ж еврей?

– Я серьёзно. Мне нужен собеседник, знающий Писание. Это ж твой конёк.

– Ты чё, перепутал номер? Это не Кураев, это я, твой друг Санёк.

– А-а. Да всё в порядке. Ну ты же православный, увлекаешься отцами. Нет? Ну, всё ещё впереди.

В любом случае, приходи…

Сергей Афанасьевич звонил Александру из тусовочного места: полит-кафе. Там обсуждали модную нынче тему – нейросети. Умники из IT индустрии признают, что вынашивают нового бога и радуются этому, как будущие родители своему чаду. Наивные. Думают, он вырастет и будет с ними цацкаться. Пусть сначала научат своих природных детей любить отца и мать.

Левий хотел высказаться, потом махнул рукой. Люди всегда обсуждают богов. Как сейчас спорят об искусственном интеллекте, так же яростно две тысячи лет назад спорили о Христе. Его богословы сделали лицом нового бога Троицы. Теперь этот бог умер, как известно. Да здравствует новый бог, искусственный!

По дороге домой Сергей Афанасьевич залюбовался церковью Космы и Дамиана проекта Казакова на Маросейке и подумал: как бог может умереть? Чтобы бог умер, его нужно было сначала родить. Ложные боги рождаются умом. Истинный Бог бессмертен. А язычество всегда доживает до смерти своих богов и бросает их на площадях в великолепных храмах-гробницах, и забывает о них. Только по воскресеньям приходят навестить.

Маргарита ночевала у подруги. Она любила что-то почитать с Сергеем Афанасьевичем и обсудить, лёжа в кровати. Но философия и богословие были для неё слишком скучны. По количеству заготовленных бутылок она поняла, что разговор со Страховым будет долгим и занудным. Маргарита живо собралась, принарядилась, навела макияж, чмокнула Сергея Афанасьевича, улыбнулась Александру акульей улыбкой, полной белоснежных зубов, и плавно проплыла мимо друзей в дверной проём.

Из дневника С. А.

Это запись сделана в день разговора, не на трезвую голову, чтобы не забылось главное. Не удивлюсь, если, прочитав утром, не пойму и половины.

Обсуждали сначала политику, потом религию и, наконец, раздухарившись после четвёртой бутылки, когда тело под бременем выпитого почти перестало подавать в мозг сигналы усталости и недовольства от костей и мяса, стали обсуждать дух.

Пропущу часть нашего диалога, приведу только краткое пояснение. Дух часто путают с душой. Душа – это свойство живого существа организовывать своё функционирование, формировать внутренние алгоритмы, законы, рефлексы. Душа – это софт тела, включая операционную систему и все файлы, записанные за жизнь. Поэтому душа неотделима от материального носителя – тела – и умирает с ним. Это что-то вроде аристотелевской энтелехии. Душа определяет индивидуальность, она – настройка отдельной живой системы, то есть каждого из нас, душа есть у человека и животных. Душа человека формируется под действием духа. А дух всегда над-индивидуален. Это либо дух сообщества, возникшего исторически, который назван дальше по тексту эгрегором, либо дух свыше, от Бога, который делает живым коллективный организм, называемый по традиции церковью. Человек в полном смысле не может быть человеком без духа, без духа он – маугли.

Итак, перехожу к записи нашей встречи.

Александр привстал, слегка качнулся и снова присел:

– Знаешь, Сергей, я стал таким лёгким, что почти парю и физически ощущаю движение эфира. Самое время спросить свой дух, что он такое и откуда явился. Но он молчит…

– Спроси ум.

– Ум пытается ухватить дух логикой, но обнаруживает только его следы в материи. Он виден по действию, типа как воздух с веселящим газом. Попал в одну компанию – веселишься, в другую – грустишь, в тюрьму – думаешь, кого убить, когда выйдешь.

– Да, дух пропитывает каждого. Если ты имел до этого другой дух, то новый либо его вытеснит, либо выкинет прочь из общества всего тебя. Дух должен быть один.

– Ты хочешь сказать, дух влияет на индивидуальные настройки?

– Да, эгрегор влияет на душу. Он соединяется с душой в одно целое, хотя и временно, потому что они оба смертны. И ещё душа живёт меньше – общество долговечнее человека. Знаешь, что коты и собаки похожи на хозяев? Потому что они часть целого…

– Да? А твой Барсик не был похож на Марго. И на тебя. Он ссал мне в ботинки.

Мы оба рассмеялись. Я не мог остановиться, вспоминая комичные сцены с ботинками Страхова:

– Мар-мар-маргарита любила Бар-барсика. И он, он её уважал.

– Барсик, Барсик… – чувствовалось, что Страхову когда-то было не так весело. – Что мы всё о коте? Он злопамятный был, гад эдакий. Кажется, я один раз только пнул его – несильно. Простительно ведь? Ну? Так нет! За что он каждый раз ссал в ботинки, и только в мои?

Успокоились. Я продолжил:

– Ну хорошо, Барсик исключение. Но обычно? Обычно, коты и собаки похожи на хозяев. Как это объяснить? Зависит от подхода. Рациональное мышление, например, смотрит на дух, как на самоорганизацию сложных систем – государств, сообществ, церквей. Жизнь такой системы и взаимосвязи внутри неё определяют характеристики составных частей – нас и наших биоскафандров. Настройки составных частей, в свою очередь, влияют на поведение всей системы как единого целого.

– Происходит совместная эволюция коллективного и индивидуального: государства, племени, общины и человека?

– Ну да, приятно говорить с понимающим человеком. Собственно, у коллективных существ наблюдаются конкуренция и отбор не индивидуальных свойств, а коллективных. Конкурируют страны,

религии, идеологии, язык, научное знание. Язык, например, это результат развития всего общества, а не отдельного индивидуума. Также и наука. И только через коллективное отбирается и развивается индивидуальное. Дух и душа развиваются в единстве.

– Скажем так: дух – это то, что раньше называли умной силой, ментальным конденсатом. Это как бы душа, но уже коллективного организма – так получается?

Странно, но, когда что-то сильно занимает меня, я чувствую ясность ума, даже выпив вина. Конечно, если вино насыщено запахами Нормандии или Бургундии, оно не дурманит. Так и в этот раз.

– Можно и так сказать. Это похоже на ум улья или роя, который воспринимается как отдельное существо, но состоит из умных клеток – пчёл. Видел, как рой летает, садится на деревья, залезает в дупло? У них только связность меньше, чем в теле животного. По сути, это разумное существо. У человеческого роя такой же временный, смертный дух, как душа любого человека. Только это не человек, а коллективное существо. Эти существа живут обычно дольше, но и они смертны. Как и их духи.

Когда Страхову что-то нравится, он начинает потирать руки. Поэтому, кстати, Страхов плохой игрок в покер и преферанс. Саша потёр руки и сказал:

– А, ну так яснее. А про эгрегор? Есть наглядный пример?

Открыли пятую. Я вспомнил «Повести Белкина» – это моя любимая пушкинская проза.

– Пушкин – рассказ «Кирджали».

– Интересно, интересно. Это мне знакомо. Я сам бегал по миру и по церквям.

– Угу, похоже. В рассказе разбойник, пересекая сюда и обратно границу России и Османской империи, становился то кротким семьянином, то отчаянным разбойником, которого боялась вся Молдавия. Причём в его перемене не было никакой игры – всё было искренне.

– Человек был один и тот же, но дух, как бы разлитый вокруг, полностью преображал его. Так? Пушкин наблюдал всё это живьём, ещё когда был в Кишинёве, кажется, в ссылке. Я правильно помню? Да, он умел заглянуть в суть вещей.

– Ты прав, друг мой. Александр Сергеевич ответил, прежде всего себе, почему в разных странах так отличаются люди и нравы. Он ведь был отчасти эфиопом, а чувствовал себя русским из русских. Значит, дело не в биологии, и даже не в воспитании – Пушкин был от рождения франкоязычным, из него растили больше француза, чем русского. Дух – вот что определяет, каков человек. Дух любого сообщества имеет своё бытие, не сводимое к сумме составляющих частей.

Всё-таки странно, что, несмотря на выпитое, а мы выпили много, вино совершенно не мешало нам. Напротив, умное зрение стало более стереоскопическим. И речь у Страхова стала чёткой… Это всё то же состояние изменённого сознания – но насколько оно бывает разным! Или мне кажется, и наутро я прочту абракадабру?

– И впрямь, это что-то типа сознания муравейника или, по-твоему, эгрегор… Он меняет под себя любого, кто эмигрировал, пришёл в церковь или там в секту какую, или кружок, или клуб – иногда радикально. Конечно, есть индивидуальные особенности…

– Так было и с Кирджали. Эгрегор неделим, целен и вытесняет всякий иной дух, чтобы все были едины в нём. Он ревнив. Если человек не принял эгрегор, то он выбрасывает не принявшего вон – как еретика, изгоя, предателя. Ты знаешь, как пчёлы определяют своих и чужих?

– По запаху.

– Да. Это свойство духа, как воздуха – все должны одинаково пахнуть. Многие церковные сообщества объединяет этот дух. Это ревнивый дух зверя, это не святой дух. Именно этим духом принимались на соборах догматы, связывающие свободу и изгоняющие живую веру. Этот дух убивал всякого, кто пытался ставить догматы под сомнение.

Мы вышли на балкон подышать. Небо всё было в мигающих звёздах – непривычно для Москвы, обычно накрытой влажным серым

колпаком. Страхов спросил:

– А где же тогда святой дух? Если не в церкви?

– В церкви. Только что есть церковь? Да ты и сам всё знаешь… А святой дух? Святой дух соединяет нас с тем, кто за пределами мира, и превращает тем самым нашу индивидуальность в личность. Личность вообще-то одна – это Бог. И мы – личности, потому что имеем внутри Его отражение, образ. Это даёт нам свободу – главное, почему мы и называемся образом Божьим.

Я посмотрел на красивое небо – оно словно хотело подсказать мне нужные слова.

– Эгрегор связан с индивидуальностями, соединяя их в государства, сообщества, церкви, клубы. И он смертен, как смертны эти сообщества. А божественный, нетварный дух – его ещё называют святым – соединяет личности в церковь. Это слово несколько избитое, лучше бы найти… поновее.

– Исаак Сирин назвал церковь единством Божьей благодати. Это единство личностей в любви.

Я ненавижу высокопарность, но из меня часто невольно выливается что-то пафосное. Как всё-таки въелось в нас это византийское… словоблудие. Найти бы другой язык! Я старался, но…

– Вот так люди бы и жили, если бы не грех Адама. В этом союзе нет структур и иерархии: *кто хочет быть большим между вами, да будем вам слугою*. Это высший тип общества.

Страхов тоже почувствовал неловкость и решил переключить регистры на более повседневное звучание:

– Личность и индивидуальность… Говорим, говорим… А в чём принципиальное различие? Только давай без академических определений.

Я недолго думал над примером. В качестве образца живой системы у меня теперь почти всегда выступают коты:

– Возьмём кота. Если грубо, то атомы сложены в одном коте немного иначе, чем в другом. И ещё настройки их нейросетей разные, как у смартфона. Индивидуальность – это и есть определённый порядок атомов и настройка управления. Индивидуальности могут отличаться, а могут и совпадать. Несовпадение – это вопрос количества вариантов, комбинаций, не более того.

– Поэтому коты одной породы похожи?

– Типа того… Можно было бы взять котёнка той же породы, что и Барсик, и потом, если повезёт, их бы никто не отличил, даже по характеру.

– Предупреди только сразу, тогда я к тебе домой ни ногой. Разве что босиком.

Мы засмеялись.

– Продолжим… Индивидуальность можно повторить, а личность – изначально единственна. Личности – это союз индивидуальности с вечностью, с Богом, её нет без дыхания Бога в нас, без Его образа. Каждый такой союз – один, уникальный. Хотя мы бываем очень похожими как индивидуальности и даже почти идентичными, если близнецы. В Откровении эта мысль о единственности союза выражена так: побеждающему дам *белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает.* А вот кошки, собаки – они всегда лишь индивидуальности. Также и компьютеры с умными программами.

– Я бы сказал, что индивидуальность – это наш ветхий человек, это наше умное животное. Так?

– Ну-у… как-то так. Грубо говоря, благодаря духу от Бога мы – не полностью в мире материи. А вот любая кошка – вся целиком здесь. С нашей смертью дух возвращается к Богу, и нас больше нет. Если нет воскресенья, то все. Exit.

– Язычники вместо духа Творца придумали иное хранилище самосознания – бессмертную душу. Она якобы способна жить отдельно от тела и от Бога. После смерти. Это – чтобы не зависеть от

Него, – Страхов покосился на икону Богородицы, смотревшую на него с укором из открытого проёма в спальню.

– Гх, да. Для Мары это важно, – мне было неловко. – Все личности связаны между собой, но иначе, чем все здесь, в мире. Их связь называется затёртым словом любовь, или духом любви, или святым духом. Поэтому первая заповедь: возлюби Бога.

Страхов хлопнул ладонями по коленкам:

– Вот, блин. Связь… Для меня день прозрения. Троица меня всегда смущала, а я никак понять не мог. А как с ней первую заповедь исполнить? Она – не личность. Как ей молиться? Так просто всё… Но когда мозги прошиты намертво…

– Угу, прошивка – это догматы. Да, конструкцию трудно полюбить. Значит, Троица – никакой не бог.

На балконе стало холодно, и мы вернулись. Позвонила Маргарита, удивилась моему трезвому голосу. Не помню, о чём мы ещё говорили, затем Страхов вернулся к теме, которая так нас захватила:

– Эгрегор соединяет нас как индивидуальностей, как умных животных, как очень умных пчёл, – Александр резко замолчал и поднял указательный палец.

– О-о! Слушай, а когда дух входит в человека? В утробе?

– Если бы в утробе, то не было бы феномена маугли. Детей иногда теряли в лесу, и они превращались в волчат – повадками, сознанием. И потом не могли даже речь освоить. А уж жить в одном духе!? Нет… Я думаю, мать и отец, и общество постепенно вдыхают в дитя свой дух, год за годом. Он дышит их воздухом. Не физически, конечно. Его душа постепенно формируется этим духом. И воспитание – это все аспекты жизни в сообществе, все запахи.

Александру пришло сообщение, он вышел на балкон и о чём-то говорил минут десять. Я посмотрел на часы и позвонил жене. Она трубку не взяла. Прошло ещё минут пять. Страхов пришёл, от него пахнуло чем-то свежим.

– Ты где пропадал?

– Дышал, вслушивался в дыхание зверя. Кто он у нас? Медведь, кажется? Давай, резюмирую: эгрегор, сверхличностный разум, разум роя, групповой дух индивидуальностей – этот смертный дух объединяет человеческие сообщества, которые в истории появляются и умирают. Эти эгрегоры в Библии известны как ангелы народов. У Даниила они изображены зверями? Так?

– Ангелы народов, церквей и прочего подобного. Эгрегор появился после падения, как замена святого духа, который сначала вдохнул Бог в Адама. Потом Бог отдал народы служению ангелов, как сказано, ходить своими путями.

– М-м-м… Слушай, а как к этому… Ты про Иоанна не забыл? У него про святой дух вообще что-то своё. У него Дух – самостоятельная личность, отличная от Отца.

– Да, так только у Иоанна. Этого нет больше в Библии. Нигде! В Библии святой дух исходит от Отца, он лишь проявление личности Творца в мире.

– Погоди, так по Иоанну сам Бог – это дух.

– Да. И это ещё одно открытие Иоанна, – я показал кавычки пальцами.

– Ещё один момент. Как думаешь, можно духом заряжаться, накапливать его?

Здесь Страхов явно вступил на скользкую дорожку, по которой шёл много лет. Это, наверное, вид наркомании? Увлекавшиеся духовными практиками – как подсевшие на иглу. Мне стало скучно, но Страхова явно было не становить – он опять потёр руки. Я спросил:

– Как старец Серафим учил? Стяжать?

– Ну, типа того. Добрые дела, говорил старец, сами по себе не помогают стяжать святой дух. Нужно искать, пробовать. Есть, например, духовные практики: чётки, Иисусова молитва – да вообще подойдёт всё, что привлекает дух. А я думаю, что и медитация подойдёт, осознанные сновидения или трансэгрити – Кастанеда тоже

учил стяжать энергию, дух. Способов много. И как здорово: получил дух, и ты полон сил, обрёл дары, стал видящим, повелителем материи и людей. Можно черпать энергию у общества, у муравейника. Нужно только уметь «подключаться» к эгрегору.

– Подключаться к эгрегору? – Александр удивил меня этим стойким языческим энергизмом. Терминология всегда отражает суть взглядов: вампиризм, энергии, преображения– это из набора мыслящих магически язычников. Я посмотрел на Страхова с недоумением. Он ответил на мой взгляд:

– Скажешь, я – язычник? Тогда скажи мне, где его нет, этого язычества?

– Оно везде, где мыслятся духовные энергии, а не личности. Есть мир личностей и их проявлений: веры, любви. А есть мир энергий, формул, ритуалов – это мир язычников. Язычники не знают Бога как Отца, который любит и всё даёт. Они не к Нему обращаются, а изобретают магические формулы, чтобы иметь власть над духами. Такой путь свободы – мне опять пришлось изобразить пальцами кавычки – от Творца был подсказан дьяволом ещё Адаму. Когда хочешь нарушить заповедь, странно обращаться к Тому, кто её дал. Так ведь?

– Ну-у…

– В том-то и дело. А магия? Получил силу и действуй. В этом корень язычества – Бог не соучаствует в злых делах, и язычники ищут обходные пути.

Открыли последнюю бутылку. Я резюмировал:

– Итак, дух – я говорю о духе от Бога — это дар новой жизни, дар свободы благодаря союзу с Богом.

– И как его получить, если духовными практиками его никак не стяжать?первенец. А теперь может иметь каждый, поверивший Христу.

– А в чём же тогда суть падения? Ну-у, без этих там яблок, змей и прочих райских штучек. Завет исправляет… поднимает как-то?

– В Википедии про это ничего?

Я потёр бокал и посмотрел сквозь бокал на люстру. Вино засветилось ярким рубиновым цветом. Да, французы тоньше итальянцев, испанцев и, тем более, виноделов Нового Света. Те загустили слишком, загудронили вино. А французское – оно лёгкое, пей сколько угодно.

– Сейчас все ответы ищут там… Я думаю, что падение, в сущности, как итог – в принятии эгрегора вместо святого духа свободы. Единение с ним оставляет нас смертными, земнородными, отказавшимися от первородства. И тогда мы, подобно муравьям, строим человейник, живём ради этой временной, не имеющей цели сущности, выращивающей тело для эгрегора из железа, стекла, бетона и миллиардов людей, живём ради этого зверя из апокалипсиса. Но этот зверь умрёт, а мы не станем частью будущего мира, так как не имели любви к Богу.

– Умрём, как любое животное, только разумное? Потому что приняли в себя умный, но смертный дух? Перепутали его со святым?

– Да, биологическая жизнь полностью построена на материале тварного мира, сосредоточена в мире и описывается изнутри мира, подчинена его законам. Только святой дух делает человека свободным от законов мироздания, способным ходить по воде и общаться с Творцом. Дух от Бога – это новый тип жизни. Но сейчас эта жизнь только зарождается, а её расцвет – на новой земле, когда сбудется сказанное: *ибо вот, я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце*. О ней, о будущей вселенной, хорошо написано у Павла, в послании к евреям – но только если читать хороший перевод, не синодальный.

Разговор уже давно напоминал заседание философского дискуссионного клуба. Так повелось в МГУ с давних времён – обычная застольная тема, ничего необычного. Правда, это относилось к тем поколениям, которые шли в вузы после советских школ, с идеалами, вбитыми в голову советским учителем. Сейчас многое изменилось.

– Всё хорошо, – Александр, когда увлекался, становился похож на доцента какой-нибудь кафедры в провинциальном университете. – А если я не принял духа от Бога? Не смог, не успел, не понял… Допустим,

я агностик. Духоносцы – да, они могут ходить по воде. А я? Что же, имеем человечество двух сортов? Это же и есть гностицизм. Разве нет?

– Нет, никакой дискриминации. Разве ты обижен, если ты агностик или веришь в своих богов? Бог *повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных*, как известно. В этой жизни люди успешны независимо от того, в какого бога верят или не верят. И в отношении будущего – разве ты чувствуешь себя обойдённым? Никто ведь не знает заранее решения Суда и надеется на лучшее. А многие просто не верят в Бога и воскресение. Так что все мы, живые, в одинаковом положении – такова Божья премудрость.

– Ну хорошо… – Александр ещё не понял, чем закончится эта логическая цепочка, и был в недоумении. – А после? После смерти?

– Все мы умрём и превратимся в прах, в том числе и наши души. Потому и в земле не будет меж нами разницы. И сожаления об упущенной будущей жизни не будет. Воскресение – это дар, который в могиле точно уже никто не ждёт. Мы там все равны – никто не обижен.

– А после? Кого Бог воскресит, тот…

– Воскресению могут радоваться только воскресшие те, кто жаждал новой жизни. А остальные даже сожалеть не будут, потому что их нет. И ждать каждому одинаково недолго, даже если до этого дня целая вечность. В могиле времени нет.

– Согласен. При жизни каждый ищет своего, а после смерти никто не будет обижен – прах не обижается. Но как же те, кто любил друг друга? Они разлучатся? Одни воскреснут, другие нет? Разве воскресшие не будут сожалеть и страдать из-за погибших?

– Ты сам знаешь – будущую жизнь можно пригубить уже сейчас. Если кто-то верит в неё, тот почти счастлив, имея цель и мечту. Цель – она многого стоит. Насладятся же будущей жизнью те, кто хорошо распробовал её на дегустации. Это как дорогое вино. Мы его

дегустируем, бутылку же откроем после воскресения. Как и сказал Иисус. А собутыльники? Те, кто дегустировали любовь? Нет, друг ты мой, они уже не расстанутся. Они все, как одно целое.

– Угу, – Страхов помолчал, переваривая услышанное и шевеля вставленной в волосы пятернёй, словно он ворошил гнездо. – Сергей, дружище… но чем же я отличаюсь от обезьяны, если у меня нет бессмертной души? Я имею в виду эту жизнь. Сейчас.

– Но ты же дегустатор. Нет? – я не мог не рассмеяться, глядя на взъерошенного и ставшего похожим на кукушонка Страхова. – Мы пробуем новое вино. Соединяем свой дух с Божьим. Наша душа временная, но она перестаёт вонять смертью, когда становится единой с чистым духом.

– Нет, ты скажи, чем я лучше обезьяны, если пока не приступил к дегустации? – иногда Страхов бывал невыносимо тупым и упрямым.

– Ты сам не видишь разницы? В тебе есть дух. Ты разумен благодаря духу. Ты будешь всегда побеждать материю, имея дух. Пусть это не святой дух, а смертный дух сообщества. Ты живёшь в обществе и имеешь его дух, а значит, имеешь цель и смысл жизни, большие, чем ты сам. Большие, потому что человечество больше тебя, оно вне тебя. Это как клетка тела. Тело дарит клетке цель, а само тело поучает цель от ещё большего, от сообщества. И это научит тебя принять ещё большее – дух от Творца.

– И-и? И что?

– Что? Дух рождает цели и веру в их достижение. Никакая обезьяна не имеет цели за пределами одного дня! Вера в цель, воля идти к ней – это проявление духа. Вера творит чудеса – такой подарок нам сделал Бог. В буквальном смысле вера передвигает горы – пусть иногда с помощью тракторов.

Александр поднёс к губам пустой бокал.

– Интересная мысль. Я могу иметь в этой жизни цель, которую не успею достичь… Между прочим, в этом заключена причина

внутреннего страдания, которое отличает нас от животных. Я смертен, а цель далека… Иногда очень далека.

Я замолчал и не реагировал, прикрыв глаза. Каждый бокал вина действовал по-разному – сначала веселил, оживлял ум, дискуссию, потом умиротворял. Последний бокал мог стать таблеткой снотворного. Страхов подумал, что я уснул, и встряхнул меня.

Но я просто не мог оторваться от мелькнувшего было понимания и рефлекторно отмахивался от любой посторонней мысли, как от мухи, залетевшей в ухо и пытающейся добраться до мозга. Через минуту я встал и вернулся к разговору:

– Многие не знают, как почувствовать дух. Он проявляется наличием цели и волей к её достижению. Поиск цели и движение к ней – это свойство духа. А если в тебе дух от Бога, то твоя главная цель – за пределами твоей жизни и даже за пределами жизни стран, обществ, земли, вселенной. И ты её достигнешь, если имеешь веру.

Страхов молчал.

– Материя движется, имея причину в прошлом, а дух движет всем, имея цель в будущем.

Я добавил, чтобы было ещё понятнее:

– Дух самодвижен, ему не нужна причина, он сам движет всё к цели. А материю без духа толкает причина. Материя без духа катится по цепочке причин и следствий.

Некоторое время сидели молча, пытаясь понять сказанное. Я первый прервал молчание:

– Без цели человек всегда в аду – даже если у него есть всё, и он живёт в райском месте.

– Красиво. Или я много выпил? Знаешь, я, когда перепью, для меня все женщины – красавицы. И с мыслями так. Проснёшься и никак не поймёшь, чему восхищался вчера.

Какая удивительная вещь – наше сознание. Оно меняется под воздействием веществ и обстоятельств. Иногда что-то видится лучше,

но формулируется сложнее, иногда – наоборот.

После ухода Александра я долго лежал на диване и думал. Человек всю жизнь борется за то, чтобы утвердить свою личность, сохранить дух, не остаться просто умным животным. Результат бывает разным.

Лет пятнадцать назад российское общество кипело в поисках чего-то: истины, смысла жизни, Бога. Почему всё остыло? Что это за графитовые стержни, которые опустились в раскалённое чрево реактора и снизили накал, горение духа, погасили реакцию?

Дар духа – это дар свободы. Дух освобождает от незыблемого закона причинности.

И вот – дух уходит от нас, гаснет.

Глава 7

Главный свидетель

Старец поправил подложенную под колена пуховую подушечку. Суставы распухли и ужасно ныли, напоминая о годах, проведённых на каменном полу. Старец уже почти полгода диктовал ученику благовестие. Работа шла споро.

– Прохор, пиши. Хотя нет, постой. Иди, подыши, мне нужно обдумать.

Конечно, они недооценили Иоанна Крестителя. Они – простые рыбаки. Что могли они понять в происшедшем тогда? Господь избрал их быть свидетелями своей проповеди, смерти и возвращения к Отцу. Всё, что они видели глазами и слышали ушами, передали дальше. Вот Марк, например. Марк записывал за Петром, потом собрал эти логии в одно целое. Ну и кто автор? И факты местами у него расходятся с Лукой. Потому так важно осмысление и наполнение сухих фактов духом. Важен смысл, а не простая последовательность событий. Потеря смысла, его искажение со временем приведут к утратам и искажениям текста. И всё, на этом конец. Сколько сейчас бродит наглых выдумщиков по общинам, пользующихся силой слова и проницательностью ума. Растащили стадо по своим дворам. Боже, помоги нам!

– Прохор, иди уже. Так, садись. Ты читал от Марка?

– Старче, Вы же знаете – я наизусть помню.

– Что ты думаешь про Иоанна Крестителя. Кто он? Расскажи своими словами.

– Он пророк. Проповедовал покаяние и крестил перед принятием завета, чтобы все покаялись и очистились, – Прохор говорил монотонным голосом, как заученный урок. – Как в древности перед Синаем – тогда тоже все омыли одежды. Только теперь вместо Моисея – Иисус. Через него теперь завет с Богом. Тогда крестились в Моисея, а сейчас в Христа. Он теперь Господь и первосвященник, и судья - и притом навсегда. Пётр сказал о нём: *Итак, твёрдо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, которого вы распяли*.

– А Иоанн крестил Иисуса?

– Конечно, старче, Вы же знаете, что крестил.

– А зачем?

– Как зачем? Написано же у Марка и Луки, что, когда народ крестился в покаяние, исповедуя грехи, *и Иисус с ним, крестившись, молился, отверзлось небо, сошёл дух святой* на Иисуса и был голос: *ты сын мой возлюбленный, через которого я явлю свою благую волю*.

– По-твоему, Христу было в чём каяться?

– Христу?? Ну-у, я не знаю, об этом ничего не сказано. Иоанн крестил в покаяние... И эти слова в псалме: *Боже! ... грехи мои не сокрыты от Тебя.* И там же: *И дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом.*

– Ну а голос все слышали, как думаешь?

– У Марка просто сказано, что Иисус, *когда выходил из воды, тотчас увидел разверзающиеся небеса и духа, как голубя, сходящего на него*. Также у Луки и Матфея. Так и сказано – увидел Иисус. Другие, думаю, не видели и не слышали. Иначе сразу бы признали его за мессию, и

слух бы как ветер разлетелся. Да и для чего бы им это слышать? Иисус тогда ещё не вышел на проповедь, а ушёл в пустыню.

– А у Матфея глас обращался как бы ко всем: *Сей есть сын мой возлюбленный*. Как так?

– Старче. Вы искушаете меня? Откуда мне знать? Но у Марка и Луки сказано: *Ты сын мой*… Значит, обращение было только к Иисусу. Было точно либо так, либо как у Матфея. Кто прав? Двое против одного?

– Нет, здесь счётом не решается. Если голос был Иисусу, от кого о нём узнали апостолы? От него?

– От кого же? Ведь он их учитель. И ещё голос повторился во время преображения Иисуса на горе. И там уже звучало не для него, а для апостолов: *Сей есть сын*… Может, отсюда у Матфея…

Старец не дал договорить:

– Это всё логика, а у меня откровение было. Явился мне некто и показал, как всё было. Иоанн Креститель всё слышал, голос к нему был!

– Старче, будете диктовать? – Прохор схватил стило и подобострастно уставился на учителя.

– Пиши в первую главу слова Иоанна: *Я не знал его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: на кого увидишь духа сходящего и пребывающего на нём, тот есть крестящий духом святым. И я видел и засвидетельствовал, что сей есть сын Божий.*

– Получается, Иоанн Креститель – главный свидетель Христа?

– Так и есть, дитя моё. А про крещение Иисуса мы писать в наше Евангелие не станем – я полагаю, Иоанн не крестил Иисуса. Как можно богу каяться? Или как может бог притворяться крестящимся в покаяние? И потом… крестят ведь того, кто готов следовать за крестящим. Больший крестит меньшего.

– Зачем же, отче, Вы назвали Иисуса богом? У нас Бог один – Отец наш небесный.

– Один Бог, один. Не тревожься, дитя. Бог един, но… В общем, рано тебе ещё вкушать твёрдую пищу, не разжуёшь. Ум у тебя ещё младенческий, беззубый. Так-то. Беги, беги, развейся.

Прохор растерянно посмотрел на старца, но ничего не сказал и выбежал во двор.

X

ЖЕНЩИНЫ И СИЛА

Из дневника С. А.

Маргарита вернулась за полночь. По её глазам, блуждающим, где угодно, но не заглядывающим внутрь меня, я понял, что если она не пересекла черту, то была близка к ней.

В воскресенье проснулись поздно. Ещё в кровати зашла речь о деньгах. Маргарита что-то задумала, но пока не сообщала – хотела лишь узнать, чем мы сейчас располагаем.

– Мара, ты веришь в меня? Веришь, что у меня есть предназначение?

– Если б не верила… Ты почему спросил?

– В ранней юности, почти в детстве со мной произошло одно событие… Я тебе рассказывал?

– Нет.

– Нет?? Хотя… я редко о нём рассказываю. Очень странное, в горах. Мне явилось нечто… Я тогда не понял ничего, искал объяснения. Мой прагматический ум не допускал никакой мистики. Но это явление сопровождало меня всю жизнь и заставляло искать ответ. Наверное, со всеми рано или поздно случается нечто, выходящее за пределы обыденного.

– Ты нашёл?

– Я в поиске. И с тех пор не могу остановиться, пока не доберусь до главного. Я пытался понять, свободные ли мы существа, обладаем ли свободой воли. Это привело меня к вере в Бога, я перебрал все богословские теории, и вашу, православную, в том числе.

– И-и?

– Я продолжаю искать, потому что везде вижу примеси человеческой мудрости и лжи.

– И какова твоя цель?

– Я её пытаюсь отгадать. Знаю только, что Бог за мной присматривает. Почему? Я столько раз добивался невероятного и избегал неизбежного, что точно знаю: это делал не я сам.

– А ты знаешь, когда женщины верны и когда они изменяют?

– Просвети меня.

– Они интуитивно идут за тем, у кого есть цель и вера в её достижение. То есть дух и сила. Они нутром знают, что имеющий веру достигнет цели. И если цель им по душе… они готовы идти до конца.

Маргарита уже опаздывала, встала, быстро оделась и ушла. Её формы были прекрасны, как у молоденькой девушки, и годы только фиксировали это совершенство.

Сижу за дневником: мысли распирают, бьют раскалённой лавой, как из вулкана. Постараюсь их внятно и покороче изложить. Хотя так редко бывает, если лава ещё не остыла.

Вера… Это интересная вещь – это сила, данная только человеку. Вера – это язык духа, его способ сообщать уму цель и побуждать к действию. Причём, независимо от того, добрая цель или нет, вера достигает цели. Гиперактивностью, физической силой, умом или чудом – неважно. Если есть вера, цель будет достигнута. Иисус сказал: Е*сли бы вы имели веру с зерно горчичное и сказали смоковнице сей: исторгнись и пересадись в море, то она послушалась бы вас.* Это не пример благой цели, но вера достигает и её. Вселенная пластична под рукой человеческой веры, она подчиняется ей. Всё, что совершено в

истории, достигнуто часто безумцами. Они верили в достижение цели без доказательств, без достаточных рациональных оснований. Пётр, Сталин. Совсем уж фанатик, веривший в невозможное, – Ленин. А остальные чувствуют веру вождя и встраиваются в фарватер. Ими тоже движет вера, но меньшая, ей нужен видимый глазу маяк, промежуточные успехи или чудеса, верующий вождь. И у них есть дар от Бога видеть харизму, веру лидера, полководца, царя и вдохновляться ей.

А женщины ещё более чувствительны, у них лучше чутьё. Они любят силу.

Не зря же Павел сказал, что в основание веры учеников положил не убедительность слов человеческой мудрости, а явление духа и силы. Они видели его несгибаемость, упорство и силу, позволяющую достигнуть результат. И шли за ним.

А Христос? Он бог и всё знал? Или он человек и верил? Верит тот, кто не знает до конца. Если он взошёл на крест, зная, что воскреснет, кричал бы он: Боже, почему ты меня оставил? И те, которые умирали за свою веру? На кого бы они взирали, как образец? Но Иисус назван Павлом начальником и совершителем веры. Он совершил то, во что верил.

Давний вопрос. Чудеса совершаются у христиан, буддистов, язычников, мусульман и… атеистов. Или все врут, кроме христиан? Нет. Значит, дело не в истинности веры? Неужели?

Неужели Бог даёт через веру то, что человек хочет, каким бы ни было желаемое: добрым или злым, и кто бы ни был этот верующий? Цель верующего нередко бывает совершенно глупой или корыстной, или даже злой, но цель достигается. Бог, конечно, смотрит на всё, но больше на веру! Различать добро и зло – для этого нужен опыт и разум, этому учатся. Человек, может, творит зло, не ведая.

Вера выше различения добра и зла.

Меня этот вопрос давно занимал. Давид, хотя верил Богу, сделал немало злого в молодости, но был успешен. Вера важнее! Но что она

такое?

Вера – свидетельство наличия духа. Это есть проявление духовности человека, его не полной материальности, доказательство, что когда-то Бог вдохнул в него особую жизнь. Пусть сейчас в нас уже не дух Божий – мы его потеряли и не все обрели заново. Пусть в нас суррогат, смертный дух, дух роя, эгрегор…

Королёв построил ракету, и луноход сел на Луну. Он захотел и сделал. Нужно это осмыслить… да, это ключевой момент в вопросе духа и веры. Если мы живём в мире физических законов, то участие в космической программе есть просто осознание своего места в потоке причин и следствий. Разве может человек, сам состоящий из атомов и подчиняющийся только законам материального мира, повлиять хоть на что-то? Декарт думал, что нет. Задай координаты и скорости всех атомов и узнаешь будущее, и повлиять ты на него не можешь, потому что сам из материи и подчинён её законам. Ты включён в расчёт. Мы давно ушли от столь наивной философии, но… Принцип неопределённости, точки бифуркации, бильярд Синая и прочее – мы узнали, что невозможно даже теоретически спрогнозировать будущее, но это не дало нам свободы. Случайность – это те же кандалы, что и причина…

Но Королёв сделал ракету!

Цель. Можем ли мы поставить цель и достичь её? Вот главный вопрос. Королёв показывает, что можем. Он придумал цель, а не спрогнозировал поток событий, и цель достигнута. Но почему, оглядываясь назад, мы обнаруживаем цепочку причин и следствий? Так, словно всё произошло по законам материального мира? Почему эта цепочка привела к цели, выбранной свободным духом, если дух не связан законами? Поля и молекулы так сложились? Луноход изобрели, запустили, и он прилунился? Ум, оглядываясь, ищет и находит цепь причинно-следственных связей, ему нравится, когда всё совершается по закону.

Это дуализм цели и причины, своего рода симметрия. Она обеспечивается духом и пластичностью материи, её подчинённостью

духу. Материя движется по указке духа от причины к следствию и опять к причине, и опять к следствию, то есть по своим законам, по законам природы – но траектория всегда направлена к цели, которую определил дух.

Как это достигается? В каждой точке времени перед материей есть веер возможностей, определяемых причинами, законами и абсолютной случайностью, вроде принципа неопределённости Гейзенберга. Если нет цели, то всё катится по случайной траектории причин и следствий внутри этого веера. Но когда дух поставил цель, то он тащит материю по нужной ему траектории в пределах этого веера в сторону цели.

До появления человека вся наша грандиозная вселенная не имела цели. Такого понятия не существовало. Были только законы, причины и следствия. Чего нет, то невозможно представить. Но Бог низвёл цель в творение и соединил её с прахом, которым был человек до обретения духа. Между сотворением человека из человекоподобной твари и появлением во вселенной понятия цели можно ставить знак тождества.

Что ещё может удивить больше? Вселенная в лице человека научилась ставить перед собой цели. До появления человека цели ставил только Бог. Но в седьмой день он почил, создав человека. Если человек не будет вести вселенную к правильной цели, она покатится к хаосу. Впрочем, это неизбежно.

Теперь о том, как в этом участвуют добро и зло. Бог дал человеку свободную волю и силу над материей. Но, имея злую цель, сердце не восславит Бога и не будет радоваться, когда её достигнет. Не сможет, даже если петь псалмы. Чтобы обрести радость, нужно выбирать благую цель – чтобы, достигнув, прославить Бога! Так Бог поощряет нас к доброму, не лишая свободы. В этом разница целей.

Материя живёт прошлым, причиной, а дух, вера живут будущим, целью.

Пора идти. Вечером допишу.

Нет, ещё одна мысль. Поразительно, нам из-за этих машин вокруг кажется, что мы достигаем цели, благодаря им. Но каждый из нас имеет только десять пальцев и ум. Только ими мы залезаем в микромир, уже видим и захватываем в ловушки атомы. И летим в космос, наблюдаем в телескопы планеты в других звёздных системах. Освобождаем энергии атома. Животные могут передвигаться на расстояния, сопоставимые со своими размерами, и воздействовать на мир энергиями, сопоставимыми с энергией съеденного банана. А мы залезли не в свои размерности. Всё это небольшими, мягкими пальцами и умом.

Продолжение.

Маргарита пришла домой раньше и сидела в кресле перед iPad, поедая черешню.

Обнял её сзади, обхватив чуть ниже груди и двигаясь вверх. Она продолжала смотреть в экран и выплёвывать косточки в чашку. Не отрываясь от этих занятий, сказала:

– Ты решил, что делать с деньгами?

– Это на фильм. Буду снимать.

– А потом? Ну снимешь… И?

– Что и?

– Что с оставшимся? Прибыль будет?

– У тебя есть идеи?

– Если у тебя… если у тебя нет идеи, то я сделаю коррекцию груди, ещё…

– В сторону увеличения или уменьшения?

– Дурак!

– Постой, постой. Я обдумываю … я обдумываю. Впрочем, на это не деньги нужны…

– На что?

– Мы не договорили утром о цели. Смысле пребывания… Знаешь, мы живём во времена, когда ни у кого нет ни одной сколь-нибудь значимой цели. Пусть утопической, глупой, злой, безумной – никакой. Никакой бескорыстной цели, ничего, кроме бабок. А что не про деньги – всё равно ради них. Всё вертится здесь, в мире атомов и энергий.

– А-а, зацепило?

– Да. Но цель должна выводить нас из мира материи, чтобы мы стали свободными. Знаешь, мне в машине такая мысль пришла, пока ехал. Про беспилотный автомобиль. Всё его движение описывается законами материального мира. Кроме цели. Когда адрес ввели в мозг машины, с этого момента действуют причины, следствия. Но кто определил цель? Цель могла взяться из жизни пассажира, из его прихоти мимолётной, из прочитанной книги, случайной смс-ки. Но этого всего в мире машины не существует, во всяких там электроцепях, поршнях, контроллерах. Эта цель не подвластна миру машин. Можно сказать, в пассажире нет ничего, что мог бы понимать автомобиль, никакой причинности, нет физики. Так и дух человека для тела – пойди, найди, откуда он посылает сигналы и как определяет цель. Но он это делает!

Маргарита задумчиво посмотрела на меня и промолчала.

– Теперь буду искать...Что хочет от меня Бог?

Маргарита как-то странно посмотрела на меня и хмыкнула.

В двери я обернулся и сказал, глядя жене прямо в глаза:

– Веру… способность верить Бог проверяет верностью. Верны ли мы друг другу? Если верны, то можем верить Богу. Не зря в греческом вера и верность – одно слово: πίστις.

Маргарита вздрогнула и опустила глаза.

Глава 8

Было слово к Филону...

– Отец наш родной, радуйся.

– Да будет с вами благосклонность Отца светов и Господа нашего Иисуса Христа.

– Отче, пришли за твоей помощью.

– Рад вам помочь, дети мои. В чем беда ваша?

Старец Иоанн внимательно слушал. Гости рассказывали о делах в Лаодикии. Там в общине у них всё крутится вокруг Ахилла, который оказался умным, но падким до славы и денег. Он такие порядки завёл, что к нему без поклона никто теперь и не входит. Письмо моё, говорят, читать не стал, даже не распечатал. Все в общине без его благословения теперь и руки мне не подадут – запуганы отлучением. По учению этого Ахилла Христос – это один из высших эонов, составляющих плерому. Он снизошёл на человека Иисуса. И они спорят бесконечно, сколько там этих эонов и какой из них главнее. Раздробились так, что и не общаются, анафематствуют один другого.

– Отче, ты видел мужей апостольских, слышал их речи. Напиши нам так, чтобы споры наши утихли. Мы знаем, куда Господь ходил, все его слова и притчи. Но некоторые так толкуют, а некоторые иначе.

– Пишу, дети, пока свет есть в очах моих. Будет вам слово. А пока храните благую весть и не пускайтесь в словопрения бесплодные. Храните себя.

Гости ушли.

Старец задумался. Мой учитель Филон всё это предвидел, знал заранее. Сколько мудрости дал ему Господь! Учитель поставил Логос выше всякого творения, одесную Бога. Он единственный, через кого Бог творил мир. Он сила Бога, он его Премудрость. Но и о нём ещё учитель не знал всего, что теперь открыто нам. Чем ближе мы мыслим Логос к Отцу, тем меньше глупых теорий возникает в головах этих эллинов, привыкших бесконечно спорить и мудрить. Боже, дай мне мудрость сказать всё!

– Прохор, ты где, дитя моё?

– Старче, я собирал гостям в дорогу, а сейчас прибираюсь в горнице.

– Садись, садись, пока я помню. Да, ты читал мои выписки из учителя моего Филона?

– Конечно, старче. Но это слишком мудрёно для меня.

– Ничего, мудрость придёт. Я старца и видел-то один раз, когда он был с посольством к Гаю. Я больше по книгам у него учился. А сейчас вспомнил его трактат о сновидениях. Он там пишет о Логосе, называя его богом. Помнишь, когда Иаков собрался бежать от Лавана, Бог обращается к нему и говорит: Я Бог, открывшийся тебе в месте Бога, то есть в Вефиле. Здесь старец мой разъясняет, что сделался видимым Иакову именно Логос, то есть Сын. *Бога* же *не видел никто никогда*, но Сын его явил. *Видевший Слово, видел Отца*.

– Так, может быть, Логос – не бог, а только умное проявление Бога в мире?

– Проявление? – старец сверкнул глазами. – Что ты, Прохор. Проявление… Старец мой Филон и говорил, и писал, что Логос – это не тот самый Бог, не Отец, но при том он и Логос называл богом. И говорил, что бог один.

– Как это? Так их два или один? И кому молиться?

– Это трудно вместить в наш разум – он слаб. А ты ещё и мал, ещё дитя, – Иоанн часто так называл Прохора, словно не замечая пробивающийся пушок под носом и на подбородке. – Да, и ещё старец много писал, что Бог всё сотворил Логосом. Запиши, вот начало благой вести: *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё чрез него начало быть, и без него ничто не начало быть, что начало быть.* Мы с тобой начали Евангелие с середины… Но ничего, соберём всё в одно… Да, да, а это будет началом.

Старец замолчал. Его огромные голубые глаза, свободно вращающиеся в голове, повернулись вверх, почти закатившись под верхние веки. Прохору стала страшновато от этих белых яблок в

глазницах. Наконец старец вернул глаза на прежнее место и продолжил диктовать.

– Ещё запиши: *Бога не видел никто никогда; единородный бог, сущий в лоне Отца, он явил.* Или подожди, пиши: *единородный сын*. Нет, постой, пусть останется: *бог*.

– А вот эту, вторую мысль, её вперёд поставить или после первой?

– Ты её запиши. Мы потом найдём ей место. Это для памяти. А первая запись – это начало Евангелия.

– Старче, а может, перед этим написать, что в год такой-то правления кесаря Гая Калигулы было слово к Филону, сыну…

– Стой, стой, куда поскакал? Мысль – не лошадь, её нужно за ручку вести, осторожно. Я чему тебя учил? Будь стражем своих мыслей. Начало это не просто возникло, я о нём много думал… Укажем, кому было откровение, начнут спорить, а пророк был Филон или не пророк? Сейчас время споров. Не нужно этим спорщикам давать пищу. Истина, она истина и есть – не важно, через кого она вошла в мир. Понял?

– Да, старче.

– Ну вот и молодец.

XI

АСКЕТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ

Из рассказа Сергея Афанасьевича о своём друге.

Маленький Саша Страхов очень боялся смерти от какой-нибудь неизлечимой болезни. Когда ему было шесть лет, он попал с родителями в автомобильную аварию и едва выжил. Ужасные сны с тех пор сопровождали всё его детство. С возрастом страх не ослабел, Саша считал уже прожитые и ещё оставшиеся годы. Время в его восприятии бежало всё быстрее. Ещё в школе он придумал теорию, согласно которой индивидуальное время воспринимается неравномерно, его кажущаяся скорость пропорциональна отношению

прожитых и оставшихся лет. Страх смерти побуждал его всю жизнь искать спасение от неё.

Учёба в школе давалась ему легко. Девушки заинтересовались им рано. Некоторое время он не знал, как себя вести, но довольно скоро освоил нехитрую науку соблазна. Выпивать, курить и обладать женщинами он начал в школе. Сейчас почему-то считается, что советская школа была чуть ли не пуританской – это всё навет. При этом, он был силён, занимался борьбой и много дрался.

В семнадцать Страхов приехал из Ашхабада в Москву и поступил на химфак МГУ, на следующий год его забрали в армию. Вернувшись в Москву, Александр окончил университет, можно сказать, на зубах дополз. Здесь он залпом прочёл все книги Карлоса Кастанеды. Раньше он был до мозга костей атеистом, не верившим ни во что, кроме физических констант. Но Кастанеда явно не лгал: всё, о чём он написал, было его реальным опытом. И этот опыт оказался столь обширным, подробным и взаимосвязанным, что Александр поверил в кастанедовское описание реальности. После МГУ его чудом взяли в Германию в институт Макса Планка, а потом он переехал в Бостон. Но работал там не по специальности – пытался зарабатывать везде, где больше платили.

В Бостоне Страхов сожительствовал с красивой русской еврейкой Регионой, отец которой работал в библиотеке Конгресса. Однажды он возвращался с ней и другом из паба на старом «ягуаре», который почти всегда был неисправен. Они ехали с ветерком, но было скользко, и их занесло. Спутники погибли сразу, Александр был некоторое время в коме. Так судьба почти повторила предупреждение, выданное ему в детстве.

Страхов вернулся в Россию, работал послушником в монастыре, стал писать иконы. Жизнь перевернулась, встала с головы на ноги, или наоборот. Во всяком случае, перемена помогла примириться с потерями.

Вопреки общепринятому мнению существует огромное количество православных сект, не находящихся между собой в общении: это

разнообразные катакомбники, греки-старостильники разных синодов, сербские церкви, осколки РПЦЗ. В одну из таких сект попал Александр в поисках настоящей церкви, а не бюрократической организации, коей является официальная патриархия. Опыт пребывания в секте был болезненным, но практически бесценным.

Интернет в то время только начинал проникать повсюду, и каждый, кто там проявлял активность, сразу оказывался на виду. Александру попалась в сети аудиопроповедь одного зарубежного священника – отца Андрея. Он рассказывал неслыханные вещи об опыте внутреннего делания. Александр открыл с его помощью Добротолюбие, Лествицу, Брянчанинова, Исаака Сирина, всю святоотеческую литературу. Это было, как взрыв бомбы. Кастанеда померк и забылся на их фоне, как фонарик в яркий день.

Чтение святых отцов открывало внутренний мир. Александр загорелся всё испытать на опыте, читал по пять тысяч иисусовых молитв в день, почти как в «Откровенных рассказах странника своему духовному отцу», испытывал перебои сердца, головные боли, потом опыт внимательной молитвы, когда ум не отвлекался ни на что постороннее, потом самодвижущейся молитвы, особые состояния невероятной ясности. Все это изменило ум и дало ему силу, и научило внимательности, так что Александр мог читать тексты, замечая то, что другие пропускали. Однажды он молился перед иконой Богородицы с младенцем, всматривался в её глаза, и вдруг его как молнией пронзило понимание, что такое любовь матери к сыну. Это было всеобъемлющее чувство, заполонившее его целиком. Он стоял и не мог шевельнуться от понимания, что есть истинная жизнь и насколько человек мёртв в обычном состоянии. Он увидел, что вне этого состояния мышление, логика, рассуждения подобны мёртвым опавшим листьям, из которых ушла жизнь. Пережитое им тогда больше не повторялось, разве что с существенно меньшим эффектом.

Любому, кто сталкивался с наукой внутреннего делания и достигал особых состояний, было ясно, что он обрёл невероятное богатство, ради которого можно уступить всё, в том числе житейский успех, карьеру и прочие земные радости. Это было великим утешением в

невзгодах и надеждой на лучшее для оставивших всё ради молитвы, живших в затворах, кельях, пещерах, вдали от людей. Они верили, что так действовал Утешитель, о котором сказано в Евангелии Иоанна.

Для большинства попавших в секту подателем этих «духовных» даров казался её основатель отец Андрей – не у всех была длинная ложка, чтобы черпать пищу прямо из трудов древних отцов. Это требовало большого труда.

Александр смог остановиться прямо перед пропастью, в которую упали и больше не выбрались другие члены секты. Несмотря на многолетние аскетические опыты, тонны переваренных святоотеческих трудов, ему удалось принять важные решения. Прежде всего он отбросил все духовные практики, как искусственный способ спасения, попытку схватить Бога за бороду, как ложную святость. Он рассказывал, что однажды ясно увидел всё это. С тех пор он стал молиться естественно, славя Бога и прося у Него помощи в жизни так, как просят отца в семье; оставил мантрование, к которому, несомненно, относится Иисусова молитва. Постоянное возбуждение в определённой области мозга перестало вызывать секрецию внутренних наркотиков типа энодорфинов, и ушли особые состояния, видение божественного света, непередаваемая радость. Александр не употреблял наркотики, но легко представил, что такой эффект мог быть от хорошей дозы. Вера без эффектов чище, и радость глубже. Александр всегда был мистически настроен и религиозен, в отличие от меня.

В те времена мы много читали и обсуждали. Так мы узнали, что внутреннее делание пришло в Россию одновременно с возвращением с Афона Паисия Величковского и его соратников, которые перевели многие древнегреческие писания на русский язык. Одним из первых, кто попал под их влияние, был основоположник плеяды оптинских старцев Лев Оптинский (Леонид), который в молодости познакомился с учеником Паисия Величковского Василием.

История жизни Льва Оптинского весьма показательна и поучительна, и её стоит привести. Вместе с Василием они побывали в нескольких монастырях, где неизменно производили фурор. Монахи собирались

вокруг них, оставляя начальство и духовников. Так случилось и в Валаамском монастыре. Его настоятель в отчаянии написал письмо с жалобой на Льва и Василия митрополиту, дело дошло до министра духовных дел князя Голицина, который прислал для разбора дела уполномоченное лицо. Но и оно попало под влияние Василия и Льва. Монахи сутками сидели у этих двоих, слушая их наставления, но теперь уже вместе с присланным из Петербурга церковным чиновником. Монастырская жизнь пришла в совершенный разлад, и Льву с Василием пришлось-таки оставить Валаам и перебраться в Александро-Свирский монастырь. Лев после смерти Василия переехал в Площанскую пустынь, а затем поселился в Оптине. Ученик Льва святитель Игнатий Брянчанинов позднее узнал подробности этой истории случайно, о чём писал брату. Он к тому времени уже серьёзно болел и подыскивал себе спокойное место. С этой целью епископ Игнатий посетил ряд монастырей, в том числе Валаам, где всё узнал из первых уст. Автор знаменитых Аскетических опытов искал и постоянно находил подтверждение своим выводам об опасности духовных практик, ворвавшихся в Россию из афонского осколка Византии.

А за много лет перед тем в Петербурге молодой студент военно-инженерного училища Игнатий Брянчанинов встретил Льва Оптинского в Александро-Невской лавре, куда регулярно ходил на богослужения, и был очень впечатлён разговором с ним. Он так увлёкся, что сразу попросился в духовные чада Льва и был им принят. В то время Брянчанинов был одним из лучших учеников инженерного училища, был отмечен самим императором Николаем I, но, оставив обучение и став иноком против воли отца, поселился в Оптинской пустыни на послушании у Льва. Его ждало жестокое разочарование. Рассказы Льва Оптинского завораживали, и в них прямо чувствовалась реальность духовного мира. Но вскоре выяснилось, что Лев лишь пересказывал опыт древних отцов, сам его не имея. Таково свойство аскетической литературы: она настолько точно описывает внутренние движения человека, что одно её прочтение создаёт иллюзию обладания духовными силами. На деле читатель становится сначала только наблюдателем. Чтобы пользоваться этим знанием, требуется изменить образ жизни и вступить, как говорили отцы, в духовную

брань. Делание требует аскетизма и уединения, а в общине Льва царили расслабление и пустые разговоры. Сам Лев Оптинский это знал и переживал об этом. Брянчанинов его любил, как друга и первого наставника, но никогда не причислял Льва к достигшим духовных степеней древнего монашества.

По смерти Льва ученики сразу же объявили его святым. Они сочиняли и пересказывали многочисленные истории про якобы совершённые Львом чудеса и сбывшиеся пророчества. Игнатий писал друзьям и брату, что оптинцы таятся, чтобы эти рассказы не донеслись до его слуха. Он ненавидел лукавство и был противником практики ложного прославления.

Вообще Брянчанинов пользовался огромным авторитетом и при нём о канонизации любого из оптинских старцев не могло быть и речи. Познав на опыте опасность духовной литературы для живущих в миру, Игнатий в своих трудах предупреждал и настаивал, что всё это предназначено только для особых условий жизни – для монашества, притом в его древнем изводе.

Прославление Льва Оптинского весьма показательно – так сочиняются мифы о святости, придумываются чудеса, потом пишутся иконы и молитвы небожителям, и христианство перерождается в язычество.

Оптинцы, познав силу духовной литературы, серьёзно принялись за перевод её на русский язык и стали популяризаторами этого древнего знания в России. Получив его, они завладели умами почти всех богоискателей в стране и получили в этой среде огромный авторитет. Толпы паломников отправлялись в Оптину для духовных бесед. Кто только ни увлекался тогда иисусовой молитвой, анализом своих внутренних движений, ощущений, переживаний и духовной бранью. Почерпнутое из чтения духовной литературы знание для большинства мирян и священства стало неотделимым от христианства вообще и даже его сутью. Ничего для перемены жизни и преображения человека оно не давало, но увлекало весьма, особенно знатных женщин и интеллигенцию. Это было своего рода духовным самоистязанием вперемежку с самоудовлетворением

дореволюционной элиты. Так возник в России популярный до последнего времени институт старчества.

Повторение этого явления произошло в девяностые годы XX века, спустя более ста лет. Интересно, что увлечение духовными практиками в обоих случаях совпало со смутой в государстве. Кстати, на Западе из духовных практик получила широкое распространение только медитация. Она была недостаточно таинственна и глубока, поэтому в XX веке на Западе роль оптинцев сыграли тибетские буддийские монастыри и индийские йоги.

Александр был одним из многих, кто попал в эти «духовные» сети. Он пережил то же, что и Игнатий в отношении своего духовного отца, только в ещё более контрастной форме. Его старец оказался очень речист и глубоко понимал Писание и труды отцов, но личного благочестия не имел вовсе. Он был сребролюбив и похотлив.

Выйдя из секты, Александр примкнул к зарубежникам, не присоединившимся к Московской Патриархии вместе с митрополитом Лавром, затем вернулся в патриархию. Сделав круг, он оказался в исходной точке, но так и не нашёл того, что искал – истинного братолюбия и церкви. Вопрос о церкви, где она и что из себя представляет, стал для него главным.

Примерно в это же время Страхов во второй раз отправился на Афон. В один из дней он прибыл в Богородичный скит Ксилургу, древнейший скит русских на Святой Горе. Здесь и подвизался в своё время Паисий Величковский. Теперь Ксилургу была заросшей, давно заброшенной обителью, так и не поднявшейся после известной истории начала XX века с имяславцами, когда с Афона были удалены почти все русские монахи.

Монахи под руководством эконома расчищали заросли и жгли ветки. Постепенно открывались великолепные древние камни, террасы, стены. Там Александр познакомился с отцом Вонифатием, который стал его другом, правда, ненадолго. Он выглядел крепким, но умер через две недели. Монах успел сказать Александру всё самое важное и указал ему направление поиска. До этого Страхов два года искал

ответы в книгах. «Письма к друзьям» Михаила Новоселова (еп. Марка) и Хомяковская «Церковь Одна» были, пожалуй, лучшими размышлениями о церкви, которые он встретил. Но проще и понятней об этом в немногих словах поведал именно отец Вонифатий.

– Представь, – говорил он, – что семья решила временно приютить мальчишку, бездомного попрошайку с вокзала. Просто встретили его там и позвали к себе. Он недоверчивый, привык к обману. Дома то одно стащит, то другое по привычке. Взрослые замечают, но не наказывают сильно. И в семье правила – совсем другие, чем в мире, на вокзале. Там всё берётся силой и хитростью. А здесь слабый имеет больше всех, ему все помогают, будь то ребёнок или бабушка с дедушкой. Никто не отвечает злом на зло и прощают, если осознал ошибку. Дают всё даром, не ожидая возврата. Мальчишка не верит пока, ищет подвоха – что это за царство с такими странными законами? День идёт за днём, и он постепенно понимает, что никакого обмана нет, и меняется сам. А потом говорит: пожалуйста, возьмите меня в семью, я хочу быть с вами всегда, быть одно с вами. Эта семья и есть единство Божьей благодати, то есть церковь. И образ будущего века, будущей вселенной.

Отец Вонифатий не считал монашество верным путём. Но, как и любой образ жизни, оно может помочь прийти к Богу. Не лучше и не хуже иных.

Прошли годы. Интернет дал мгновенный доступ миллионам к ранее скрытой от глаз в библиотеках и архивах информации, книгам, документам. Страхов и я были погружены в это с головой. Мы узнали, что чётки, короткая повторяющаяся молитва, умное делание и внутренняя борьба – это не открытия христианских подвижников, как казалось Игнатию Брянчанинову или оптинским старцам, да и самому Александру. К Нагорной проповеди труды и практика монахов не имели отношения. Напротив, аскетизм и отшельничество в немалой степени противоречили благой вести и указанному в ней пути спасения. Христос и апостолы были всегда в гуще людей и не призывали никого замыкаться на себе. Тем не менее многие пытались найти основания для монашества в писаниях Нового завета. На самом

деле вся аскетика и молитвенный подвиг монашества – это плоды поиска и тысячелетних трудов подвижников от Индии до Египта, веривших и служивших разным богам. Это те средства, которыми язычники, не имевшие завета с Богом, пытались приблизиться к Нему. Услышав благую весть, некоторые из них её приняли, а некоторые вступили в ожесточённую борьбу с ней. В те далёкие времена учение Христа принимали и понимали каждый по-своему: крестьяне, ремесленники, философы, анахореты. В той или иной мере их жизненный опыт и знания были использованы для осмысления христианства, а их практика привнесена в христианские общины и христианскую жизнь. В том числе и опыт умной молитвы, и аскетические подвиги, так же как поклонение изображениям, возжигание ладана, мистерии и прочее. Каждый находил в Евангелиях подтверждения своему пути, толкуя слова Христа на свой лад. Некоторое сочиняли подложные писания, искажали евангельские тексты, придумывали жития и истории чудес. Но, так или иначе, весь мир перевернулся и преобразился под влиянием благой вести. Знание о Боге наполнило мир, христианская этика стала общечеловеческой, жизнь по совести и вере воспринимается теперь как общий для всех идеал. Что ещё? Ряд сообществ присвоил себе статус представительств царства Божия на земле. Богословские теории, ритуалы, аскетика, сталкиваясь между собой, сопровождали распространение благой вести по всему миру, а потом мы увидели то, что было предначертано изначально словами Иисуса: отступление.

Это понимание нисколько не ослабило уважения и любви Александра к почившему Вонифатию. Напротив, он был уверен, что именно Вонифатий дал ему толчок в нужном направлении.

На этом заканчивается длинное отступление от общего повествования, построенное на основе рассказов и записок Сергея Афанасьевича о своём друге Александре Страхове и его поисках царства Божия.

Глава 9

Пчёлы и мёд

Материалы сценария.

Надпись карандашом: *Иоанн крестил одновременно с Иисусом в Иудее (Евангелие от Иоанна) или был схвачен до начала служения Иисуса в Галилее (рыбаки)? Вопрос принципиальный: в чём заключалось служение Крестителя?*

Эпизод 1. Арест Иоанна.

Площадь в маленьком городке. Суббота. Возле синагоги, как обычно, после субботнего чтения и молитвы что-то обсуждают. Из синагоги вышел Иаков, скорняк, который переехал недавно из Капернаума с молодой женой. Он подошёл к группе, громко обсуждавшей новости:

– Шалом. Слышали?

– Да, все об этом говорят. Иисус-назорей исцелил дочь Иаира. Прикоснулся к ней, и она встала. А она была то ли при смерти, то ли уже умерла. Когда Иисус пришёл исцелять её, плакальщики смеялись – им никогда не платят, если вопрос ещё не решён на небесах.

– Назорей в дом с мёртвым не должен входить. А уж прикасаться? Это против закона.

– Он сказал, что она спит, а не умерла.

– А-а, если так… Тогда что за чудо?

Иаков не мог вставить ни слова, пока не вскипел:

– Да остановитесь уже. Я не о том. Ирод казнил Иоанна прямо на пиру в Махероне.

Все голоса разом смолкли и стали окружать источник новости, как пчёлы матку.

– Это правда? Он что, Бога не боится?

– Главное, что он прокуратора не боится. Схватили Иоанна в Иудее или нет?

– Некоторые говорят, что Ирод выманил Иоанна во дворец в Махерон. А это его область.

– Да, иначе сразу бы донесли Пилату, – скорняк стал говорить тише, и кольцо вокруг него сжалось. – У меня жена вчера была у сестры в Капернауме, вернулась поздно. Она как пчела – с утра на рынок летит слухи собирать, там всё гудит от этих пчёл. А потом она меня этим мёдом кормит. Так вот, все разговоры в Капернауме про это. Говорят, Ирод скрывал связь с Иродиадой от своей жены, а Иоанн везде обличал его. А Фазелис – это жена Ирода, гордая набатейка, дочь царя Ареты. Так Ирод боялся, что она узнает и прибежит к отцу жаловаться, вот и арестовал Иоанна, но она всё равно всё узнала и сбежала к отцу. Арета теперь собрался на Ирода войной из-за оскорбления, а у него войско-то посильнее Иродова. А Иродиада в отместку не побоялась убить Иоанна.

– Вот змея.

Больше Иаков ничего не знал про казнь Иоанна. Толпа опять разбилась на группы, и обсуждение новости продолжилось намного громче и оживлённее. Нельзя было понять, кто говорил – из общего гомона выделялись самые звонкие голоса.

– Выходит по всему, что Иоанн не машиах?

– Да он и сам говорил, что не он.

– А кто же? Он проповедовал царство Божие, говорил: покайтесь, близко уже. И крестил.

– Сказал, что придёт после него некто, кто очистит всех не водой, а огнём. И ещё духом.

– Огнём – понятно. А духом, это как?

– Ну ты даёшь, Фаддей! Не знаешь, как? Ты же завидуешь Малке из Вифании, что у него жена такая красавица.

– Ах ты сволочь!

Один из толпы, видимо, Фаддей, невысокий рыжий мужичонка, подпрыгнул и обеими руками толкнул в грудь собеседника, который был значительно выше и крупнее.

– Постой, постой, Фаддей. Это я для примера. Вот ты набросился, горишь от злобы. Прости.

– Какого примера, сволочь! – Фаддей, как маленький петушок, взъерошился и стоял напротив большого и спокойного, готовый прыгнуть.

– Прости, это шутка. Шутка. Видишь, ты меня убить был готов. Это дух всё.

– Дух? Да это ты, а не дух никакой, – Фаддей быстро остыл и уже смотрел на собеседника просто с укором.

– Ну я… и дух, который в тебя вошёл. Гордость там, злоба… Нечистый дух, словом. Гордый ты, Фаддей – готов убить, если что. А от машиаха будет другой дух, святой.

– А откуда он его возьмёт? От Бога, что ли?

– Бог помажет его. Всякое благо от Бога, и дух святой тоже. Пророки говорили, что козлёнок будет со львом вместе, и аспид с ребёнком. И не будут друг другу вредить. Дух всё меняет. Он этим духом будет очищать.

– Ага, ну и ба-асни…

– Может, и басни. А может… увидим ещё.

Эпизод 2. Слухи о воскресении Иоанна. Зелоты.

Через месяц. Площадь Капернаума. Большая толпа по обычаю собралась возле синагоги. В центре Анания, Еремей, Иосиф, Левий обсуждают новости:

– К Иисусу теперь не пробиться, столько народа.

– Говорят, это Иоанн воскрес.

– Ага, это Ирод пустил слух: якобы Иисус – это воскресший Иоанн.

– Неужто верит в воскресение?

– Это он для народа. Народ зол на него за Иоанна – как бы бунт не случился. А если Иоанн жив снова, какие вопросы к Ироду?

– Хитёр царь. Многие-то и не знают, что Иисус объявился здесь, когда Иоанн ещё жив был.

– Жив-то жив, да уже был в тюрьме, где-то в Махероне. А нынче убит. Получилось, что Иоанн пропал, а Иисус появился. Вот и верит народ слухам про воскресение Иоанна.

Среди собравшихся у синагоги было немало пришедших из других мест. Они внимательно прислушивались, что говорили местные. Анания и Еремей, как обычно, задавали тему:

– Кто родом из Капернаума или рядом, те знают, когда здесь Иисус проповедь открыл. А нынче здесь народ не местный. Вот и выдумывают. У Иисуса – вон, родственники в Назарете. Какой же он Иоанн?

Толпа одобрительно загудела. Когда Иисус только появился в Капернауме, Еремей был в лагере скептиков. Он был стар и старался соблюдать правила, но со временем стал большим поклонником назорея:

– Иоанн не исцелял никого. А у Иисуса явно сила от Бога.

Анания же более почитал Иоанна, нежели Иисуса-назорея:

– Иоанн крестил назорея в Иордане. Иисус везде, где появляется, только и говорит, что о грядущем царстве небесном – этому Иоанн первый стал учить. И ученики Иисуса проповедуют покаяние по всей Галилее, как Иоанн.

Кто-то из толпы поддержал Еремею:

– Иисуса тоже за пророка почитают все. Вот уже несколько месяцев, как он проповедует.

– Всего-то? Иоанн больше. Я ж и говорю – Иисус появился, как только Иоанна взяли, – Анания обвёл взглядом толпу.

– А сколько же Иоанн был в темнице?

– Сколько? Да не так долго, – присоединился один из пришедших из Иудеи.

Он едва говорил на галилейском наречии, к тому же шепелявил. Получилось смешно, кто-то в толпе хихикнул. Но он привык и не обращал внимания:

– Иродиада всё искала случая убить его, и ей удалось прямо в день рождения Ирода. А прошлый раз Ирод в Риме праздновал свой день рождения – пир там большой устроил. Сказывают, оттуда он эту змею и притащил. Так что много меньше года Иоанн был в темнице.

Разговор поменял направление. Опять стали обсуждать Иисуса. Он был главной новостью всё последнее время.

– Заметили, что чудеса назорея возрастают в силе? Сначала он изгнал беса из Авдея, от лихорадки исцелил тёщу ученика, потом даже прокажённого и паралитика одного. Не знаю, верить ли? Сказывают, что ученики едва не утонули с ним в лодке – так он и бурю остановил.

– Елисей-пророк стихиями повелевал, почему Иисус не может? Елисей и прокажённого Неемана исцелил. Бог над всем властен, кому хочет, тому и даёт силу, – вставил своё слово Иосиф, хозяин рыбной лавки и в какой-то степени даже местный богослов.

– А сын вдовы из Наина? Его-то уж хоронить несли. Неужто правду говорят?

– Ты веришь, что Елисей и Илия воскрешали мёртвых? Видно, и назорей из великих пророков, – Иосиф стоял на том, что Иисус в самом деле совершал чудеса, как великие пророки.

– А мне ученик Хиллеля сказал, что учитель его возмущался, когда услышал про чудо в Наине. Говорит, не должен назорей к трупу прикасаться. Так по закону. А если это чудо не от Бога?

– Как не от Бога? После таких-то чудес никто и слушать не хочет, что в нём дух бесовский. Опять из Иерусалима фарисеи стали похаживать к нему – как на диковинку приходят смотреть. И заметил? С интересом слушают, что он говорит.

– Рассказывали, он пятью хлебами накормил пять тысяч.

– Может, и правда, я не слышал.

– Елисей однажды двадцатью ячменными хлебами накормил сто человек, а имел благодать вдвойне от Илии. Иисус всех превзошёл. Перемены грядут – великого пророка Бог послал Израилю, – опять показал свою учёность Иосиф.

– А куда назорей отправляется?

– Почему ты решил?

– Так Клеопа здесь.

– И что?

– Так он всегда приходит, если Иисус куда-то собрался. Когда с ним кто-то идёт, их часто кормят в селениях без всякой платы. А если нет, так Иисус не даст пропасть, как давеча с хлебами. Клеопа хитрее мытаря.

– Неужто?

– Так говорят. Смотри-ка, целая толпа подошла из Хоразина. Ага, их Иуда Искариот привёл за исцелением. Подошёл к Иисусу, поцеловал и на них рукой показывает. Есть слухи, что он за это плату берёт. А отделяет себе или нет, кто знает?

– Клевета, он идейный. Хотя, может, и берёт на цели борьбы? Я слышал, он с зелотами знаком.

– Да. И любит представляться как Иуда Галилеянин – правда, когда зелотов нет рядом. Помните, был такой мятежник Иуда Галилеянин? Он был учёный, как Иисус. Теперь его сыновья в зелотах, а Менахем возглавляет сикариев. Эти – так просто головорезы, – невысокий толстый Соломон из самого крайнего дома на севере Капернаума редко оставался после молитвы и сразу бежал домой. Шутили, что

жена его строга и за опоздание лишает на месяц близости. На этот раз он остался.

– Соломон, тебя жена отпустила? Смотри, не завела ли кого?

Соломон даже бровью не повёл и продолжал:

– Но кто они против Иисуса? Разве они исцелили кого?

Фаддей сочувствовал зелотам – его отец был казнён римлянами после восстания. Он тут же вспыхнул:

– Исцелили? Ах ты… Да они умирали за царство Божие!

Остальные спокойно продолжали сплетничать.

– Иисус пророк и не знает, что его ученик сочувствует зелотам?

– А им многие у нас сочувствуют. Вот, посмотри на Фаддея. И что?

– Но Иисус же против насилия.

– Против. Но я думаю, он знает всё про Иуду. Он его, кстати, и прозвал Искариот. Иуда не любит это прозвище – сразу ясно, что он не галилеянин, а из предместий Иерусалима.

– А остальные? Тоже за зелотов?

– Да нет. Он, да ещё Симон, прозванный Зелотом, – такой же, из двенадцати, которые всегда с Иисусом. Остальные – мирные.

– Может, и так. Но Иисус странный всё-таки. Почему он его выбрал?

Солнце припекало. Народ ещё посудачил и стал расходиться.

XII

ГЕОГРАФИЯ ПАЛЕСТИНЫ И СУДЬБЫ МИРА

Из дневника С. А. Левия.

Я принёс в поликлинику свою надутую красную негнущуюся руку.

– Доктор, меня покусали.

–Присядьте. Покажите руку. Болит?

– Ой, осторожней, осторожней, пожалуйста, доктор!

– А здесь? Ага, не дёргайтесь. Сей-час.

Доктор пинцетом извлёк из гнойной ранки осколок коричневого зуба.

– Вас, похоже, собутыльник покусал? Это не собака. Так что от бешенства колоть не будем. Хотя…

Из дневника С. А. Левия.

В юные годы я любил путешествовать и много фотографировал. Меня восхищала архитектура Европы, сочетание ландшафтов, древних камней, замков и хайтека. Приезд в Москву тогда казался возвращением в мрачный Мордор. Всё, от свинцового неба до грязного снега и серых домов, повергало в уныние. Вернувшись из Израиля, я впервые увидел, что Москва – красивый и современный европейский город. Даже небо сияло голубым, а зелень была яркой, свежей, пахучей.

Москва словно приняла иной дух – не суровый дух холодных земель, дух борьбы без особой надежды на победу, а дух праздности, веселья, лёгкого отношения ко всему, прагматичности и радости от получения, от потребления, от удовольствий. Это дух Европы. С ним легче жить.

Где-то в недрах общества, глубоко под поверхностью произошли большие перемены, которые увиделись мне в этой европейскости. В чём суть этих перемен? Сменилось поколение, и русские, наконец, перестали решать безнадёжную задачу строительства общества справедливости. Страна отказалась от цели, в достижение которой больше не верила, и у всех словно тяжесть с плеч спала.

Мы стали нацией без общей всепоглощающей и преобразующей идеи. Православие было христианством для крестьян, рождая в их среде чистые души, а коммунизм – идея пассионарного общества, прогрессивных слоёв, устремлённых в будущее. Обе идеи могли

собрать организм без денежного наркотика для решения великих задач. Это много раз спасало Россию. Теперь всё закончилось.

Я помню, как при крушении СССР все религиозные идеи вместе с сектами, конфессиями, духовными практиками ринулись в пролом стены, которую десятки лет выстраивали коммунисты. Православие, выбравшись из глухого угла, в который его загнала советская власть, расправило плечи и тоже вступило в борьбу за души. Перепад давления между внутренним вакуумом и этим напором внешних духов был так велик, что ветром перемен захватывало и кружило всех.

После окончания вузов все мечтали уехать и обустроиться, где угодно, лишь бы не в России, вдохнуть воздух свободы. Бежать туда, откуда дул этот свежий ветер. Кто-то уехал в Израиль, из МГУ, МФТИ – в основном в США и Европу. Среди более простой публики в моде были Австралия, ЮАР – молодёжь бегала по посольствам, заполняли анкеты на эмиграцию, обсуждали собеседования и завидовали везунчикам.

Вспомнился Дима Корнилов, выпускник биофака МГУ, добрый и бесшабашный русский парень. Был он высокий красавец с шевелюрой, нравился женщинам, играл на бас-гитаре. Его занесло судьбой в ЮАР. До этого Дима побывал в намибийской тюрьме, был освобождён, попал в ополчение к бурам, бежал от них к Манделе, познакомился с его женой. После долгих приключений он оказался в Непале. Там он провёл немало времени, оттуда написал жене письмо, которое она со слезами читала друзьям. Дима писал, что как-то поутру сидел и смотрел на горы, размышлял о своей жизни и, придя в состояние необычайной ясности ума, осознал себя сыном Солнца. Через некоторое время он вернулся в Москву и стал гуру довольно крупной секты. В неё входили только женщины, которых Дима время от времени брюхатил. Так он, кажется, приобщал их к святости, и они ему были бесконечно преданы. О чём он проповедовал, достоверной информации нет. Скорее всего, о свободе от цепей этого мира, о том, как вырваться из могилы нашего тела. И всё это, конечно, через презрение к общественной морали. Как-то они со всей сектой отдыхали на берегу Оки, Дима поплыл и не вернулся, утонул. Тело

потом нашли. На похоронах вместе с женщинами были его отец, полковник в отставке, и мать.

Много молодых ребят из творческой интеллигенции в те годы ушло в монахи, некоторые подвизались в горах Абхазии, практикуя исихазм. Потом часть из них перебралась легально и нелегально на Афон. Тогда же организовалось несколько православных поселений в заброшенных деревнях. Энтузиасты пытались организовать коммуны, но не выдержали и разбежались, переругавшись. Многие друзья разочаровались в РПЦ и побывали в православных сектах, которые в патриархии называли сатанинскими сборищами. Выйти из секты для любого адепта было непросто и требовало большого нравственного напряжения. Так было и с Сашей Страховым, моим другом. Я тогда ночи напролёт сидел с ним и выслушивал его рассказы. Этот опыт помог мне развить какое-то духовное чутьё и пригодился потом в творчестве. С тех пор у меня выработалось стойкое недоверие ко всяким практикам, чёточкам и медитациям.

Секта, в которую попал Александр, возглавлялась довольно оригинальным авантюристом. Его звали Андрей, он был родом из Киева. Своей духовной матерью Андрей числил душевнобольную Екатерину, известную в Киеве юродивую. Простонародье на Руси всегда верило, что любой калека или психически больной, вплетавший в бессвязную речь имена Богоматери и святых, несомненно есть божий человек, несущий подвиг юродства. Екатерина нередко материлась, плевалась, ходила при всех на горшок – это считали знаками, их расшифровывали. Вокруг неё вилось много прислужниц, которые кормились с подарков, приносимых жаждущими исцелений и благословений. Ехали к ней и подобным ей со всей страны. Привела Андрея к Екатерине жажда чудес вперемешку со стремлением получить духовные знания и силу. Поучившись у неё и насмотревшись на таких же богоискателей вокруг, он отправился в горы Абхазии. Прожил три года как монах с напарником в келье, занимаясь иисусовой молитвой, затем вернулся в Киев, женился. Устав от безденежья, решил рукоположиться. За пару лет отец Андрей успел попасть на заметку в СБУ, подложив в киевскую синагогу несработавшую бомбу, поучаствовал в войне в Приднестровье, попал

в тюрьму, откуда его вытащили представители РПЦЗ, затем бежал в Канаду. Там он открыл свою церковь, объявив своим первоиерархом Иоанна Богослова, который якобы воскрес и пребывал на земле живым, во плоти.

Ещё одной рекой, увлёкшей в свои потоки активную молодёжь девяностых, был бизнес. Предприниматели тоже были пассионариями. Кто-то открывал пекарни, другие пытались наладить производство лазеров, ферментов, медицинских приборов для продажи за границей. Большинству из них ничего не удалось. Успешными оказались деятели из комсомола, организовавшие кооперативы для перекачки безналичной денежной массы из госпредприятий в наличку, и те, кто входил в руководство предприятий, имевших экспортную продукцию, в основном сырьё. Они не были богоискателями, они были циниками.

Весь этот всплеск энергии, а точнее сказать, духовный разряд, был успешно утилизирован, пассионарная часть общества бежала или спилась. Долгое время пепелище великой страны представляло из себя ужасное зрелище. Потом немного прибрались.

Что же это было? Духом народ увидел, что СССР мёртв, и разрушил его, а потом дух погас, духовные искания прекратились. Так случается, если человек, выбежав из душной комнаты, вместо чистого воздуха вдыхает яд.

Что за яд вдохнул народ? Я уверен, что это яд язычества в фантике христианства. Ровно то же не раз случалось в древности с евреями.

Бог, перед тем как ввести евреев в землю Ханаан, предупредил их устами Моисея, что, если они отвернутся от него и станут поклоняться богам народов, он разрушит их царство, рассеет их по лицу земли, изгонит из земли обетованной. В первый раз, если не считать северного царства, которое отступило и погибло раньше, иудеи были рассеяны на семьдесят лет. Они были пленены Вавилоном. Но Бог также обещал им: когда народы начнут гнать и убивать вас, рассеянных по миру, вы вспомните о своём господе и обратитесь к

нему, и он спасёт вас и вернёт вас на землю, которую дал вам в вечное наследие. И он их вернул.

Прошло почти шестьсот лет, явился Иоанн Креститель. Народ Израиля, наконец, окончательно поверил в единого Бога, и Бог призвал всех их к завету, который обещал отцам, – быть их Богом, а они должны были стать его святым народом и царственным священством. Отцы у Хорива отвергли завет, поклонившись тельцу, и Моисей дал им на время закон. Тогда остался *весь дом Израилев* с законом, но *с необрезанным сердцем,* как написал о них Иеремия, пророк.

О том истинном завете много говорили пророки. И вот пришло время этого завета, а посредником завета Бог избрал Иисуса. Но многие опять не приняли завет. Для ожесточившихся своего рода идолом стали храм и закон Моисея. Бог рассеял их по миру армией римлян.

После разрушения второго храма и рассеяния евреев прошло почти две тысячи лет. Народы опять собрались, чтобы гнать и убивать их, и жгли их в печах. Россия пролила кровь, защищая их и себя. И они защищали себя и Россию. Тогда Бог был с Россией – она не была ни языческой, как фашистская Европа, ни безбожной, как современная. Революция разметала прогнившую церковь и освободила народ от удушливого плена придуманных богов, но оставила сердечную веру народа в Бога. Поэтому в Отечественной войне участвовал верующий народ, не ходивший к попам, свечам и мощам. А евреи, благодаря России, после победы смогли вернуться на свою землю, где было воссоздано их государство, и пророчество опять исполнилось.

Языческие дрожжи, заразившие православие, вновь забродили в России без консерванта, которым служили почти весь XX век коммунисты и евреи. Опять веру в Бога заслонили иконки, матроны и мощи. Ими братва откупалась от Бога за воровство и убийства девяностых, а женщины – за смерть младенцев в утробах. Прочие спивались. И не осталось у народа ничего святого. Это и есть яд язычества, который вдохнул народ. И вот осколок прежней России на краю гибели…

Из записок и воспоминаний С. А., компиляция.

Сергей Афанасьевич оторвался от размышлений и набрал номер:

– Саша, я дома, немного температурю и заодно читаю Библию. Увидимся?

– Да, но я вот только залевкасил доску.

– Приезжай. Маргарита моя приготовит что-нибудь. Чайку выпьем. Я купил один мощный пуэр: путь чайного человека. Он чёрный как смола и вштыривает так, что после него нужна пробежка. А можем и с красным продолжить… вином.

– А, ладно, потом отшлифую. У меня заказчик – терпила.

Звонок.

– Маргарита, привет. Хороша, как всегда. Мы по работе.

– Знаю я вашу работу. Она у вас рядами стоит под столом. Ладно, привет.

Через час.

Сергей Афанасьевич громко икнул:

– Ик. Вот, ты знаешь Писания, читал, то есть. Помнишь, значит, что Иисус ходил и проповедовал в Галилее, по берегам Галилейского моря. Скажи-ка, как это в Евангелиях пишется, что Иисус с учениками переплыли на другой берег моря? Ну, помнишь, как мы на Селигере отдыхали?

– Ну…

- Где там другой берег? Все один берег. Иди и иди вдоль берега, пока не придёшь с другой стороны недели через три. Или можно сказать: все берега разные – куда не махни рукой, и там другой берег, и там. Если озеро круглое – у него один берег.

– Ну…

– Баранки гну. У Галилейского моря два берега, как у реки. Разные. Это моё открытие, поздравь меня. Я открытие сделал, с помощью электронного глаза.

– Чего?

– С помощью Гугла. Я им на море Галилейское посмотрел, и знаешь, что увидел? Нет? Я увидел, что оно в долине Иордана спряталось. Это озеро – просто разлив Иордана. Это тот же Иордан, как у нас на Волге Рыбинское водохранилище – та же Волга. У Кинерета, то есть у Галилейского озера, и у Рыбинского водохранилища два берега: правый и левый.

– Ну и в чём открытие?

– Ты ничего не понял? Давай чайком зелёным разбавим, или… стой. Лучше пуэром. А то скоро ты два и два не сложишь.

Пока заваривали чай, Сергей Афанасьевич продолжал:

– Слушай сюда: твой писатель-евангелист Иоанн никогда на море Кинерет не жил и не рыбачил!

– Кинерет – это Геннисаретское озеро?

– Да. Иначе бы он знал, о чём я говорю. Он знал только, что есть такая река Иордан и море Кинерет, но у него путаница, потому что он привык к обычным случаям, когда река впадает в море и оттуда уже не выходит. Гугл тогда ещё не изобрели, понял?

– Не-а.

– Скажи: Астрахань и Сумгаит на одной стороне Каспия или на разных?

– Ну если идти вдоль моря, то на одной. А если стоять на берегу и махнуть рукой в сторону Сумгаита, то на разных.

– То-то. А на Галилейском море, как на реке, всегда можно сказать, на каком ты берегу. И те, кто там жил, точно это знали. Они даже селиться старались раздельно друг от друга – одни на левом, западном берегу, другие на правом. На восточном берегу жили в основном эллины, осевшие там после походов Александра. Там свиней пасли вдоль берега, которых евреи гнушались. А на западном, правом берегу жили в основном иудеи.

– А, теперь понял. Так разницу до сих пор видно: левый берег Кинерета – это оккупированные Голанские высоты, а правый – просто Израиль. Ну так и что?

– Тивериада и Капернаум на одной стороне моря находятся или на разных?

– Да откуда я знаю.

– Так, где моя карта Палестины? Вот. Смотрю сюда.

– Ну, вижу, что на одной.

– А у Иоанна в его Евангелии написано, что из окрестностей Тивериады после преломления хлебов Иисус с учениками переправились на другой берег моря в Капернаум. Три раза повторяется, что Капернаум и Тивериада на разных сторонах моря. А они на одном!

– А-а, вот ты о чём!

– С одного берега на другой не попадёшь, не переправившись через Иордан. Между Генисcаретом и Вифсаидой, например, всего километров десять, и берег там прямой, без извилин – не махнёшь рукой и не скажешь: вон там другой берег. Но между ними Иордан. Потому у Марка они на разных сторонах. И Капернаум с Вифсаидой совсем рядом, но на разных берегах, потому что между ними Иордан. Рыбацкие Евангелия можно вдоль и поперёк исследовать. Везде, где сказано: переправились на другую сторону, другой берег моря, это соответствует разным берегам Иордана. Ну, это в те времена. Как сейчас, не знаю. Сейчас кругом мосты – переехал и не заметил.

– Ты хочешь сказать, Иоанн не был рыбаком и не жил вообще в тех местах?

– Дошло? Я полчаса тебе пытаюсь это сказать.

– Если ты прав, получается, Иоанн писал о том, чего сам не видел.

– Так и есть.

– Но он же не был каким-то неучем! Если даже он жил в рассеянии, это не значит, что он не знал географии Палестины.

– Конечно, не знал. Откуда он мог знать? Я тебе и говорю, а ты не слышишь. Наше восприятие искажено современными техническими возможностями. Я это, как режиссёр, хорошо чувствую. Мы живём в информационном обществе, друг мой! Да ещё с такими коммуникациями, когда перелёт от Москвы в Израиль занимает несколько часов. Для нас масштаб времени и расстояний иной.

– Иосиф Флавий жил без Интернета, но Иудею знал прекрасно.

– Так он до войны с римлянами там бывал не раз. А после? Многие побросали всё и бежали прочь от войны. Какие там рукописи и карты? И прийти-то потом в Палестину было опасно. И Гугла не было. Вот я открыл Интернет и передо мной карта, а ещё через пару секунд прочитал, что в те годы столица Галилеи и Переи дважды переносилась. Историки потрудились, археологи, всё на основе раскопок и рукописей, а не слухов. А откуда знать еврею рассеяния, какая была столица Галилеи во времена Христа и какая там география? О столице ещё поговорим, позже. Не забудь напомнить.

– Ок. Допустим, Иоанн собрал записи в одно повествование. И, как сказали бы сегодня, издал компиляцию, добавив немного от себя. Основа то у него всё равно верная.

– Возможно. Но я хочу понять, для чего он это писал? Какая идея? А ошибок я нашёл много, всё и не упомнишь. Хочешь, пробегусь кратенько?

– Давай, загибаю пальцы.

– Иоанн написал о некоем Лазаре, которого воскресил Иисус. Он жил вместе с сёстрами Марией и Марфой в Вифании. Это по Евангелию Иоанна место, рядом с которым крестил Иоанн Креститель. На самом деле от Вифании до Иордана – минимум два дня пути. Разве это рядом?

– Хм-м, нет. Нет, конечно.

– Вифания – это почти пригород Иерусалима. У самого же Иоанна– в другом месте – написано, что Вифания, где жил Лазарь, была *близ Иерусалима, стадиях в пятнадцати*. Ни о какой другой Вифании в

Израиле не слыхали. Потому ещё Ориген, не найдя Вифании рядом с Иорданом, предложил писать вместо неё «Вифавара», то есть «Место брода». И теперь в синодальном переводе Евангелия от Иоанна стоит «открытая» Оригеном Вифавара.

– Принято. Если верить Иоанну, получается, Иерусалим тоже близ Иордана? Ну не-е-т. Так никто не скажет! И не говорил никогда! Гм-м. Что ещё?

– Так, ещё… – Сергей Афанасьевич достал из кармана свёрнутую вчетверо бумажку и, щурясь, стал разбирать каракули, написанные поверх какого-то договора.

Александр отвлёкся от беседы, пытаясь рассмотреть надписи. Кажется, это была выписка по счёту. Александр увидел жирно напечатанную цифру.

Наконец Сергей Афанасьевич нашёл нужную запись:

– Да, вот. Иерусалим по Иоанну – на берегу моря Галилейского. Это соотносится с тем, что мы уже… Ну хочется Иоанну, чтобы Иерусалим был поближе к воде! И к Иордану, и к морю. Помнишь, после исцеления у Овчей купели иудеи гнали Иисуса, и он из Иерусалима пошёл на ту сторону моря Галилейского в окрестности Тивериады? Это в шестой главе у Иоанна.

– Да ладно?

–Вот, возьми, посмотри сам, если не веришь, – Сергей Афанасьевич достал с полки Писание и протянул Страхову. – Сейчас-то любой поп знает – все там паломничали: Тивериада на берегу, а Иерусалим в ста пятидесяти километрах от озера.

– Да здесь просто мог выпасть кусок текста. Ясно, что Иисус не из Иерусалима туда пошёл.

– Хорошо, пусть даже так. Вот тебе ещё: по Иоанну Пётр с Андреем жили в Вифсаиде, а не в Капернауме, как у синоптиков. Мелочь? А где сама Вифсаида по Иоанну? Непонятно. Она то ли рядом с Иерусалимом, то ли в Галилее. Но от Вифании, где якобы крестил

Иоанн, до Вифсаиды Иисус с апостолами добирались в течение дня. И ещё день шли до Каны. Это невозможно, сам понимаешь.

– Та-а-ак. С географией у Иоанна непорядок, как ни крути. Ну что же…

Страхов накрутил волосы на палец и подёргивал их, словно пытался подманить крупную мысль, плавающую в аквариуме. Наконец что-то клюнуло:

– А по Иоанну апостолы из рыбаков? Или и с этим вопрос?

– Скорее, были ими. Когда-то. У него и лодка-то упомянута лишь дважды. А зачем? Все проповеди по Иоанну были в Иерусалиме, а не на берегу, не с лодки. Дай вспомнить. Первый раз у него Иисус с учениками сели в лодку, когда пришли по берегу в окрестности Тивериады.

– Так… И лодка явно была не их.

– Конечно, не их. Они всё время в Иерусалиме были или рядом – не в Галилее. По Иоанну, конечно. Да… И второй раз по воскресении Христа, когда семеро решили пойти порыбачить. Это, правда, в странной, как будто прибавленной позднее двадцать первой главе. Так что решай сам.

Время уже было за полночь. Сергей Афанасьевич вспомнил, как они втроём – ещё Пётр с ними бывал часто –, просиживали за разговорами до утра, как сегодня. Университетские тараканы люто ненавидели эту троицу, потому что им приходилось голодным терпеть, пока друзья наговорятся и потушат свет. Тогда наступало пиршество и слышалось шуршание тысяч лапок. Наутро вся поверхность стола была в мелких точках тараканьих фекалий. Но вот уже лет десять, как тараканы пропали из Москвы, и эта загадка занимала многие великие умы. Некоторые считали это предвестником апокалипсиса.

– Ты всё ещё сомневаешься… Продолжим? Иоанн пишет о царедворце, живущем с семьёй в Капернауме – в дне пути от Тивериады. Но царедворец должен жить рядом с дворцом, а дворец был в Тивериаде! Так? Думаю, Иоанну Капернаум виделся языческой

столицей Галилеи, с дворцом и всей эллинской жизнью. А Тивериаду он считал святым городом. Так-то.

– А ты не допускаешь, что неточности могут быть результатом искажений при переводах и переписываниях?

– Возможно, но есть и то, что не спишешь на переводы. Вопрос ребром: где жили Иисус и ученики – в Иудее или Галилее?

– В Галилее… нет, в Иудее, кажется. Скорее, и там, и там.

– Ты уже понял, что у рыбаков – в Галилее, а у Иоанна – с точностью до наоборот. По Иоанну Иисус в Капернауме, да и вообще в Галилее, не задерживался. Так и сказано: *пробыл там немного дней*, а потом пошёл в Иерусалим. И ещё лишь один раз Иисус был в Капернауме – после преломления хлебов он проповедовал там в синагоге. И это не случайно у Иоанна. Так же, как и чудеса.

– Да я как-то не… И где их творил Иисус?

– По рыбакам – в Галилее. В Иерусалиме – только проповедь.

– Гм.

– Иоанн же подчёркивает – все чудеса совершались Иисусом в Иерусалиме, а в Галилее о них только слышали. Вернее, чудес в Галилее было два и оба Иоанн перечисляет на счёт, специально заостряя: первое с вином в Кане, второе с сыном царедворца. Так и говорит: это второе чудо совершил Иисус… И всё. Да он с учениками и был там всего три раза. По Иоанну, конечно.

– Зачем же Иоанн переставил местами Галилею и Иудею? В смысле места проповеди…

– Галилея виделась ему из своего времени насквозь языческой. Он так и пишет: *спасение от иудеев*! Из Иерусалима, из Иудеи, но никак не из Галилеи. Иоанн этот вопрос заострил, а мог бы и пропустить. Но не нравилась ему рыбацкая история, она казалась ему выдумкой, басней, противоречащей очевидным фактам! Ну что, убедил?

– Не дави на меня. Я думаю … Похоже, ты всё-таки прав, если я трезв.

– В Галилее по Иоанну даже проповедовать было некому и незачем, – Сергей Афанасьевич продолжал докладывать гирьки на чашу с доказательствами. – Помнишь, братья попрекали Иисуса, мол, возвращайся в Иудею, что сидишь в Галилее один, без учеников. Здесь тебя никто не услышит. А в Иудее ученики увидят, какие ты чудеса творишь, и поверят в тебя. Нафанаил потому и спрашивал: может ли из Назарета быть что доброе? Там, мол, в Галилее – одни язычники.

– Короче, по Иоанну Иисус и ученики жили в Иудее, недалеко от Иерусалима. Там Иисус крестил и проповедовал, и чудеса там творил. Так?

– И проповедь его длилась минимум три года – это сейчас общепринятый взгляд. Это ясно из перечисления праздников.

– Погоди, а у рыбаков не три года?

– Нет. Прочти всё заново, особенно от Марка, не смешивая с Иоанном, – там год! Это по всему видно – такова логика событий. И пасха у всех троих упомянута одна – та самая, главная. Правда, у Луки в шестой главе сказано ещё об одной пасхе – но это вставка, которой нет в ранних списках. Так что Иисус жил в Капернауме, а ходил по всей Галилее около года и заходил ещё в Тир и Сидон, и в Кесарию Филиппову – но это всё ещё дальше от Иудеи.

– Но мало кто там принял учение Иисуса.

– Потому и сказано о Капернауме, что он хуже Содома. Иисус в основном учил там, а потом в Перее, по дороге в Иерусалим – это на левом берегу Иордана. И когда он впервые пришёл в Иерусалим с начала служения, увидел его и заплакал о нём.

– Да-а. У меня эти слова про Капернаум как-то не укладывались. Потому как всё в моей голове смешалось! Все Евангелия! По Иоанну-то вся проповедь была в Иерусалиме, не в Капернауме. И это в Иерусалиме Христа не слушали и столько раз порывались побить камнями.

– Да, именно. Видишь, у него всё наоборот.

Давно стало темно. Только чашки на столе белели. Левий включил лампу, потом чайник, вытряхнул заварку из маленького глиняного чайника, прогрел его кипятком, засыпал свежую порцию чая и налил воды. Когда разливал по чашкам, комнату наполнил аромат свежих весенних веток. В детстве Левий любил сдирать с них тонкую кору и лизать сладкую белую веточку без кожицы. Они пахли именно так. Наконец Левий продолжил:

– В Деяниях есть эпизод. Помнишь, все пришли в изумление, когда от Петра исцелился хромой? И начальство не посмело тогда задержать Петра с Иоанном за проповедь о Христе, потому что все видели: *ими сделано явное чудо* в Иерусалиме. И те же начальники взяли Иисуса и приговорили к смерти? За считанные дни до этого?

– А точно. Выходит, никто не видел чудес от Иисуса в Иерусалиме. Если бы видели, не посмели бы его убить. Все чудеса Иисус совершил в Галилее, так и есть, – Страхов наконец явно встал на сторону рыбаков в заочном споре с Иоанном.

– Одно чудо всё-таки было и в Иерусалиме – по его слову засохла смоковница, – вспомнил Левий.

– Да, но это не видел никто, кроме учеников, – Страхов говорил спокойно, но было ясно: он переживал внутренне потрясение, переворот в сознании. Столько лет и столько раз он читал Евангелия и не замечал! Удивительно, но его не стали терзать сомнения из-за противоречий. Напротив, Писание словно ожило. Спор рыбаков с Иоанном затянул его и Левия в первый век, сделал их участниками.

– Если честно, у меня все Евангелия давно слились в одно, и я не различал, что откуда, – продолжил Страхов. – Ещё час назад я был уверен, что Иисус все великие чудеса сотворил в Иерусалиме: исцелил слепорождённого и расслабленного, воскресил Лазаря из Вифании. А теперь вижу, что это только у Иоанна. Похоже, он действительно написал своё Евангелие, чтобы благую весть… как бы это сказать помягче? Подправить, что ли?

– Факт, что у него спор с рыбаками. Весьма искусный спор, надо сказать. А впечатление у многих, что между евангелистами согласие,

только у Иоанна всё более духовно.

– Да, для продвинутых... Говоря откровенно, ты меня удивил. Я даже склоняюсь к тому, что Иоанн – не апостол, жил в Эфесе и из рассеяния видел явление Христа в ином свете, чем рыбаки. Скажу в твою пользу ещё вот что, и это моё личное наблюдение. Я ведь за границей проработал – как бы в рассеянии. Там, когда сидишь в пабе и заходят двое, говоря по-русски, то вполне нормально сказать: смотри, русские пришли. А если в России, то никто так не скажет. Могут сказать: смотри, два попа, или два хоккеиста, или двое голубых и т. д. Так вот в синоптических Евангелиях, которые ты называешь рыбацкими, евангелисты называют всех так: фарисеи, саддукеи, мытари, крестьяне. А у Иоанна все, кто не язычники и не самаряне, – просто иудеи.

– Класс! Но интуиция подсказывает, что всё ещё глубже. Этим спором философа и рыбаков, может, судьба христианства определялась, и будущие судьбы мира зависят.

– Заканчиваем на этой высокой ноте. Кажется, градус в крови превысил пороговое значение. У меня датчик критического мышления начинает подглючивать.

К двери передвигались тихо, как коты, чтобы не разбудить Маргариту. Сергей Афанасьевич так же на цыпочках возвращался к себе.

– Не тишись, я не сплю. Ждала тебя…

– Марочка, как я рад тебя слышать.

Сергей Афанасьевич упал лицом на подушку рядом с женой и в ту же секунду захрапел.

Глава 10

Вода над твердью и под твердью

– Старче, приходили солдаты из Пергама, пока Вы почивали.

– Что хотели?

– Искали беглого раба Диоскора. Я сказал, что у нас всего четыре стены и спрятаться ему негде. А больше у нас ничего нет. Тогда они поймали петуха на дворе, заявили, что раз у нас ничего нет, то и петух не наш, а дикий, а им хочется ужинать после долгой дороги. Скрутили ему голову и ушли с ним.

– И всё?

– А ещё интересовались учением. Нынче всем интересно. Но я сказал, что старец спит.

– Бог им судья. Впредь вставать будем по соседскому петуху, на полкрика раньше. Теперь к делу. Прохор, скажи, дитя моё, в чём заключалось служение Иоанна?

– Так Вы уже спрашивали, отче. Запамятовали?

– Не умничай, Прохор. Ты дитя ещё. Отвечай, если старец спрашивает.

– Согласно Евангелиям, отче, он проповедовал покаяние и крестил всех в Иордане в прощение грехов. Всё это в ожидании царства Божия и прихода помазанника, царя над Израилем из семени Давида. Входят в царство Божие те, кто омылись и присягнули царю, и заключили новый завет с Богом. И однажды он крестил Иисуса.

– Так, о чём же благая весть?

– Как же о чём, отче? Иоанн и Иисус проповедовали благую весть от Бога: покайтесь, ибо *исполнилось время и приблизилось царство Божие*. То есть время пришло, и до царства можно теперь достигнуть. А раньше оно было далеко. В этом радостная весть.

– А о Христе Иоанн что же, ничего не сказал?

– Сказал сначала про себя, что он сам крестил водой – как бы о прошлом уже говорил. И ещё сказал, что идёт за ним сильнейший его, который будет крестить всех духом святым. Это настоящее крещение, омытие внутреннее, которого не видно глазом, и обещание Богу чистой совести.

– Прохор, ты так дело выставил, что Иоанн только однажды видел Иисуса. А после того и крестить перестал?

– Это не я, отче. Я узнал из Евангелий, что Иоанн видел Иисуса во время крещения. А после Иисус немедленно был ведён духом в пустыню. Иоанна же взяли под стражу. Иисус окончил пост в пустыне и, узнав, что Иоанн в темнице, отправился в Галилею – продолжить благовестие царства Божия и проповедь покаяния. Апостол Пётр так и сказал в день сошествия святого духа: *Вы знаете происходившее по всей Иудее, начиная от Галилеи, после крещения, проповеданного Иоанном*… Служение Иисуса началось после Иоанна. Но знал ли Иоанн, что именно Иисус избран Богом, что он есть помазанник? Не знаю, отче, об этом ничего…

Прохор мог говорить, не останавливаясь, ещё долго, но старец его прервал:

– Ага. Вот и хорошо, что ты вспомнил из Деяний про Петра! И здесь всё то же: Иоанн, мол, закончил служение на крещении Иисуса. Домыслы всё это, бабьи сплетни. Собрал Лука слухи и записал. Откуда же, по-твоему, люди узнали, что пришёл мессия? Да не просто мессия! Само Слово воплотилось!

– Я думаю, догадались по учению, которого раньше никто не слышал.

– Учению… Хм. Что толку в учении? Истина… Истина в том, что бог сошёл, явился *свет истинный*, *Слово стало плотью*, чтобы мы увидели свет и поверили. Мы через веру в Слово рождаемся свыше, оно даёт *нам власть быть чадами Божьими*. В этом истина. Иисус на то пришёл в мир, *чтобы свидетельствовать об истине*. А учение? Это всё человеческое… Что может быть нового в учении?

– Заповеди… как жить. И ещё, в чём суть завета, как его исполнить, как войти в царство Божие. Иисус учил: *Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас*… и другое. В общем, *будьте совершенны*, *как совершен Отец*. Это совсем новое. Это не закон, а сердце. Ведь так?

– А-а, это… Проповедь на горе? Ну-у… Кто знает, было ли это? И что дадут заповеди? Ими нашу падшую природу не исправить. Многие до Христа вели святую жизнь… и что? Чтобы понять это, и нужен был пророк. Он нам всё открыл о Христе. Если и говорить об учении, то оно

не в заповедях, а в том, что *Слово стало плотию и обитало с нами*. Оно изменило нашу природу! Это и есть главное, дитя моё, что Иоанн открыл ученикам Христа и народу.

– Простите, отче, но у Матфея иначе. Не плоть и кровь открыли Симону, что Иисус и есть Христос, а Отец небесный, – Прохор сам удивлялся иногда своей отчаянной смелости, когда так возражал старцу. Ему почти никогда не удавалось удержать язык и смолчать, когда речь шла о вере. – Я так понимаю, если человек со слуха узнает такое, пусть и из уст пророка, то какая ему радость и польза? А если в самом сердце откроется сие достоверно, то человек истинно блажен будет.

– Радуешь ты меня, дитя моё, – глаза старца слегка высунулись из глазниц и смотрели на Прохора с изумлением, словно видели его впервые. – Разумеешь ты не по годам, но ещё не как должно. Вот и рассуди, будет ли твёрдым такое знание о Христе, если оно только в сердце и не подтверждено свидетельством величайшего из пророков? Не затеряется ли оно в терниях, и не поклюют ли сии зерна птицы придорожные?

– По мне, старче, так, может, и поклюют, – Прохор поднял голову и посмотрел прямо в глаза старцу.

Ему показалось, что в этот момент он остался без одежды и стоял перед старцем Иоанном совершенно голым, и глаза учителя невидимыми лучами ощупывали его с ног до головы. Выдержав несколько секунд, Прохор решил не уступать:

– Но вдруг и останется?

– Кто теперь всё вспомнит, как оно было? – глаза спрятались в пещеры глазниц, и старец начал говорить напевно, а потом закашлялся. – Кх-кх. Вот ты, например, уверен, что апостолы никогда в жизни не видели Крестителя и не слышали его проповедь?

– Ну да. Их Господь призвал, когда Креститель уже в темнице томился. А потом Ирод убил его.

Старец поднял палец, показывая Прохору, чтобы он замолчал. В проём двери влетела крупная муха, и старец глазами следил за ней. Наконец она села, и он медленно, по-кошачьи приподнялся и двинулся на муху, взяв в руку рукопись. По мере движения он сворачивал её. Бац! Муха размазалась на рукописи большим чёрным пятном.

– Прямо на слове благода-ать! Отче-е, больше не берите рукопись, иначе не буду писать, – Прохор, скривившись, медленно разворачивал трубку и старался ногтем соскрести останки мухи.

– Так, а крестились они когда и от кого? – продолжал, как ни в чем не бывало, старец.

Прохор насупился и молчал.

– Ты будешь отвечать?

– Кто знает, отче? Об этом не сказано. Возможно, сам Иисус крестил учеников – он ведь тоже проповедовал покаяние. А потом уже ученики крестили других. Так?

– Вот то-то и оно. Кто это знает?

– А если Иисус вообще не крестил в воде? И апостолы тогда, значит, некрещёные? – Прохор посмотрел на учителя слегка растерянно. – И первые тысячи уверовавших в Иерусалиме – они точно не были крещены. Там нет большой воды. И вообще, Иисус, как видно, не очень-то любил обряды. И Павел не сразу, но тоже стал таким: благовестие ставил выше крещения.

– Вот ты и договорился. Откуда ты это взял?

– Как-то само пришло… однажды. Я подумал, апостолы крестили в воде, чтобы были знак и черта. И чтобы никто не колебался между верой и неверием, – Прохор уже не раз обдумывал, что есть крещение и какой в нём смысл. – Я думаю, крещение водой – это внешний знак, который сам по себе не делает человека чистым, только его тело. Он мог быть другим – обрезанием, например. Но выбран был этот. Он правильно показывает суть.

– Постой, дитя. Да без крещения как же мы родимся для будущей жизни? А если не родимся свыше, как изменится наша падшая природа? Что мы возьмём в небесные обители? Кости и плоть? *Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть царствия Божия.* Запиши это, запиши, это духоносные слова. Я их своими ушами слышал, когда… Кх-кх, – старец закашлялся. – А рождаются свыше от воды и духа. А ты думал, всё верой совершается? Без небесной-то субстанции?

– Но Иисус всем, кого исцелял, говорил: *вера твоя спасла тебя*. Мы наследники обетования, данного Аврааму, по вере, а не по крещению. Так, отче? Это Павел ещё написал.

– Веровать нужно в то, дитя, что Иисус есть *хлеб живый, сшедший с небес*; и что *ядущий хлеб сей будет жить вовек*. А веру в завет с Богом не потрогаешь, не съешь. А как жить, если не питать тело? Духовное тело… Так-то. Вот наша вера – *Слово стало плотью*. И если так верить и креститься, то родишься как духовное существо. И так спасёшься.

Прохор умолк, опустил голову и не смотрел на старца.

– Запомни, Прохор, вода – это небесная субстанция. Ещё при творении Бог разделил воду на ту, что над твердью, и ту, что под ней. А твердь – это небо, как и написано в книге Бытия. Светила же Он создал после и поместил их на тверди небесной, где уже вода была. В воде, значит. Это первая глава книги Бытия. Так вот. Звезды – это воинство небесное, рождённое в воде. Все ангелы рождены от воды и духа. Среди них есть теперь святые ангелы и демоны. А вода, что под твердью, родила птиц и гадов. Подобие есть во всём, дитя. Ангелы и птицы рождены от воды и имеют крылья, чтобы летать по небу. А дьявол и гады лишились крыльев и ползают на чреве. Так об этом нам Писание повествует. И мы теперь должны родиться от воды и духа, подобно ангелам.

Прохору история с водой явно пришлась по душе. Старец потрепал его за плечо:

– Ну что ты, что ты? Меньше доверяй уму, дитя, а больше сердцу. Собери-ка лучше нам завтрак.

Прохор полез под крышу, где недавно подвесил засоленную рыбу. Потом достал хлеб из плетёной коробки. Помолились и сели завтракать. Старец долго жевал рыбу беззубым ртом, доставал пальцами кости и выкладывал на стол. Когда окончили, Прохор собрал объедки и вынес во двор. Два голодных кота хватали его за ноги и подпрыгивали, показывая всем видом, что готовы на всё. Прохор вернулся. Старец размяк и сидел подобревший, прикрыв глаза.

Видно было, что он что-то вспоминает. Глаза были закрыты, но под веками кипела жизнь, что-то бегало и вращалось, как мышь под покрывалом.

– Ладно, оставим это. Думаю, всё было не так, как ты думаешь и как рыбаки рассказали. Мы всё опишем по-другому, чтобы всё сходилось. Иоанн, конечно же, знал учеников Христа и крестил их. И после ещё до-о-олго крестил, и Иисус с учениками крестил, только в другом месте. Но главное вот что: если верить рыбакам, то Иоанну Крестителю не было открыто, что Иисус был мессией, которого все ждали. Разве такая весть – благая? Разве она укрепит веру? Я думаю, самое важное упустили евангелисты. И мы с тобой дополним пропущенное. *Утешитель же, Дух Святый, научит нас всему*. Так и запиши.

– Как, старче? Кто такой Дух Утешитель? Я и не слышал про такого. Читал, что дух – это присутствие Божие, как тихое веяние ветерка. Так было с Ильёй.

– Возьми последний свиток и напиши в благовестие слова Господа: *Утешитель же, Дух Святый, которого пошлёт Отец во имя моё, научит вас всему и напомнит вам всё, что я говорил вам.* Сейчас не заботься куда записать, а потом все логии расставим по местам. Сам подумай. Может ветер что-то открыть? Ты же не рыбак, чтобы дух воспринимать, как движение воздуха. Дух – это бог, он личность.

– А из Павла и Деяний я понял, что дух – это невидимое действие Бога, через которое мы узнаем волю Отца и следуем ей. И Его сила.

– Запомни, сынок. Я скажу тебе то, что ты нигде не прочтёшь, как ни ищи: *Бог есть дух.* Запиши, дитя моё: *Бог есть дух, и поклоняющиеся ему должны поклоняться в духе и истине.*

– Но разве хорошо, если нигде в Библии нет, что Бог – это дух? Как это: Бог – дух?

– Хорошо, хорошо. Вот так Утешитель и научает тех, кто рождён свыше.

Старец строго взглянул на Прохора, так что у него голова вдавилась в плечи.

– Ну, пока хватит о духе, вернёмся к Иоанну Крестителю. По свидетельству апостолов, ученики Иоанна не знали, что Христом был Иисус из Назарета. Нет ли здесь ревности рыбаков к Крестителю?

– Ну что Вы, отче! Нет, нет, они и правда не знали. Когда ученики Иоанна услышали про воскрешение Иисусом сына вдовы из Наина, так тогда только и пришли в темницу спрашивать учителя своего, не Мессия ли Иисус, который сотворил такое чудо.

– Рыбаки не понимали великую роль пророка, потому и представили так дело. Мол, Иоанн не знал ответа.

– Но он в самом деле не знал. Истинно, так и было, отче.

– Глупо с твоей стороны верить басням, дитя моё. Мог ли величайший из пророков не знать ответа и отправить учеников справляться у самого Иисуса, не он ли Христос? И не позор ли это для пророка? Додумались, будто сам Господь прикрыл сей срам, оправдывая Иоанна и его незнание. Так по Матфею и Луке. Нет, всё это немощная человеческая память и неведение сотворили. А мы с тобой поправим и напишем всё, как было по истине, а не по памяти людской.

– Так старче, воистину так. Только не согрешим ли мы из лучших побуждений?

– Сотворишь сто поклонов вечером за неверие старцу. Не буду тебя, как архангел Гавриил Захарию, наказывать немотой. То, что говорю тебе, это не от меня. Мне сам архангел ночью являлся и всё поведал. Пиши.

Прохор не шевелился, и стало так тихо, словно воздух очистился от звуков, чтобы принять в себя слова старца:

– *После сего пришёл Иисус с учениками своими в землю Иудейскую и там жил с ними и крестил. А Иоанн также крестил в Еноне, близ Салима, потому что там было много воды; и приходили туда, и крестились, ибо Иоанн ещё не был заключён в темницу*.

Старец диктовал с закрытыми глазами, а когда окончил, взглянул в упор на Прохора. Глаза старца были так глубоки и смотрели так строго, что у Прохора едва не выступили слезы. Старец продолжил:

– Вот так и напишем, что Иоанн не был взят под стражу, а продолжал свидетельствовать. И главное его служение – не крещение в покаяние. Он вовсе не крестил в покаяние, как написали рыбаки. Иоанн *для того пришёл крестить в воде, чтобы* Христос *явлен был Израилю*. А потом – чтобы родились от воды и духа уверовавшие в него. Главное его служение – это проповедь всем, кто есть сын Божий и зачем он явился. Пиши ещё, что проповедовал Иоанн.

Голос старца опять приобрёл торжественные интонации:

– *Приходящий с небес есть выше всех. Отец любит Сына и всё дал в руку его. Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нём.*

Старец приоткрыл глаза и продолжал обычным голосом:

– Кто поверит, что Иисус есть бог Слово, если не пророк, признаваемый всеми, это благовестит?

– Истинно так. Если бы Вы, старче, не поведали мне Вашего откровения, я бы никогда не узнал о том из логий, писаний апостолов и их учеников.

Прохор говорил, как заколдованный, потом осторожно поднял глаза и взглянул на старца:

– Старче, а вы Христа называете Сыном так, словно «Сын» – имя. Не сын Божий, и не сын человеческий, а просто «Сын». Он что, один у Бога?

Старец не счёл нужным отвечать. Что толку? Истина не сразу вмещается – выпирает то там, то сям. Пусть он сам себе ответит. Нужно время… Да, время поправит всё.

– Прохор, а как думаешь, Иисус призвал учеников?

– Позвал и они пошли, бросили сети – так у Марка, и Луки, и Матфея.

– Разве ты стал бы моим учеником, не приведи тебя твой отец? Так и с апостолами. Они были Иоанновы ученики. И Иоанн указал им на Иисуса, сказав: *Вот Агнец Божий, который берёт на себя грех мира*. Так и напиши. А дальше они уже друг другу передали слова Иоанна Крестителя, что Иисус мессия. Андрей сказал Симону, своему брату, потом Филиппу, а Филипп Нафанаилу. Так и пошло слово пророка дальше, утверждая нетвёрдых в вере.

– Отче, а как же слова самого Иисуса, что не плоть и кровь открыли Петру это?

– А, по-твоему, дитя моё, слова пророка, передаваемые из уст в уста, это плоть и кровь? Нет. Так что мы не против писаний апостольских. Но мы их разъясняем и придаём им высокий смысл.

XIII

Из дневника С. А.

ВЕЩИЙ СОН

Идут по дороге, двигаясь вспять,

Всех возрастов человек сорок пять.

Трое младенцев у радостных мам,

Игрушками машут, припавши к соскам.

Вслед им мальчишки бегут шумной стайкой:
Десять, и каждый – в футбольной майке.
Мал мала меньше, в широких трусах
Те, кто постарше, с сигаркой в зубах.

Дальше с гитарой и в джинсах мажорных
Трое парнишек шагают задорно.
Потом пять студентов плетутся гуськом,
Лихой матерок запивают пивком,

Травят, смеясь, анекдоты друг другу,
Цоя поют по десятому кругу,
Каждый несёт термосок с кипятком,
Чай, две сгущёнки и Лифшица том.

Трое с бородкой
И стрижкой короткой
В чёрных костюмах, словно на фотку.
У одного как булыжник в реке
Сверкает мобильник в холёной руке.

Последним под ручку с молоденькой дамой,
Очень красивой и величавой,
На десять лет старше, с седыми висками
Высокий поэт с голубыми глазами.

Все неразлучны, как лёд и вода,
Как счастье и горе, успех и беда.
Глядят на затылки тех, кто моложе,
Сзади идущих их взгляд не тревожит.

Зачем же сошлись, словно в веке года,
Друг друга не видя лица никогда?
Смотрят, вдали не покажется вдруг
Конец их пути? И опять на круг.

Подруга склонилась к уху поэта:
Милый, ты видишь, уходит лето?
Давай обернёмся! Что там позади?
Смотрят назад, но не видно ни зги.

Мы там не бывали! Как это возможно?
Шагаем Ё мы, но видим всё в прошлом.
Уж лучше вернуться, пойти против всех,
Забыв наши планы на шумный успех.

Поэт обернулся и видит вдали
Горящие окна и дом среди сада.
Пришли. Вокруг дома плетётся ограда,
Ворота открылись, внутрь дома вошли.

Он пуст, но в камине горит яркий пламень,
Теплом сквозь прожилки лучится камень.
Книги на полках, хлеб на столе
С коркой, хрустящей в серой золе.

Поэт полистал и на полке оставил
Толстые тома церковных правил.
Бросил на странную книгу свой взгляд:
Учебник по физике, том Термояд.
Исписана вся и внутри, и снаружи
Множеством формул, вселяющих ужас.
Кажется, нужно читать снизу вверх?
И автором числится сам Главкомверх!

Что значит такая находка? – не знает.
Жена у постели в воздухе тает.
Он книгу берёт и ложится в кровать,
Глаза закрывает и слышится:
Спа-ать.

Проснулся и долго лежал на кровати, размышляя. Маргарита лежала рядом, уткнувшись головой в подушку, – тихая, тихая. Волосы разметались, укрыв белые плечи чёрным крылом. Изгибы! Какие неповторимые изгибы – вся прелесть в них, в этих изгибах, в этих плавных линиях. Никогда не мог удержаться, чтобы не повторить их рукой…

Сегодня был с Маргаритой у врача. Записал на всякий случай разговор.

– Доктор, меня беспокоят сны. Они странные.

– Чем же они странные?

– У меня после них состояние, словно я и не спал вовсе. И я днём отключаюсь – на минуту, две. Компенсация.

– Когда началось?

– Всё началось после укуса.

– Укуса?

– Да, меня укусили на Святой земле, в Капернауме. Какой-то юродивый в рясе навыворот.

– Покажите язык. Так… Руки перед собой. Так. Смотрите влево, головой не вертеть. Так. Угу, угу. Держите, это направление на томографию. А это рецепт: пить три раза в день по одной таблетке. Придёте через месяц.

Вместо таблеток купил две бутылки Шабли. Сел на балконе на коврик – вино, жёлтая листва и запахи осени заворожили. Тоска начала отступать. Сами собой родились стихи – дети странного союза вечности и смертных.

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

Господи, я не Индикоплов

И не философ, мой ум – чистый.

Пошли в меня рой слов

Взять мёд душистый.

Вино лижет стекла край,

Соблазн одевая в запах и цвет.

Струится по горлу ручей в рай,

Не слышит сердце в раю запрет.

Отведав лозы смертельный плод,

Добра и зла вкусив яду,

Перейду реку жизни вброд,

Отдохнуть лягу за ограду.

Маргарита присела рядом, откинувшись в кресле и вытянув ноги.

– Представь, Марочка, что ты оплатила жизнь в великолепном санатории до конца дней. Кругом горы, лес, озеро, соседи и маленькая деревушка. Тебя кормят, у тебя небольшой домик. Но за пределы определённой зоны выходить нельзя и сбежать невозможно – таков контракт. Что стало бы неизбежно твоей главной идеей, целью?

– Конечно, сбежать оттуда.

– Но почему?

– Потому, я думаю, что рай без цели – это ад.

– Да, и я так думаю. Но почему тогда, Марочка, когда мы находимся снаружи, наша цель – это построить такой рай или попасть в него?

– По той же причине. Нынешний наш ад на земле в той степени ад, в какой мы живём без цели, суетясь, потребляя и получая удовольствие.

– Вот, дорогая. Потому и вечная жизнь, если она будет у нас, не останется без цели, а значит, без преодоления и борьбы. Это свойство нашего духа – иметь цель.

– Ну-у? И…

– Моисей вёл народ в землю, обещанную Аврааму, и привёл, сам не войдя в неё. Давид боролся с Голиафом и победил. Много потом натворил и злого, и доброго, но угодил Богу и был прощён. Иисус, отдав себя первосвященникам, чтобы они исполнили закон и убили его, тем отменил его ради нового завета. Путь из ада может быть парадоксальным. Реальность всё время меняет очертания, и пути приходится отыскивать заново. В наше время некого спросить.

– Только не говори мне, что ты не видишь цели и не знаешь, что делать. Я тебя выбрала за другое.

Маргарита обхватила мою голову и поцеловала в губы.

– Помнишь? Ты всё помнишь?

– Даже во сне… Даже во сне помню. Мои сны реальнее, чем жизнь.

– Ах вот кто виноват в твоих бессонницах!

Маргарита лукаво улыбнулась и прижала мою голову к груди.

– Подожди, Марочка, подожди. Дай сказать. Я увидел во сне цель… или предназначение. Мне показали…

Я пытался объяснить. Потом пересказал сон. Но это плохо получалось, сон не пересказывался, рассыпался. Тогда я взял карандаш. Мы сидели на коврике, пили вино, смотрели на колыхающееся под голубым жёлто-зелёное море, потом на облака, которые светлыми абажурами висели под сводом, потом на первые звезды. Говорили тихо, словно зрители в зале. Я пытался время от времени писать, потом комкал листы, бросал и брал новые.

Когда совсем стемнело, я отдал бумагу Маргарите. Она вглядывалась в темноте в белый лист, разбирая строки: «Идут по дороге, двигаясь вспять, Всех возрастов человек сорок пять...» Так просидели ещё, пока не стало прохладно.

– Если служишь одной стороне, то всегда есть враг на другой. Ты видишь, кто враг?

– Нет, он прячет лицо.

– Но сражаться придётся?

– Да, он обязательно выйдет на свет и будет… я думаю, сначала будет поносить тех, кто против. Как Голиаф. И будет казаться, что его не победить.

– А Главкомверх, это кто?

– Как кто?

– Кто-то главный? Главнокомандующий?

– Да, по-еврейски – Господь воинств, Саваоф.

XIV

БОГОСЛОВЫ

Из записок С. А.

Отбирать на роли хочу из провинциалов. Пригласил двух выпускников из Щепки на пробу – много фальшивого пафоса. Между последними словами из роли и вопросом о деньгах должна быть пауза. Хотя бы полминуты. Иначе чувствуешь себя Чарским, застрявшим в петле времени. Так никого не наберу. Случайно присмотрел одну арфистку на роль Магдалины – это если понадобится. Скромность и пылкость одновременно. Рыжая, правда, но сейчас есть прекрасные краски для волос. Мне нужен кадровик, как на заводе – перемалывать тысячи тонн актёрской руды.

Лицо – это, как говорили, зеркало души. А почему? Лицо служит для передачи эмоций в дополнение к словам и мыслям. Насмешливое или серьёзное выражение плюс голос дают разную интерпретацию одинаковым фразам. Ум собеседника это воспринимает подсознательно. Но если развивать это чтение лиц, как развивают, например, чтение по губам, да и любое искусство вообще, то можно научиться читать не эмоции, а мысли. Можно заглядывать вглубь чужого ума. У лица, его мышц, у глаз, у губ есть прямая связь с головным мозгом. Они на него надеты, как маска, и служат для передачи смыслов и эмоций. Значит, их непроизвольные движения можно использовать, чтобы узнавать то, что скрывается, что не предназначено в качестве сигнала. Остеопаты делают нечто похожее. Они научаются, сосредотачиваясь и щупая живот или руку, чувствовать кожу, потом мышцы, потом кости. Прикасаясь к поверхности тела, они находят там, в глубине плоти, изъяны, воспаления, переломы. Так и режиссёр – он по лицам определяет внутренности актёра, ощупывает их.

Зашёл к Петру. Просидел два часа у него в приёмной, потом в переговорной. У него там беготня такая, шныряют чинуши взад-вперёд до десяти вечера. Как при Сталине. К войне готовятся, не иначе. Крики доносились с матом-перематом.

– Фу-у. Как ты? Засиделся? Доставай. Да, вот из этого. А, ну да, я закрыл. Сейчас, сейчас. Скорее.

– Безо льда, как-то… Вискарь, брр-р-р.

– Давай, ты цеди, а я второй, – наливает полный стакан и опять выпивает, жадно глотая вонючую жидкость.

Секунд десять он ловил кайф, прикрыв глаза. Открыл, блаженно глядя из полуприкрытых век, растёкшись в кресле:

– О-о. А что это у тебя с рукой? Потемнела.

– Да, укусили. Я, знаешь, сплю теперь плохо.

– Слушай, да ты в порядке?

– Да, всё хорошо. Я хотел тебя поблагодарить. Я теперь с заказом – деньги-то пришли. С меня?..

– Да оставь. Это моё оправдание будет на суде, я имею в виду там, – показывает вверх пальцем.

– Спасибо. Я здесь ещё посоветоваться – по фильму. Вот если бы ты в Кремле работал, где бы предпочёл жить – на Рублёвке или на Никитской? Или, скажем, семья на Рублёвке, а ты на Никитской?

– Хм-м, тут и вопроса нет.

– Почему?

– Если дом на Рублёвке, то я там несколько лет не появлюсь – мне легче будет в конуре возле Кремля топчан бросить. У царя графика нет: день и ночь – сутки прочь.

– Ага, значит, царедворец из Капернаума – бывший, уволен, значит. Так бы и написал.

– Что? Ты о чём?

– Да так. Это я о своём, не бери в голову. Мысли у Иоанна запутались, а я их распутываю.

Из рассказа С. А.

– Марочка моя, милая, меньше краски клади на глаза, прошу тебя. Ты знаешь, что такое абкляч? Это когда краска на обратной стороне почтовой марки проступает. Будь аккуратней – не дай бог тушь дойдёт до мозга.

– Ну вот! Ты, как всегда. Я только из церкви, сегодня Преображение. А ты мне праздник испортил своими шуточками.

– Заешь, милая. Ты помнишь нашего кота? Барсика? Он счастливый был, наш кот. Жил, как в раю, с живыми богами. Они его кормят, защищают, а он им песенки поёт, ластится к ним. А ты кому там пела? Ты видела своих богов в церкви? Они ж у вас там нарисованные – не говорят, не ходят.

– Господи! Ну почему я вышла за юродивого и притом безбожника?

– Я не безбожник, Марочка, ты же знаешь. Но я не всему подряд верю. У меня, как обрезанного, в крови антитела против идолопоклонства. Бог один, а ваш пантеон слишком многолюдный. И потом, прости, но для совмещения языческого многобожия с еврейским единобожием недостаточно отменить базовые основы мышления и счета и утверждать, что три может быть единицей. И богословия мало – нужно прямое свидетельство.

– Да Иисус сам говорил, что он сошёл с неба. Какое тебе ещё нужно свидетельство, что он бог?

– Нужно хотя бы два свидетеля.

– А как это? Они что, в подзорную трубу должны были увидеть, что он с неба? Он в утробу девы сошёл, а не просто на землю.

– Вот это и должны засвидетельствовать… Как было с Исаией, скажем. Его дети были воплощённое слово, пророчество. И имена он им давал

говорящие, в которых была суть пророчества, так что и свитков никаких не нужно было… И зачинал он их при свидетелях за дверью – чтобы знали, когда слово стало плотью.

– Что-о? Это как же? И что, по-твоему, Мария не дева была, когда он в утробе появился?

– Не знаю, не знаю… Я думаю…

Маргарита не дала договорить мужу:

– Что с тобой спорить? Так и до греха недалеко. Господи, прости моего мужа юродивого. Не ведает, что говорит.

– Марочка, я был у врача, и по дороге простенький стишок сочинил. Короче, врач-психиатр проводит сеанс с группой пациентов в психиатрической лечебнице. Они совсем простые, как детки. Слушай:

БОГОСЛОВЫ

Добрый доктор Айболит
В белой шапочке сидит,
Строго смотрит на больного
Одного, потом другого,
Наконец всё отделенье,
Словно клирос в заговенье,
Пред светилой собралось
Для лечебной физкультуры,
Повышения культуры,
Просветительных бесед,
Ну и, в общем, на обед.

Доктор спрашивает: – Детки
Заработаем конфетки?

Отвечал и стар и млад:
– Да-а, мы любим шоколад.

– Ну, тогда пройдём все вместе
Мы проверочные тесты.
Отвечайте, вы согласны?
– Да-а-а!
– Отлично, детвора!
Что ж, поехали тогда?

Не бывает белых мух!
– Да-а -а.
– Прекрасно!
Мы трудились не напрасно.
Не бывает злых старух!
– Е-рун-да!
– Что ж, вы правы, как всегда!

Будем же внимательны.
Кхм. Вставать не обязательно
Даже тем, кто не дорос.
Итак, слушайте вопрос:

Кто есть Бог, и что есть Бог?
Кто ответит без заминки?

Ну-ка, прямо держим спинки!

– Может быть, единорог? –
Хрупкий юноша в берете,
Призадумавшись, ответил.

– Что за глупость? Бог – Христос! –
Отвечал по виду кроткий
Пациент с седой бородкой,
Красный, словно бегал кросс.

– Поднимите руки те,
Кто согласен с ним вполне.

Руки тянут. Но один
С подковыркой господин
Вдруг спросил: – За столько лет,
Доктор, сколько человек,
Без обмана мне скажите,
Дали правильный ответ?

– Ни один, хоть целый век
Лечу умственных калек.
– Кто тогда нам даст ответ?
Неужели Ленсовет? –

Вновь задал вопрос один
С подковыркой господин.
Он картавил и рукой
Правой, словно кочергой,
Целился и звал вперёд
Свой невидимый народ.

– Не ответит вам никто,
Если даже ждать лет сто.
Добрый доктор Айболит
В белой шапочке сидит,
Строго смотрит на больного
Одного, потом другого.
Он не весел, он сердит,
Пальцем тычет, говорит:
– Те, кого я счёл здоровым,
Из больницы отпустил
Радостных и полных сил,
Кто остаток своих дней
прожил тихо, без печали,
На вопрос не отвечали.

– Ловко ты меня дурой назвал. Правды, мол, не знаем. А кто знает – сумасшедший.

– Ну что ты, Марочка. Это я про себя, несчастного агностика. Бывшего агностика, который мечется в поисках истины. Я просто не хочу в вашу

психбольницу. Вы же церковь здравницей душ называете?

Маргарита сжала губы. Лицо стало холодным, дыхание – почти незаметным, проступающие сквозь платье выразительные формы застыли, словно каменное изваяние. Наконец каблучки застучали, унося её в коридор. Хлопнула дверь.

Маргарита странная, как все женщины, – подумал Сергей Афанасьевич. – Всё понимает, но когда нужно изменить привычке... Ей важно опереться на того, кто укажет путь на развилке, когда её интуиция молчит. Если такого мужчины рядом нет, она строго следует ритуалу. Ей тогда легче бывает признать кенгуру большим тушканчиком, чем поставить под сомнение догму.

…Неужели я не тот? Она будет искать, пока не найдёт того, кто покажется ей её истинным владыкой. Это неизбежно.

Глава 11

Белый волос

Материалы сценария.

Эпизод 1. Обязательное очищение перед пасхой. Чистота по закону.

Иисус говорит […]: омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь (от Иоанна).

Тогда приходят к Иисусу Иерусалимские книжники и фарисеи и говорят: зачем ученики твои преступают предание старцев, ибо не умывают рук своих, когда едят хлеб (от Матфея).

Капернаум. Обычная толпа вокруг дома Иисуса, некоторые, с котомками, из дальних селений. Есть калеки, кто-то на лежанках близко ко входу, бесноватые стоят группой вдалеке, их держат. Два

фарисея возле двери дома выделяются одеждами со множеством кисточек. Они говорят тихо, так что в общем гомоне их не слышно:

– …но весь наш закон состоит из правил очищения и жертвоприношений. Что он себе позволяет?

– Ничто входящее внутрь, говорит, не делает человека нечистым. Это как? Он не считает, что на рынке можно оскверниться? Но там же поди разберись, кто что принёс, кто нечист… Прокажённые ходят, никто их не гонит.

– А в законе сказано: если кто *прикоснётся к нечистоте человеческой, какая бы то ни была нечистота, от которой оскверняются, и он не знал того, но после узнает, то он виновен.*

– Именно так. Руки нужно омыть, придя в дом! И ноги. Нечистоты не избежать вне дома! Но ты же слышал от него: зачем моете руки? Это, мол, предание. А как тогда исполнять закон, и что от него останется? Суббота? Так он и субботу нарушает.

– А ты слышал, чтобы он принёс хоть раз жертву?

– Нет. А зачем, если он сказал, что человеку дано самому прощать грехи? Слыхал? Это было, когда он исцелил расслабленного. Тогда ещё все смущались!

– Он же назорей, так? Тогда обязательно придёт в Иерусалим, чтобы принести жертву и остричься по закону. Вот тогда всё увидим.

Стоящий рядом с этими двумя и заинтересованно их слушавший человек с жидкой бородкой решил вклиниться в диалог:

– Не похож он на буквоеда в законе.

– А ты кто?

– Меня Михеем зовут, я из Геннисарета. Разрешите сказать слово.

– Скажи.

– А вы сами-то, разве соблюдаете закон? Вот я остановился у Закхея…

– Это у мытаря? Не лучший выбор. Ты сам-то не из учеников Иисуса? Это он нас обычно обличает.

Оба фарисея засмеялись, весело подмигивая друг другу.

– Да нет пока. Пришёл послушать его речи. Так выслушайте меня. У Закхея-мытаря есть брат Иосиф, он тоже мытарь. У него белое пятно на щеке, и там белый волос. По закону ему бы пойти к священнику, чтобы он осмотрел, но Иосиф не идёт. Не хочет. Скорее всего, он не заразный, жена-то у него также в возрасте, и притом чистая. Но по закону, по букве закона, Иосифа нужно за стан прогнать, как имеющего проказу. И кто это сделает? У него дом свой, и римляне за него. Попробуйте мытаря изгнать из города! Как же вы исполните закон? Вот и придумали старцы мытьё рук по каждому случаю, чтобы от такого, как Иосиф, не оскверниться. Поэтому Иисус говорит: из закона исполняете, что хотите и что римляне позволяют, живёте по преданиям человеческим. Так лучше не лицемерить. Иисус учит, что настало время, когда закон будет в сердце. По совести надо жить, а не по букве. Какой смысл соблюдать букву в одном и не соблюдать её в другом?

– Сколько толкователей развелось. А говорить все мастаки. Пусть попробует жить, как учит. Посмотрим, долго ли он останется жив.

Михей молчал.

– Михей! Говоришь, у Иосифа один белый волосок? Поседеет, сам очистится. По закону, если все стали белые, то он чист. Старость всё отмоет, всё вылечит, – фарисеи перемигнулись и засмеялись. – Подождём. Зачем торопиться? Выгоним из города, а потом возвращать?

Михей словно не заметил насмешки:

– Всё в руках Бога. Но Иисус не говорит ничего, за что его можно убить. И он говорит разумные вещи. Но он против формальных правил, которые применяются по букве. Когда совесть и вера не участвуют и когда судят как будто по закону, но без милосердия.

– Вот и я говорю: зачем ему стричься? Это как относится к совести? Никак.

Фарисеи вернулись к своей теме, не обращая больше внимания на Михея.

– Он что, женщина? Позорно ходить как блудница с длинными волосами, да ещё непокрытыми, если ты не назорей. Он исполнил обет? Вино-то он пьёт, кажется? Или нет? Говорят, что пьёт с мытарями. Или он и назорейство понимает по-своему, духовно?

– Это, кстати, вопрос: как быть назорею, который исполнил обет, но ещё не остриг волосы и не принёс жертву? Хорошо бы нам у Рабана Гамлиэля толкование спросить. Я так думаю, год простительно, если ты в Галилее – до Иерусалима далеко. Но на праздник он обязан прийти в Иерусалим, принести жертву и остричься.

– А если нет денег на жертву и нет того, кто принёс бы за него? Тогда как?

– Вот и спросим у Гамлиэля. А ты слышал, чтобы Иисус приходил в Иерусалим с тех пор, как Иоанна взяли под стражу? Я – нет. Он боится?

– Не думаю. С тех пор и года не прошло. Иисус же после Иоанна начал? Так что на пасху придёт.

– Я тебе говорю, а ты не слышишь. Наплевать ему на закон. Будет он в Иерусалиме или нет, а для меня сейчас всё ясно. Я слышал, как он говорил, что не нарушить пришёл закон и пророков, а исполнить. И как он его исполняет?

Опять в разговор вмешался Михей с козлиной бородкой:

– Друзья мои, но на сегодня закон действительно исполняет только Иисус, причём до последней йоты, потому что исполняет его по духу, а не по букве. А вам кажется, что он главный нарушитель. Сейчас только по духу и можно исполнить закон. В законе всегда есть духовное правило, смысл, идея. А кто пытается по букве, тот то в одном, то в другом его нарушает.

– Опять ты за своё. Про Закхея и его брата уже слышали. Всегда есть исключения.

– Да хоть возьмите субботу. Когда народ был в пустыне, привели человека к Моисею и Аарону, собиравшего дрова в субботу. И что они решили? Побить его камнями. А если сейчас так судить, что будет? Кто сейчас не соберёт дров, если закончились, или если родственник болен, и у него холодно? Ну, скажут старейшины, принеси жертву за грех. Но побить камнями!? Это даже зелоту не придёт на ум. Так? Тогда зачем лицемерить, выискивая в законе мелочи и пытаясь их соблюсти. Вы отцеживаете комара, а главное в законе оставили. Но всё, что в законе духовно, что от Бога, – все в нём исполнится до последней йоты, как сказал Иисус.

– Всё учишь нас, а сам-то ты кто, невежа? Иисус твой ещё сказал, что исполниться всё, написанное о нём в законе. Разве в законе есть что-то о нём?

– Это про то, что Бог обещал народу через Моисея: *Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой, его слушайте*. Эта йота или черта из закона ещё не исполнена вами. Вы его пока не услышали.

– Мы услышали, услышали. Бывает, что закон не исполняют – все не без греха. Но твой Иисус учит, что это правильно – не соблюдать закон. Жить по совести, не соблюдая закон? Пусть попробует! Посмотрим, долго ли проживёт!

– Он не учит, что так правильно, но что бессмысленно исполнять формально постановления, по букве, – уже прощаясь, Михей хотел сказать самое важное. – Всё духовное в законе исполнится до последней йоты и черты. И как Моисей заключил завет с Богом, так и Христос заключит новый, вечный завет.

– Так ты думаешь, это он мессия? – фарисеи громко засмеялись. – Ну, ты и простак! Пусть знамение даст, тогда поверим.

XV

РЕЖИССЁР

Из дневника С. А.

Приснился странный сон. Я как будто и не спал, а беседовал во сне. Проснувшись, схватил ноутбук и записал всё по горячим следам. Возможно, это было переосмыслением во сне наших бесед со Страховым, но в довольно оригинальной форме. Эта внутренняя беседа была такой ясной, гораздо ярче, чем наяву, так что её слова, казалось, продолжали звучать после пробуждения.

– Ты кто?

– Я отражение.

– Отражение чего и в чём?

– Я умная сила, иногда называемая духом, которая отражается в твоём разуме.

– Он что, способен что-то отражать?

– Он создан, прежде всего, чтобы отображать в себе Бога.

– И что мне делать с отображением Бога?

– Взирать на него. Это же образ Бога. Твой разум – умная машина. Его главное свойство –способность отображать, он сам есть отображающая поверхность, матрица, как в фотокамере. Она запечатлевает то, что вне человека, что воспринимают органы чувств. Затем анализирует входящие запечатлённые сигналы, преобразует их по заложенным или приобретённым алгоритмам и выдаёт управляющие сигналы рукам, ногам, языку. Это сознание, разум. Он способен оценивать внешнее и реагировать по схеме. Так же действуют все животные. И так устроены нейросети.

– А зачем мне тогда взирать на образ Бога? Если я и без него имею сознание?

– Взирание на него – это нечто большее. Это не сознание, это самосознание. Человек, кроме внешнего, воспринимает ещё и внутренний свет, и отображающая поверхность ума, как окно в доме, разделяет внешнее и внутреннее. Это позволяет устанавливать соответствие ваших реакций на внешнее с идеалом, который вы видите внутри. Как будто внутри на стене висит портрет, а снаружи, за окном, люди. И вы сличаете. Но многие об этом не знают. Если ты смотришь внутрь, то видишь образ Бога, и это воспринимается твоим разумом, как своё Я. На самом деле тебя нет. Ты пар, машина, которая исчезнет, умрёт. Но ты можешь взирать на образ бессмертного Бога в тебе и воспринимать его как своё Я. Это уже не сознание – самосознание. Образ – это дар, который дал тебе непостижимый Бог, чтобы ты мог взирать на него. Бог – один сущий, только Он существует. Всё остальное – временная игра, комбинаторика из элементов тварной материи.

– Зачем Он сделал так?

– Чтобы материя в конце концов увидела своего Творца. У животных самосознания нет. Для них боги – это вы, люди. Они видят вас не внутри разума, как отражения внутреннего света, а вне – глазами.

– Поэтому поклонение идолам грех? Это возврат к животному состоянию?

– Кхм… Продолжим… Все реакции животных – это результат обработки входящих сигналов по алгоритмам, которые унаследованы или выработаны их мыслящими машинами. Весь этот софт называется душой, он бывает довольно забавным. У животных есть великий дар, этот дар – жизнь. Вот только они все целиком составлены материей, они её пленники, а душа смертна. А у людей есть ещё один дар, который бесконечно ценнее души, то есть дара жизни. Этот дар – возможность вступить в общение с Богом, которого в мире невозможно ни увидеть глазами, ни зафиксировать приборами, ничем вообще. Его существование невозможно вывести рассуждением, и его невозможно изучить умом. Но он вдохнул вам свой образ, и вы можете взирать на него в себе и верить в него. Вы можете даже

полюбить его. Если ты хоть раз на него смотрел, то знаешь, что Бог есть.

– Странно, что это говоришь ты. Как тебя величать-то?

Собеседник мне показался не забавным, нет. Чувствовалось его коварство и, одновременно, привлекательность и мудрость. Он был невидим. Дух продолжал говорить, словно не услышал меня:

– Этот дар позволяет вам выйти за ограничения, налагаемые вашей тварностью, за абсолютную несвободу, полную подчинённость законам мироздания. Люди потенциально свободны, вы можете формировать реакцию на внешний сигнал без алгоритма, без расчёта. Бог может говорить в вас. Вы это называете голосом совести, или свободой совести. И в придачу вы можете получать силу действовать вопреки ограничениям, даже вопреки физическим законам и силам мира. Это всё проявления вышеестественной жизни, действия духа в материи. Мир может вам препятствовать, пытаться уничтожить вас, но Бог всегда поможет вам исполнить то, что вы услышали от Него. Бог абсолютно свободен, и Он властен над миром.

– Спасибо за лекцию, друг. Но кто ты?

– Так и зови меня просто: Друг.

– Хорошо, Друг. И что мне это даст, если со смертью мой разум разложится вместе с телом, превратится в пар, зеркало разобьётся и образ исчезнет? Образ не уничтожим, я это понимаю, просто Бог перестанет отражаться в том, чего уже нет.

– Да, временная свобода хотя и вызывает восторг, но для разума она бессмысленна, если потом всё равно пустота. Но у вас есть шанс. Взирание на Бога – ещё не личность, не то, что имеет бытие. Это только проба, временный завет с Богом. Если тебе понравится взирать на него, спрашивать и получать ответы, и поступать по ним, то Бог, когда будет творить мир заново, будущую вселенную, как назвал его Павел, сделает этот союз вечным. Он воскресит тебя и твой союз. Ты будешь взирать на образ, и союз твоего разума и образа Бога будет

уже личностью. То есть чем-то реально существующим, неуничтожимым, а не временным, как всё сейчас в мире.

– Ёлки зелёные, да ты богослов. Или… Ты что же, ангел? – Друг не ответил, и я спросил по теме лекции: – А как смотреть на образ?

– Ты смотришь внутрь и знаешь, видишь, чувствуешь. Иногда твой разум спорит с этим образом, с идеалом. Ты видишь образ, как идеальное Я, каким бы ты хотел быть, и как должен поступать. Если же ты отворачиваешься от него и слушаешь доводы разума, то выпадаешь опять из мира свободы в мир природного закона. Ты опять становишься кучкой атомов, подчинённой законам мироздания.

- А разве, если я слушаю голос совести, а не действую рефлекторно или по здравому смыслу, как говорят, я могу вырваться за пределы законов мироздания?

– Если взираешь на образ и становишься с ним как одно, то можешь, образно говоря, ходить по воде. Тогда Бог с тобой, и Его воля – твоя воля. Тогда ты неподвластен закону, даже закону природы. Тогда источник твоей воли, твоих действий – не рефлексы, не алгоритмы, не сложные рассуждения умной машины, а свободный союз с Богом через Его образ. Это и есть потенциальная личность. Ты действуешь не по обстоятельствам, а часто вопреки им. Тебе важна не причина, а цель. Источник твоей воли – святой дух. И Бог обеспечивает тебя силой. Для всего этого нужна вера. Если ты с Богом – ты свободен. Если с разумом – ты раб обстоятельств и логики.

– Хорошо. А кто тогда ты? Ты кем уполномочен? Как тебя величать-то?

– Я умная сила, дух. Хочешь, называй меня эгрегором, а хочешь, зови демоном. Да хоть самим дьяволом.

– Демон? На демона ты не похож – такие речи! И где же твоё место во всём этом?

– Если человек отворачивается от образа Бога, освобождается место.

– Для тебя?

– Это вроде замены портрета на стене. Пройдёт незаметно.

Не увиливай.

– Любой человек имеет дух, святой или не святой – иначе он был бы рациональной машиной или действующим рефлекторно животным. Так что, друг мой, я уже в тебе, я всегда с тобой. Не хочу только, чтобы меня потеснили. Не хочу, чтобы висело два портрета. Или один, но не мой. Я вижу… ты присматриваешься, не вступить ли в завет… Тебе не нужен завет, поверь. Это накладно и обременительно. И преимуществ никаких, кроме утешения. Мечта о морковке за горизонтом. А я – источник, дающий тебе ощущение свободы воли. Я не рефлекторная дуга, и не алгоритм, и не рациональное рассуждение, которое не оставляет выбора. Но я и не абсолютная свобода. Я не дам тебе вечной жизни, мой союз с тобой не продлится за пределы твоей жизни. Да. И ещё… всегда приятнее действовать явно, а не прятаться за интуицией, прозрениями, откровениями. Поэтому я решил персонифицироваться. Только с именем – проблема. Друг – это как-то… Я бы взял другое.

– А для чего ты так откровенен, если рассчитываешь занять свободное место? И откуда я знаю, что ты не лжёшь? Ты ведь никогда не взирал сам на тот образ?

– Как знать? Может, и взирал...

– Что за манера не говорить прямо? И зачем мне такой союзник с отсутствием перспективы?

– Я самоуверенно полагаю, что против моей логики и моих предложений ты не устоишь, как бы ни старался.

– Так ты сам сатана?

– Я Режиссёр.

XVI

ПРОРОК НОВОГО БОГА

Из воспоминаний С. А. Записано мной и переработано.

– Знаешь, милая. Прости мне мою вчерашнюю грубость.

– Да, зайчик. Ты сегодня спал хорошо, тихо.

– А у меня чувство, что грань между сном и реальностью стёрлась. Я не пойму, спал я или беседовал сам с собой. Какая-то запредельная ясность сна, я всё помню.

– Расскажи, зайка.

– Тебе скучно будет, не бери в голову. Вот рука у меня что-то онемела. Тебе не кажется, она ещё темнее стала?

– Да нет. Хотя… Пожалуй, нужно к врачу ещё раз. Давай, я с тобой, чтоб тебе не страшно было. Ты же, зайчик мой, трусишка ещё тот.

Сергей Афанасьевич встал. Все вокруг поплыло, он упал на кровать, но потолок продолжал бежать по кругу. Такое случилось впервые. Маргарита уже была на кухне, и Сергей Афанасьевич не стал её звать. Попробовал считать пульс – сорок пять. Лежал ещё минут десять, встал. Ноги ватные. Сознание время от времени пыталось выскользнуть из тисков воли. В таком напряжении прошёл весь день.

Вечер того же дня. Приём у невропатолога.

– Так, сожмите пальцы. Давно так? Вращайте кисть. Угу. Похоже на туннельный синдром.

– Доктор, а почему? И что за туннель?

– Причины разные. Возможно, какая-то инфекция или опухоль, зажим нерва. Причин масса.

– А лечение?

– Странно, что у Вас недавно началось и так всё запущено. Полного исцеления, конечно, не будет, но поправить попробуем. Ещё по клавишам стучать будете, не переживайте. Но писать – вряд ли. Ещё с вилкой … Хотя-я. Вы люди интеллигентные – вилку в левой держите, так что с этим проблем не будет. А так, мой вам совет – разрабатывайте левую.

На обратном пути Сергей Афанасьевич вёл машину. Тошнота подкатывала к горлу, но он старался не подавать виду. Разговор помогал отвлечься. Проезжали соборную мечеть. Там на Курбан-байрам народу тьмы тем собиралось.

– Баранов здесь на праздники режут. До сих пор будто кровью пахнет. Чем они от древних евреев отличаются? – Маргарита водила глазищами по сторонам, высматривая следы на асфальте, словно боялась, что машина заскользит на крови. Она была прекрасна в таком возбуждённом состоянии.

– Да ничем не отличаются. Мусульманство – это иудаизм для обращённых из язычества. Они – обрезанные, верят в единого Бога, многие – потомки Авраама через Исмаила. Сказано, что *и сыновей иноплеменников, присоединившихся к Господу, приведёт Бог на святую гору Божью и всесожжения их и жертвы их будут благоприятны, ибо дом Бога назовётся домом молитвы для всех народов*. По памяти как-то так у Исайи.

– Да это про христиан пророчество, а не про мусульман – так нас батюшка учил. Которого эти… фанатики застрелили. А, вспомнила – отец Даниил. Все эти мусульмане не верят в Христа.

– Верят. Верят в Иисуса, в пророка и помазанника, Мессию, а по-гречески – в Христа. В остальном они с иудеями едины.

– А для нас Христос – бог.

– Ты сама-то читала Писание нового завета, которое так торжественно мне вручила? Почитай. Для апостолов Иисус был машиахом, христом по-гречески, то есть помазанником на царство Давида, а не богом. Он вступил в новый завет с Богом, который должен был заключить ещё Моисей, но евреи тогда не были готовы. Иоанн Креститель, а за ним Христос проповедовали, что царство Божие приблизилось, то есть завет с Богом близок.

– И в чём этот завет?

– Жить по совести, по закону в сердце, по вере в живого Бога. Царство и его законы внутрь вас есть – это слова Иисуса. Внутри – значит в

сердце. А взамен Бог обещал воскресение и вечную жизнь, участие в будущей вселенной, которую он будет творить заново. Там внутренний и внешний законы будут одинаковы. И в доказательство воскресил Христа, который есть *первенец всей твари*, то есть первое творение этой будущей вселенной.

– А где тогда рай?

– Рая сейчас нет. Был райский сад в Эдеме, на земле до потопа. Так в Библии. После потопа его не стало, и христиане вслед за евреями верили, что Бог создаст землю заново. А у вас и рай и царство Христа уже существуют и спрятаны как бы в подпространстве нынешней вселенной. Там и души прячутся до второго пришествия. Всё было просто в христианстве, но богословы из эллинов-язычников притащили с собой свои выдумки.

– Христос у нас бог, – Маргарита не нашла, что ответить, и включила повтор по принципу: вода камень точит.

– Нет, Иисус – начальник и совершитель веры. Иисус действовал по вере и совершал, что задумал, верой. И учил этому народ, и вёл его по пути веры. Так надо понимать: вождь и совершитель веры. Но вера есть уверенность в невидимом – это слова Павла. Если Иисус бог, разве есть для него невидимое? Тогда откуда вера, если он всё видит? И в кого он верил, если он бог? В себя?

– Иисус не вождь и не совершитель веры, а бог, – Маргарита иногда бывала упрямой.

– Не знаю, но он так Павлом назван, Павел ни разу не назвал Иисуса богом, – Сергей Афанасьевич уже привык, что в споре с религиозными фанатиками нужно бить по ним их же авторитетами.

– Я этого не помню. Зато помню, что он говорил: я и Отец одно, и ещё Фома сказал Иисусу: Господь мой и Бог мой. Это как понимать?

– Так-так, постой, а кроме Евангелия от Иоанна, это есть ещё где-нибудь? Угу, угу… – Сергей Афанасьевич прервал разговор и уставился в зелёный светофор.

– Ты ехать будешь? Сзади сигналят. Выскочит вон тот тёмненький и пристрелит нас нафиг.

Левий очнулся:

– Ты молодчина, Мар. Ты, кажется, навела меня на главное… Вот откуда эта вера в нового бога! Иоанн! Он не просто географ плохой – он пророк нового бога.

– Что? Иоанн? Ты в порядке? Давай-ка я за руль сяду.

Сергей Афанасьевич продолжал медленно ехать, не слыша сигналы:

– А ты задумывалась, почему Иисус упорно называл себя сыном человеческим?

– С какой стати? Он себя и сыном Божьим называл. Я помню.

– Так-так… – Сергей Афанасьевич опять остановился и уткнулся в iPhone. – Постой, постой. Тут программка… сейчас загрузится. Вот, готово... Так и есть – это только у Иоанна он себя называл сыном Божьим. А у других евангелистов – только сыном человеческим.

– И что?

– А то, что он был сыном Божьим, но не в том смысле, как вы придумали, а в том, как это понимали евреи. Бог – наш Отец. Ты ведь сама читаешь молитвы: Отче наш. Значит, мы – Его дети. Так? Так что Иисус называл себя сыном человеческим, какими все мы являемся, чтобы идолопоклонники не придумали, что он сын божий – такой, как их боги, то есть божественной природы, чтобы они не стали поклоняться ему.

– Так его же и Пётр назвал сыном Божьим. Он тоже идолопоклонник?

– Петру, как ты знаешь, сам Бог открыл это.

– Ну-у. Так об этом я и говорю…

– Я же сказал. Бог сынами называет не за рождение по природе. Иисус сын Божий, как все мы, как сказано в псалме от лица Бога: *Я сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы.* Да, он не просто сын, но первенец, первенец из мёртвых, первый рождённый из праха, а не от

женщины, и ещё – возлюбленный сын. Почему его Бог возлюбил – это другой вопрос. А вы под «сыном божьим» понимаете рождённого в буквальном смысле от бога и женщины – так понимали идолопоклонники. Ты знаешь, как Иисуса бесноватые называли?

– Ну и как?

– Они его называли сыном Бога Всевышнего – как вы теперь называете. А он им запрещал. По-твоему, бесы правду вещали, а Иисус им рот затыкал?

– Что говоришь-то? Это для пользы, чтобы больные не лезли, услышав, что он сын Божий, и не мешали проповеди.

– Всё равно лезли. Больных столько приходило, что и хлеб в доме было невозможно есть. Я тебе скажу: он для того одержимым запрещал о себе говорить, чтобы их ложное понимание не стало всеобщим. Одно дело, от Бога кто узнал правильно о сыне, а другое – от людей, да ещё безумных.

– А с чего ты решил, что одержимые неправильно думали о его сыновстве?

– Дорогая, бесноватые – это кто были? В основном это идолопоклонники – те, кто верили в своих богов, которых Иисус бесами называл. Они впадали в транс в мистериях. Для этого ели и пили всякую дрянь и курили. Такие нынче в психушках, они в инопланетян верят, сошедших с неба. Так вот, они считали Иисуса таким же сыном бога, как их бесы, только более сильным. Типа Иисус – сын Бога Всевышнего, а их боги – там родословия разные: Геракл – от бога всевышнего Зевса и девы Семелы, Гермес – от Зевса и девы Персефоны, Эфалид – от Гермеса и Артемиды – это уже поскромнее, ну и так далее. Так что одержимые – это из контингента истово верящих в ложных богов и боящихся их до умопомрачения, до одержимости, как говорится.

– Опять ты богохульствуешь? Тьфу на тебя, если для тебя Иисус только человек. Он из двух природ. Понятно?

– Природа… Эх, Марочка, нельзя быть одновременно всеведущим и не знать, что апостолы не придут в Галилею после твоего воскресения. Это один пример, а их много. И две природы здесь ни при чем. Знать как бог и не знать как человек одновременно невозможно.

– Я вот не пойму – обрезали тебе одно место, а убавилось в другом. Вот это – загадка природы! Подумай над этим.

Дальше ехали молча.

XVII

УСЫПЛЕНИЕ СТРАЖА И МИСТЕРИИ

Из дневника С. А.

Возвращаясь от врача, зашёл в метро, сел в вагон. Вагон был пуст. Это странно. Как ни старался, едва мог вспомнить подобный случай.

На следующей станции вошли двое, мужчина и женщина. Женщина была красива и молода, а мужчина явно старше её, с седыми висками. Они о чём-то говорили, но я не слушал, думал о своём. До меня долетали лишь обрывки фраз. Их разговор показался мне интересным, и я стал вслушиваться.

Женщина больше спрашивала, а мужчина отвечал.

– Как можно так измениться? Он сам на себя не похож. Наш мальчик! – женщина аккуратно сняла перчаткой накатившуюся на ресницы слезу. – Ты говорил, что дух – это нечто цельное, а мне кажется, у него всё смешалось, как в воздухе. Нужно было форточки закрывать.

– Разные духи борются, пока не победит один.

– Нужно было раньше беречь его, а теперь – вот, сам видишь.

– Ты же знаешь, ум хранит вместилище духа. Он страж. Снаружи дух не убережёшь.

В этот момент мне стало немного не по себе. Кто они и что это за разговор? Какой странный разговор! Мужчина помолчал и продолжил:

– Надеюсь, он борется – тогда ещё можно помочь. Знаешь, как бывает? Если у кого беда и тебе стало жалко… Здесь страж сам отходит и открывает доступ в сердце. Исполнение заповеди соединяет с духом от Бога. Вот девушка его при смерти… Это шанс для него.

– Дух от Бога… О чём ты говоришь? Ты же сам видел этих… слов нет. Я туда больше не пойду! Я чувствую, что они связаны каким-то злом. Зачем ты меня притащил к ним?

– Чтобы ты сама увидела всё и почувствовала.

– Я почувствовала, но я не пойму, что это… Ты видел его? Найди способ вытащить его оттуда. Они там, наверное, практикуют транс, гипноз, изменяют сознание?

– Ну да… надеюсь, он пока не стал их адептом. Тогда любые слова бесполезны. Его не убедить, если он одного с ними духа.

– И куда подевался его страж? Почему он пропустил в себя этот дух?

– Стража можно отвлечь или испугать. Тайные общества практикуют ритуальные убийства. Это парализует ум страхом. Это жрецы давно поняли, ещё когда приносили человеческие жертвы богам.

– Но разве сейчас… Ты так спокойно говоришь! Не-е-т, это невозможно!

– Сейчас – нет. Но важен принцип действия. Адептов после ритуала объединяет этот страх, животный страх убийцы. Вспомни Раскольникова. Они все повязаны кровью жертв. Ум при этом не способен трезво мыслить, и коллективный дух овладевает посвящаемым. И он становится заодно со всеми и готов совершить любую гнусность.

– Да-да, ритуальные жертвы – это в прошлом. Ты думаешь… Что они там сделали с нашим мальчиком?

– Они же гностики, дорогая. Но не думаю, нет. Они ищут ритуал инициации, хотят найти способ вселения духа. Есть примеры: у

некоторых масонов практикуется как бы погребение заживо, на время. В полной тьме и тишине циркадный ритм нарушается, исчезает время, разуму не за что зацепиться, нет привычных событий, с которыми соотносятся внутренние часы. Это вселяет такой ужас в посвящаемого, что приводит к изменению сознания, как бы временному помешательству. Страж убегает. Когда открывают гроб, слова посвящения входят в адепта, не встречая сопротивления стража, и становятся его убеждениями. Но этого не было. Нет, нет…

Я присмотрелся к мужчине, стараясь понять, кто он. Он был одет в строгий костюм с галстуком и выглядел красиво, но немного старомодно. Женщина стояла на высоких шпильках. Наверное, ей было неудобно в дёргающемся вагоне, и она присела.

– Это тот же гипноз или сон наяву – всё то же изменённое сознание? – женщине пришлось говорить громче из-за шума.

– Да, и причина та же, химическая, только химия внутренняя – взрывной выброс адреналина в кровь. Конечно, внешний наркотик сильнее и эффект ярче. Поэтому мистерии с вином или алкалоидами так живучи. Зато внутренняя химия невидима и легко заворачивается в тайну.

– Дух поглощает посвящаемого и присоединяет его к сообществу?

– Повторяю, если не осталось барьера, за которым обороняется его прежний дух. Тот дух, который мы так старались передать ему. Если его страж бы сбежал, умер… Тогда их общая цель была бы уже и его цель тоже, их бог – его бог. Пережитый страх обычно персонифицируется, становится в сознании адепта как бы отдельной личностью. Этим страхам дают имена богов, героев мифов или реальных исторических персонажей. Адепт уже не боится смерти, он боится своего бога. В этом суть языческих таинств. Это и есть одержимость бесами. Потом этот дух поддерживают, обычно страхом. Но это не наш случай, дорогая.

– Так получается, когда ведьм сжигали – это из этой серии? Убийство поддерживало у католиков дух? Чтобы он не потух? Как ты спокоен…

– Ну да, не только у католиков, и в православии – когда казнили еретиков.

Колеса вагона загремели и заглушили голоса. Я всё никак не мог понять, что это за странный разговор и почему их двое. Вагон остановился, и они вышли.

Странные речи! Это что было, сон?

Но нет, вошли люди, и я на своей ветке. Всё, как всегда.

Я ехал и думал.

Усыпление стража? Да, похоже, это способ. Этот, с седыми висками, кое-что понимает.

Монахи тянут чётки каждый день по десять тысяч, отвлекают стража и через десять лет видят какой-то свет. Они думают, что нетварный.

Но есть способы полегче. Можно усыпить ум гипнозом, вином, дурью, ритуальными плясками – и принять чужой дух. Беспечное участие в ритуалах порождает страх и всплеск адреналина. Психическое расстройство, одержимость – это следствия. Как с тем мальчиком бесноватым из Матфея, которого бросало то в огонь, то в воду.

Эти два персонажа… Они интересные. Весьма.

Они навели меня на серьёзную мысль. Таинства, мистерии, ритуалы, литургии, храмы, попы, кадила, иконы, мощи – это что по сути? Язычество и идолопоклонство! И оно доведёт дело до рождения нового бога и поклонения ему. Все эти мистерии вошли через главные ворота – через одно из четырёх Евангелий.

Говоря, что последний день ещё не пришёл, Павел упомянул в послании, что при всём том некая *тайна беззакония уже в действии*… Тайна, μυστήριον – таинство, мистерия. Для Павла и первых христиан мистерии были вокруг, в каждом языческом храме. Не нужно было, как нам, объяснять, что это за тайна беззакония – это языческое беззаконие, стремление подчинить Бога ритуалу, заставить его служить. Вот он и сказал просто: μυστήριον της ανομίας – тайна беззакония.

В православии теперь есть семь таинств, семь мистерий.

Ловцы душ внушают всем, что святой дух привлекается ритуалом, церковным пением, службой, тайносовершительными молитвами, анафорой или, как у католиков, эпиклезой – призыванием духа на дары в таинстве евхаристии. И совершать это должен законно рукоположенный поп. Иначе никак.

Боже, во что всё превратилось!?

Кажется, забыли, что Бог излил дух на всех. Кто в завете с Богом, знает тайны царства Божия, о которых говорил Иисус апостолам. Они внутри нас, как и само царство. Поэтому мы их знаем, а прочим – всё в притчах.

Глава 12

В третий день

Старец Иоанн переживал, что Прохор верил в Христа по-рыбацки и не видел великой премудрости учения о Логосе. Прохор из уважения к старцу слушал его откровения, записывал их и даже иногда как будто соглашался. Но затем опять вспоминал что-то из рыбаков и возвращался на старое. *Как пёс возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою*, –подумал старец. Он любил Книгу Притчей. – «Жаль, что это о моём ученике. Но ведь он ещё младенец в вере – жизнь всё выправит».

Старец любил Прохора и хотел ему добра.

После беседы об Иоанне Крестителе в сердце у старца осталась заноза. Прохор так и не поверил, что голос с неба был к Крестителю. Конечно, не поверил. Теперь старец решил, что будет лучше не отвергать всё сразу, а показать противоречия рыбацких историй изнутри. Этот приём часто использовали мудрецы из эллинов.

Прохор стоял в углу на коленях и молился. Старец позвал:

– Прохор, вот ты веришь всему, что рассказали рыбаки, ставшие учениками Господа. И вторишь им, что Иисус – человек, избранный

Богом из братьев. Если всё так, скажи-ка, а откуда сей муж узнал, что будет убит и что воскреснет в третий день?

Прохор ответил не сразу:

– От Бога, отче. Вы и сами знаете.

Он развернулся лицом к старцу и ловким движением приблизился, не вставая с колен. Старец обрадовался, что наживка проглочена, и посмотрел прямо в глаза ученика:

– Разве был ему ещё раз голос с неба?

– Не знаю, отче… – Прохор задумался. – Не знаю, но думаю, Отец говорил с ним явно, голосом с неба один раз, при крещении, и всё. Иначе апостолы бы знали и рассказали нам. Был ещё голос на Ермоне, но он был к апостолам: *Сей есть Сын Мой возлюбленный; его слушайте.* Но и здесь ничего про его смерть…

Прохор смутился и замолчал. Старец протянул руку к голове ученика и пальцами взъерошил его кудри.

– Вот, ты теперь и сам видишь. Если не с неба, то Иисус знал всё сам, как бог. И всё сам устроил. Да, Прохор, возьми свиток и запиши: *Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять её. Никто не отнимает её у Меня, но Я Сам отдаю её. Имею власть отдать её и власть имею опять принять её.*

Старец любил задавать ученику каверзные вопросы по Писанию и потом разъяснять, когда Прохор конфузился. Но Прохор находил иногда самые необычные ответы, и тогда конфузился старец. Прохор записал за старцем и отложил свиток:

– Отче, а помните, как Моисей и Илия говорили с Иисусом на горе об его исходе в Иерусалиме? Это разве не о его смерти и воскресении? И потом… о вознесении его на небо?

– Рыбаки так написали, да… – старец понял, к чему вёл Прохор, и насторожился.

– Моисей и Илия – это… как бы сказать? Это образ закона и пророков.

– Ясно, что это видение, а не живые Моисей и Илья. Их нет среди живых. Ты слышал басни, будто Илия на небе? – Старцу не хотелось возвращаться к уже решённому, и он ухватился за новую тему.

– Да, и даже апостолы верили, будто Илия должен прийти перед Иисусом. Но Господь объяснил им, как нужно разуметь духовно – Илиёй из пророчества был Иоанн Креститель. Только не телесно, а в духе и силе.

– Запомни, дитя: *Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын человеческий, сущий на небесах.* Илии нет на небе! И не было!

– Отче, разрешите добавить, – старец кивнул, и Прохор продолжил: – Пётр по-другому сказал о том же: даже *Давид не взошёл на небеса*, только Иисус. Так что на горе было просто видение для апостолов, образы, чтобы понять нечто. Так, отче?

– Ну, так, так. Если всё это вообще было… Говори дальше, – старец стал раздражаться.

– Так Бог показал ученикам Иисуса, что путь Христа указан ему пророками и законом. И после Ермона Иисус *начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть.* Так все апостолы передали нам.

– Хм, указан пророками… И где в законе сказано о его смерти? И у пророков?

– Как же, отче? Даже за нарушение субботы по закону положена смерть. А Иисус нарушал не только субботу.

– Нарушал? Положим, первосвященники были против него. Им не нравилось, что он делал и как учил о законе. Но предать за это смерти? Нет. Убивать им римляне не позволяли! Так какой был смысл выносить приговоры, которые не исполняются? Унижать себя? Так что Иисус знал, что в синедрионе его не будут судить.

Старец приосанился, явно предвкушая окончательную победу:

– Христос – бог, а бога закон не судит. И бог не может нарушить закон, он не для него, а для людей. Так-то, Прохор. И зачем Иисусу намёки из закона о том, как он умрёт? Он сам предопределил всё, что случилось. Да-а… Прохор, Прохор. Не верь всему подряд.

Старец хлопнул ладонями по коленкам, выбив пыль.

– А это? Моисей с Илиёй на горе… Тьфу, басня.

Старец хотел встать и окончить разговор.

– Отче, послушайте. К смерти не приговаривали за нарушение субботы или обещание разрушить храм. Это правда. Но Иисуса обвинили в том, что он назвался сыном Бога и обещал явиться на облаках, и приговорили его к смерти. Как лжепророка. И это совсем не то же, что нарушение субботы. Это не личный грех, а против веры. Это как тогда… ну, когда римляне внесли своих орлов в храм –, тогда было восстание. Это страшное преступление, непростительное. За это положено повешение на древе.

– Хм. Не было никакого суда, кроме суда Пилата, язычника. Христа не судили по закону Моисея, запомни это.

– Но пророчествами этот суд был предсказан! Отче, помните, вы сами мне из Исайи зачитывали? О том, что Христу назначена могила с нечестивыми; что он будет к преступникам причислен. И ещё другие… Преступник закона, нечестивый, назначена могила – Исайя всё важное сказал о том суде.

– О, Боже! – старец встал на колени и воздел руки к небу. – Всё это видение с Моисеем и Илиёй… один соблазн для немощных. Не было его, не было вовсе!

Старец Иоанн окончательно решил не писать в своём Евангелии о преображении Иисуса на горе. Похоже, это очередная невежественная выдумка. Не могло этого быть в языческих землях. И потом… совещаться Слову, воплощённому с Моисеем и Илиёй об исходе? Нет, нет. Глупости…

Прохор же подумал про себя: Иисус знал пророчества о Христе, в том числе о позорной смерти. Он не мог не думать об этом, не прилагать к

себе. И Бог показал рыбакам на Ермоне, что Иисус ничего не делал без совета с пророчествами.

– Прохор, от кого ты этого набрался?

– Антоний из Милета рассказывал.

– Опять Антоний. Ты своего старца слушай. И учителя.

– Слушаю, отче. Вас слушаю, отче, и Антония слушаю. Но больше прислушиваюсь к сердцу. Как Иисус заповедал: только Бог – Отец, которому нельзя перечить, и Иисус – учитель, который знает истину.

– С этим не поспоришь, да.

Старец было покраснел, но жар вышел, и он присел на циновку. Всклокоченная борода указывала скрученными торчащими пучками волос, словно пальцами, на свитки у стены. Прохор посмотрел в ту сторону и хотел было встать, но старец продолжил:

– Но как он мог узнать, что воскреснет? Никаких свидетельств, пророчеств…

Старец задвигал беззубым ртом, словно пытаясь перемолоть невидимое зерно.

– Но знать и не нужно, старче. Он верил. Отец дал ему веру.

– Веру в то, что он воскреснет до всеобщего воскресения?

– Но ведь Авраам, когда вёл Исаака на гору, чтобы принести его в жертву, верил, что Бог его воскресит. Павел в послании к евреям так и написал.

Глаза старца стали как щёлки:

– А ты забыл, почему?

– Ну-у-у… Верил, что Бог его проверяет, но не даст убить единственного сына. Так?

– Нет, не так. Бог сказал Аврааму ещё до рождения Исаака, что завет поставит *с Исааком, которого родит Сарра в сие самое время на*

другой год. Исаак тогда ещё и зачат не был. И ровно через год Сарра родила.

– Да, я помню.

– Завет же в том, что в Аврааме и семени его благословятся все племена земные. Как же они благословятся, если семя умрёт ребёнком? Сказано было об Исааке, а не о ком другом, не о другом каком сыне. Выходит, Бог нарушил бы завет, если бы не воскресил Исаака!

Старец светился:

– Повторяю. Откуда Иисус знал, что воскреснет, если он сам не всеведущий бог? Как Отец.

Прохор не знал, что ответить. Наконец он зацепился за ниточку:

– Старче, но ведь здесь ровно то же, что с Исааком! Глас с неба при крещении обещал Иисусу, что Бог явит через него Свою благую волю. Как она явится, если Иисус не воскреснет? И что это за благоволение, если не то, которое обещано Богом Аврааму и всем племенам земным? Оно в том, чтобы получить в вечное наследие землю, то есть стать бессмертными. Ведь так?

– Хм, – старец хмыкнул. Рядом со старцем всегда лежал пучок тростниковых прутьев, и он демонстративно принялся плести циновку.

У Прохора словно цепи спали, и всё Писание сложились в картину. Он воодушевился:

– Отче, я ещё вспомнил! Иисус уже при крещении получил обетование вечной жизни. Ему не трудно было связать слова: *Ты сын мой* возлюбленный, обращённые к нему с неба, и пророчество: *Не дашь святому твоему увидеть тления.* Это как раз о воскресении. А *Седи одесную меня…* – о том, что он вознесён будет к Отцу. Иисус всё это прилагал к себе, раз он был объявлен сыном.

Старец молчал. Он был очень расстроен: Прохор по-прежнему верил, как рыбаки, в крещение Иисуса, и что к Иисусу был голос с неба.

Прохор увидел огорчённое лицо учителя и немного смутился, но продолжал:

– Иисус верил в своё воскресение. Как Авраам, отец всех верующих, верил в воскресение Исаака. Авраам родил всех верующих и Иисуса родил. А Иисус стал *вождём спасения многих сынов* и *начальником, и совершителем веры* отца своего Авраама. Отче, всё хорошо? Вы слышите меня?

Старец продолжал угрюмо молчать. Наконец он решил ответить. Горло его пересохло, и голос проскрипел так, что Прохор вздрогнул.

– А три дня? Почему на третий день?

– По писаниям, отче. Как и сказал Иисус! – Прохор обрадовался, что старец наконец заговорил, вскочил с циновки и теперь стоял перед ним, переминаясь с ноги на ногу.

– И что это за писания? Нигде нет про третий день. Это байка рыбацкая. И не говорил такого Иисус, что воскреснет в третий день по писаниям.

– Отче, я тоже искал ответ про третий день и не мог найти. Но как-то раз к нам приходил странствующий проповедник. Помните ли? Его Аполлинарий зовут.

– Конечно, помню, дитя. Рассудительный и строгий к себе. Мне он пришёлся по душе.

– Я его провожал тогда до порта. Он собирался в Александрию плыть, там нести слово Божье. Мы говорили по дороге, и я задал ему этот вопрос. А он очень сведущ в Писании, и на еврейском, и на нашем наречии.

– Ну и?

– Он мне много мест привёл, я всех не упомнил. Но главное место как раз про Исаака. Авраам услышал от Бога повеление принести в жертву Исаака. И сын для него как бы умер в тот же день, ибо кто может отменить Божье повеление? На третий день Авраам занёс нож над Исааком, но ангел остановил его. И сын воскрес для Авраама.

– Гм… Исаак… Ты видишь подобие?

Прохор ответил старцу:

– Ещё царь Езекия заболел смертельно, и пророк Исайя сказал ему, что он умрёт. И он молил со слезами Бога, как Иисус в Гефсимании. Бог опять послал Исайю со словами: …*возвратись и скажи Езекии, владыке народа моего: так говорит Господь Бог Давида, отца твоего: Я услышал молитву твою, увидел слёзы твои. Вот, я исцелю тебя; в третий день пойдёшь в дом Господень.* Эти слова словно к самому Иисусу обращены. И Павел написал о Христе очень похожие слова, что *он во дни плоти своей, с сильным воплем и со слезами принёс молитвы и моления могущему спасти его от смерти; и услышан был за своё благоговение*. Как и Езекия. Езекия был лучшим из царей и делал всё, как Давид, отец его. Так сказано о нём в Писании. И он был прообразом Иисуса, сына Давидова. А ещё Иона пробыл в чреве кита три дня. Иисус говорил, что и ему, как Ионе, предстоит три дня во чреве земли.

Старец молчал. Прохор ещё некоторое время посидел, стараясь не нарушать тишину. Потом встал:

– Старче, я пойду, соберу к ужину.

– Иди, дитя, иди.

Прохор пошёл, и старец то ли себе, то ли ему вслед тихо сказал:

– Не было никакого крещения Христа. И голоса с неба не было, голос был к Иоанну. И не страдал Христос от священников – бог никогда не страдает. И не нужны Иисусу пророчества, чтобы знать о себе, – он сам всё решил и совершил. Господи, зачем ты сделал своими учениками неграмотных рыбаков! Они всё напутали, они не могли…

Окончание слов Прохор не услышал.

XVIII

МИСТЕРИЯ ИЛИ УБИЙСТВО?

Пётр Афанасьевич Храмов закрыл глаза, расслабившись в кресле. Звонок. Маргарита, плачущим тоном:

– Петруша, здравствуй, мне нужен врач для Сергунчика, хороший.

– Что с ним?

– Ты знаешь, мне кажется, у него галлюцинации из-за бессонницы. Нужен психиатр. Это всё от этого заказа. Ты знаешь, он такие слова говорит, стишки дурацкие. Я даже не решаюсь… Он переволновался, это не по его силам. Слишком сложно и ответственно. Сам Святейший благословил – это очень, очень…

– Да он не сильно-то и волновался. Может, просто инфекция? Что у него с рукой?

– Рука как будто усыхает, потемнела и тоньше стала. Врач поставил «туннельный синдром».

– Что за бред. Туннельный эффект? Может, ему инфекциониста, а не бывшего физика? Какой-то придурок там его укусил и занёс что-то африканское. Там же почти тропики.

– Я не знаю, Петюня. Ты умный, ты сильный. Спаси моего зайчика.

– Я поищу, пришлю врача. Не волнуйтесь там.

Храмов положил трубку. «Как-то неудобно с Сергеем, – подумал он. – Друзья вроде, а тут… Интересно, он догадывается?»

Да какого чёрта? Это вопрос физиологии – поймёт. А Маргарита – ну баба, и всё. Баба есть баба.

Из дневника С. А. Дополнено мной из его рассказа.

ЖУК

Лежит синичка, ударившись о стекло,

Умирает.

Мимо ползёт жирный вкусный жук.

Он ничего не понимает,

Ни во что не вникает,

Ни на что не влияет.

После размолвки с Маргаритой я не находил себе места. Кто или что нас разлучает? Кто или что?

До недавних пор вопросы веры не оказывали влияния на наши отношения. Но теперь… Я чувствовал, что стал нетерпимей к её идолам. Почему? Для меня стало важным разделить с ней всё, даже веру в Бога. И иметь единство, как в Песне песней: *Положи меня, как печать, на сердце твоё, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы её – стрелы огненные; она пламень весьма сильный.*

Рука пугала своей мёртвостью. Она – знак на пути, отчётливый. Смерть своей тенью коснулась, как давным-давно, о чём я уже почти забыл, и оставила этот знак, привязала к себе, одев обручальное кольцо на руку. Память смертная – особое состояние сознания, отличающееся от обычного. В нём человек постоянно помнит о смерти или смертельной болезни, на нём лежит её тень, и он видит горизонт, за который не перешагнёт. Всё несущественное отходит на задний план, меняется взгляд на все вещи, мир видится иначе, как бы с другой точки. Эта перемена происходит разом.

Рука медленно выводила карандашом слова. Сначала они появлялись в ставшей чужой кисти и пальцах, а затем вытекали жирной чёрной чертой через карандаш на бумагу.

НЕЗНАКОМКА

Я повстречался со знакомой незнакомкой,

Вуалью чёрной лик её прикрыт от глаз.

И ангел крыльями, прибитыми к груди наколкой,

Укрыл испуганное сердце мне той ночью тёмной,

Когда она его коснулась в первый раз

Рукою ледяной своей. Тогда в покоях

Владыки мирозданья сон мой задержался.

Там мой удел в тиши небес решался:

Мои ли снова запахи весны и шелест листопада,

Или мне вечным узником быть неба или ада.

С тех пор я начал жизнь мою с начала.

До времени меня она не замечала,

Другими занята,

Пока, явившись вдруг, вуаль приподняла,

В глаза взглянула. За руку взяла

И тяжесть как могильная плита

На грудь легла. И вот я жду, пока

Она не возложит печального венка.

Что к ней меня влечёт?

Её пытаюсь я любить,

Узнать получше, приучить

К ней ум, явить почёт

И уваженье.

Взять расчёт

От дел земных и в услуженье

К ней поступить. И ублажать,

И вечность с нею скоротать.

Но не могу,

Другую больше я люблю

Нет! Райские сады, или гурии, или нирвана – это искусственные наживки на трёх великих мировых крючках, заброшенных смертью в нашу протоку. Они пахнут вечностью, но такая вечность скучна до омерзения. Ничто, кроме преодоления и борьбы духа, не может сделать вечность привлекательной. А преодоления не бывает без жертв и мучений. Рай и ад в привычном смысле – человеческие выдумки, недостойные Бога.

Я погрузился в размышления и сразу выбрался из тени смертной, словно вышел на яркий свет.

Давно уже по пятому кругу прочитал все Евангелия, послания и деяния. Текст лёгкий, простой, понятный. Но смерть Иисуса на кресте… Почему Отец не пронёс чашу? Зачем такая жертва?

Рыбаки, как теперь понятно, считали Иисуса человеком. Предвижу возражения: «Все люди умирают, некоторые отдали за других свои жизни. Чем Иисус лучше их, если он просто человек? Почему апостолы назвали его Спасителем?»

Отвечу – дело в завете. Иисус заключил новый завет с Богом.

Завет между Иисусом и Богом состоялся в водах Иордана, и завет был в том, что Иисус обещал Богу добрую совесть, – так Пётр нам разъяснил в своём послании смысл крещения. А Бог обещал верным завету вечную жизнь. Верность завету измеряется смертью – и Христос заплатил эту цену. Любой договор имеет свою цену, а завет с Богом подписывается кровью. Только кровью. Так же как ценой преступления заповеди для Адама стала его жизнь. Иисус исполнил обязательства

по завету, и Бог подарил ему вечную жизнь, ему первому. И тем отменил для всех нас проклятие Адама: смертью умрёшь.

Но почему цена завета так высока – смерть? А как ещё явить верность завету? Закон в сердце святее того, что в книге. А исполнение заповеди: *не противься злому* – несовместимо с жизнью. Жизнь – цена нового завета, которую пришлось, именно пришлось, заплатить. Не думаю, что Иисус имел изначально план спасения мира.

И нам, чтобы быть в завете с Богом, уже не нужно платить эту цену – мы присоединяемся к завету верой в то, что Бог благ и воскресил праведника. Поэтому смерть Христа и называется искупительной жертвой – он заключил завет от нашего имени и уже заплатил за нас. Это не то же самое, что задумать свою смерть, как искупительную жертву. Это только образ – для понимания.

Но многие цепляются за слова Павла об искупительной жертве и толкуют их юридически. Также и слова рыбаков о том, что Иисус пришёл послужить и *отдать душу (жизнь) свою для искупления многих*. Плюс ещё и слова Петра в Деяниях: *Сего, по определённому совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками беззаконных, убили*. Богословы всем вбили в голову, что Иисус запланировал свою смерть вместе с Отцом. За наши грехи, мол, кто-то должен понести наказание. Увлеклись схемами и породили иезуитов и их мораль. А предведение Бога лишь в том, что Отец знал о неизбежности смерти сына, если тот будет до конца исполнять свой завет с Ним. И Его «совет и воля» состояли в отмене несправедливого суда: Бог воскресил Иисуса.

Смерть Христа – это не продуманный ритуал жертвоприношения.

Так верили рыбаки. А теперь – о сочинении Иоанна Богослова.

По Иоанну смерть Христа была предусмотрена, продумана, нужна, чтобы приготовить на кресте живой хлеб, которым будут питать свои духовные тела те, кто рождён свыше. Это та святая пища, которая была принесена им с неба и дана верующим, подобно манне в пустыне. Он пришёл, чтобы отдать плоть *за жизнь мира*. Смерть Иисуса по Иоанну – это именно жертвоприношение, это мистерия.

От всего этого веет на версту язычеством. Как будто Богу нужны все эти хитрости для обмана смерти? На самом деле для нашего воскресения нужна только благая воля Творца и наша!

Что-то я увлёкся. Богословие – высококалорийная пища. Её бы не переесть! Но хочется ещё попробовать несколько мыслей на вкус.

Почему всё-таки завет подписан кровью Иисуса? Почему каждый не расписывается своей кровью? Кровь – это жизнь, как сказано в Писании! Иисус же отдал не просто жизнь, как могли бы сделать мы, а пожертвовал обещанной ему вечной жизнью. Вечной? Ну, да. Ведь не кто-то, а сам бессмертный Отец назвал Иисуса, крестящегося в Иордане, сыном. Сын бессмертного будет бессмертным рано или поздно… Если не лишится сыновства.

Разве он мог лишиться? Мог… как любой человек. Бог обещал быть Отцом всему Израилю, но Израиль часто отпадал от Бога. А Иисуса исключили из народа и отлучили от завета вожди, повесив его на древе. Такой приговор по закону означал: быть проклятым навечно, не воскреснуть, лишиться бессмертия. Но Иисус не побоялся нарушать закон Моисея и верил, что Бог справедлив. Он надеялся получить оправдание от Отца, будучи осужденным по закону, лишённым общего наследия с народом Израиля! Иисус умер, как преступник! Он *к злодеям причтен был*, как пророчествовал Исайя!

Мог ли Иисус не пойти до конца, сойти с дистанции, как у нас говорят? Мог – он был свободен в выборе. Но Бог знал его сердце и знал, что он не свернёт с пути, и потому его избрал.

Итак, главное: Иисус заключил новый завет с Богом. Присоединяйтесь!

Я встал. Пейзаж за окном был каким-то незнакомым, словно более ярким, чем обычно. Раздался звук трамвайных колёс, и прямо перед окном появилась платформа без крыши. На ней расселся оркестр, помост с дирижёром был посредине, и дирижёр стоял спиной к движению. Я сел в кресло и опять задумался:

Христос мог быть взят на небо, как Енох, угодивший Богу. Но *вместо предлежавшей Ему радости претерпел крест, пренебрегши*

посрамление, и воссел одесную престола Божия. Так Павел написал о нём. Сначала умер, и только потом небо. Енох не умирал, и что нам с того, что он вознесён? Это его личный успех. И Иисус мог не умирать и не заключить новый завет, но умер, и теперь мы зовём его Спасителем.

Я неожиданно проснулся. Оказалось, я сидел в кресле перед письменным столом, на котором лежали чистая стопка бумаги и карандаш.

Наваждение. Записал всё, что запомнил.

XIX

КАК РЕЖИССЁР РЕЖИССЁРУ

Из рассказа С. А.

Сергею Афанасьевичу позвонил бывший староста курса. Собрание выпускников намечалось через неделю, нужно было скинуться. Левий раньше не ходил на собрания курса, но в этот раз приехал друг из Германии. Хотелось повидать его, и он пришёл.

Увидел однокурсников. Как они изменились! Словно он надел очки с дополненной реальностью, и программа состарила их лица лет на двадцать. Легко узнаются, но… Это как страшный сон. Особенно страшно было узнавать девушек.

А тот, кто ушёл молодым, таким и остался в памяти.

Вспомнили Антона Кротова, который после второго курса летом поехал на Камчатку с подругой. Им в лесу встретились медвежата, и девушке захотелось поиграть с ними. А потом выскочила мамаша. Антону пришлось защищать девушку. Медведица разорвала его на куски, девчонка успела убежать.

Для спасения бывает нужна жертва. Вернее, она всегда нужна.

Поговорили о смысле жизни и о судьбе и почему так нелепо погиб товарищ. Женщины всё легко объяснили Божьим промыслом.

Левий ехал в метро, сердце бередили ожившие воспоминания. Он не заметил, как стал вспоминать странный сон с оркестром.

Из дневника С. А.

Вернулся со встречи. Тяжело это…

По дороге размышлял.

Я понимаю: смерть Иисуса была неизбежной. Дух не ограничить законом, как джина в бутылке. Он всё равно вырвется. Иисус, живя по духу, не мог не нарушать букву. И закон исполнился, до йоты, до черты, когда повесили Иисуса на древе.

Что касается Иоанна Богослова… Его идея воплощения полностью исказила наше зрение, и мы перестали понимать, ради чего умер Иисус.

Прочитал за последние дни кучу толкований святых отцов, вытекающих из иоанновского Евангелия. Вся эта экзегетика в меня не лезет. Это всё для философов греческой школы – слишком сложно, длинно, закручено, антиномично. Знания о многих вещах меняются, и это недальновидно – объявлять столь зыбкие вещи догматами!

Иисус якобы соединил в себе божественную и человеческую природы: неслитно и нераздельно. Кто видел эти природы, особенно божественную? И это должно помочь нам спастись? Наша природа преобразится? Это – египетские концепции божественного света, преображений, энергий и обожения через мистерии. Их подхватили неоплатоники, один из них подписался Дионисием Ареопагитом, потом был Максим Исповедник, затем – Палама. Это – из великих, кто писал о преображении. Христианство вернулось к египетской сотериологии, приправленной греческой философией.

Нет, это религиозно-философское болото мне не пройти, сохранив разум и трезвость. Ещё более непостижимо знаменитое «омоусиус», единосущие: один бог, но их три, потому что троица – это единица. Толкование этого термина менялось между двумя соборами, едва не

на противоположное – это за пределами моих скромных умственных возможностей. Буду искать другой путь. Не понимаю всё это, наверное, потому что я еврей. Не дано или отнято.

Философия – это старуха, вцепившаяся в свой скарб.

Её ветошь не отстирать от грязи взаимных оскорблений, интриг, политики. А если бы удалось, она старомодна, тяжела, со множеством ненужных кружев. В топку её.

Мне нужна ниточка, за которую только потянуть, как бывает, и тогда всё выпрямится и станет ясным и простым.

Евангелие от Иоанна утверждает однозначно божество Иисуса, а синоптики – его человечество. Это я усвоил– спасибо Маргарите. Но церкви приняли все четыре Евангелия, как единую истину. И вот следствие – антиномия, соединение противоположностей, истина, опровергающая саму себя. Это причина догматических войн и уничтожения оппонентов в течение всей истории. Но эта антиномичность нравится философам и кажется им вершиной, которую только может достичь ум.

Я вовсе не против диалектики, нет. Но чтобы найти корень из минус единицы, нужна духовная составляющая i, мнимая в мире действительных чисел. А здесь вместо i – ядовитая гностическая заноза, которая воткнулась в тело благой вести и отравляла её две тысячи лет. Это жало сатаны и его режиссура. Нужно вытаскивать эту занозу и залечивать рану. А Режиссёра – допросить и гнать вон, а ещё лучше – в озеро огненное его вместе с его философией. Эти его тайна беззакония, мистерия, театр, постановка ведут нас к концу.

Откладываю записи. Сегодня много беготни. Со сценарием я ещё даже не на старте. Когда утверждение? Ещё время есть. Пока лето, все отдыхают. Господи, хоть с летом повезло.

Пишу в кафе.

Христа убили законом и ради закона. Никакое правило, ритуал, предписание не даст спасения. Нельзя спастись процедурой. Как ни старайся, законом и по закону можно только умереть, а не спастись.

Спасает только Отец. Он личность абсолютно свободная, не связанная ни одним предписанием. Спасает Он по любви. И только! Христа убили по закону, а Он спас его по любви. Так я понимаю рыбаков и Павла.

У Иоанна всё наоборот. Как всегда, впрочем… Он оправдывает закон. Когда Христа искали убить, он, якобы, сказал иудеям: *Не дал ли вам Моисей закона? И никто из вас не поступает по закону. За что ищете убить меня?* По Иоанну так: если бы исполняли закон, то не убили бы Христа.

Какая слепота!

Но Христа убили. И как Иоанн оправдал закон? А так: не было суда синедриона! Всё случилось по промыслу Божьему, это была воля Отца, чтобы Иисус умер на кресте от рук язычников. Они были жертвенным ножом в руке Бога, а убил сына Отец. Это мистерия. Да-а… Напишу как-нибудь об этом. Сейчас времени нет.

Что-то глубокое приоткрывается в этом гностическом Евангелии… Оно словно дышит преисподней.

Вечер.

Уверен, Отец никогда не замысливал смерть сына, как некое таинство, нужное для нашего спасения. Это какое-то въевшееся в нас языческое злое учение, требовавшее человеческих жертв. Это отвратительно для Бога. Совершилась злая воля убийц, свободная злая воля. Так написано рыбаками! Иоанн же был мистиком. Да.

Что было днём:

Трамвай, офис, метро, Щепка, Мосфильм, опять метро. В воздухе – тревога, напряжение, ожидание грозы. Мир напрягся. Мировая элита ходит с козыря, значит, скоро война. А у меня фильм. Я заряжен, из меня сыплются молнии. Так хочется снять стресс.

Домой, домой. Ужин, Маргарита, добрая, тёплая, живая.

Всё прочь. Бокал вина и спать.

У Маргариты в постели стираются все обиды. Какой великий дар женщинам от Бога! Так почти у всех бывает, кроме некоторых, самых стервозных, у которых не бывает оргазма. Вот в чём дело! Эврика! У них происходит перезагрузка во время оргазма – в отличие от мужчин, которые продолжают контролировать ум. Ах, ну конечно, оргазм – это всё то же состояние изменённого сознания, СИЗ кратко. Дошло, наконец, после стольких лет… Это как плавка металла. Там такая температура! С поверхности ума всё погружается в глубину и помнится потом по-другому, лежит в долгосрочной памяти. Оргазм всё расплавляет, а обиды – это примеси в сплаве, их не видно, они растворяются в долгой памяти, как в железе, вместе со всем остальным ломом.

Теория СИЗ прошла сегодня проверку.

Плавка, кроме оргазма, ещё при творчестве бывает, во время открытия, когда кричат: Эврика! И при обучении в детстве – не тогда, когда запоминается, а когда доходит. Этот восторг! После него злость и обиды словно растворяются.

Снова был странный сон.

– Опять ты?

– Да. Это я.

– Ты, наверное, знаешь, что мне нужен отдых, я хочу отвлечься, расслабиться, забыть дневные заботы?

– Да, но я тебе готов помочь с фильмом. Я дам тебе сценарий.

– И что ты за него хочешь?

– Место советчика, друга, собеседника, которое занимает пока образ Того.

– Тебя вообще нет, вернее, ты уже нагло залез ко мне в мой ум.

– Ты сам мне позволил.

– Когда?

– Когда? Ты ещё не понял? Потом поймёшь. А пока позволь спросить, что ты думаешь о Евангелии от Иоанна?

– Зачем тебе?

– Интересно твоё мнение. Оно тебе нравится?

– Поначалу да, понравилось. Когда я первый раз взял Библию, я только его и читал. Прочёл раз двадцать.

– А сейчас?

– Сейчас нет. Если нюхаешь натуральный цветок, его запах будет волновать тебя всегда. И с каждым годом сильнее. Запахи копятся и хранятся в сердце, соединяются с настроением. Когда вдыхаешь его через годы или десятилетия, вспоминаешь всё: и погоду, и слова, и лица – всё, что связано с этим запахом. Он будит воспоминания, печалит или радует. А искусственный запах, поначалу сильный и неотличимый от натурального, очень скоро обнаруживает свои искусственные компоненты. Он через время становится неприятен, а затем отвратителен. Так жизнь отличается от придуманного сюжета. Но некоторые гении рождали настоящее, живое, на что можно смотреть бесконечно. Таков Пушкин. Но он пророк! Ему серафим дал жало мудрое змеи и угль, пылающий огнём, вместо сердца. И сам Творец был с ним, когда он писал. А у Иоанна я вижу искусственную конструкцию, придуманную для спора с рыбаками. Иоанн не видит глубины у рыбаков, а видит её в мистериях и александрийском богословии. Я это чувствую.

– Ты режиссёр, у тебя неплохое чутьё. Это я тебе сам как Режиссёр говорю. А ещё я сценарист и писатель в одном лице, знаешь ли. И с большим опытом. И соавтор одного из… Впрочем, об этом рано… Как думаешь, я реально существую или ты разговариваешь сам с собой?

– Есть ощущение реальности, но ведь всё это во сне. А сон – это состояние изменённого сознания, сдвижка точки сборки. Так у Кастанеды? Не ты, случайно, был его духом – «союзником»? Может, мне, как советовал дон Хуан, схватить тебя и держать, пока ты не отдашь свою силу?

– Ха-ха. Ты что, маг? Магия – это игра, в которую я играю не со всеми.

– Ну тогда докажи просто, что ты реален и твои предложения реальны.

– Просыпайся, ты сам всё увидишь.

Передо мной появился серебряный колокольчик: динь-день-динь.

Я проснулся, и тут же зазвенел будильник. Маргарита потянулась:

– Зайчик, вставай. Опять плохо спал? Вспотел весь.

Маргарита была ласковой, расслабленной, глаза блестели, словно в них закапали раствор глицерина.

– Нет, Марочка, всё хорошо, милая. Просто я дома посижу, почитаю, подумаю. Мир пусть бежит. Пусть катится это чёртово колесо дня и ночи, мелькают спицы часов. Хочу слезть с этой безумной колесницы. А вечерком мы со Страховым посидим. Давно его не было. Ты за?

– Я не против. Только чтоб на ногах.

– Ты золото.

– Ой, у тебя рука… Дай-ка пощупать. Она опять беленькая и гладенькая, мягенькая.

– Да. Ух ты, пальцы чувствую, они как новые. Сжи-ма-ют-ся. Ха!

– Царица небесная! Я вчера молебен заказала… Чудо! Ты понимаешь, что это чудо? Господи. Сколько я отстояла: и святителю Николаю, Косме и Дамиану. А вчера перед Иверской – и вот. Ну, теперь-то хоть поверишь?

– Да, во что-то поверю, пожалуй, – я был потрясён. – Х-м… Сам всё увидишь?..

– Ты о чем, зайчик? Ну вот. Всё, звоню Людочке. Нужно батюшку обрадовать. Он за тебя, безбожника такого, утром частичку вынимал. И вот! Да-да, алло, алло. Людочка. Ты слышишь? Да, да. У нас тут чудо. Да, с Сергунчиком. Царица небесная! На глазах, всё на глазах. Она, владычица, всё она, родимая. Батюшка благословил вчера к Иверской.

Отец Александр. Так, сейчас восемь? Он служит. И всё прямо на глазах. Я бегом к нему… Да. Ты будешь? Ну всё, там…

Маргарита оделась наспех и убежала. Я сидел в кресле, вращал рукой, сжимал пальцы, всматриваясь в совершенно белую кожу и прислушиваясь к внутреннему ощущению. Наконец осознание происшедшего пробилось из сердца в ум, и я не удержался: потекли слезы. Меня переполнила благодарность к Богу. И одновременно чувство вины: благо совершает Отец, а дети приписывают добро, кому захотят, и потом благодарят придуманных благодетелей. Вот и сейчас: Маргарита – царицу небесную и её иконы, а я – то ли демона, то ли своё второе я.

Глава 13

К сожаленью, день рожденья…

Материалы сценария. Рождение свыше.

Прохор стоял на тропе, ведущей к окраине Эфеса, где он жил со старцем. Храм Артемиды возвышался над городом, позлащённый закатом. Его размеры и великолепие поражали воображение. Казалось, всем городом невозможно было собрать, отделать и сложить такие камни за столетия. Жалкие постройки вокруг строились годами, но ни одна из них не сравнилась бы даже с одной пилястрой на колонне храма.

«Это постройки допотопных титанов, о которых сказано в книге Бытия. Но они были не столько сильные, сколько умные, – подумал про себя Прохор. – А вот эти маленькие камни… Это уже наши – ими заложили провалы».

Замелькали свечи, и раздались слаженные переливы голосов. Сегодня у них праздник. Процессия шла от города к храму – множество, множество огоньков и нарастающий хор голосов. Шествие

остановилось перед вратами. Жрец что-то громко возглашал, взлетало кропило, затем процессия пошла вокруг храма.

Прохор побежал к дому. Старец не любил опозданий на вечерние беседы и записи. Он плохо видел и поэтому любил рассказы, особенно путешествующих. А сегодня были гости. Прохор бегал к знакомому лавочнику за лакомством для гостей.

– Прохор, ты куда пропал, дитя моё. Гости заждались. Подай нам горячей воды с финиками и вина. Ты принёс этот вкусный сыр от Акестора? Ага, и его клади.

Прохор сел к гостям, старец продолжил, обращаясь ко всем:

– Ну, братья, поблагодарим Бога за эту пищу на трапезе и за благодать общения. Преломим хлеб в воспоминание Господа нашего Иисуса Христа, умершего за нас, чтобы мы имели веру и упование на Бога. Преломим, как он это сделал в свой последний день перед восшествием на Голгофу. Слава Отцу небесному. Аминь, братья.

Старец разломил пышный квасной хлеб, подал гостям и Прохору, который доливал воду в чашу с вином. Чаша прошла по кругу, последним пил старец.

– Старец Иоанн, а разве Иисус преломил тогда квасной хлеб? Последняя его трапеза была в первый день опресноков, до захода солнца, так ведь? А вечером уже праздновали пасху.

– Нет, не так, братья. Это случилось за день до пасхи. Так что они ели квасной хлеб, а не опресноки.

Гости промолчали, но было видно, что остались при своём мнении. Они были из Антиохии, а старца очень интересовали новости из Сирии.

– Друзья мои, был ли кто у вас из мест, где ступала нога Господа?

– Многие евреи из тех мест привозят камни от разрушенного храма. Ими торгуют и у нас. Но узнать, как там обстоят дела, нет возможности – все сдвинулись со своих мест, кругом разбойники, селения разрушены, солдаты в гарнизонах довольно грубы и опасны. В

Тивериаде живут иудеи, но там наших братьев, верующих в Иисуса Христа, нет – нас там не любят. А вокруг разогнали всех ещё лет двадцать назад. Так что с теми местами мы не сообщаемся.

– Печально. А видел ли кто из вас Иерусалим до войны?

– Нет, отец. Рассказывают, что все там погибли, даже прибывшие отовсюду на праздник, а кто остался, разбежались так далеко, как могли. И молчат, боясь преследований. Но рассказывают, что издалека смотрели на город и его разрушение. Так там дым стоял до небес и огонь видели многие, и знамения были на небе.

– Друзья мои, так будет и при кончине мира. О том были страшные видения от самого Господа одному из наших ещё на Патмосе. А как вы спасаетесь, дети мои? Много ли у вас тех, на ком почил дух Божий?

– А мы и не знаем, отче. Мы не дерзаем и думать о том. Как нам понять, на ком почил дух? Мы думаем, он на всех, кто вступил в завет и живёт в согласии с верой и по совести. Некоторые приходили к нам из ваших мест и говорили языками, но мы страшимся таких. Они корчатся, падают на пол, как в храмах эллинских.

– Дети, если на вас почил дух Божий, то вы родились для новой жизни. Вы стали детьми. Представьте себя в детстве, только Отец ваш на небесах. Вам не нужно заботиться о каких-то делах, торговле или о строительстве. Вы помогаете Отцу, трудитесь в поте лица – но дело это не ваше, а его. Есть кому за него отвечать, за его успешность. А ваше дело помогать родителю. Так вы будете мирны и станете пребывать в любви друг с другом. А если кто придёт к вам и попробует вашей жизни, то захочет мигом остаться у вас, войти к вам в семью, причаститься вашей любви друг к другу и Господу.

– Старче, как прекрасно ты сказал. Мы стараемся так жить. Как Павел писал – мы его послания часто вместе читаем и разбираем – преобразуемся через обновление ума, вспоминая как Господь жил, отвергаясь всяких ложных идей и слухов. Живём трезвым умом. Некоторые из наших отдали всё ради Господа и живут скромно, если не сказать бедно. А иные пострадали за правду от фанатиков Астарты. Но мы и к заблудшим стараемся проявлять любовь, помогаем бедным

и больным из них, не отделяем себя от них, не ставим себя выше. Павел учил, взирая на образ Господа, от славы в славу постепенно преображаться в образ Христа, становиться им, в него облекаться, как будто в новое естество. Но путь этот трудный, узкий, а многие из наших ищут мистерий, как эллины – чтобы в одну ночь, выпив кикеон или съев жертву, измениться и получить спасение.

– Живите по заповедям и ожидайте рождения свыше. После рождения свыше будете преображены не учением, не обновлением ума – это невозможно, дети мои, – а изменением естества.

– Как это, старче? Мы никогда не слышали о рождении свыше.

– Вам должно родиться свыше. Вы что же, не знаете? *Дух дышит, где хочет.* На ком решит, на том и почиет. *Если кто не родится от воды и духа, не может войти в царствие Божие*.

– Но это страшные слова, отче! От кого это учение? Из Бактрии к нам приходят иногда проповедники. Они поют гимны и говорят, что есть дважды рождённые, которые от женщин родились, а потом в таинстве получают второе рождение и могут после смерти вернуться к их богу Вишне. Есть и те, кто лишён этого дара. А у нас появились их подражатели, которые называют себя гностиками. Среди них был некто Менандр. Так они считают, что есть пневматики, они рождённые от духа. А есть по их учению те, кто ещё должен родиться, – их называют психиками. А есть хилики – они плотские и таковыми останутся и никогда не достигнут неба. В знак рождения от духа гностики помазуют тело в местах духа елеем, называют это вторым крещением после крещения в воде. Они получили большой авторитет в некоторых церквях.

– *Дети, рождённое от плоти есть плоть, а рождённое от Духа есть дух*. Как не разумеете? Истинно говорю вам, что знаю, и свидетельствую о том, что видел, а вы свидетельства моего не принимаете. Рождение от вас не зависит, это дело Духа. Видите, уже и бактрийцы впереди вас идут в царство Божие.

– А что от нас зависит?

– Верить в Сына – что он и Отец одно. И ждать рождения свыше.

– Но разве мы сами не дети Отца, старче?

– Когда родитесь свыше, станете детьми. У Отца есть единственный, кто зовётся Сыном от вечности, сущий в лоне Отца, и вы не знаете его Отца.

– Отец, но ты сказал, чтобы мы как дети положились на Отца. И мы так живём. Рождают детей, и мы будем рождены воскресением. А пока мы в утробе этого мира, ждём воскресения. Бог народ Израиля называл сыном своим, первенцем, наследием. Бог родил его. И каждого, начиная с царя, кто принял завет с Богом, называл сыновьями. А когда обличал их, говорил устами Моисея: *Они развратились пред Ним, они не дети его по своим порокам, род строптивый и развращённый*. И еще: *Сие ли воздаёте вы Господу народ глупый и несмысленный, не он ли твой*. Об этом, старче, ты говоришь нам? Так в этом смысле мы ждём рождения, ибо вступили в завет с Богом через Господа Иисуса, который также, как и мы, сын Божий. Но он первенец из мёртвых и возлюбленный сын. Он уже бессмертен. А нам, заблудшим сынам, как в притче растратившим наследство, ещё нужно войти в царство Отца, вернуться, искать узкий путь и входить тесными вратами. И это царство нужно найти внутри нас, пока живы, чтобы потом, воскреснув, не оказаться во *тьме внешней*, вне этого царства. Это царство духа, где живут не по правилам, а по духу, по совести. Так мы понимаем учение. Мы так рождены?

– Рождены или нет, не ведаю. Но кто от Бога, тот слушает слова Божии. *Мы от Бога; знающий Бога слушает нас; кто не от Бога, тот не слушает нас. По сему-то узнаем духа истины и духа заблуждения.* Вы потому не слушаете, что вы не от Бога.

– Старче, помолись о нас. Мы хотя и заблудшие, однако дети Божии. Не считай нас врагами Богу.

– Идите с миром и покайтесь в своих заблуждениях. Прохор, проводи гостей.

Прохор вернулся. Старец сидел, нахмурившись. У него последнее время были перепады настроения, особенно если накануне он долго сидел за чётками.

– Видишь, дитя. Уже и не слышат нас. Не поймут никак, что рождение свыше – это таинство, а не их решение вступить в завет. А чтобы таинство совершилось, нужно всё соблюсти!

– Старче, разве Бог не Отец всех нас? Он разве не всех принимает, кто вступает с Ним в завет через Иисуса, крестившихся в его имя?

– Опять ты со старцем споришь, неразумный? Крещение должно быть правильным, а не абы как… и крестящий должен иметь благодать. Иди, поклоны отбей до ста. И не смей сбивать меня с мысли.

Прохор встал в угол и принялся за поклоны. Старец прикрыл глаза и молился под мерные поскрипывания половицы. Так и уснул.

XX

СУТЬ ИЗМЕНЫ

Маргариту повлекло к Петру не столько из-за любопытства и желания нового, сколько из-за пьянящего чувства измены. Оно взбудоражило её и обострило все ощущения. Она решила, что это будет один-единственный раз. Один раз – и всё. Но так не получилось, с каждым разом удержаться у черты становилось труднее. Потом – невозможно. Храмов о том, что соблазняет чужую жену, вообще не думал. Для него она была поначалу просто красивой бабой. Потом он что-то в ней разглядел, и его даже стало возбуждать видение души, которая трепещет от совершаемого греха. Потом притупилось и это.

Маргарита вскоре убедила себя, что она по-настоящему полюбила Петра. Но спустя время и эта вымышленная любовь как-то сама прошла, незаметно. Осталась привычка, чувство вины и бремя сложившихся отношений. Почему нельзя любить двоих? Она перестала понимать это после первого случая с Петром. Ответ пропал и не находился.

Эта потеря зрения – загадочная вещь. Ей захотелось спросить:

– Петюня. У тебя есть чувство вины? Ну-у, перед… ну, что мы с тобой… Сергей, он…

– Нет.

– А было?

– Не помню. Кажись, было. Но прошло.

– Почему прошло?

– А, знаешь. Когда у нас разборки были в начале девяностых, один мой друг прирезал дагестанца – дага, как мы их звали. Так вот, он блевал целый час, потом рыдал.

– И?

– А через ещё один труп он уже стрелял, не задумываясь. А ещё погодя он с удовольствием смотрел в глаза, полные ужаса, и медленно нажимал курок.

– Так душа умирает?

– Ну да, слепнет как бы. Не видит чего-то там, что видела в себе. Идеал меркнет.

– А как опять начать видеть?

– Глаза вставить, ха-ха. Сейчас всё продаётся. Вон, моя бывшая зубы вставила, потом грудь. Осталось мозги, но это пока даже за деньги не купить.

Маргарите захотелось уйти, бежать к батюшке, плакать под епитрахилью. Потом рассказать Сергею – всё, откровенно. Нет, нет. Не смогу. Он умрёт, он… Мне не хватит сил сказать.

– Ты давно исповедовался?

– Да, забыл уже.

– Пойдём со мной завтра на вечернюю.

– Да когда? Я тут набрал ребят умных, человек сто. У меня по субботам до полуночи брейншторм с ними. Ты знаешь, я молодость вспомнил.

– А что вы там штурмуете?

– И-И.

– Что?

– Искусственный интеллект. Пока в основном распознавание образов. Но замахиваемся на большее. Ну и практическое применение.

– Например?

– Представь море, плавают кругами акулы, крупные и средние. Ну и рыбёшка там стаями, мелкая, всякая. Смотришь, смотришь – и вдруг замечаешь, что крупных-то нет – куда-то уплыли по одной. Наверное, где-то богатая добыча или кормёжка, ты думаешь. А на самом деле крупные так же глупы, как и мелкие. Но среди всех акул есть некоторые крупные, некоторые средние и мелкие, которые знают больше других. Если за ними наблюдать, то можно точно узнать, что там происходит за пределами зоны видимости. Так и со счетами в банках и фондах. Они часто не под настоящими именами, но для ИИ это неважно. Со временем он находит взаимосвязи, которые нам недоступны, – их слишком много, например, и они слишком сложные. Глупцы исследуют поведение рынков, размеры позиций, всякие свечи и прочий теханализ. А мы изучаем игроков. Вернее, не мы, а ИИ. И когда нужно, он сообщает: инсайдеры отправились на кормёжку, то есть принято решение, например, девальвировать рубль. Теперь мне просто нужно купить валюту. Это – практическая сторона, которая для нас в основном баловство, проверка моделей. И мы не увлекаемся, но на жизнь хватает.

– Петь, я пойду.

– Мар, а как там у Сергея рука? Что-то ты молчишь, а я и забыл за делами.

– Всё прошло.

– Само, что ли?

– Да нет. Батюшка Александр, святой человек, отслужил литургию, поминал за здравие, частичку вынимал. Да и я вот, грешная, к Иверской ходила на акафист, свечи ставила. Царица небесная помогла.

– Про царицу небесную не знаю, а святые батюшки перевелись нынче. Они там во время литургии в ризнице собираются и анекдоты травят, пока дежурный возглашает. Твой, может, последний из святых-то, нет?

– Кто тебе такое?.. Ты что?

– Да кто-кто? Знакомый диакон. Да и не он один. Да это что? Это разве грех? Про грехи-то я молчу.

– Ну всё, Петюня. Пока. Завтра помолюсь за нас, за нашего с тобой греха прощение. Тебе-то некогда.

Храмов вспомнил историю, случившуюся с его другом, которая опрокинула его мир и сделала таким циником. Маргарита об этом не знала, он не решился ей рассказать. Дело было в конце девяностых. Друг Храмова Кирилл ещё в университете познакомился с прекрасной девушкой, умницей и красавицей Татьяной. Они поженились и всё время радовались. Пётр Афанасьевич ни до, ни после не видел такой счастливой пары. Кирилл был верующим и решил стать священником. В те годы для этого нужно было только желание. Его послали в маленький городок, Татьяна последовала за ним. Время от времени они бывали в Москве и несколько раз останавливались у Храмова. Он был рад им, даже когда собственные дела у него не шли. Оптимизмом и любовью друг к другу они были переполнены, и это лилось через край. Так что и Пётр Афанасьевич получал свою порцию.

Однажды к ним приехал епископ А. Увидев Татьяну, он заинтересовался ей. Когда был у них дома, а отец Кирилл уехал отпевать кого-то, владыка подошёл сзади к попадье, задрал ей юбку и засунул руку в трусы, прямо между ног. Всё произошло мгновенно, так что Татьян не успела ничего понять, а спустя секунды она уже не могла бороться. Владыка довершил дело там же, на кухне. Татьяна после того кляла себя всячески, но вернуть ничего было нельзя. Епископ зачастил к ним, и всё повторялось, только теперь Татьяна сама этого хотела. Отец Кирилл спустя некоторое время всё понял и стал пить,

ничего не говоря жене. У Татьяны разрывалось сердце, когда она смотрела на мужа, и она много раз клялась себе разорвать порочную связь, но всякий раз проигрывала своей блядской природе. Перед мужем она не сознавалась, а муж всё видел и потихоньку сходил в могилу. Наконец она призналась, но он ей не мог простить, и она ушла. Спустя два или три года отец Кирилл умер. Всё это рассказала Петру Афанасьевичу сама Татьяна на сборе однокурсников, много выпив тогда и размазывая по лицу непрерывно льющиеся слёзы.

Петру Афанасьевичу Татьяна всегда нравилась, и он не мог представить, что так трагически закончится её брак с Кириллом. После этого случая Пётр Афанасьевич недолюбливал поповское сословие, особенно иерархов.

XXI

ЧУДО ПО ВЕРЕ ИЛИ ВЕРА ОТ ЧУДА

Компиляция из дневника С. А. и его устного рассказа.

Жарко, горячее марево над асфальтом. Режиссёр Сергей Левий сидел на углу Покровки и Бульварного в Кофемании, потягивая манговый смузи и слушая новости. Библейские места притягивают мировые силы. Сейчас на территории Сирии бомбят, бегают в чёрном басмачи, а когда-то по этим местам ходили люди, которые на тысячи лет изменили историю мира. Что же это за сила была у них и как она действует?

В Сирии ничего нет для политиков и богачей, там пустыня. Даже нефти мало. Но все мировые державы собрались здесь, словно больше нет места на земле, где бы им выяснить отношения. Аналитики ищут в этом логику. А что им остаётся делать? Удивительны эти библейские места. Там будет битва конца, потому что так предречено.

Вот у Исайи есть пророчество о Дамаске: Дамаск исключается из числа городов и будет грудою развалин. Дамаск много раз разрушали, но из числа городов он пока не исключён. Так что пророчество нависло над нами, готовое обрушиться.

Появился Александр и прервал медленное течение мысли.

– Привет, Сергей. Здесь посидим или дома? У меня с собой.

– Трезвись, друг – нас ждут тяжёлые дни. Силы народа на исходе. Как там у Даниила?

– Да, *к концу времени и времён и полувремени, и по совершенном низложении силы народа святого, всё это совершится*.

– Наш народ не святой, ты сам знаешь. Так что это не про нас, и время у человечества ещё есть – а так, сил точно не осталось.

Шутить не получалось. Сергею Афанасьевичу явно не терпелось перейти к главному:

– Ты знаешь, я так погрузился в тему, что только об этом и думаю. Евангелие от Иоанна! Оно ведь кардинально поменяло направление развития христианства.

– В правильную сторону?

Левий уставился на Страхова, но не смог понять, говорил тот серьёзно или с иронией.

– Ты шутишь? Я не пойму… Иоанн как будто написал не Евангелие, а опровержение других евангелистов. Мы же говорили об этом. А сейчас у меня словно туман рассеялся, и картина стала ярче.

– Ну-ну. Ты думаешь, это интересно? Да никому дела нет, кроме некоторых сумасшедших. Фильм будет для элиты из «Кащенко». Не помнишь, там есть кинотеатр?

– Кажется, есть. Но дело даже не в фильме. Совсем. Мне это самому важно. И ты прав – зацепить современного человека нечем, он словно тефлоновый.

Вокруг сидели приятного вида посетители, тарахтел трамвай, сновали официанты. По небу пробегали лёгкие белые барашки. Всё было, как всегда. Жизнь пробивалась сквозь всё, сквозь асфальт и даже сквозь экраны гаджетов.

Сергей Афанасьевич продолжал:

– Странная эта апатия.

– Да просто всё приелось, всё испробовано. Это как человеческая старость. Человечество просто постарело и потеряло силу и любопытство. Мы живём в скучном мире, где главные чудеса не настоящие – это чудеса техники. Так было всегда? Нет же. Почему тогда мы лишены настоящей силы?

Пара впереди уткнулась в свои смартфоны, быстро перебирая в четыре руки кнопки на экранах. Сергей Афанасьевич грустно взглянул на них:

– Думаю, мы верим не в то, верим в свои выдумки. Вера – это же связь. Но мы связаны ею не с Творцом, а с тенями из своих фантазий, придуманными небожителями.

– Как вот эти ребята – с электронными отражениями друг друга в гаджетах? Многие из них не виделись в реале, а когда встречаются, уносят ноги друг от друга.

– Типа того. Матрона Московская, она где, на небе? Это же на девяносто девять процентов литературный персонаж, святость которой утверждена Синодом на основе придуманного жития. Я легче поверю, что она в каком-то там гугловском облаке, где ей акафисты и чудеса записали.

– Народу нужны раскрученные, свежие, незатёртые идолы, чтобы молиться.

– Так лучше молиться Алёшеньке из Братьев Карамазовых. Да-а, вот так время… Мы бессильны, как некогда язычники. Они молились таким же святым: умершим царям, целителям, которых называли богами. Нам, чтобы обрести силу, нужно разгрести завалы лжи и раскопать источник.

Тема разговора не вписывалась с обстановку, какую-то лёгкую, беззаботную. Помолчали. Александр после паузы добавил контраста:

– Знаешь, вспомнилось в тему. Хочешь, верь, хочешь, нет. Лет десять назад, в период моих метаний, я с одним священником попал в Красноярский край. Он известный, живая история Зарубежной церкви,

переехал в Россию, живёт в Костроме, отцом Константином зовут. Часа четыре ехали мы на машине от Красноярска в одно старое село где-то на берегу Енисея, недалеко от Дудинского порта. Название даже не вспомню. В своё время там поселились старообрядцы, потом они ушли ещё дальше, но и до сих пор народ там живёт упрямый. Когда пришла советская власть, они не приняли сергианство – катакомбники, короче. Одна из ветвей андреевцев. Основатель этой секты – архиепископ Андрей, бывший князь Ухтомский, поддержавший революцию и большевиков, но выступивший против патриарха Сергия. Известен ещё тем, что одновременно стал иерархом старообрядцев, чтобы рукоположить для них священство. Остановились мы в доме бывшего чтеца, который к тому времени уже год, как помер. Зная, что осталось недолго, он за пару лет до смерти начал искать священника для общины, не из сергиан. Нашёл в Костроме отца Константина, целый год стоял в дверях на богослужениях. Но не участвовал в службе – слушал, правильно ли ведут службу, не пропускают ли чего. А отец Константин любил долгие службы, часов по пять-шесть. Чтец убедился – настоящий, мол, священник, и через год подошёл под благословение. Так вот, мы остановились в его доме. Дом большой, деревянный, с высоченными потолками, в потаённой комнате старинные иконы из разорённой советами церкви. Он сам его построил, когда вернулся из лагеря на поселение. Вопреки всему устроил хозяйство. Жили они тогда очень хорошо, имели лошадь, коров. И это при советской власти! В наше время стало намного труднее. Три сына сейчас трудятся на заготовках леса, хлеб у них очень тяжёлый. На вечернюю службу пришли три бабушки лет под восемьдесят – это церковный хор у них. Они наизусть знали весь годовой цикл службы со всеми тропарями, стихирами, величаниями и каноном. Пели старческими дребезжащими голосами, иногда громко споря, какой тропарь в этот день петь правильнее и на какой глас. Короче, публика интересная.

– А ты сам-то пел?

– Помогал священнику и пел, само собой. Ну вот… остались мы там на несколько дней. В воскресенье прибыло ещё народу, предполагалось крещение. Многие после смерти чтеца забыли строгости

катакомбников и похаживали тайком в «сатанинскую» сергианскую церковь. Отец Константин перекрещивал тех, кто крестился в Московской Патриархии, особенно если было неполное погружение. Это у него пунктик был. Среди прочих прибыла одна ещё молодая женщина с девочкой девяти лет – живой такой, милой. Мама была очень простая, бедная, жила на копейки – в основном подработками. Но она была очень… как сказать, яркая, что ли. И стержень у неё был внутри, она не соглашалась девочку перекрещивать. Все знали её историю, а мы нет. Она рассказала. Сидели, слушали всё, и дочка со всеми. Когда девочке было четыре годика, ей стало неожиданно плохо: то ли йогуртов некачественных поела, то ли ещё что. Привезли в больницу на скорой. Мама всю ночь не спала, сидела рядом. Под утро пришёл врач, посмотрел ребёнка. Девочка уже умерла, а он не решился маме сразу сказать и отослал её купить фрукты, кефир и прочее. Когда мама вернулась, врач сообщил, что дочь мертва уже сорок минут, её пытались реанимировать, пока матери не было, но безуспешно, потом он снял перчатки и вышел из палаты. Мать не была образцовой христианкой, ни разу не молилась толком, и дочь была некрещёной. Потрясение её было неописуемо, она бросилась сначала за врачами. Но они молча слушали её крики, опустив головы. Она вернулась в палату, встала на колени спиной к дочери и взмолилась к Богу, впервые. Кто ещё мог помочь? Непонятно, сколько прошло времени, когда она услышала сзади: мама, я хочу кушать. Когда врачи пришли забирать труп, дочь уже поела и игралась с куклой, которую захватила с собой в скорую. Мать после выписки сразу пошла в церковь и крестила дочь. Клянусь, всё правда – до последнего слова.

– Но это же, Господи … прямо евангельское чудо. Как с дочерью Иаира, начальника синагоги! И покушать ей сразу дали, как и той девочке. У них по воскресении, что же, аппетит нагуливается?

– И что удивительно, чудо по вере было, а не наоборот – вера от чуда, как теперь все привыкли. Нет веры, нет и чудес – это один из евангельских принципов.

– Это у рыбаков так. У Иоанна всё наоборот. У него все чудеса Иисус для того и делал, чтобы поверили в него. Вспомни про превращение

воды в вино, когда ученики уверовали, и про слепорождённого, и про воскрешение Лазаря.

– Разве? Я как-то не обращал внимания.

– Да? Это принципиальный момент. Как-нибудь обсудим.

– Знаешь, а мне с тех пор кое-что покоя не даёт. Мы ведь убедили её перекрестить дочь.

– Как это?

– А вот так. Человек – странное существо, особенно женщины. Она прониклась искренностью отца Константина, у него аура такая – на всех действует. Но я тогда уже начал подозревать, что Бог не в Патриархии и не у катакомбников, и вообще, не в конфессиях.

Левий молчал, впечатлённый рассказом. Дальше разговор как-то не задался. Посидели, поговорили о том о сём и пошли по домам.

XXII

МАРГАРИТА

Что скользишь по мне глазами,

Не стесняясь, не любя?

В сердце как хирург руками

Что ты ищешь? Ищешь зря…

Красоту мою словами

Раствори и пей до дна.

Привяжи меня стихами

За берёзку у окна.

Это единственное стихотворение Маргариты.

Маргарита была очень красивой. Лицо у неё узкое, нос тонкий, переносица высокая. И глаза – карие, большие, слегка раскосые, а волосы густые и почти чёрные. За ней многие приударяли. Она понравилась Левию ещё в университете, когда училась на первом курсе, а он заканчивал аспирантуру. Но женился он на другой – так бывает. Маргарита вышла за программиста с ВМК. Семья у них так и не сложилась – прожили лишь год вместе.

Гормоны у неё тогда кипели, а муж Слава был слегка не от мира сего. Она увлеклась религией, ходила каждую неделю на службы, старалась как-то сублимироваться через хоровое пение, пробовала себя в живописи. Потом пошла в качалку. Сначала она осталась в аспирантуре, изучала мистицизм эпохи Возрождения и религиозный символизм в картинах Леонардо. Потом устроилась в девелоперскую компанию и неплохо продвинулась. Но она не могла остановиться на чём-то. Ей казалось, что она пока только пробует, а потом начнёт жить по-настоящему.

Но ничего стоящего, заметного не происходило. Зарабатывала она неплохо, квартира – от родителей, на машину накопила, отдых в Греции, Турции, по вечерам кафе, кино, театр. Так день за днём. Жизнь текла меж пальцев, не оставляя ничего, ни песчинки в ладонях. Это её тревожило. Слом этой схемы случился от совсем неприметного события в середине мая, как раз вскоре после пасхи.

Маргарита любила время от времени бродить по парку рядом с домом. Весной было особенно хорошо, запахи и краски действовали как нашатырь на спортсмена. В один из дней вечером она задержалась рядом с группкой седеньких старичков и старушек. Между них был видный такой старик, пел под баян песни военных лет. У него был прекрасный голос, густой, сильный, он явно был отставной профессиональный певец. Старушки подпевали. Глаза их светились, они были счастливы и исполнены любви. На следующий день Маргарита пришла опять и нашла стариков там же. Она постояла, послушала их песни и разговоры. Столько лет прожито, а самым прекрасным временем оказались годы войны. Только эти четыре года – остальная жизнь прошла, словно её не было. А как же голод,

смерти, ранения, невыносимые тяготы? Всё это вспоминалось ими без скорби, скорее, наоборот. И самыми близкими для собравшихся на полянке стариков были те, кто прошёл войну, – ближе родственников и даже детей. Их соединял вместе дух. Он их как будто искал и приводил отовсюду и вмиг делал родными, они понимали друг друга с одного взгляда, одного слова. Так продолжалось десятилетия. Их было не разорвать даже смертью. Уходившие оставались, им наливали в стаканы, их вспоминали. И среди них было немыслимо предательство. Маргарита была потрясена. Вот где настоящая жизнь, настоящая пасха.

Незадолго до этого открытия Маргарита стала общаться с Левием. Она знала его ещё по университету, он был умным и тонким человеком и тогда ещё заинтересовал её. Сергей выпал из университетской тусовки, она забыла о нём, а потом он объявился в её кругу уже режиссёром. У него было несколько удачных проектов, он стал модным. Потом пошла чёрная полоса, и он серьёзно захандрил.

Как раз в конце мая сидели в компании, разговорились. Сергей только что снял фильм про войну, неудачный. Вернее, его не приняла публика – мало action, крови, всё больше о душе. Короче, не попал. Сергей был раздавлен и пребывал в нокауте. Маргарита пожалела его, приголубила и как-то незаметно для себя самой оказалась с ним в постели. Её удивило, что он обрезанный.

– Ты что, еврей?

– Ну да… Это плохо?

– Нет. Но разве евреи до сих пор обрезаются?

– Потихоньку делали так и при советах. У меня бабушка была очень религиозной, да и дед тоже, хотя прикрывался партбилетом.

Поговорили о том о сём. Маргарита рассказала о своём «открытии» в парке:

– Ты знаешь, я люблю церковные службы. Но сейчас, на контрасте, они показались мне театральными постановками. Но почему так? Куда делась настоящая радость пасхи – ведь она была у верующих?

– Я думаю, вначале церковная пасха была ещё ярче, чем эта военная. Знаешь, что такое песах, пасха?

– Ну да, евреи вышли из египетского рабства. А в ночь исхода кровью агнцев спаслись от смерти, когда она проходила по земле египетской, убивая первенцев.

– Да. Так и в Отечественную было – только в этот раз Аваддон был облечён в немецкую форму. И за избавление многие отдали свои жизни и кровь. И какая радость была после победы!

– А Христос спас нас от вечной смерти. Ведь так? Но почему нет такого единства и радости, как у стариков-ветеранов?

– Именно потому, что всё на словах. Ветераны всё пережили, а вы нет… не все. А нужно испытать. Только не на церковной службе, не пением и не игрой, и даже не экстатическим состоянием, и не мистически. Реально! Реально – и только так! Исполняя заповеди, а не объясняя их неисполнимость. Без жертвы нет радости, сердце не участвует, оно спит. Его не колышут голые смыслы без чувств, интеллектуальные схемы, красивые слова, формулы. Без потерь и страдания нет радости избавления. Как только праздник переходит на язык символов, процедур, ритуалов, наступает смерть, дух уходит. Вспоминают жертву Христа, поют гимны, но причастности к жертве нет. Вы придумываете её, заменяя реальность.

– Но мы соединяемся с Христом, вкушая его плоть и кровь! Это не соучастие? Куда уж реальнее и ближе?

Сергей Афанасьевич наблюдал за Маргаритой: горячая кровь, искренние порывы и одновременно – схемы, слепота и лукавство! Неужели отличить придуманное от настоящего так сложно?

– Это игра, Маргарита. Мистерией можно увлечься, но… но в ней нет ничего настоящего.

– А в войну они жертвовали всем? Всем, что имели?

– Да, и жизнью. Смысл войны и прочих потрясений, как это ни ужасно звучит, в том, чтобы возжечь потухший дух любви. Обратить сердца людей к ближним.

– Ты умница. Ты так всё объяснил! Но какой же ты агностик?

– А ты – как ласточка, схватываешь налету. А насчёт веры… Я верю благой вести, но меня отталкивают ритуалы и богословские шаблоны.

– Серёженька, ты это о чём? Забудь и не оправдывайся. Благодаря тебе и старичкам-ветеранам я начала понимать, для чего мы живём! – красота Маргариты стала ещё ярче, словно включилась подсветка изнутри.

– Я могу быть рядом, чтобы ты не сбилась с пути.

– Ты что, делаешь мне предложение? Прямо в постели? Как-то быстро всё, за одну ночь. Но я согласна.

Так началось всё у Сергея с Маргаритой.

Маргарита всегда помнила тот разговор. И ей хотелось договорить. Она тогда нащупала что-то важное для себя.

Прошло много лет. Как-то раз, когда муж что-то писал дома, Маргарита вернулась с литургии. После службы была трапеза в храме. Это было особенностью прихода, которой все чрезвычайно гордились. Обычно обсуждали новости, но в этот раз был новенький прихожанин, и за беседой коснулись евхаристии. Маргарита так увлеклась, что почти дословно вспомнила разговор с мужем и рассказала за столом. Впечатление она произвела огромное. Вернувшись домой, Маргарита бросилась к мужу:

– Ты говорил, что сейчас нет соучастия в жертве Христа и потому литургия стала театром.

– Что? Когда?

– Давно, тогда. Ещё в первую ночь.

– А-а? – Сергею Афанасьевичу смутно помнился тот разговор. – Она всегда была театром.

– Э-э… не задирай меня.

– Ты читала «Вакханок» Еврипида?

– Нет. Вернее, пролистала как-то… давно.

– Вакханки разрывали на части коров и коз и поедали плоть воплотившегося в них божества. Вот они-то соединялись с богом! – Сергей Афанасьевич хмыкнул. – Вернее, они были одержимы своим богом, они верили в это и ясно переживали своё превращение, преображение. И ещё верили, что так обретут бессмертие. Но это самообман. У Еврипида всё очень живо описано.

– Ещё скажи, что Дионис – воплотившийся бог, рождённый от девы.

– Да-да. А мать его называли богоматерью. Подожди…

Сергей Афанасьевич привстал, опёршись на локоть, и одной рукой что-то набрал на смартфоне:

– Вот, слушай. *Он говорит: я, Дионис, сын Зевса, которого родила некогда Кадмова дочь Семела, …променяв свой божественный образ на вид человека, я пришёл к струям Дирки и к волнам Исмен…* Прямо как сейчас говорят про Христа: променял божественный образ на… Ага! Вот ещё: …*установив там свои хороводы и учредив свои таинства, чтобы засвидетельствовать перед смертными свою божественность.*

– Хм. Хочешь сказать, и Христос учредил таинства и богослужение, чтобы познали и воспевали его божественность? – Маргарита напряглась, голос стал звонче и холодней. Но она держала себя в руках и оставалась дружелюбной.

– Нет, богослужение и таинства учредили ваши жрецы. А сам он сказал так: *благовествовать я должен Царствие Божие, ибо на то я послан.* Христос не был послан, чтобы доказывать свою божественность.

– Но, кажется, он только об этом и говорил – что он хлеб, сшедший с небес, ну и другое… А ему не верили.

– Так только в Евангелии от Иоанна. У нас уже был разговор… тогда, возле мечети, помнишь? Автор не был апостолом Иоанном и учеником Христа, а скорее учеником Филона Александрийского. Возможно, его также звали Иоанном, но это другой Иоанн. Что

касается апостолов… по их свидетельству Иисус учил о том, что приблизилось царство Бога. И как войти в него, как войти в завет с Богом. Про свою божественность он не говорил потому, что, во-первых, это неправда, а во-вторых, его бы сразу побили камнями.

Маргарита успокоилась, отдышалась и теперь могла задавать вопросы:

– А разве не пытались? В Иерусалиме сколько раз…

– Камнями? Ну что ты! Это только у Иоанна – за проповедь своего божества. У Марка, Луки и Матфея этого нет. Один раз в Назарете… хотели убить, но там за другое. А в Иерусалиме – нет.

– Ну, ладно, тогда расскажи ещё о язычниках. В чём суть их таинств?

– Во время мистерии вакханки впадали в особое состояние, которое сам Еврипид назвал одержимостью. Они разыгрывали смерть своего бога Диониса, которого разорвали титаны, и его месть убийцам. Но, в отличие от титанов, делали они это с позволения своего бога, в особых ритуалах, называемых мистериями… И тогда, съев его плоть и напившись крови, они сами становились как боги.

– Проводишь параллели? Ну-ну. Христос никому не мстил, а Дионис был мстительным.

– Эту параллель провёл не я, я как раз против. Христос не был богом, а Дионис, хотя и в мифе, им был, да ещё мстительным, как ты заметила. Вакханка Агава в трансе разорвала на части своего сына Пенфея. Сейчас... найду, как там описано. Вот: *Но она, испуская пену изо рта и вращая своими блуждающими глазами, одержимая Вакхом, не была в своём уме, и его мольбы были напрасны; схватив своими руками его левую руку, она упёрлась ногой в грудь несчастного и вырвала ему руку с плечом – не своей силой, нет, сам бог проник своей мощью в её руки, схватив его за руку и упёршись ногами в его грудь.*

– Фу-у, какой ужас! Пенфей не поверил в Диониса?

– *В богом рождённого бога Диониса – в нового бога* и в *богоматерь Семелу,* как они названы у Еврипида. Еврипид, по сути, предсказал инквизицию в лице Агавы.

– Ну-у, это о-очень натянуто… Всё-таки еретики угрожали существованию церкви и спасению душ. Их убивали, чтобы…

Сергей Афанасьевич перебил:

– Разница невелика. Еретиков всегда представляли хищниками. И вакханки в трансе представили Пенфея охотником, львом, поджидавшим их в засаде, на вершине огромной ели, чтобы убить их. Но убит был сам Пенфей. Когда Агава очнулась, она увидела, что держит голову не убитого льва, а своего сына.

– Какое… жуткое состояние? Но я не вижу в их диком пожирании сырого мяса и крови никакого сходства с евхаристией.

– И я не вижу – у них был реальный транс, а у вас театральный. Язычники, став христианами, притащили к вам свои мистерии, что в переводе на русский– таинства. И теперь вы в мистерии едите своего бога и преображаетесь. И ваша природа якобы соединяется с божественной! Ваши жрецы, правда, почти убрали вещества, изменявшие сознание, – оставили совсем немного вина. Не стало безумия, вакханалий во время мистерий, но исчезла и их сила, энергия. Не для всех, конечно, не для чувствительных – им хватает пения, обстановки, ладана, свечей, чтобы переживать всё, как наяву. Андрей юродивый, к примеру, – ему вещества были ни к чему. Ты читала о его видениях?

Маргарита не стала цепляться к словам, ей не терпелось узнать побольше. Муж не часто был так разговорчив, как в этот раз.

– Ты думаешь, и у евреев была такая же подмена в своё время? И как результат – беснование?

– Именно. Помнишь, у Матфея? Там мальчика бросало то в огонь, то воду в новолуния, когда евреи праздновали *Рош Кодеш*? Уже тогда язычество подмешало свой мистический яд в эти праздники. Все мистерии – это лживое соучастие в жертве. Это театр. А чтобы было поживей, язычники колют себя, режут, прыгают через огонь или пьют кикеон. И почти любая одержимость – отсюда, из мистерий.

– Но евреи же не пили кровь и не ели сырое мясо!

Глаза Маргариты были очень живыми и блестели, когда ей было что-то интересно. Сергей Афанасьевич посмотрел на неё и в который почувствовал себя влюблённым. Это повторялось с ним из раза в раз, уже много лет. Маргарита обладала какими-то чарами, и он, несомненно, любил её с годами сильнее. Кажется, таких женщин раньше считали ведьмами?

Было трудно сосредоточиться, но Сергей Афанасьевич продолжил:

– Они входили в транс другими средствами. Людям всегда хотелось этого, во все времена. Посмотри, сколько сейчас наркоманов. Вещества и в элевсинских мистериях, и в кастанедовских практиках, и сейчас схожие: вино и травы всякие, грибы и другие источники алкалоидов, изменяющих сознание. Ещё они пели гимны и плясали, водили хороводы.

– Так евреи всё-таки практиковали транс, колдовство, вызывание мёртвых?

– Это было строжайше запрещено, но тайна притягивала. И это состояние… оно настолько мощное… Некоторые, чувствительные и психически неустойчивые, как современные медиумы, они всегда немного в трансе, но по-тихому… А когда видели Христа, они чувствовали что-то, их начинало… колбасить, они подбегали, кланялись. Они почитали Иисуса богом, сошедшим к людям.

– Господи, помилуй! Я ведь пою в храме: Рождество твоё, Христе боже наш… Я тоже, по-твоему, одержимая? – Маргарита вскочила с дивана и рефлекторно потёрла ладонями платье. Она так делала в детстве, когда мыла руки в школьном туалете. Потом отучала себя, но, когда волновалась, опять становилась девочкой.

– Марочка, Марочка, радость моя, не кипятись.

Маргарита стояла у окна, щеки её горели, словно сквозь них просвечивало утреннее солнце. Она была всё ещё переполнена эмоциями. Но грудь потихоньку успокаивалась и стала вздыматься реже. Маргарита обернулась:

– Прости. Я тут с тобой договорилась…

– Ты меня прости, я бываю резок. Давай-ка лучше к древним евреям.

Маргарита молчала. Наконец, окончательно успокоившись, повернулась к Сергею Афанасьевичу и посмотрела на него теплее:

– Как же евреи так долго хранили пасху?

Левий встал из-за стола. Он говорил ровным голосом, словно зачитывал статью из энциклопедии:

– Она тоже выхолащивалась. Но в давние времена жертва животных не была символической – это часто была значимая часть имущества, которой человек лишал себя добровольно. А это бывает трудно.

– Но, но этого недостаточно. Деньги, имущество…

– Да, недостаточно. Главное… это лишение жизни. Животное испытывает страх пред лицом смерти. Агнец умирает, жизнь тает, и всё отражается в его глазах – это не то же, что прочитать о смерти. Последний взгляд жертвы и её трепет достают до нутра. Вот от чего избавил меня Господь – так думает жертвователь.

– Да, животное чувствует, как мы. У него всё, как у нас. Кроме… кроме, может быть, слов? – Маргарита задумалась. – Я как-то в деревне видела, как отрубают голову курице. Это… это невозможно. Я убежала, не смогла…

– Сильные чувства, да? Увидеть, как уходит жизнь; понять, что такое смерть… Язычники ещё приплели сюда своих богов. В этом тоже был смысл, но это долго рассказывать.

– Нет-нет, расскажи, расскажи. Серёжа, не набивай себе цену, ну-у… – Маргарите явно хотелось узнать больше, а Левий никогда не мог отказать жене, когда она очень просила.

– Понимаешь, Марочка, старик Фрейд ошибался. Вернее, он не так расставил приоритеты и поместил на первое место либидо. Но в подсознании лежит ещё большая сила – страх смерти. Он более иррационален, чем либидо, прикосновение к нему равносильно удару тока и даже сильнее и много болезненнее. Он парализует. Просто во времена Фрейда, и тем более в наши времена, смерть научились

прятать. Её человек теперь нигде не видит: умирают в больницах, потом морг, могила, нет публичных казней ну и прочего. Сейчас смерть животных не увидит даже фермер – скот забивают промышленными масштабами в специальных скотобойнях. В результате этот страх так глубоко спрятался в подсознании, вернее, люди только и делали, что его старательно там закапывали. Так что старик Фрейд не обнаружил его в подсознании во всей его жуткой силе.

– Так-так… верно. Когда вылезает страх, либидо бежит. А при чём здесь боги?

– В древности у людей было всё наоборот: они прятали похоть и не прятали смерть – это было невозможно, смерть была повсюду. Поэтому они старались победить страх смерти, а не спрятать смерть. И мистерии были лекарством. Представь, что ты смотришь фильм ужасов под ЛСД…

– Трудновато, я не пробовала.

– Посвящённые повторяли в ритуалах подвиги богов и героев, в которых они превратили своих предков за их бесстрашие. Тот, кто победил свой страх, всегда вызывал восторг и поклонение. Герои в мистериях сражались, умирали, сходили в Аид, возвращались. А чтобы всё было как взаправду, чтобы по-настоящему, участники ритуалов и мистерий пили вещества, изменяющие сознание. Ну и пляски, и медитации всякие, молитвы – много там ещё всего… Такова тайна и самой таинственной из мистерий – Элевсинской.

– Теперь понятно… Это было важно – жизнь была полна ужасов. Выходит, нынче страх смерти спрятался? Причём глубоко, но он сильнее, чем когда-либо…

– Именно! Хотя его не видно, но он напитался силой.

– Да, а мистерии – это такая мощь! Хоть и искусственная, как бы на стероидах…

Маргарита была довольна. Она, подойдя сзади, обняла мужа и прижалась к его голове щекой:

– Какой ты у меня у-умны-ый! Так! С богами разобрались. А что там у древних евреев? Мы остановились… Да, про их жертвы и пасху…

– Моисей удалил из жертвоприношения мистическую составляющую, всяких там богов, энергии, гипноз, театр, вещества. Для евреев бык был быком, а не Аписом, не Серафимом, не богом, не Дионисом. Они не испытывали перед ним священного трепета и не впадали в транс. Они просто закалывали животное, которое так же смертно, как и они сами. Видели его смерть, переживали её. А потом ели его тело, в котором не осталось ничего таинственного, – жизнь ушла… Они не считали, что ели бога.

– Но в глазах египтян они убивали их языческих богов, когда закалывали пасху?

– В глазах египтян – ты правильно сказала. Это помогло евреям избавиться от страха перед придуманными богами. Если бы у них осталась хоть капля египетской веры, что агнец – бог, они сошли бы с ума, наверное, убивая и поедая богов, как безумные вакханки. Но евреи делали это, не боясь кары небес. Это было их свидетельство веры в единого Бога.

Маргарита так увлеклась, что не сняла туфли, продолжая стоять на каблуках. Она сняла их стоя, держась рукой за мужа. Туфли были ярко-красными, в цвет помады. «Почему женщины так любят красный? – подумал Левий. – Это же цвет опасности. Они загоняют нас красными флажками в свои сети…»

Маргарита спросила:

– Но ведь и египтяне ритуально закалывали быков – я читала. Они что же, не боялись убивать своих богов? Как евреи?

– Только в мистериях, установленных богами. Это всё то же, что и у вакханок. Более того, жрецы стояли в нише под вспарываемым животом быка и с ног до головы обливались его кровью. Они верили, что это кровь божества, которая очищает и преображает смертное в бессмертное. Как видишь, это не обычная трапеза. Ничего нового не придумано.

– А разве у христиан евхаристия – просто трапеза? Без таинственных вещей?

– Без… О пресуществлении хлеба и вина в тело и кровь апостолы не ведали. Почитай в Деяниях – обращённые ежедневно по домам, а не в храме, преломляли хлеб в радости сердца. Собственно, евреи всегда преломляли хлеб по домам, вспоминая Бога и своё спасение. А уверовавшие стали вспоминать и Христа, как своего спасителя.

– Теперь поняла. Евреи и первые христиане делали почти то же, что и язычники. Но вкладывали в это противоположный смысл.

– Где-то так. Если убрать нюансы.

– А потом они снова и снова отступали от веры?

– Евреи время от времени легко возвращались к язычеству.

– А жертва Христа?

– Это ты мне расскажи.

– Ну давай, муж, не набивай цену, растолкуй мне, немощному созданию.

Сергей Афанасьевич задумался, стоит ли углубляться и не приведёт ли разговор к конфликту. Поколебавшись, он ответил:

– Можно сказать, что Христос принёс себя в жертву. Это была жертва, да. Но в каком смысле? В том смысле, что Иисус предпочёл расстаться с жизнью, но исполнить заповеди. Их невозможно было исполнить и остаться живым. Во всяком случае, так я понимаю три Евангелия из четырёх. Но это, конечно, никакая не мистерия. Он не думал, что кто-то будет его есть, как сказано в иоанновском Евангелии.

– Он мог, но не воспротивился злому, как сам и учил; был, как агнец, безгласен? Так ведь? Агнцы не кричат, когда им режут горло, не брыкаются, не кусаются. Они до конца верны своим богам, людям.

– Вот молодец, лучше меня сказала. Кстати, свиньи кричат, визжат и кусаются. Они нечистые, неверные человеку.

Сергей Афанасьевич встал:

– Кхм, Марочка, давай прервёмся. Я, признаться, не прочь подышать воздухом. Смотри, какие погоды на дворе! Может, сходим куда-нибудь?

Но Маргарита явно не собиралась прерываться на самом интересном месте:

– А как вообще возник такой образ, как преломление хлеба? И зачем называть его телом?

– У евреев преломление хлеба всегда символизировало жертву, жертвенного агнца. Знаешь, почему? Можешь почитать в толкованиях на Тору. Пасхального агнца ели раз в году, а хлеб преломляли каждый день за обычной трапезой. Но ведь жертву нужно вспоминать ежедневно, чтобы память о ней была живой. Так хлеб стал символом агнца. И Христос, идя на смерть, указал, что отныне он агнец, он спасает нас от вечной смерти, и заповедал преломлять хлеб в его воспоминание.

– Жертвой в реальности была жизнь. Жизнь за жизнь. Так? Не тело, как мясо, которое можно есть, а жизнь. Остальное – символы.

Левий посмотрел на жену. Иногда она его удивляла, как в этот раз. Как она прячет этот острый скальпель в красивой головке?

– Именно. Тело пасхального агнца когда-то стало едой для евреев как раз потому, что в нём нет таинственных сил и энергий. Как и в хлебе.

– Главное – воспоминание о жертве, воспоминание меняет нас, оно преображает, а не какая-то чудесная природа поедаемой пищи. И не энергии божества. Так? Воспоминание – это пища для веры. И Христос сказал, преломляя хлеб: *Сие творите в моё воспоминание*.

Левию захотелось укусить эту красотку: ну что за умница.

– Верно, Марочка, солнышко. Мясо или хлеб – это не так важно, – Сергей Афанасьевич посмотрел на Маргариту, опасаясь бурной реакции. Но она была спокойна. – В воспоминание Христа преломляют хлеб. А вино пьют, подтверждая завет, как Иисус и сказал про чашу: *сия чаша [есть] Новый Завет в моей крови, которая за вас проливается*. Вот почему хлеб и вино – святы. Не потому, что это

плоть и кровь бога, который таинственно присутствует в них божественными силами и энергиями.

– Хм. А ведь агнца варили и потом пекли. Разве тем не свидетельствовали, что в плоти нет ничего сакрального? Божественное не стали бы варить – ели бы сырым, как вакханки. Я правильно поняла? Жизнь и всё таинственное, что с ней связано, ушло с кровью, которая пролита на землю. И кровь есть запрещено. А у нас…

– У вас… Да, теперь иначе, не как в первые века. Хлеб преломляют не за трапезой, а в таинстве. И это, по сути, языческая мистерия. Толкований много, а суть одна. А ты видела, как во время службы некоторые верующие начинают рычать, бесноваться, падают и корчатся?

– Да, частенько бывает, особенно в некоторых храмах. Там их собирают для изгнания бесов.

– Изгнания? Да нет, они там, наоборот, тренируются рычать во время службы. Вспомни одержимых вакханок.

– Хочешь сказать… бесы выдумка?

– Нет-нет, бесы – реальность, но странная. Их проявление связано с изменением сознания, часто с трансом. Я хочу сказать, что всё повторяется. Как в храмах Аполлона, Артемиды и прочих выращивали бесноватых, так и сейчас. Правда, тогда было ещё проще – с вином, грибами, травами.

Маргарита прервала разговор и предложила сделать чай. Пошли на кухню. Сергей Афанасьевич достал одну из коробочек, в которых хранились чаи, налил в термос чуть остывший кипяток. Наконец сели. Маргарита глотнула Цзинь Сюань, аромат которого разлился по кухне, одобрительно посмотрела на мужа и спросила:

– Иисус хотел, чтобы его вспоминали как сына человеческого, но не как языческого бога? И ежедневно, всегда, когда садимся за стол?

– Да, как всегда делали евреи, преломляя хлеб и вспоминая избавление от рабства. Также и первые из уверовавших христиан.

– Но ведь сейчас всё перевернулось.

– Ум человеческий изворотлив.

– Господи, неужели всё так и есть на самом деле? – Щёки Маргариты опять зарделись.

Прошло несколько минут, они молчали. Наконец Маргарита заговорила:

– Так почему же дух угас?

– В жертве нужно участвовать, не только радуясь вместе с жертвователем за столом, но и самим принося жертвы. В псалме одном сказано: жертва Богу – благодарность и исполнение обетов перед Всевышним. А какой обет дают христиане?

– Наверное, что будут до смерти верить в Христа?

– Они верят в Бога, воскресившего Христа, и обещают Богу жить по вере и совести. Это их обет. Так Пётр в послании объясняет суть крещения. Христос крестился от Иоанна и первым исполнил обет. Не живёшь по вере – не участвуешь в жертве Христа. Тогда и дух угасает.

Допили чай. Маргарита засобиралась к подруге. Когда она начинала хлопотать, включался какой-то режим в её голове, и она из глубины смыслов выплывала на поверхность. Никакие серьёзные темы больше её не волновали. Сергей Афанасьевич понял, что Маргариты рядом нет, она оставила своего аватара, который суетится на автопилоте, и вернулся к своим записям.

Глава 14

Ермий, сын Зевса

Материалы для сценария.

Пометка карандашом: рыбаки написали, что Иисус не мог творить чудес для тех, кто не верил. По

Иоанну Иисус творил чудеса, чтобы поверили.

Эпизод 1. Вера не от чуда, вера от слышания (Павел).

Назарет. Народ возле синагоги перед субботними молитвами и чтением Писания.

– Шалом.

– Шалом. Сколько народу! Как на праздник собрались. Что, говорят, Иисус вернулся?

– Да, пойдём послушаем. Ему дадут сегодня читать, как гостю.

После молитвы народ не расходился, все собрались во дворе напротив Иисуса. Мать с четырьмя сыновьями стояла рядом. Всем понравилось, что говорил Иисус, но его помнили ещё плотником и не могли понять, откуда все это? Народ гудел:

– А правда, что ты исцелил прокажённого из Кесарии Филипповой?

– А ещё говорят, ты был у эллинов в Десятиградии и изгнал тысячи бесов в свиное стадо? Они потребовали возместить убыток?

Народ засмеялся.

– Ну покажи нам здесь чудо. Тогда поверим. Говорят, ты чудотворец. Мы-то тебя ещё вот таким помним, как твой младший брат Иосия. Ты тогда ничем не удивлял нас. Когда научился чудесам?

– Где бесноватый Захар? Опять на горе? Пророчествует ящерицам?

– Приведите его, пусть Иисус изгонит из него беса. Посмотрим, правду ли о нём говорят?

Иисус стоял, не отвечая ничего. Несколько больных ухватились за его одежды, но он не мог исцелить их, удивляясь их неверию. Из толпы спрашивали:

– Почему не исцеляешь? Исцели их.

Пришедшие с назореем из Капернаума и окрестностей стояли группой, переговариваясь между собой. Женщины стояли отдельно,

поодаль. Двое молодых – по виду братья – стояли ещё дальше и говорили громче остальных и жестикулировали.

– Почему он не покажет чудо? – спрашивал кудрявый брюнет с пушком под носом.

– А зачем? Он не для чудес пришёл, а сказать, что Царство Божие приблизилось, – второй, более светлый и худой, выглядел разумней.

– Чтобы поверили. Как ещё поверят?

– Всё наоборот, как не понимаешь? Это для чуда вера нужна. Ты что, тупица? Вера из чудес не проистекает, только суеверие, – худой понизил голос и последние слова произнёс едва слышно. – Иисус всегда спрашивал: веруешь ли, что могу это сделать?

– А маги бродячие… они не спрашивают. В Тивериаде их много, их Ирод любит, приглашает их на пиры.

– Они чудеса показывают за деньги, и чтобы их прославляли, а не Бога. И чудеса их – это хитрые уловки, – худой опять заговорил громко, так что некоторые из толпы повернули к ним головы.

– Бог и без веры всё может. Зачем ещё вера?

– Может. И совершает. Исцеления вон – каждый день. Без молитвы и без веры, даже с язычниками – не все ж умирают! Но кто назовёт это чудом? Думают, будто всё само случается, а ещё чаще – целителей благодарят. А чудо – это когда пророк сказал: исцелись, и тут же больной исцеляется. Этому не бывать, если веры в Бога нет. Иначе пророк станет факиром.

– Ну вот – чудо само указывает на Бога. Пророк же – слуга Бога. Отсюда и вера у людей! Разве нет, брат? – брюнет не сдавался.

– Указывает – тем, кто верит. А кто не верит в Бога… если бы и воскрес кто, не поверят. И как, скажи, без веры знать, кого благодарить за чудо? А это главное – благодарность. Нет, брат?

– Ну-у…

– То-то. Иначе – грех. Потому для чуда вера и нужна. Иисус прячется от славы и указывает на Отца. Кто верит Богу, знает: пророк не своей силой исцеляет, а перстом Божьим! Сам пророк бессилен, если нет веры.

Эпизод 2. Бог или человек.

Его возвысил Бог десницею своею в начальника и спасителя, дабы дать Израилю покаяние и прощение грехов (Деяния).

Сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах (Иоанн).

После чуда с Павлом. *Народ же, увидев, что сделал Павел, возвысил свой голос, говоря по-ликаонски: боги в образе человеческом сошли к нам* (Деяния).

Пришёл Захар, которому рассказали про Иисуса.

Местные считали его странным, некоторые говорили, что он бесноватый или что он болен, так как впадает в беспамятство. Захар появился в Назарете недавно, его нашли на дороге в Кану. Он сидел там в пыли и что-то бормотал бессмысленное на эллинском наречии. Его взял себе работником Осия, который выкупал шерсть у пастухов и возил её в Капернаум торговать. Осия говорил, что Захар родом из Антиохии, и, хотя обрезанный, прислуживал там в храме Зевса. Назаретяне относились к нему с подозрением, почти как к язычнику.

Захар раньше никогда не видел Иисуса. По дороге он встретил сына Авдея Товию, которого днями укусила крыса в амбаре, когда он пытался её поймать. Нога вчера была толстой и почти чёрной. Товия рассказал, как отец привёл Товию под руки к Иисусу и просил его исцелить. Иисус прикоснулся, и нога скоро стала здоровой, как другая. Это произвело на Захара впечатление. Раньше такого не видели в Назарете, но жители сомневались, не колдовство ли это.

Захар на исцеление отреагировал иначе, чем другие назаретяне. Он подбежал к Иисусу, выкатил глаза, упал на колени и закричал истошно:

– Бог воплотился. Иисус, сын Бога Всевышнего, пожалей нас, не прогневайся за наше неверие.

Потом он вскочил и обратился к жителям:

– На колени! На колени! Это сын Зевса сошёл с небес и воплотился. Ведите баранов, нужно принести жертву. Пока он не прогневался. Погибнете все!

Его пытались унять, но он кричал ещё больше: «Все, все погибнете», пока не упал навзничь, едва не испустив дух.

Все молчали. Громко прозвучал в тишине один робкий голос:

– А что, Иисус называет себя сыном бога?

Пришедшие с назареем возмутились:

– Да никогда. Он спрашивал нас, и не раз: *За кого почитают меня люди*?

– И что же? Что говорят про него?

– Что он пророк. Но никто сыном бога не называл его... кроме вот таких. Как этот Захар. А сам Иисус, зная это, всегда говорил о себе, что он сын человеческий. Потому исцеления от него бывают с теми, кто верит в единого Бога. А иначе верили бы каждый в своё… как этот Захар.

Случившееся было неожиданным и жутким, молчание сменилось тихим обсуждением, а потом все вокруг быстро пришли в неистовство и кричали:

– А вдруг он сам одержимый и поклоняется богам? Смотрите, что он с Захаром сделал. Что это, как не бесовский дух? Вот, Захар лежит, высунув язык.

– Иисус дружит с Веельзевулом.

– Так его Захар и назвал сыном Зевса. Кто этот Зевс, как не дьявол?

– Научился колдовству у эллинов. Как бы на нас тут всех не навёл порчу.

– А сегодня ещё сказал, что мы в Бога не верим, и он пойдёт к язычникам. Про какого бога он говорил, про своего отца Зевса?

– Гоните его отсюда прочь.

Назаретяне хотели схватить Иисуса, но он с учениками уже шёл по дороге в Капернаум.

XXIII

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

В пустыне шар травы сухой
Лежал недвижно, неживой.
Его зачем-то Бог приметил
Дохнул, и вот он ликом светел,
Посланник верный и немой.
По воле неба край земной
Он должен обойти скорей.
Найдёт ли веру у людей?

Гонимый ветром много дней,
Кружу без цели, без друзей.
Волнам, не ведавшим воды,
Дарю я зыбкие следы.

Бархан причудливых узоры
Одни лишь мне ласкали взоры.
Ландшафт сменился. Между скал
Мне первым встретился шакал.

Как дорога душа живая
Среди безжизненного края!
Пытаюсь крикнуть что есть сил.
Но хитреца и след простыл.

Смотрю, лишь хвост лисы проворной
Мелькает вдоль тропинки торной.
Застыла мышка до поры
И хитро смотрит из норы.

Всё, как всегда. Поднялся ветер,
И я взбодрился, путь мой светел.
Я мчусь на новые места,
И вот прибился у креста.

Крест деревянный, надпись видно,
Резцом начертана, солидно,
И повествует, что мертвец
При жизни редкий был подлец.

Он мир оставил и семью
И жил в придуманном раю.
Ему, стирали, убирали,
Еду готовили. Едва ли

Он мог бы раньше жить так стильно,
Творить молитовку посильно
Среди хлопот мирских и дел.
Так он избрал святой удел.

Я у креста немалый срок
Провёл, как дунул ветерок.
И вот уже немало дней
По щётке скошенных полей,
Не радуясь и не скорбя,
Качусь под солнцем сентября.

Вдруг город вижу вдалеке,
Лечу к нему я налегке.
Кругом огни, снуют машины,
Дома, как горные вершины.

Увидел я игру в футбол,
Дорогу, ровную как стол,
И влип надёжно в куст самшита
Напротив точки общепита.

Невдалеке, среди рябины
Кругом развешены картины.
Художники в плетёных креслах

Обширные вместили чресла.

Сдувая пену с кружки пива,
Помятая бормочет дива:
– Что за картина, что за бред
Ночной ты вытащил на свет?
– Е-ще-ё один искусствовед.
– Так лучше я, чем твой клиент.
Ну, ладно. Что ты куришь? Кент?

Правей – две модные старушки
Грызут за чаем с мёдом сушки.
Ещё-е чуть дальше – рыжий боров
Храпит, уткнувшись рылом в ворот.
.
– Эй, друг, смотри – портрет блондинки!
Глаза как льдинки,
Зрачки как жемчуг в сто карат.
– Но на картине лишь квадрат…
Да на такую красоту
Я только мелочь наскребу.

– Что-о-о? Что-о-о? –
«малевич» чуть не в драку:
Искусство меряют дензнаком!

– Так он вещей эквивалент!
– Какой он формы? А, Клиент?
– Какая разница? Хоть круглый,
Зелёный, золотой, чугунный.

– Поверь мне, разница огромна.
Ты видел живопись без формы?
Коль для тебя так важен ценник,
Считай квадрат идеей денег.
Купюра – что? Углов квартет.
А круглых денег нынче нет.
Инфляция – наш геометр!

В ответ лишь долгое сопенье,
Скрывающее возмущенье,
И ветра сильное волненье.

Глядь, два «малевича» соседа
Едва несут тела с обеда.
Один другому шепотком:
– Бог мой! Кого пишу я лики –
Все из числа святых великих –
Мне ночью снятся голышом.
Я скоро стану алкашом!
Ты веришь, нет? Я, без обмана,

Не сплю, не выпив два стакана.

Отвечает с бородою и в наколках, баритон,
Весь в молитвенном задоре,
Словно он в церковном хоре
Продолжает петь канон:
– Окаянный человече,
Ты забрёл совсем далече.
Ты на исповедь ходил?

– Да, но больше нету сил.
Никакого в этом толку.
Помнишь, осенью в футболке
Заходил на вернисаж
Очень странный персонаж?
Убеждал, чтоб я любил
Больше свечек и кадил
Даже тех, кто в синей форме
С нас берёт сверх всякой нормы.
Обещал грехов прощенье
От бесов освобожденье.
Он, мне кажется, был прав.
Где-то, помнится мне смутно,
Я подобное читал.

С Бородою баритон
Продолжает петь канон:
– Кто такой? Гони в три шеи
Нищеброда-фарисея.
У Святой Горы подножья
Если, веря в матерь божью,
По лекалу, без теней
Пишешь образ ты прекрасный,
Можно грех любой, ужасный
Замолить, взывая к ней.
Может, к деве на Афон
Ты поедешь на поклон?

– Прям в Гоморру? Прям в Содом?
Нет уж, лучше, друг мой ситный,
Я рвану в один элитный,
Очень творческий дурдом.
Там народ хоть бесполезный,
Зато верующий и бедный,
Не стяжавший жирный куш
И не пьющий Le vin rouge.

Вдруг поднялся ветер сильный,
Бросив в землю, прямо в грязь
Образ девы сексапильной –

Её сватал старый князь.
Баритон кивнул небрежно,
Посмотрел на деву нежно,
Попросил у всех прощенья
И исчез до заговенья.

Меня ветер подхватил,
Я понёсся как Ахилл,
Перескакивал барьеры
И прибился на Ривьере.
Отдохнул там, отдышался,
Морем долго восхищался.

Но служенье правит путь.
Ветра мыслей я не знаю
И дорог не выбираю.
Наблюдая, вижу суть:
Кто как верит, чем живёт,
Правду любит или лжёт.

Я потрогал камни инков,
Был на Огненной земле.
Дети там плетут корзинки,
Чай из коки, все в дерьме.
Но народ простой, с руками

Чёрными, как их глаза.

Смотрят прямо угольками

Без лукавства и стыда.

Продают благословенье в Варанаси как морковь

Садху – жадные святые,

На десятку кривят бровь.

Шьют тибетские монахи из нарезанных кусков

Чувств и ветреных прозрений свой костюмчик выходной,

С привередливой вселенной – со сварливою женой –

Чтоб навеки попрощаться, чтобы не было оков

Из бесчисленных страданий, чтобы новая жена,

Молчаливая нирвана, была вечно им верна.

Бьют поклонники Аллаха пулей прям кяфиру в лоб.

Ка̀ди им сулит награду, непреступный, будто сноб.

Он всё слышит, Он всё знает,

Он грозит и обещает

Гурий сладких и вино –

Их в раю полным-полно.

Вербовали йеговисты

Читать «Башню», делать взносы.
Протестанты – перечислить
На онлайн-сбербанк «баблосы»
Добровольно, за прекрасный,
Очень светлый, очень ясный,
Интересный разговор.
Я нарушил уговор.

Православные в купели
Благодать продать успели,
Не смущаются? Ну что ж …
Бога наняли за грош.
Сайентологи научно
Матерьял подали скучный.
В Поднебесной – четверть мира
Проживает, но и в ней
Не нашёл я эликсира
Из бессмертника корней.

Наконец стою в пустыне:
На бархане след поныне
Как строка из писем ждёт –
Пришло время дать отчёт:
Вспоминаю всё, что видел,
Кто старушку не обидел,

Кто по совести живёт.
Таковых – наперечёт.

Минул год, и без усилий
Я бреду при полном штиле,
Сам, без ветра, как во сне,
К деревеньке на реке.

На мне ноша жизни смысла,
Как ведро на коромысле,
Давит тяжестью своею.
Я боюсь, что не успею
Донести, не расплескав
Драгоценный мой состав
До ближайшего леска,
Где под белою берёзкой
Не найдёт меня тоска.

Смою пыль слезою горькой.
И когда приду в себя,
Я прилягу светлой зорькой
И глаза свои прикрою, не жалея, не скорбя.

XXIV

ГОЛОС С НЕБА

Левий и Страхов вскоре опять сидели в кафе, пили чай. Поговорили о разном. Потом, как обычно бывало, разговор коснулся религии:

– Ты хотел раскопать источник? Как там у БГ: «Пришёл пить воду, не смог узнать её вкус? Источник забит золотой пылью?» Ну так ты давай, копай. Но не думаю, что это поможет сделать фильм. Для успеха нужна не правда, а нужны полёт, высота, скорость, ритм и песни – интерес пробуждают птицы, а не землеройки. Ну ещё шутка нужна, желательно на грани приличия. Тема успеха, ещё страсти и кровь. Да ты и сам всё знаешь.

– Дело не только в золотой пыли. Не столько даже. Я вот распробовал воду, но источник не там – этот, с вывеской, всегда забит.

– Так ты агностик или уже наполовину?

– Скорее, ещё меньше. Я почти христианин, но вне конфессий.

– Любишь ты плыть против ветра. А ветер в сторону агностицизма и язычества.

– Против ветра, против течения… Главное – быть там, где дух и жизнь. Дух жив преодоленьем. У меня даже стихотворение есть об этом. Там спор поэта с собой в чём-то похожий на наш. Не люблю, правда, читать. Но…

– Валяй. Но пощады от меня не жди.

– Ну хорошо. Вот. А нет, лучше сам прочти. Знаешь, встречался с однокурсниками и навеяло…

Левий покопался в портфеле и, достав свёрнутый вчетверо листок, протянул Страхову. Он развернул его, прищурился и стал читать:

ДИАЛОГ ПОЭТА С СОБОЙ

Поэт

К исходу лет

К исходу лет, не став мудрей,

Ищу забвенье в соре дней,
Как будто бег минут не слышен
В листве осенней, в каплях с крыши.

У духа жизнь течёт иначе.
Он тихо бродит среди снов,
На лица глядя стариков
Не узнает друзей и плачет.

Я помню каждый звук и запах,
Касанье губ, и женский смех,
И дрожь птенца в кошачьих лапах,
И послевкусие утех.

У духа жизнь течёт иначе.
Он тихо бродит среди снов,
На лица глядя стариков,
Не узнает друзей и плачет.

Я помню первое свиданье,
Нетерпеливость ожиданья
И как в столе на склоне лет
Нашёл увядший слов букет
И на премьеру два билета,
В тот день потерянные где-то.

У духа жизнь течёт иначе.

Он тихо бродит среди снов,

Не узнает друзей и плачет,

На лица глядя стариков,

К исходу лет,

К исходу лет.

– И всё? Как-то грустно… И где преодоленье? – Страхов перевернул лист и удивлённо посмотрел на Левия.

Сергей Афанасьевич достал ещё несколько и протянул Страхову:

– Это продолжение.

Внутренний голос поэта

Я знаю, что тебя страшит:

Нетвёрдая рука,

Уже не пишется строка,

И стрелка не спешит.

Кругом тоска безвре́менья,

Как снегом в зимний день,

Укрыла дней течение.

И бриться что-то лень.

И ждёшь, как вдохновения,

С утра аперитив.

И знаешь, что нет семени

В тебе с небесных нив.

Поэт

Нет, я не верю, что руками
Законом движимых портных
И формул острыми игла́ми
Скроен я из стихий земных.

Внутренний голос поэта

Так в чём же дело? Расскажи
Про пистолеты и ножи,
Про кровь, любовь и про Париж,
Дипломов Оксфорда престиж.
Нью-Йорка в небе этажи,
Где гнезда вьют себе стрижи.
Судьбы крутые виражи
Ты на бумагу положи.
От сердца ввысь протяни нить,
Воткни провод в разъём неба.
Не дай мыслям твоим сгнить,
Прикованным к клеткам тела.

Поэт

От тела к небу? Вот смешно!
А, впрочем, это всё равно.
Ничтожна мира суета,

Пусты все разговоры.
Поэт, рифмующий слова,
Презренней вора.
Язык мой – жертвенник, на нём
Горят стихи святым огнём.
Они со мной с тех самых пор,
Как с небом сердца разговор
Подслушал ум и стал поэтом.
Он слов игры не ищет где-то,
Пророчества рукой сдирает
Завесу непрошедших лет.
Как нож, стихи во тьму вонзает,
И рифмою стекает свет.
Не знает жалости он, нет!
Под пыткою его стеная,
Забвение даёт ответ.

Внутренний голос поэта

Но вот достал я из стола
Стихи, что ты писал тогда.
Прочёл. Они простые,
Наивные, смешные.

Не так, как ныне… Кем ты стал?
Ты мрачен, как ночной вокзал,

Холодный, гулкий и пустой.
Твой ум куёт во тьме ночной
железный стих, и он как плуг
Проходит чёрной бороздой
По сердцу. Он терзает слух,
Как скрип дверной,
Как демон злой.

Поэт

Но грани яркие ума,
Который как живой кристалл
Я водрузил на пьедестал,
Они красивые весьма.

Внутренний голос поэта

Ум не бывает храбрым,
Лишь сильным и коварным.
А сердце смотрит и молчит,
Оно словесный инвалид.
Отважный узник редко
К тебе стучит из клетки
Тихонько молоточком:
Точка, тире, точка.

Твоя чуткая душа

На конце карандаша
И страдала, и любила,
И смеялась, и казнила.
Раз за разом, как герой,
Смело шла в словесный бой.
В битвах выказав отвагу,
Рифмой стёрлась о бумагу.

Нет поэта! Я один!
Стану просто гражданин.

– Наброски, знаешь ли…
– Не удержался? Зацепил стихи «на злобу дня»?
– Вот, держи ещё. Продолжение, – Левий протянул листки.

Внутренний голос Поэта

Помнишь, друг, как мы с тобой
Говорили про покой?

Поэт

Да, что жизнь не длится вечность,
Что рука у нас – конечность.
Волей движется она
От яслей и до одра.

Внутренний голо Поэта

Но скажи, не скучной ли
Будет вечность без любви?
А любовь без жертв и боли,
Словно мы играем роли?
Так что, вечность или есть,
И в ней горестей не счесть,
Но и радость, и веселье,
И любовь в ней, и похмелье.
Или вечность – плод ума,
Пусть и сладостный весьма…

Поэт

Хм, на небе нет ни целей,
Ни боренья, ни служенья,
Ни иного проявленья
Бесконечного движенья.
Нет! На небе чистота.
С Богом не ведут беседы
Те, кто были непоседы,
Там блаженство, красота,
Песни света и добра
Льются с ночи до утра
И от утра да темна.

Внутренний голос Поэта

Что ты! Это ведь тюрьма!

Поэт

Но комфортная весьма.

А сомненья словно пули,

Словно плёткой по лицу.

Разве не ведут Карули

Прямо к райскому крыльцу?

Бдит монах и тянет чётки,

Я макаю в мысль перо.

Что же? Это лишь обёртки?

Где же сладкое нутро?

Созерцание бесплодно?

Или всё ж на что-то годно?

В искушениях оно

Погибает? А спасенье?

Внутренний голос Поэта

Без сомненья

Верой духу отдано.

Дух горит преодоленьем

Сил земного притяженья.

В этом с Богом суть завета!
Чтобы мысли обрели
Жизни дар и помогли
Взбить ногами пыль земли,
А не восторг в уме поэта.
Смерти одолеть предела
Не по силам, как бы смело
Ни пели бы в земных умах,
Пока сражаясь на мечах,
Одна с другой не заслужили
Бессмертия в боях,

И, покинув слёз юдоль,
Всех, презревших страх и боль,
В рай небесный от земли
Они бы взять с собой могли.
И там продолжили сраженье!

… Но прости, друг. Я, когда читал, парик с буклями не надел. Чтобы вжиться. Это для кино про мушкетёров? Каждой эпохе – свои стихи, а сейчас вообще время упадка. Ты всё о небесном, а там нет дверцы к сердцам современников, всё здесь, на земле. Зрителя интересуют современная ему жизнь, любовь, измены, политика. Присмотрись к рэпу, вот где жизнь. И послушай друга: тебе пора с облаков на землю, ты там задержался. Ещё немного, и сам станешь облаком в штанах.

– Да что нам – потакать публике? Ей не угодишь.

– Друг мой, Сергей Афанасьевич. Публика тебе, как киношнику, должна быть важна не меньше идей.

Левий был огорчён. Его удручала собственная старомодность. Между поколениями образовалась пропасть. Две враждующие страны, старая и новая, оказались внутри одной границы. И мостом между ними может быть лишь небо, которому не страшны земные пропасти и разломы.

Страхов резко сменил тему:

– Раскопал ещё что-то?

– С чего, пожалуй, начать… А! Давай с самого начала! Начнём с рыбаков. К Иисусу был голос после крещения, когда он выходил из воды: *Ты Сын Мой возлюбленный, в котором моё благоволение.* Как режиссёра, меня не устраивают церковные интерпретации этого события.

– Ух ты. В какой части?

– Сценическое действие должно быть достоверным, как учил Станиславский. Я думаю, что раз слова обращены к Иисусу, то они имели для него значение. Именно для него в первую очередь.

– Ну и что здесь неправильно понято – как ты их назвал – церковными интерпретаторами? – Страхов старался держаться позиции трезвомыслящего скептика.

– Сам подумай. Общепринято, что Иисус – бог и он всё знает без подсказок. Так?

– Так.

– Если бы Иисус был богом и сошёл с неба, этой сцены не могло быть. Рассказывать сыну, что он сын, если он об этом знает, странно как-то, согласись. А вот если он человек, которого Бог усыновил или родил, или простил, то есть принял обратно – кому как нравится, тогда… всё уместно.

– А тебе не пришло в голову, что глас был не к Иисусу, а к Иоанну Крестителю? Или к народу, – Александр любил при разговоре

ковырять вилкой стол, но, увидев лицо официанта, тут же отложил прибор.

– Наш философ Иоанн Богослов мыслил, как ты. У него всё Евангелие о том, что Иисус – бог и всё знает, а рыбаки всё напутали. Зачем, мол, Иисусу глас? У него даже есть эпизод… Когда однажды Иисус обратился к Отцу, был глас с неба в ответ. Бывшие там говорили: это ангел говорил к нему. А Иисус им ответил: Это не для меня, это для народа. Сцена – знаковая.

– Гм. Значит, по Иоанну Отец не говорил Иисусу, выходящему из Иордана, что он сын возлюбленный? Глас с неба слышал только Креститель! Только он?

– По Иоанну? Конечно. Только Креститель, только ему было прямо сказано – но раньше, до всех событий. Как там… в первой главе? – Левий включил планшет. – У меня тут две ссылки с подстрочником греческим и словарём... Ага, вот…*И свидетельствовал Иоанн, говоря: я видел духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на нём. Я не знал его; но пославший меня крестить в воде сказал мне: на кого увидишь духа сходящего и пребывающего на нём, тот есть крестящий духом святым. И я видел и засвидетельствовал, что сей есть сын Божий.*

Левий оторвался от экрана и продолжил, глядя прямо в глаза Страхову:

– Видишь, здесь, по сути, те же слова, что у рыбаков: *сей есть сын Божий*; и дальше про дух, сошедший как голубь. Только сказаны они Иоанну Крестителю, а не Иисусу. И до начала его поприща, до того, как он вышел всех крестить. Гм, да… именно Крестителю: *Пославший меня крестить в воде сказал мне…*

А как у рыбаков?

– Ни народ, ни Иоанн Креститель слов с неба не слышали, они были к Иисусу.

– Неужели? Как всё спуталось. Давай-ка подробнее...

Сергей Афанасьевич профессионально, как молодёжь за столиками, забегал пальцами по планшету:

– Так, так.. Вот оно у Марка: *И когда выходил из воды, тотчас увидел разверзающиеся небеса и духа, как голубя, сходящего на него. И глас был с небес: ты сын мой возлюбленный, в котором мое благоволение.* Иисус увидел… Всё представление – для Иисуса.

– Хм… и ещё: *ты сын,* – Страхов задумался: не «это сын мой», а «*ты сын мой»*. – Хм, логично. Представь, если бы народ такое услышал и увидел? Да они бы… Трудно представить!

– А если бы Иоанн услышал, то не посылал бы после учеников к Христу спрашивать: *Ты ли тот, который должен прийти, или ожидать нам другого?*

Сергей Афанасьевич продолжал копаться в гаджете:

– А у Матфея. Сейчас… Да, так и есть – у него всё то же, но синодальная вставка в скобочках, подсказка. *И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, – и се, отверзлись ему небеса, и увидел* [Иоанн] *духа Божия, который сходил, как голубь, и ниспускался на него.* Без этой вставки…

– Погоди, но это же… подлог. В оригинале увидел всё Иисус! Не Иоанн Креститель!

– Скажем мягче – маленькая богословская хитрость.

– Ну, синодалы, мать вашу! Ну и циники! Верить в собственную ложь? – Александр привстал из-за стола и стал качаться с пяток на носки. – Не могу сидеть, прости. Затекли ноги.

– Понимают, что текст против них, иначе б не меняли. Потому и хитрят, что видят это. А философ был честнее – он спорил открыто.

– Философ… На то он и философ! – Страхов похлопал Левия по плечу и хмыкнул. – Ну и правильно! Зачем богу глас с неба? Иоанн, по крайней мере, логичен. Слово, сущее на небесах, сказало Слову воплощённому? Само себе? Ну не-е-ет! Воплощённому Слову нужен был свидетель, пророк, чтобы прославлять Сына среди людей.

– Хе-х, рыбаки сильно бы удивились, услышав историю Иоанна. Согласен?

– Да. А знаешь? И Павел, думаю, был за нас.

– Ты о чём?

– Он псалом цитирует: К*ому ещё сказал Бог – ты сын мой, я ныне родил тебя*? Обратил внимание? Здесь тоже «ты сын» – к Христу обращение, не к Иоанну и не к народу.

Сергей Афанасьевич наморщил лоб и потёр его, словно хотел почистить пятно, скрывавшее важную мысль:

– *Я ныне родил тебя* – этим словом Бог дарует ему сыновство. Причём говорит: ныне. Да, так не скажешь, если бы сын был *рождён прежде всех век*. Это в тему.

В кафе появилась высокая дама крупных форм с массивным подбородком. Она была в красновато-розовом комбинезоне с большим вырезом спереди, почти до… Даму, очень напоминавшую известную телеведущую, сопровождал невзрачный мужчина. Они сели у окна чуть вдали и что-то бурно обсуждали. Левий и Страхов засмотрелись на неё. Она чем-то притягивала взгляд, какой-то силой. Ведьма, – подумали оба одновременно. Страхов оторвал от неё взгляд:

– Ну что же, продолжим. Здесь есть одна загадка. Почему Павел цитирует псалом, а не слово, сказанное Иисусу прямо с неба? Или он ничего не знал про этот глас с неба? Даже намёка у него нет.

Принесли чай. Конечно, это не Шаньлинси, но и Те гуанинь быстро проходил путь от чайника до писсуара, оставляя в теле ощущение свежести. Страхов ушёл.

Сергей Афанасьевич сказал вдогонку:

– Сдаётся мне, что в этом псалме – не о крещении Иисуса пророчество, а о его воскресении, о вос-кре-се-нии! И Павел понимал разницу.

Но Страхов так быстро двигался в направлении уборной, что явно не услышал.

Пока Страхов отсутствовал, Сергей Афанасьевич позвонил Маргарите. Она убегала к подруге на презентацию её книги в Библио-Глобусе и была в приподнятом настроении:

– Вот, зайчик, что тебе нужно. Ты умненький, но молчун. Хочешь, чтоб тебя услышали, – пиши. И лучше на английском. Кто в этой берлоге будет читать? Здесь спят почти круглый год. Ну всё, мне некогда. Бегу… Пока, зайчик, целую.

Страхов вернулся с готовым ответом на свой же вопрос:

– Павел писал раньше евангелистов… и не знал про голос с неба. Что такого? Он и про предательство Иуды не слышал.

– Ты о письме к коринфянам? Павел написал, что Иисус явился двенадцати, а их было уже одиннадцать. Иуда повесился.

– Да, я про это. Когда Павел встретил апостолов, вместо Иуды уже избрали Матфея. И про этот глас с неба Павел также мог не знать. Ну не рассказали ему апостолы, и что!? Эти мелочи не мешали его проповеди.

Сергей Афанасьевич порывался что-то сказать, но Страхов перебил:

– Нужна окончательная ясность: Бог родил Иисуса при крещении или когда воскресил его? Или Иисус предвечен, как считается? И ещё: когда мы все станем сынами Бога, наконец?

– Окончательная ясность? – Левий усмехнулся и посмотрел на Страхова. – Когда мне говорят про окончательную ясность, я вспоминаю один еврейский анекдот. Мюллер вызывает Штирлица: «Штурмбанфюрер, нам нужна окончательная ясность, Вы комиссар или офицер Рейха?» Штирлиц засунул руку в штаны, пощупал, подумал и говорит: «Хер-р Мюллер, окончательная ясность наступит, когда я, наконец, увижу русскую радистку. Она точно помнит, обрезан я или нет. А то я в конец запутался с такой работой». Ладно, начну с конца, то есть с нас. Все мы дети, раз называем Бога Отцом.

Трамвай протарахтел мимо и заглушил смех Страхова и слова Сергея Афанасьевича:

– сын Бога относилось к любому царю, помазаннику. К Соломону, к примеру, прилагали пророчество о сыне Божьем от семени Давида. В родословии Иисуса у Луки сказано про Адама, что он сын Божий. А ещё миротворцы будут наречены сынами Божьими – это из Нагорной

проповеди. Сколько раз в Библии Бог называл весь народ: Сын мой, первенец мой! Каждый из обрезанных, вступивших в завет с Богом, назван сыном. Правда, отступали, отрекались от Отца нередко, поклоняясь идолам, – в этом вся история еврейская.

Страхов остановил экскурс в историю:

– Ты это к тому, что сыновей Бога было много?

– Не совсем. Я о том, что евреи понимали сыновство Богу духовно, а не в смысле природы. Мы человеки, имеющие отца и мать, но притом и дети Божии. Это философы-эллины сделали Иисуса сыном по природе – так они ещё в язычестве думали о своих богах!

Страхов закашлялся, отхлебнул чай и продолжил с видом оппонента на защите диссертации:

– Хм-м, пусть так, будем считать, что про нас что-то прояснилось. Но вернёмся к псалму. Бог сказал через пророка Давида больше, чем с неба при крещении Иисуса: *Ты сын мой. Я ныне родил тебя?* Ныне – это когда?

– Всё дело в том, что это – не про крещение. Это обращение Отца к уже воскресшему Христу: *Я ныне родил тебя.* Проповедуя в антиохийской синагоге, Павел отождествил рождение Иисуса с воскресением. И ссылался на этот псалом. Вот его слова: О*бетование, данное отцам, Бог исполнил нам, детям их, воскресив Иисуса, как и во втором псалме написано: Ты Сын Мой: Я ныне родил Тебя.* И ещё он к римлянам написал, что Иисус открылся сыном Божиим через воскресение из мёртвых. Это значит, Иисус – человек и рождён Богом воскресением из мёртвых.

– Да, был бы богом, как Иоанн писал, родился бы прежде веков, а не через воскресение. Ты прав, Левий. Это пророчество, которое Иисус узнал, – но не с неба услышал, а из Писания.

– Как-то так… Первая часть – *Господь сказал мне: ты сын Мой* – исполнилась, когда он выходил из Иордана. Значит, и вторая часть: *Я ныне родил тебя* – должна исполниться. Зная это, Иисус имел надежду, идя на крест.

Страхов опять взялся за вилку и стал крутить её в пальцах.

– Всё-таки… непривычно. Почему же в символе веры поётся: «…иже *от Отца рожденна прежде всех век*»?

– Это богословие Иоанна, из которого в основном и составлен символ веры.

Александр замолчал. Левий посмотрел на задумчивого Страхова. Он вспомнил, что при большом объёме информации Страхов иногда впадал в ступор. В это время она в нём переваривалась, расползалась по сетям и потихоньку проникала в клетки мозга, как пища у удава. Страхов сидел, словно набрал в рот вина, и наслаждался, не желая глотать. Во всяком случае, он выглядел как сомелье на дегустации. Наконец ему удалось найти нужные слова и подвести итог:

– Иисус получил бессмертие, вечную жизнь от бессмертного Отца. Каков Отец, такую жизнь он даёт детям. Воскреснув во гробе, Иисус рождён небесным Отцом из праха, а не в утробе женщины от земного отца. И в отношении нас будет так же. А пока мы – в утробе мира: осознаём себя и решаем, хотим ли родиться по-настоящему. И уже знаем своего будущего Отца.

Левий посмотрел в планшет:

– Ещё нашёл у рыбаков, в подтверждение. Иисус сказал о всех, кто воскреснет, что они *суть сыны Божии, будучи сынами воскресения*. Значит, и Христос и мы… Бог рождает сынов воскресением!

Александр опять замолчал, что-то там переваривая. Левий продолжал:

– А у Иоанна рождение свыше – в крещении, от воды и духа. А рождение Христа – предвечное.

Для Левия некоторые тёмные места стали ясными по ходу беседы, его распирало, хотелось всё проговорить:

– Саша, ты слышишь? Это важно, вникни. У Иоанна главное в спасении – рождение свыше при этой жизни и вознесение духовного тела на небо по смерти. Не рождение из праха воскресением, а рождение от воды и духа при жизни. Вся беседа с Никодимом об этом. Кто родился,

тот стал сыном. Кто нет, у того отец дьявол. Точка. И тело для рождённого – лишь оболочка, которую можно бросить на земле. Место обитания рождённых свыше – не будущая вновь сотворённая земля, а небесные обители, которые уже приготовил Сын на небесах. Помнишь из Иоанна: В *доме Отца моего обителей много*?

Сергей Афанасьевич опять пристально посмотрел на Страхова. Тот сидел молча, как подмороженный гипнозом. Левий усмехнулся и произнёс грозно:

– Ты слышишь меня? *Дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него.*

– Да, да, слышу. Не кричи. Я вот думаю… Думаю я, – Страхова посмотрел на Левия, словно ничего не было. – По Иоанну, говоришь, наша оболочка, то есть тело, оставляется здесь гнить. Навсегда. Но с Иисусом не так! Его тело воскресло! Даже Иоанн с этим не спорил.

– Пробудилось во гробе, но он отдал его *за жизнь мира*. По Иоанну оно было божественным, живым хлебом с неба – оно не из праха, как наше. Поэтому никакого вознесения Христа на небо нет – Иисус не забирал тело на небо. Он оставил его как пищу.

– Интересное кино с Иоанном. У него нет рождения, крещения, воскресения и вознесения? А что с уверовавшими? Где будут их тела?

– По Иоанну? По Иоанну суд уже идёт, и оправдание на нём – рождение свыше. Новое тело рождается от воды и духа, оно духовное, не из материи. Рождённое от женщины тело – материя. Зачем брать материю с собой на небо? Там ей нет места.

Александр окончательно стряхнул задумчивость:

– Иоанн всё-таки победил рыбаков в войне за умы. Христиане в большинстве мыслят, как он. И в символе веры про Христа сказано, что он рождён прежде всех век.

– Удивительно, да? Язычники не ходили по пустыне, не изживали из себя идолопоклонство, а привились уже к святому корню. Это имеет свои недостатки…

Левию по ходу беседы всё более отчётливо виделось сочинение Иоанна Богослова эдаким Троянским конём в Новом завете. Официант подошёл подлить чаю, но Левий сам схватил чайник и стал разливать чай, одновременно продолжая говорить:

– А почему ты не вспомнил про Адама? Если воскресение – это наше рождение из праха Отцом, как же про Адама сказано, что он создан из праха?

– Из праха… И правда, как так?

– Я думаю, в данном случае из праха – значит, из материи, которая не даёт вечной жизни своим формам.

– Так что, сотворение Адама из праха – аллегория?

– Конечно! Бог назвал «прахом» живого Адама, а не мёртвого, когда изгнал его из рая. Значит, слова «*прах ты и в прах возвратишься»* — это не буквально, это про то, что он из материи. Не захотел быть выше материи, оставайся прахом – вот про что это.

Левий мог говорить ещё долго – это была одна из любимых тем. Но позвонила Маргарита. Сергей Афанасьевич прервался, а когда окончил разговор с ней, не сразу вспомнил, о чём говорил.

– Да, самое главное… Воскресение мёртвых — это будет рождением из праха уже буквально. Не как Адам рождён. Рождение не от воды и духа, а из праха Отцом.

– В этом смысле Адам назван Павлом образом будущего? В послании к римлянам, кажется.

– Думаю, да. По-настоящему из праха земного рождён только Иисус. Пока. А мы все, включая Адама, только образно. Хотя Адам – сын Божий, но тело его произошло от дикарей: кроманьонцев, неандертальцев и прочих предков. Генетику не обманешь – их ДНК отсеквенирована и сравнена с нашей. Если внимательно прочесть Книгу Бытия Библии, там именно так всё и описано – почти прямым текстом. Не поверишь, у меня с Маргаритой богословский спор об этом был.

– Ну и кому досталась победа?

– Как всегда – победителю.

– Ха-ха, значит, Маргарите, – Страхов опять хлопнул друга по плечу.

– Плечо уже ноет от твоей дружбы. Лапа у тебя… Как ты ею кисти держишь?

– Не сбивай с мысли, дай сказать. Если Иисус не предвечен, а избран из нас, почему именно его избрал Бог? Было за что?

– Потому что Отец возлюбил его более других. Бог смотрит не как люди, а в сердце – как о Давиде сказано. И через него Бог задумал совершить свою благую волю.

– Согласен. Возлюбил Иисуса и избрал… Почему бы и нет? Бог один ведает. А в чём благая воля?

– Нет сомнений, воскресение Христа — это главное, что случилось в мире за все века. Это благая воля Отца – отменить смерть.

– Пожалуй. Если всё так, то Иисус не предвечен, как считается… как повелось от Иоанна. Ещё бы… ещё бы что-то... А что об этом у пророков? – Страхов почесал затылок.

– Матфей цитирует Исайю: *Се, Отрок Мой, Которого Я избрал, Возлюбленный Мой, Которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на Него*. Иисус был избран из нас, из людей. Он не сошёл с неба. Ещё…

Страхов и сам вспомнил:

– Ещё есть пророчество Моисея о том же, что Бог изберёт из среды народа пророка, подобного Моисею. То есть такого, который заключит завет с Богом. Апостолы на это пророчество указывали, говоря о Христе.

– Ну-у, ещё есть сомнения?

– Да нет, пожалуй… Но за века скопились тонны размышлений богословов. Истинный бог и истинный человек, соединение природ,

не слитное и не раздельное, ла-ла. Но, по сути, это возрождение эллинских мифов о воплощении богов. Так ведь?

– Потри любого богослова, и откроется язычник.

Сергей Афанасьевич посмотрел по сторонам. За соседним столиком сидела миловидная девица с косой и что-то печатала на ноутбуке. Она подняла глаза и улыбнулась Левию. Ему показалось, что она всё внимательно слушала. Да нет, что за чёрт, – подумал Левий. – Мы такую скукотищу развели, это не для девиц.

Страхов молча переводил глаза с Левия на девицу и обратно. Сделав вид, что не увидел ничего занятного, он тихо спросил Левия:

– Это твоя знакомая? Нет? Ну ладно… – потом обычным голосом: – Итак, Иисус был рождён, воскрешён, сотворён заново ещё до сотворения новой земли и пока пребывает на небе. Он – *первенец всякой твар*и, как написал Павел к колосянам. Всё, и земля, и мы, все мы будем рождены заново в последний день. А он – уже.

– Пётр так и проповедовал: Иисуса *небо должно было принять до времён совершения всего, что говорил Бог устами всех святых Своих пророков от века.* Его пребывание на небе – временное. А по Иоанну – вечное. По Иоанну сын всегда был там и всегда будет: *Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах.*

– Да, сущий на небесах… У рыбаков Иисус так говорил только об Отце: *Отче наш, сущий на небесах*. А здесь – о себе...

– Кстати, не задумывался, в чём смысл крещения, если оно не даёт рождения свыше, как у Иоанна?

Александр почесал затылок, словно хотел так открыть спрятанную в шевелюре шкатулку с ответами. Сколько вопросов, кажется, имевших очевидные ответы? А теперь вот ищи ответы заново.

– Было бы просто – окунулся и спасён. Нет. Крещение – это знак завета, а не мистерия. Это взаимные обещания.

Александр кивнул. Левий продолжал:

– Бог обещает тебе воскресение. А ты веришь его обещанию и в любом деле слушаешь свою совесть.

– По Иоанну наоборот, крещение важнее воскресения.

– Да, воскресение – вторично, если он вообще понимал его, как мы. Главное в его концепции спасения – родиться от воды и духа. Родился – спасён, фактически воскрес. Значит, крещение по Иоанну – не знак завета, а таинство, в котором рождаются поверившие в Иисуса, как бога.

– Угу, согласен. Крещение в воде для Иоанна – фундаментальная вещь!

Девушка за соседним столиком расплатилась и стала собираться. Перед уходом улыбнулась и, слегка склонившись над друзьями, тихонько сказала:

– Было интересно вас послушать. Спасибо.

Страхов вскочил и протянул руку. Он был одновременно импульсивен и галантен. Левий тоже кивнул и поблагодарил незнакомку. Девушка ушла. Разговор сразу продолжился, словно и не прерывался. Страхов вздохнул:

– Да уж, не прост наш философ. Красиво выражается иной раз. Вот его концепция рождения свыше: *не мерою даёт Бог духа*. Ёмко сказано! Это сродни дважды рождённым из Махабхараты. А в Библии дар духа – это обретение человеком смысла и цели, и служения Богу. Каждому в свою меру.

– Ещё Адам получил дух и возделывал сад. И на пророков сходил дух для служения. Задолго до Христа, кстати. И о Христе сказано: *Бог духом святым и силою помазал Иисуса из Назарета, и он ходил, благотворя и исцеляя всех,* – как-то так, по памяти. Иоанн всех запутал, придумав рождение от воды и духа. Теперь христиане верят, будто получают дух как-то по-особенному, навсегда. Потому, мол, что рождаются при крещении. А Бог просто излил дух на всякую плоть – как и обещал через пророков.

Пора было закругляться. Счёт был оплачен, и официант нервно поглядывал на папочку со сдачей. Александр встал из-за стола.

– Всё, что мы наговорили с тобой, – это страшная ересь.

– Не бойся, – Левий похлопал друга по плечу и засмеялся. – Инквизиция повержена. Теперь они в основном финансисты, а не богословы.

Левий долил остатки чая в чашку. Он откинулся на спинку стула, раздался треск. Но стул устоял:

– Да, да, пора уходить, пока с нас за мебель не взяли.

На выходе из кафе Александр остановился. Он искал ещё что-то, какую-то занозу внутри, мешавшую принять всё сказанное:

– Воскресение равно новому рождению… Красиво и так похоже на правду! Но знаешь, современному человеку скучно слышать про новую землю. Он хочет жить после смерти на небесах. В параллельной вселенной, где нет материи. Разве можно верить в скучное?

– Скучное? Но Павел говорил: *Не Ангелам Бог покорил будущую вселенную, о которой говорим*. Вселенная – это обитаемый мир. И в Откровении сказано, что мы *будем царствовать на земле*. Да и много ещё где. Конечно, кроме Иоанна, который принёс из язычества идею о рае где-то на небесах.

– Да, ты прав. Так учил Павел, и вообще… Но земля наскучила. В новой жизни хочется совершенно иного.

Хостес на выходе странно посмотрела на них.

– Это и будет нечто иное, чего сейчас не представить. Не в смысле садов и райских яблочек. А как Павел писал: Н*е видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его*.

Страхов махнул рукой:

– Ладно, об этом в другой раз. И так уже моя сингулярность близка к большому взрыву.

Вышли из кафе. На улице начался дождь. До метро бежали без зонтов. Было весело, как в молодости.

Глава 15

Любимый ученик. Поликарп

Прохор почти всю ночь не смыкал глаз. Всё думал о старце и его Евангелии. Его мучило новое учение о Логосе, которого не было в Писании. Под утро Прохор решил, что будет держаться благовестия старца, сколько сможет. Трудно было мыслить Иисуса разом как человека и бога, но как иначе верить и старцу, и апостолам? Прохор молился со слезами, чтобы Бог помог ему. Заснул засветло. Проснулся он от стука в дверь. Приходила Елена. Когда ушла, тут же позвал старец:

– Прохор, что приносила Елена? Я слышал её голос.

– Она принесла письмо из Сардиса. Говорит, проходили оттуда трое странников к причалу. Направляются в Фесалонники по поручению своего старосты – просить помощи у тамошних в связи с постигшим их бедствием. У них сгорело полгорода. А в Фесалонниках предстоятель родом из Сардиса.

– И что же, ближе не нашли, кто бы явил милосердие?

– Как будто нашли, но не хватило. Уж больно страшный был пожар. А в Фесалонниках община христианская побогаче.

– И что пишут? Садись, читай.

Прохор начал читать слегка нараспев, как всегда, когда чтение касалось Бога и Христа:

– Старец Иоанн, радуйся. Благословит тебя Бог. Нас постигло бедствие, редкое по тяжести. Но мы не унываем. Надеемся на помощь Бога и братьев во Христе. А тебе пишем, чтобы получить от тебя вразумление вот по какому вопросу. От апостолов получили мы учение, что вера в Бога спасает. И что Иисус Христос умер и был воскрешён Богом, *чтобы мы имели веру и упование на Бога*. На нём исполнилось пророчество Моисея, что Бог воздвигнет из братьев пророка, подобного самому

Моисею, который заключит с Богом новый завет. Крестясь во имя Иисуса, мы признаём его посредником между Богом и нами, как древний Израиль Моисея, и присоединяемся к его завету, который заключён в крови его, то есть через жертву на кресте. И этот союз обещает нам не просто помощь Бога в земных делах, а жизнь вечную. Мы же обещаем Богу добрую совесть. По нашему учению Христос родился от семени человеческого, из рода Давида, как и предречено о нём пророками, и по всему был человеком. Но Бог сделал его *совершенным через страдание*, как о том писал Павел, и поставил его над всем творением своим, главою над всем, *дабы всё небесное и земное соединить* под его властью. Так что и ангелы поклонятся ему, когда Бог введёт его в новую вселенную, которую сотворит, – это из послания Павла к евреям. К нам же пришли некоторые с учением, которое мы не знали. Но они смутили многих, и мы не находим слов истины, сильных против их лжи. А они учат, что Христос по природе высший из ангелов, принявший только плоть человека от матери. Но если он ангел, то не мог и умереть на кресте! Мы же как можем подражать ему, и как можем уповать на Бога, который бесплотному ангелу дал новые одежды, если мы сами смертные и умираем со смертью плоти? Из Евангелий знаем, что это ложь. Но эти лжесловесники убедительны для многих из наших своей человеческой мудростью и красивым слогом. Просим тебя, отец, написать нам так, чтобы мы закрыли уста этим язычникам живым и сильным словом, которым, как мы слышали, ты силён на врагов веры.

– Что скажешь, Прохор? Что мы им ответим?

– Ответим, что воплотился не ангел, а само Слово, и что Слово было богом?

Старец пристально посмотрел на Прохора. Надо же, он сегодня покладист, словно забыл рыбацкие басни. Это странно... Но старец остался доволен видом ученика, тот явно не лукавил.

– Нет, дитя моё. Разве они примут наши слова? Это книжники – всё их письмо из цитат. Они набрали их из евангельских писаний и посланий апостолов. Ты разве не понял? Если объявить, что Христос не просто

человек и даже не воплощённый ангел, как говорят их противники, но сам бог воплотившийся, то они и меня запишут в еретики.

– Но старче, Вы же можете прямо написать, что Вам было откровение свыше и что сам ангел небесный вам это открыл в ночном видении, как и должно быть с пророчеством.

– Догадываешься, что они нам ответят? Нет? У тебя пробелы в учении, дитя моё. Нужно чаще читать, а ты больше любишь бегать в Эфес, к кожевнику Александру. Что там привлекло тебя? Его дочери? Да, они красивы, но ты не смей на них засматриваться, иначе забросишь учение. А нам с тобой ещё большое дело нужно сделать. Вот тебе ещё послушание – перечитать послание к Галатам.

– Вспомнил, старче: …*но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема*.

– Вот, ты сам понял. Нам нужно быть мудрыми, как змеи. Мы напишем, что у нас есть благая весть от апостола Иоанна. И что ему было открыто больше, чем другим ученикам, потому что он был любимый ученик.

– Но разве поверят, отче? Уже давно никого не осталось из апостолов и из тех, кто был с ними. Где, скажут, хранились его писания и как нашлись, так что никто их не видел? И ещё, старче, разве он был любимым? Господь одинаково выделял троих, которых призвал первыми.

– Ну, а среди них мог выделить Иоанна. Кто это знает? А мы напишем так для пользы благого дела. Плохо только, что пишем мы с тобой отрывками, никак в одно не сведём. Я и запутался уже. Чем мы закончили с тобой наше Евангелие?

– Сейчас посмотрю. А, вот. Про Фому Вы начали было диктовать, что он не поверил в воскресение. Но мы тогда отставили, а Вы сказали, что после… что после допишем.

– Ну вот и хорошо. Мы напишем, как Иисус после воскресения явился апостолам на море.

Старец долго диктовал, как явился Господь ученикам на море Тивериадском, так что устал и попросил тёплой воды. Отпив, он безмолвно сидел несколько минут и потом торжественно продиктовал:

Пётр же, обратившись, видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус и который на вечери, приклонившись к груди Его, сказал: Господи! кто предаст Тебя? Его увидев, Пётр говорит Иисусу: Господи! А он что? Иисус говорит ему: Если я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе? Ты иди за мною. И пронеслось это слово между братиями, что ученик тот не умрёт. Но Иисус не сказал ему, что не умрёт, но: если я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе [до того]? Сей ученик и свидетельствует о сём, и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его.

– Кто может быть авторитетнее любимого ученика? – продолжал старец. – А он мог прожить долее всех. А сколько? Кто ж знает? Говорили, что он погиб с братом от рук Ирода, но то были слухи. Мы не много погрешим против истины, если несколько прибавим к его жизни лет, хорошенько домыслив, как оно могло быть на самом деле.

– Так, старче, и записать он мог всё позже других. Но как его Евангелие попало бы к нам?

– Из Антиохии не могли принести? А им из Тивериады?

– Да, могли. А вот море – оно разве Тивериадское, где Господь встретил учеников?

– Ты сам слышал, что приходящие оттуда торговцы называют его так. Там в основном иудеи живут, в Тивериаде. Так что не сомневайся. Апостолы были рыбаками и по неграмотности называли море просто Галилейским. Кто там зовёт?

Прохор вышел и вернулся с молодым белокурым мальчиком лет тринадцати.

– Старче, это Поликарп из Смирны. Он желает учиться у старца Иоанна, то есть у Вас, старче.

– Ну пусть пока пойдёт в сад, соберёт упавшие смоквы и разложит – это ему первое послушание для смирения. Посмотрим, как справится. А так будешь ему зачитывать наши записи, чтобы нам не отвлекаться.

Прохор отвёл юношу и вскоре вернулся.

– А он почитает Вас за одного из двенадцати, за Иоанна. Так я не стал его отговаривать. Уверяет, многие в Смирне так считают. Ещё он рассказал мне, что и Мария, мать Иисуса, была с Вами здесь.

– А-а, это они про вдову из Кипра, которую я погребал здесь так давно, что уже и не упомню. Ты ещё не родился. Святая праведница была, по истине говорю. Но раз такое сложилось предание, мы не будем их разочаровывать и упомянём в Евангелии, что Иоанн принял Марию к себе в дом прямо у креста. Примирим Христа с матерью, как оно и должно было быть. Рыбаки называют её просто Мария, мать Иакова меньшего и Иосии, не упоминая Христа в числе её сыновей. Помнишь ли, Прохор, братьев Христа по именам?

– Конечно, старче: Симон, Иуда, Иаков и Иосия.

– Да, верно. Симон и Иуда были постарше и однажды пошли как взрослые за Христом, а не за матерью.

– Я думаю, это после того случая, когда он не допустил их к себе. Они тогда пришли в Капернаум с матерью забирать его домой, как вышедшего из ума. Старшие могли остаться, а Иосия и Иаков были младшие и вернулись с ней в Назарет.

– А ты всё никак от рыбацких историй не поднимешься к высокому богословию. Сколько говорить, что Иисус не проповедовал сколь-нибудь долго в языческой Галилее и Капернауме? Ну да что с тобой сделаешь? Если Бог не откроет, так и пребудешь во тьме. Если уж ты единомыслен с рыбаками, то скажи-ка мне, кого в их писаниях Иисус назвал своими братьями, и сёстрами, и матерью?

– Тех, кто слушают слово Отца.

– Так-то. А мать по их писаниям его не слишком слушала поначалу – больше слушала фарисеев. Даже чести пророка он не имел в доме своём, среди сродников! А когда она смирилась и приняла его, то

ходила наравне с остальными, и Господь не выделял её из женщин. Так они про мать Христа нам записали. Ты согласен с ними?

– Старче, а мы писали с Вами про чудо с вином в Кане. Мать как будто верила, что Иисус может дать вино, когда оно закончилось. По-Вашему, получается, она знала об Иисусе, кем он был? А апостолы написали так, словно она не знала и не верила даже, что он пророк?

Старец задумался. А ведь действительно, если хоть доля правды в этих историях, записанных рыбаками? Господи, как всё засорилось мифами и преданиями человеческими! Нужно всё описать заново да духовно, чтобы мысль обжигалась, прикасаясь к слову о Христе, и не смела сомневаться и что-то менять. Вслух он сказал:

– Быть мудрыми, как змеи… Ох, часто не хватает нам этой мудрости. Вот что, Прохор. Этот Поликарп – смышлёный парень? Грамоте научен?

– Нет. И драчун изрядный.

– Ну, это неплохо. Будем читать ему наши записи, научишь его грамоте, пусть тоже записывает. После смерти моей и саму рукопись ему отдашь. Смирнские, думаю, примут Евангелие от Иоанна скорее этих, из Сардиса.

XXV

ИСКУШЕНИЕ НАЗОРЕЯ

Наступил какой-то очередной православный пост, Маргарита постелила мужу на диване в его комнате, и Сергей Афанасьевич спал отдельно. Он обратил внимание, что при общем падении интереса к вере соблюдение церковных правил приобрело массовый характер.

Спустя неделю Маргарита зашла в халатике с закрученными в полотенце волосами. Только из ванны, раскрасневшаяся и с каплями воды на шее, она была чертовски красива.

– Маргарита, а ты задумывалась, что у всего человечества роятся те же мысли, что и у отдельного человека?

Маргарита улыбнулась и присела на диван:

– Ты, как соловей, хочешь увлечь меня коленцами?

– Да нет, Марочка, что ты. Подумалось вот, что мысли человечества распределены между головами. И у нас с тобой так. Нам с тобой нужно дублировать память и мысли.

– Ну хорошо, дублируй...

– Да это так, мимолётно. Но всё же… Подумай, долгосрочная память всё больше вынесена за пределы индивидуального ума и хранится во внешних носителях. Обычно – огромной ёмкости. Раньше это были только книги, которые писались немногими и редко, – Сергей Афанасьевич откинулся на спинку дивана. – Мысли, как камешки, находятся сами по себе вне нас, мы их берём из рассказов, из книг и обрабатываем, шлифуем, потом возвращаем в книги или передаём устно. Шлифование мыслей – это наш общий труд, общая пища.

– Пища? Интересно… да, пища… – Маргарита задумалась.

– Мы эту пищу растим, собираем, храним, готовим. Каким-то образом рацион меняется со временем. Человечество съело, истёрло идею о Спасителе, приправив её языческим соусом, и больше не хочет к ней возвращаться. Пришли времена, о которых сказано: *Но Сын человеческий, придя, найдёт ли веру на земле?*

– Разговор ты под пост хороший нашёл…

Маргарита встала и пошла к двери. Перед дверью она слегка обернулась и подмигнула, помахала пальчиками и вышла.

Прошло несколько дней после встречи Сергея Афанасьевича с Александром, и они опять сидели в том же кафе.

– Я всё больше уверен, что мы с тобой динозавры. Пора вымирать.

– Да-а… Вот Маргарита тоже…

– А-а, это... Женщины – особые существа. Их мотивы чаще всего скрыты и нам неизвестны. Я думаю, если бы они были другим видом, то точно бы выжили. А мы бы вымерли.

– Ты прав, да…

Левий сидел и грустно смотрел на проезжающий трамвай. Помолчали. Через пару реплик разговор зацепился за любимую тему, ещё немного, и друзья оживились, прошло ещё минут пять, и могло показаться со стороны, что обсуждается футбольный матч с параллельным сурдопереводом.

– После крещения Иисус отведён был духом в пустыню, где искушался сатаною. Искушение было неизбежно после гласа с неба! Сценически всё безупречно. Представляю, что было бы со мной, услышь я: *Ты сын мой! Я ныне родил тебя!* – Последнее Александр произнёс довольно громко и пристав со стула.

– Тише, Саша, тише. Мы не одни.

– А ты бы не подумал спустя день или два: а вдруг это был глюк, как у нас говорят? Поневоле сбежишь в пустыню… подумать, как следует.

–…Тем более, что он помнил продолжение… во втором псалме: *проси у Меня, и дам народы в наследие тебе и пределы земли во владение тебе*. Искушение: просить или не просить? Власть над миром…

– Иисус знал о пророчестве. Из Писания знал. И ученикам толковал потом. И мы знаем теперь, что власть над народами – это после воскресения, даже после второго пришествия. Но знал ли он, когда оно сбудется, будучи искушаем в пустыне? Нет, думаю, нет. Иначе бы не искушался. Раз тебя назвал Бог сыном, значит, тебе обещана власть. «Воспользуйся, возьми», – сатана это говорит или внутренний голос, это одно и то же в данном случае. Он искушал Иисуса.

Неожиданно пошёл дождь и пришлось бегом перебираться внутрь. Левий, прикрыв голову портфелем и передвигаясь между столиками, как на слаломе, продолжал:

– В истории рыбаков о Христе искушение в пустыне – почти логически неизбежно. Так же как оно невозможно у Иоанна.

Сели. Страхов прижал мокрую рубашку к груди ладонями, и она смешно прилипла двумя крупными пятернями.

– Как думаешь, он сам себе задавал вопросы или дух искуситель?

– Да нет разницы. В любом случае, это не Воланд во фраке. И мы с тобой уже говорили о духах…

– Я помню, помню. Потом целый день пил чай. Выводил из крови ацетальдегид. А насчёт дьявола… Сам знаешь, традиция считает бесов реальными, но бесплотными. Я, можно сказать, бывал в подобных ситуациях, когда… От поста и молитвы сознание меняется иногда так, словно это сон наяву; и внутренние вопросы для отшельника звучат так реально, словно их задаёт кто-то извне. Иногда даже видишь, кто задаёт. Впрочем… ладно, – Александр махнул рукой. Ему хотелось привести пример из своих «приключений», но он удержался.

– Хочешь философский анекдот про «реальность»?

– Давай.

– Школьник Волька решил проверить, Хоттабыч во сне тоже настоящий или нет. Заснул и говорит Хоттабычу: «Докажи, что ты настоящий». Хоттабыч показывает на пять рублей на тумбочке: «Твои?» Волька отвечает: «Да, мои». Хоттабыч ему: «Когда засыпал, клал их сюда?» Волька: «Ну, конечно». Тогда Хоттабыч берёт пятёрку, кладёт в карман и говорит: «Если проснёшься и её не будет, значит, я и во сне настоящий». Волька проснулся – пятёрки нет. «Ух ты, – думает. – Вот это да! Хоттабыч у меня – трансцендентный джин». Радовался, места себе не находил. Потом вспомнил про пятёрку: «Ну всё, трансцендентность Хоттабыча доказал. Нужно заснуть и сказать, чтоб пятёрку вернул». Заснул, говорит Хоттабычу: «Верни пятёрку». А Хоттабыч хитро усмехнулся так и говорит: «Теперь тебе нужно проверить имманентность пятёрки. Если проснёшься и она на тумбочке, значит, всё в порядке. Бери и пользуйся. А если её нет, не взыщи. Значит, и она трансцендентная».

– Ха, хитёр Хоттабыч. Или… А ты что ж, анекдоты стал собирать? – Страхов почесал затылок. – Так я и не понял, дьявол реален?

– Я не думаю, что перед Иисусом стоял дьявол, как реальное существо. Скорее, Иисус слышал внутренний вопрос. Наш рассудок – уже сам по

себе дьявол.

– И то верно! Иисус как-то ответил Петру, когда тот искушал его: *отойди от меня, сатана.* То же, что дьяволу в пустыне.

– Да, рассудку сказано… В данном случае, Петра. *Потому что думал не о том, что Божие, но что человеческое.* Мысль, с которой борешься, – это соблазн. А если борешься, то борешься с кем-то. Вот этот кто-то, аллегория он или нет, и есть сатана.

– Так искушение Иисуса было, как у всех… как у нас бывает? – В голосе Страхова угадывалось сомнение. У него после бесед с Левием какая-то внутренняя мозговая пружина всегда возвращалась к началу. И её приходилось каждый раз опять настраивать, чтобы мыслить по-рыбацки. – Впрочем, что я спрашиваю? Павел назвал его *«единственный посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус»*.

Помолчали. Сергей Афанасьевич достал уже исписанную бумажку, почеркал, что-то написал поверх. Достал вторую бумагу, переписал на неё и опять что-то почеркал. Наконец отвлёкся от бумаги, и Страхов спросил:

– Слушай, а как ты пришёл к этому? Ну-у, я про Иоанна…

– Раньше я как всё думал, что Иисус пришёл рассказать о себе, что он бог, и кто верит в него, спасётся. Но однажды мне пришла мысль взглянуть на четыре Евангелия по отдельности, сравнивая их, и я увидел, что на все почти есть два взгляда: Иоанна и остальных евангелистов. Потом сравнил идеи Иоанна со всеми посланиями, с Деяниями… Если верить рыбакам, то Христос – человек, которого возлюбил Отец, воскресил его после смерти и вознёс над всем творением, посадил рядом с Собой, то есть сделал по статусу почти равным Себе. Как в Деяниях сказано: *Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса*. А про богословие Иоанна ты знаешь, вернее, все знают.

Сергей Афанасьевич опять развернул листки, что-то дописал.

– Хватит писать уже. Что ты там всё пишешь?

– Да так, пустяки, потом покажу. Короче, если забыть всякое богословие, а просто прочитать три Евангелия, что увидим? После пустыни Иисус немедля пошёл в Галилею и начал там проповедовать, повторяя в точности слова Крестителя: *покайтесь, ибо приблизилось Царство небесное*. Он объявлял, что послан проповедовать Царство Божие. В проповедях же рассказывал об Отце и о Царстве; как правильно жить, чтобы в него войти; на что оно похоже, и ничего – о своём божестве, о том, что он с неба, ничего того, что было главным в проповеди Иисуса по версии евангелиста Иоанна. О себе он вообще говорил мало, только о будущем страдании, смерти и воскресении. Нагорная проповедь, учение о Царстве, духовное понимание закона – это в самом деле удивляло и привлекало народ. Он творил чудеса, но не объявлял себя богом и даже мессией или царём. Его все считали пророком, и это было правдой, и он не отрекался. Так и сказал о себе: *Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своём и у сродников, и в доме своём*. Когда Пётр исповедал его Христом, которого все ждали и о котором говорили пророки, Иисус подтвердил. Христос, помазанный Богом на царство сын Давидов из колена Иуды, – это для всех и есть «сын Божий». И когда первосвященник спросил, Иисус и ему подтвердил, что он Христос и сын Божий. Такова фабула. Так, я ничего не напутал?

– По фактам ничего.

– А теперь о философском трактате Иоанна Богослова. По Иоанну главное, что проповедовал Христос, это своё божество и веру в себя, как единственный путь спасения и, по сути, в нового бога: он Слово, которое было у Бога и которое само бог; он свет, через который мир сотворён; он сошёл с небес и даёт жизнь миру; он источник воды, текущей в жизнь вечную; он воскресение и жизнь; он хлеб живый; он сущий на небесах. Рождённый от воды и духа и верующий в Сына, евший его сошедшее с небес духовное тело, – не судится, не погибнет, имеет жизнь вечную, будет воскрешён его гласом в последний день. Учение о новом боге, как водится, должно быть легитимировано старым богом: *Моё учение не моё, но Пославшего меня*.

Страхов едва успел вставить реплику:

– Ещё замечу, у Иоанна Христос говорил: *я и Отец одно*.

– Да, легитимация очень важна. Если бы не эта фраза, Евангелие от Иоанна было бы эпосом о схождении в мир очередного эллинского бога типа сына Зевса или, там, Кроноса.

– Но почему Иоанну поверили? Ведь есть ещё три Евангелия и послания апостолов.

– М-м… Он гений. Очень образно писал. Его онтология на самом деле была великолепным учением древности, роскошным, хорошо проработанным и одетым в музыку, гимны, ритуалы, мифы, богословие и философию. Это древнеегипетское учение, оно легко принималось язычниками. Иоанн взял евангельские персонажи и ключевые события, а смыслы и понимание – от Филона. Филон к тому времени много лет занимался синкретизмом, соединяя иудаизм с древними учениями востока, по сути – с язычеством. Иоанн – его достойный ученик. У него события и речи так изменены, что смысл благой вести стал противоположным. Но это не сразу увидишь.

– Давай на фактах.

– Иоанн Креститель. Иоанну Богослову пришлось полностью изменить роль Крестителя.

Алекандр заглянул в листки, в которые время от времени что-то писал Левий. Там было начёркано – ничего не разобрать, но было похоже на стихи. Сергей Афанасьевич отложил бумажки с каракулями в сторону:

– Чтобы поверили, что *Слово стало плотью и обитало с нами*, это должен провозгласить пророк. Так? Философ выбрал самого авторитетного и вложил это ему в уста. И ещё продлил его служение.

– Продлил? Иоанн крестил и проповедовал в Иудее, где была власть прокуратора. К нему пришёл креститься Иисус из Назарета и сразу ушёл в пустыню. В это время Иоанна схватили. Так?

– Всё так, Саш, но только у рыбаков. Ты не помнишь? У философа всё иначе. Креститель стал у него главным свидетелем «божества» Иисуса и продолжал свидетельствовать, и крестил народ одновременно с Иисусом в Иудее.

– Не помню, чтобы Иисус крестил…

– Иисус, конечно, не крестил, это только у философа. Для него крещение – ты же помнишь – важнее воскресения.

– Да-да, – Страхов почесал затылок. – Продолжай.

– Ещё Иоанн Креститель якобы имел в учениках Иоанна и Андрея, ставших позднее апостолами, и якобы донёс до них главное, суть благой вести: бог вочеловечился, чтобы человек обожился. Андрей услышал от Иоанна и благовествовал о Христе брату Петру. Так весть о Христе пришла в мир через Иоанна Крестителя.

– На самом деле, Иаков с Иоанном и Андрей с Петром были призваны Иисусом на море Галилейском, где они рыбачили, и Пётр назвал Иисуса Христом много позже, на пути в Кесарию Филиппову. И ему открыл это Бог, а не Андрей. И до Петра никто не догадывался, что Иисус и есть мессия, – он был первый. Хм… Я как-то начал уже в голове разделять Иоанна от других. Мне рыбацкая история ближе по духу.

Сергей Афанасьевич опять достал бумажку и что-то вычеркнул, покусал карандаш и дописал несколько слов. Александр возмутился:

– Слушай, Левий, я как в лектории. Откладывай свои бумажки, давай говорить. Иначе я буду с тобой переписываться. Про сдвиг сроков у Иоанна – да, ты прав. Чтобы так много сказать о Христе, нужно много времени. Философ придумал, что Иисус и Иоанн ходили по Иудее одновременно, чтобы пророк мог указывать на Иисуса и говорить: *Ему должно расти, а мне умаляться*.

– Ещё важно: Иоанн крестил в покаяние. А у философа даже слова такого нет во всём Евангелии. Он для того крестил, чтобы Сын «был явлен Израилю». По Иоанну не покаяние, а вера в Сына даёт рождение от воды и духа: *А тем, которые приняли его, верующим в имя его, дал власть быть детьми Божиими.* Извини, если что… – это по памяти. Соответственно, Христа он не крестил.

– Угу. Ясно, что Иоанн не крестил Слово. Зачем Слову покаяние или рождение свыше, если оно само оттуда? – Страхов показал пальцем в небо! – О крещении Иисуса в Евангелии Иоанна нет ни слова! Всё как-

то бочком-бочком. Прямо не противоречит рыбакам, но ни разу не дал и намёка, что Иисус крестился. Какой талантище! Но крещение было, как бы философ ни старался его убрать! И это в пользу того, что Иисус обычный, ну-у, не совсем обычный… точнее, совсем необычный, но – человек.

Левий кивнул:

– Теперь главное. В чём суть служение Иоанна? *Он пришёл для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него.* Для философа Креститель – его рупор. Он его устами изложил свою доктрину. Давай я тебе зачитаю.

Сергей Афанасьевич достал планшет и долго зачитывал всё, что философ вложил в уста пророка. Креститель свидетельствовал о свете истинном, через который был создан мир, о слове воплотившемся, агнце Божием, который берёт на себя грехи мира, о сошедшем с небес сыне человеческом, сущем на небесах. Верующие в него имеют жизнь вечную, а не верующие не увидят жизни. Затем он подвёл итог:

– Всё богословие официальной церкви, по сути, стоит на фундаменте свидетельства Иоанна Крестителя. А в реальности? В реальности Иоанн один раз видел Иисуса – когда крестил его. Но и тогда не знал, что Иисус и есть мессия. Потом он посылал учеников справляться об Иисусе, не Христос ли он, но вскоре был убит.

– Если не знал, зачем тогда он *удерживал его, говоря: мне надобно креститься от тебя*. Это – из рыбаков, не от философа.

– Советую тебе почитать трактат Назир из Талмуда. Но сначала, конечно, книгу Чисел из Библии.

– Я не еврей, у меня нет Талмуда. А ты в синагогу начал ходить?

Сергей Афанасьевич не отреагировал.

– Ну хорошо. И что же следует из этого трактата?

– Не только из него. Важны всякие там таргумы, да и в целом раввинская традиция толкования. Но не потому, что они просвещены

свыше. Нет. Они не больше мудрецы, чем мы. Но хорошо бы знать традицию и учитывать её при чтении текстов.

– Ок.

– Короче. Иисуса назореем называли не только ученики, но и законники, и враги, значит, он в самом деле был назорей. Закону о назорействе целая глава в Писании посвящена, и законники никогда бы не называли человека назореем по созвучию с местом рождения, например, Назаретом, как написано у Матфея.

– Да, вряд ли дождёшься от военных приветствия «товарищ генерал-майор» за одну фамилию Генералов.

– Тем более, что на арамейском и еврейском этого созвучия нет. Назорейство – это особое служение, это служение царственного священства. Назорей, или назир – в переводе: посвящённый Богу. По статусу у евреев они приравнены к первосвященнику. В общем, я уверен, что у Матфея объяснение имени Иисус Назорей – вставка.

– А как назорейство возникло? Что-то я не припоминаю. Знаю только, что первых христиан называли назорейской ересью.

– Бог хотел заключить с евреями великий завет: будете у меня *царственным священством и народом святым*; и ещё по завету обещал дать им уши, чтобы слышать, глаза, чтобы видеть, и сердце – разуметь. Так Бог говорил через Моисея в земле Моавитской, перед входом евреев в Палестину. И пророки обещали, что настанет время этого завета. И Иисус назорей, когда проповедовал царство Божие, вслед за пророками укорял народ словами: ожесточилось сердце у народа, так что ушами слушают и не слышат, глазами смотрят и не видят. То есть он говорил, что никак не хотят принять этот завет. И призывал: имеющий уши да слышит. Это, как сказано, второй завет, кроме того, что Господь поставил с евреями на Хориве. Короче, всё вокруг этого истинного завета крутилось всю историю еврейскую.

– Хм, знаешь, а сейчас многие не понимают, почему Иисус говорил про уши и глаза, – по лицу было видно, что Страхов и сам это узнал только что. – Так почему завет не состоялся?

– Когда они поклонились тельцу на Синае, Бог отложил этот завет и отдал их служению ангелов, как сказано, и надел на них узду закона – до прихода обетованного семени, то есть Христа. Закон служил искоренению идолослужения. Он допускает идолопоклонство, но связанное, ограниченное. И священниками тогда стал по закону не весь народ, а только из колена Левия, которое встало на сторону Моисея в истории с тельцом. И потому всё их служение Богу было в образах, ненастоящее. Так детки в песочнице играют, машинки возят, губками гудят, замки строят, всё понарошку – учатся настоящей жизни. Так было, пока Бог не отобрал эту песочницу, когда римляне город и храм разрушили.

– На тебя, боюсь, единокровные твои сильно обидятся.

– И православные тоже. Слушай дальше: только некоторые из народа принимали этот завет, о котором объявил Моисей перед входом в землю обетованную, и служили Богу не по закону Моисея, а по закону, написанному Богом в сердце. Это и есть назореи. Они священники не из колена Левия, а призванные Богом, то есть по чину Мелхиседека, *по силе жизни непреходящей*, как сказал Павел. А раввины приравнивают назорея к первосвященнику.

– Гм. Прям-таки к первосвященнику?

– Потом все христиане стали назореями. Пётр в послании уже называет христиан царственным священством и народом святым, а иудеи всех христиан называли назорейской ересью. Назореи – это те, кто вступили в новый завет, то есть христиане. И произошло это первый раз на Пятидесятницу, по-еврейски Шавуот. Это праздник в честь дня, пятидесятого после пасхи и исхода из Египта, когда все евреи стояли у горы Синай, а Моисей на горе получал скрижали. Но не случилось тогда вступить в завет… Бог не дал духа из-за тельца. А вот в этот раз Бог излил дух и завет состоялся.

– Ух ты, как завернул.

– Пётр?

– Да не Пётр, ты завернул. В камень-то ничего не завернуть. Кстати, а ты знаешь, что у тебя имя Левий означает прилепляться?

– Саш, опять ёрничаешь? Сбиваешь с мысли. Давай, я уж продолжу. А?

– Да я для разрядки. А то сразу всё не заходит с первого раза.

– Ок. Назореи, кроме прочего, не стригли волосы до окончания обета. Волосы у них были образом первосвященнического кидара, как толкуют известные раввины. А для обычных евреев это было позором –ходить нестриженными, как женщины. Так что Иисус имел длинные волосы, когда пришёл к Иоанну. Традиция донесла нам это посредством икон, через гностиков. Первые иконы появились у них. Так вот, волосы сразу отличали назорея, и когда Иисус пришёл к Крестителю, тот не мог не склониться перед его царственным священством.

– Всё красиво. Но картинка рушится, если Иоанн Креститель сам был назореем.

– Об этом ничего нигде нет. Фарисеи Иисуса называли назореем, а его – нет. И Иосиф Флавий, думаю, упомянул бы, будь Иоанн назореем. А он его просто праведником называет.

– Но он не пил вино и сикеру от чрева матери!

– Если по обету родителей, как написано у Луки, это ещё не назорейство. Назорей тот, кто сам дал обет воздержания от вина. На примере Самсона есть толкование в Талмуде. Хотя в этих тонкостях пусть лучше раввины разбираются.

– Ну, хорошо. Положим, Иоанн не знал Иисуса, но отреагировал на его стрижку, вернее, её отсутствие, признав за ним первенство. Как истинного первосвященника. Так?

– Так и есть, – Сергей Афанасьевич довольно откинулся в кресле и налил чаю. На перила села синичка и начала суетливо передвигаться взад-вперед, пытаясь сообщить что-то важное. Наверное, о том, что пора бросить ей несколько крошек. Сергей Афанасьевич засмотрелся. Язык жестов был совершенно понятен. – А в первом веке все христиане следовали Иисусу и принимали этот обет. Павел остриг

голову в Кинхреях, исполнив обет, а потом очистился в Иерусалиме и принёс жертву вместе с другими назореями по совету Иакова.

Левий бросил крошку, и синичка, схватив её, тут же упорхнула. Мигом села ещё одна, ждавшая очереди.

– И ещё. У христиан при крещении постригают волосы, – Сергей Афанасьевич оторвал взгляд от синички. – Это уже неосознанные рудименты назорейства. Также и при вступлении в монашество. А когда христиане окончательно отделились от евреев, они перестали понимать, что такое назорейство и для чего раньше принимали этот обет. Тогда, думаю, и возникла версия, что прозвище назорей Иисус получил от места жительства – Назарета. И эта вставка попала в Евангелие Матфея – вместе со всей рождественской сказкой.

Александр встал и потряс слегка сумкой:

– Пойдём уже. Для продолжения поиска смыслов нам понадобится изменённое сознание. Но это в другой раз.

Сергей Афанасьевич отдал бумажку:

– Дома прочитаешь.

По дороге, когда уже расстались, Александр полез в карман и достал листок. Развернул и прочитал:

ДЕТСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ. ИСКУШЕНИЕ В ПУСТЫНЕ

Отец позвал сына: – Ты взрослым стал.

Послушай, сын, пришло время.

Ты полон сил, а я устал

Царства нести бремя.

Проси и дам тебе: всё твоё.

В борьбе обретёшь ты славу:

Оденься в порфиру, возьми копьё,

Корона твоя по праву.

Сказал и ушёл, у отца дела.
А сын прощается с детством:
Вот меч деревянный, вот конь без седла.
Что взять для защиты наследства?

Что-то смущает, не помнит сын
На взрослых тяжёлых доспехов.
Все носят костюмы, все как один
Не в войнах добились успеха.

Отец растит хлеб и лозу в садах,
Пасёт мелкий скот и крупный,
Летопись пишет о царских делах,
Ходит в горах неприступных.

Где поле битвы и кто мой враг?
И что приносит нам беды?
Должен ли царь внушать всем страх?
В сраженьях искать победы?

Я слышал отца? Или это был сон?
А может, я был в горячке?
Столько вопросов! – воскликнул он, –

Пустыня всё знает, а я не мудрец,
Я младший из всех сыновей.
Мне в ухо суровый шепнёт суховей,
Зачем меня выбрал отец.

Дней сорок не ел ничего и не пил
И вот под конец взалкал.
Его прозрачным крылом Гавриил
Укрыл средь недобрых скал.

Как овладеть ремеслом богов?
Как землю свести с небесами?
Могу произнесть я лишь несколько слов,
И камни станут хлебами.

Или мне ринуться вниз со скалы?
О камни не стукнусь ногою –
Имени ради Давида Оглы
Всё ангелы пухом укроют.

Пришёл монах с пустынных вершин,
Со мной завязал разговор,
– Я слышал, ты, парень, ханский сын?
Какой же несёшь ты вздор!

Ни меч, ни кнут и ни узда,
Ни полные столы,
Ни зрелищ дивных пестрота,
Ни царские балы
Не приблизят тебя к трону.
Но слово мудреца
Наденет царскую корону
На голову слепца!

Послушник нужен мне в горах,
Ему я власть отдам.
Все царства я держу в руках.
Пади к моим стопам!

Сын в ярости кричит ему:
– Прочь, жалкий интриган!
Я поклонюсь лишь одному
Отцу. Он Чингисхан (1).

Коварство и хитрость – слуги твои,
Удел их – могильный прах.
Как совесть велит, буду править и…
И отступил монах.

Я знаю, что делать, пойду по стране

С котомкой, в рубахе простой.

О царстве отца, словно дивном сне,

песни спою за постой.

Теперь я со всеми людьми наравне:

Не царский я сын и не хан,

Я, сын человеческий, вижу во сне

Братьев возлюбленных стан.

В конце было примечание: Чингисхан переводится «Владыка вселенной».

Глава 16

Как это, в третий день?

Между Кесарией Филипповой и горой Ермон, на окраине небольшого селения рядом с домом, где остановился Иисус, собралась толпа. Гомон невероятный, все окружили отца с бесноватым сыном, которого исцелил Иисус.

– Странно, что ученики не смогли исцелить его.

– Эй, Езекия, а твой сын на праздники новолуния не прыгал через костёр?

– А кто у нас в детстве не прыгал? Все прыгали, и в воде все купались ночью со свечами.

– Вот Иисус и говорит, что вы род неверный. Знаешь, что это обряд для принятия духа?

Езекия махнул рукой:

– Да какой там дух! Дети резвятся. У остальных всё нормально, а у моего вот… Костёр большой был, и он боялся. А потом сразу упал с

пеной. С тех пор и пошло.

Местность, где всё происходило, была холмистая, на востоке и севере цепь высоких гор. Одна из вершин Ермона сверкала на солнце шапкой снега. Несколько человек стояли вдалеке от толпы и беседовали вполголоса.

– Они спустились вместе с Иисусом с горы, и лица у них так светились – хоть платки накидывай, как на Моисея. Что там у них случилось?

– Не знаю, но Иисус собирается теперь в Иерусалим и всё время говорит о своей скорой смерти, и что он будет уничижён и отвержен первосвященниками, старейшинами и книжниками.

– Зачем же его отвергать? Они против его учения? Но разве за учение в наше время отдают на смерть?

– Да нет же! Учение – это для них только повод обвинить его перед народом. Для народа вера, учение – на первом месте, а для них – место и деньги. Вот начальство и ругает учение, чтобы убирать неугодных, кто мешает их власти или сам претендует на власть.

– Он что, претендует быть кем-то? Разве пророком… Но пророки не ищут власти!

– Иисус никогда не искал признания. Но некоторые из нас верят, что он – Христос, всеми чаемый царь от семени Давида. А начальники не захотят признать его, они боятся римлян и держатся за свои седалища. Римляне же не потерпят царя, не кесарем назначенного.

– Так пусть просят кесаря.

– Им проще отдать его на смерть, как бунтаря, и оставить власть при себе. В Иерусалиме всё и решится, там всё увидим.

Двое пожилых, Самуил и Матфей, отделились от толпы и пошли на окраину села, где были их дома.

– Скажи, Матфей, я не ослышался? Ученики говорили, что Иисуса убьют и он в третий день воскреснет. Только никто не понимает, что это.

Матфей шёл молча, как обычно, и всматривался в далёкие вершины гор.

– Что тебя смущает, Самуил?

– Ну как же! Воскресение всех будет в конце времён, как сказано у пророка Йехезекэля. Что значит, в третий день? Это и будет конец всего? Так скоро?

Матфей не ответил.

XXVI

ОСОЗНАННЫЕ СНОВИДЕНИЯ

Из записок С. А.

Странный сон. Сплю и знаю об этом, а из сна не выхожу. Вот руки – смотрю на них, вижу мельчайшие детали, ранки. Раздвигаю пальцы, сжимаю в кулаки. Вокруг знакомая обстановка, только без людей. Совершенно пустой город. Подхожу к остановке, смотрю расписание.

На другой стороне дороги в кустах вижу какое-то движение воздуха, как над костром. Присмотрелся. Появился свист, сначала едва уловимый. Но он всё больше нарастает. Марево приблизилось вместе со свистом. Стало трудно дышать. Грудь сдавило ещё больше, но горло заперто, сознание начало уплывать, словно я умирал. Ужас парализовал даже мысли, они остановились. Последняя мысль – всё, это смерть.

– А-а-а, – прорвался наконец воздух. Я лежал на кровати. Взъерошенная Маргарита склонилась надо мной:

– Сергунчик, что с тобой? Приснилось что? Ты весь мокрый.

В следующую ночь всё повторилось. Только обстановка была другая – на этот раз где-то возле Ялты, на берегу. Проснулся высоко над

кроватью, наблюдая себя, лежащим с Маргаритой. Она раскинулась, а я с выпученными глазами и закушенным языком. Спина выгнута назад.

Неожиданно оказался в теле и захрипел. Язык вспух, рот почти не закрывался, слюна текла на подушку. Весь день просидел, тупо глядя в экран компа.

Ложиться спать не хотелось. Как-то страшновато было. Выпил таблетку феназепама. Ещё одну. Потом ещё. Не помогло.

Наутро с Маргаритой поехали к врачу, рекомендованному Петром. Прописал какие-то нейролептики с нечитаемым названием. Рецепт был с круглой печатью.

Неделя прошла в каком-то мороке. Всё перемешалось. Фары машин иногда одновременно включались, иногда также синхронно гасли, словно светомузыка. Но ужасные сны ушли. Просыпался с тяжёлой головой, будто набитой бумагой. Сосед из-за стены посылал какие-то невидимые импульсы, ударявшие прямо под ложечку.

День шёл за днём. Вокруг всё раскрасилось и сменило запахи. Состояние тупости было запредельным. Работа, фильм – всё отошло. И все вокруг, словно по команде, перестали беспокоить. Телефон молчал, иногда прорываясь какими-то посторонними голосами, извинявшимися за ошибку набора.

XXVII

ИСКУСИТЕЛЬ

Из дневника С. А.

Центр психического здоровья.

– Старина, как ты? Выглядишь неважно. Сколько ты тут? Кажется, больше месяца?

Я посмотрел по сторонам: вокруг меня были светло-зелёные стены Центра психического здоровья.

– Да нет. Кажется, два-три дня.

– Ты что, старина. Я заезжал к тебе месяц назад. Эти электрошоковые процедуры… Завязывай с ними.

Поговорили ещё. Страхов пытался разговорить меня, но я больше не мог сосредоточиться. В висках билась мысль: я уже месяц здесь, а кажется, что два-три дня. Нужно срочно просить Маргариту выписать меня. Она, кажется, вчера была здесь. А раньше? Неужели не приезжала? Или я забыл. Всплыло озабоченное, осунувшееся лицо Маргариты.

Прошла неделя. Вот я опять был дома: рядом Маргарита, заботливая, нежная. За балконом лес, утром холодно, и кажется, что деревья начинают скрипеть невидимыми зубами в ожидании морозов. После отказа от таблеток опять появился страх засыпать. Ещё через неделю во время сна вернулось осознание. И сразу раздался голос:

– Итак, что скажешь: я существую?

– Не более, чем я сам.

– Тебя заинтересовало моё предложение?

– Нет.

– Ты будешь здоров, известен и даже вполне состоятелен.

– Так ты искуситель?

– Вообще-то я мастер искушений. Я искушал всех, начиная от Адама, – невидимое лицо залоснилось от гордости. – Любопытство и жажда знаний – это мои сильнейшие инструменты. Ещё власть.

– Но ты не смог искусить Иисуса. Почему? Он бог?

– Ты что, не знаешь? *Бог не искушается злом и сам не искушает никого* – это из Писания. Ты сам подумай, какую бессмыслицу сказал, – чем можно соблазнять Бога? Я что, сумасшедший? А Иисус был искушаем, но победил искушение. Нет, он не бог.

– А говорят, он совершенный бог и совершенный человек в одном лице. И искушался в нём человек.

– Но личность-то он божественная или человеческая? Или их две? Если их две, тогда это – шизофрения. А если божественная, то я искушал Бога?

– Догматы утверждают, что личность его – божественная, что он как личность существовал до творения мира, а потом воплотился. И теперь у него две природы: божественная и человеческая.

– Ну, природа – это философия. Как бы то ни было, но искушается-то личность или природа?

– Ну ясно, что личность. Разум, память, воля, и главное, свобода решать и поступать – это проявления личности. Искушать можно через желудок, провоцируя аппетит, но искушается всё-таки личность.

– Вот, то-то. Как можно было искушать Иисуса в пустыне, если его личность божественна? Или ты думаешь, он притворялся искушаемым? Передо мной? Да кто я для него? Других-то свидетелей не было.

Я не видел собеседника, и это было непривычно. Внезапно пробежала рябь, и появился интерьер. И вот я сижу на веранде старой родительской дачи, в плетёном кресле, кутаясь в шерстяной плед. Утреннее яркое солнце гладит меня по щекам. Напротив, спиной к солнцу, сидит собеседник. Виден был только его тёмный силуэт, и приходилось щуриться, глядя в его сторону.

Я поёжился от ветерка и ответил силуэту:

– Но богословы нашли, как им казалось, выход из этого тупика. Цель искушения – заставить совершить плохой поступок, грех, то есть направить волю ко злу. И раз божественная личность неискушаема, отцы отнесли волю к природе, а не к личности. Твоей целью было через соблазн подчинить человеческую волю Христа – так они решили. Что скажешь?

Силуэт зарябил и слегка дёрнулся, как на экране старого телевизора. Голос слегка хрипел:

– Воля – это проявление личности, её приводной ремень к телу, и точка. Богословы слукавили, наделили волей природу, чтобы отстоять свой главный догмат, принятый раньше, – что Иисус есть бог воплотившийся. Были даже те, кто умирали за такие убеждения, а другие их убивали. Максим Исповедник, яркий был человек, глубокий неоплатоник, разработал всё это богословие природной воли – и умер за свою философию.

– Не за веру в Иисуса Христа?

– Нет, за философскую концепцию двух природных воль в Христе. Уж я-то знаю, – собеседник хмыкнул и растянул в улыбке невидимый рот.

– Ну-у, а я читал…

Собеседник не дослушал:

– Природной человеческой воли нет – есть просто инстинкт, программа внутри биологической машины. Он есть и у животных. А Максим назвал его волей и запутался.

– Если честно, я тоже думаю, что воля противостоит инстинкту. Воля, полагаю, – это сила, которой личность подчиняет себе биологическую машину. Чем в большей степени человек образ Божий, тем свободнее и сильнее его воля. Ты согласен?

Голос силуэта перестал хрипеть, но у него как будто переключили какой-то регистр, и он стал на полтона выше:

– Не люблю богословие. Я не пойму, яйцо курицу учит? Впрочем, неплохо ты продвигаешься. Но всё это – та же философия. А философ – это патологоанатом в своём роде.

– Пусть так… Раз ты искуситель, ещё одна богословская сентенция, и всё. Ты ведь согласен, что суть искушения – подчинить волю инстинкту, связать свободу человека желудком? Или, в терминологии Павла, подчинить человека закону, действующему в его плоти. Зачем тебе это? Ты с виду разумен, а сам на стороне животного, биологической машины против собственно человека, то есть личности.

– Ха-ха. Ты хитёр. Отвечу прямо: эта машина нужна мне самому. Я на ней хочу ездить. А личность? Ну-у, пусть будет пассажиром.

– Так, с этим ясно. Идём дальше. В пустыне искушение не окончилось? Сказано: и, окончив искушение, диавол отошёл от него до времени. До времени?

– Я на работе постоянно, не сплю. Видишь, с тобой я даже ночью. А сколько у меня ещё клиентов, которые до утра пытаются пасть даже ниже инстинкта, за пределы природы.

Силуэт хмыкнул, но я не поддержал его шутку:

– Не знаю, зачем я тебя вообще спрашиваю. Я даже не уверен, есть ли ты… Но мне интересно. Любопытство, да… Последнее искушение Иисуса было в Гефсиманском саду?

– Нет, с последним вздохом.

– Так и есть. Кто тебе подсказал, а? Иисус жил по закону сердца, невзирая на внешний закон. Станет ли его убийство последней йотой, когда закон, исполненный до конца, себя уничтожит? Свята ли кровь того, кто проклят по суду старого завета?

– Много высокопарных слов. Он мог бы сойти с креста – на самом деле. Бог всегда и везде его слышал и делал, что он просил. Но в конце, это чистая правда, Он его оставил. Я так и не понял, что это было и почему?

Если бы тень могла улыбаться, я увидел бы сейчас её улыбку. Голос из пустоты внутри силуэта продолжал:

– Иоанн, старец, написавший своё Евангелие, был честным парнем, честнее последователей. Он считал Иисуса богом и не мог представить, чтобы бог боролся с искушением. И он исключил это. Совсем исключил. Ни в пустыне, ни в Гефсимании, ни где-либо ещё искушения не было. А вот богословы лукавы. Они приняли его труд, потому что он им понравился, а затем пытались скрестить ужа с ежом, философа с рыбаками – и получили двухприродного Христа, который мог искушаться, но не мог искуситься.

– Хм. Я давно понял – Иоанн принципиальный противник человеческих слабостей у Христа.

– Может, он пожалел меня и не стал перед читателями выставлять идиотом, искушающим бога? Ха-ха.

– Шутишь? Впрочем, Иоанн был талантлив. Даже мысль об искушении Христа не придёт в голову, когда читаешь его Евангелие. Его даже некуда вставить. Иисус вышел с учениками в сад после длинной речи на вечере. Туда же пришёл Иуда с отрядом. *Иисус же, зная всё, что с Ним будет, вышел и сказал им: кого ищете?* Всё это в четырёх строчках.

– Краткость – сестра таланта.

– А перед этим Иисус долго рассказывал ученикам, куда он идёт и как всё будет – речь длинная, на пять глав. После этого просить Отца с воплем и слезами: да минет меня чаша сия? Невозможно. Скажи-ка, Иоанн действительно верил в то, о чём писал?

– Верил – не верил… Всё это так зыбко. Это не из моего лексикона.

Зазвенел будильник, и Сергей Афанасьевич просто открыл глаза.

Глава 17

Чётки. Боги не потеют

Прохор стоял на коленях в углу и молился, слёзы проделали заметные светлые борозды на его запылённых щеках. Он иногда сгибался пополам, ничего не слышал, губы подрагивали, выпуская беззвучные слова. Последнее время старец говорил много нового, что приводило Прохора к сильнейшей борьбе. Всё внутри восставало, смущало его, но авторитет старца заставлял смиряться. Он вспоминал те радостные дни, когда проповедь старца о Христе изменила его жизнь, и он ушёл из храма Артемиды и переселился в хижину старца. Прохор тогда словно заново родился, всё вокруг стало светлым, ясным, радостным.

Старец сильно изменился с тех пор. Однажды пришли гости из Антиохии и подарили ему чётки. Прохора тогда не было, старец отослал его продавать корзины, которые они плели каждый день из

лозы. Когда Прохор вернулся, старец даже не повернул головы. Он сидел, задумчиво уставившись в стену, и медленно передвигал бусинки на нитке. Со временем старцу понравилось молиться по чёткам, и он не расставался с ними. Как-то Прохор спросил его, как это – молиться по чёткам? Старец научил: нужно повторять одну короткую фразу, стараясь не развлекаться умом, внутренне молчать, сосредоточившись на словах молитвы. Прохор попробовал, но ум всегда ускользал, и Прохор иногда обнаруживал себя погрузившимся в непристойные мечтания. После многих попыток он бросил это занятие и теперь молился, обращаясь к Отцу, как раньше, – благодарил Его, славил, вспоминая всё, что Бог совершил с ним, и просил Отца о насущном.

Однажды Прохор, вернувшись из лавки, застал старца лежащим на боку с открытыми глазами. Старец продолжал двигать чётки, не замечая перемены своего положения. Слюна тонкой ниткой стекла из уголка губ и образовала тёмное пятно на пыльном полу. Прохор повернул его и усадил, как прежде. Старец продолжал молиться. Он провёл рукой перед глазами, но старец не реагировал. Тогда Прохор не на шутку испугался, начал трясти старца, и примерно через минуту глаза учителя прояснились, и он начал реагировать на встряхивание.

Много позже старец рассказывал, что после долгой молитвы ум переставал заниматься своей обычной работой: перебором и рассмотрением всего, что попадало под его внимание – и устанавливалось молчание. А потом проливался свет, и радость о Боге так переполняла его, что он не знал, куда деться, раскачивался и продолжал умом повторять слова молитвы. Это состояние было настолько сладостным, говорил старец, что хотелось снова и снова вернуться к нему.

Прохора эти перемены пугали. Ещё прислуживая в храме, он не раз наблюдал, как его жрец впадал в подобное состояние, но Прохор никогда не спрашивал его – боялся. Иногда приходили странники из Бактрии и ещё более дальних районов – многие из них носили чётки. Они входили в транс, повторяя мантры. В трансе они резали себя ножами, держали руку над огнём, не испытывая никакой боли,

кричали пророчества. Это было удивительно. Иногда это заканчивалось страшно: молитвенник падал, закатив глаза, и испускал пену, некоторые даже писались.

Особенно смущало, что чётки пришли с востока, от язычников. У них отношения с богами строились на ритуалах и практиках. Это не было общение с живым Богом, с Отцом. Они обращались к силам, пытаясь получить желаемое через песнопения, повторение мантр, через вхождение в транс. Бог для них не был живой личностью, которую можно любить.

Словно издалека донёсся скрип, в котором постепенно стали различаться слова. Старец звал:

– Прохор, ты сегодня молился?

– Да, старче. Вы знаете, что я по правилу апостола молюсь *во всякое время и на всяком месте.*

– А знаешь ли, о чём молиться, как должно?

– Апостол Павел не знал, а кто я такой? Но он сказал, что сам дух за нас ходатайствует и воздыхает.

– А как понимаешь его слова?

– Думаю, это значит, что мы не всё постигаем умом. Главное, чтобы сердце было устремлено к Богу. И Бог знает, что у нас на сердце, даже если мы не всё в слова облекли.

– Вот то-то и оно. Молитва – великая тайна. А кому ты молился, дитя моё?

– Как кому, старче? Вы меня искушаете? Ну, конечно, это Вы проверяете меня!

– Скажи, не бойся.

– Я верю в единого Бога, ему и молюсь. Так нас сам Господь научил, сказав: «Молитесь так. Отче наш, сущий на небесах…» И сам он молился Отцу, и апостолы, и все ученики, как мы знаем то из Писания.

– Так, так. Но ведь Иисус – сам бог Слово! Зачем же он молился?

Старец намеренно сказал о Логосе и будто невзначай сразу перевёл взгляд, чтобы увидеть реакцию ученика. Прохор старался не подать виду, что опять смутился.

– Как зачем? Впрочем, не знаю… Вот я прошу Отца дать мне разумение, когда не понимаю, что Вы, отче, говорите. А ещё, когда бывает, что у нас заканчивается мука, а у Акестора мы уже заняли до следующего месяца. А Господь Иисус Христос наш молился Отцу, когда выходил из Иордана после крещения, как и все вокруг. Так у Луки. А о чём молился… кто же знает? Могу только догадываться – это ведь было крещение в покаяние.

– Ну-ну, договоришься сейчас.

– Учитель. Нам ли, христианам, бояться слов? Вы сами меня учили думать обо всём и всё проверять умом и сердцем.

– Это да, но отцу своему и учителю ты должен верить... Впрочем, один учитель… и Отец. Ладно, и зачем же, по-твоему, наш Господь крестился? А? Говори.

- Он был назорей, святой у Бога. Потому его Иоанн отказывался крестить в покаяние. В чём каяться святому? Но это все внешнее – волосы там, вино. Иисус смотрел на чистоту своего сердца. А каким он его видел? Антоний говорит, что святой видит свои грехи. Что если Иисус… Иоанн мог уступить его просьбе и крестил его.

– Святой у Бога, говоришь?

– Я думаю, да. Его же звали Иисус назорей. А назорей по Писанию святой у Бога – это в Книге Чисел. Его и в Капернауме один бесноватый в синагоге назвал *святый Божий*. Значит, видел, что перед ним назорей.

– Боже мой! Опять ты за своё? Вбил себе эту ересь. Он свят как бог истинный, а не по какому-то там назорейству. Свят один Бог. И бесноватый увидел в нём бога!

Старец Иоанн вскипел, вскочил на свои старческие худые ноги, так что Прохор вжался в циновку и стал совсем маленьким. Наконец подал тихонько голос:

– Отче, простите. И Павел, и Пётр, и другие называли христиан святыми. Кто посвятил себя Богу, тот свят. Если дал обет, отказался от чего-то, что не грешно, ради любви к Богу. Мне Димас говорил, что святое по-еврейски – это отделённое Богу. Раньше из первых плодов отделяли жертву, святое Богу. Но мы и сейчас крестимся, пройдя пост, и нас постригают, как назореев. Мы отделяемся и посвящаем себя Богу. Мы и вино пьём только в воспоминание Господа, как он и заповедал, а не просто для удовольствия и веселья, так ведь? Это как бы назорейство. Вот мы и святы. И мы дети у Бога.

– Каждый раз повторяю тебе, Прохор: Христос – единственный истинный сын. А мы приёмыши. Он воплотился, а мы из земли с тобой. Так и думай о себе.

Вспышка гнева потухла. С возрастом у старца Иоанна они становились короче, огня не хватало.

– Я не запамятовал, отче. Просто никак не могу принять это сердцем. Я же прислуживал жрецу, и с тех пор их богословие для меня мерзко.

– А при чём здесь язычники и их богословие?

– Это я про бога воплотившегося. У них там все боги такие.

– О Боже, Прохор! Что ты говоришь такое! У нас всё иначе, сам должен понимать.

Старец смягчился и уже смотрел на Прохора тёплым взглядом. Глазища его растаяли, и холодные льдинки превратились в два тёплых голубых окошка, из которых выглядывал любопытный и добрый старик.

– Так что там, Прохор, ты говорил про назореев?

– Назорейство, кроме отказа от вина, которое и священникам было запрещено пить во время службы, это ещё вступление с Богом в завет, который Бог обещал евреям: будете у меня царством священников и народом святым…

– Зачем эти запреты вина? Вино прекрасно. Извини, сынок, перебил тебя.

– Я думаю, это на время. Из-за того, что народ пил вино и плясал перед тельцом. Вино способствует бесчинствам, а сыны Левия отказались тогда пить. И это их уберегло от идолопоклонства, и они по закону стали священством.

– Не отвлекайся, продолжай, – старцу всё-таки было интересно услышать про назорейство. Иногда он был по-детски любопытен и бесхитростен. Старец не смущался, что Прохор в чем-то был начитанней его. Мудрость же не от знания, а от опыта.

– Евреи отказались от завета, – продолжал Прохор, – не стали святым народом, поклонившись тельцу, и получили сбрую в виде закона. До времени прихода нового Моисея, то есть Мессии. Но завет остался – для немногих, не для всего народа. Назореи и есть те, кто вступили в этот завет, стали добровольным священством. Потому Бог назвал Иисуса священником навек по чину Мелхиседека. Значит, завет этот на всю вечность.

– Отчего же Иисуса и по воскресении назореем звали?

– Батюшка, толком не знаю. Брат Антоний напомнил мне, что Иисус на вечери так и сказал – не буду, говорит, впредь пить вина, пока не выпью его в Царстве Отца. Я так понимаю, он вновь принял обет назорейства, но теперь оно означает первосвященство нового завета и служение в скинии небесной. Сейчас он на небе, и там нет вина. Я думаю, в царстве Отца, когда Бог сотворит новую землю и новое небо, запрет на вино будет не нужен – там и вино иное, не дурманящее, и беснования от него не бывает. Вот и выпьет его там Иисус – первосвященник, но уже не назорей. А на земле и учение земное, и вино, и назорейство – всё только образ.

– Это кто ж тебе всё растолковал? Неужто Антоний из Милета?

– Он, отче. Ещё об Иисусе он сказал, что по окончании обета приносят жертву в Иерусалиме и остригают волосы. Он и пришёл в Иерусалим на пасху в том же году и, как Вы, отче, знаете, принёс жертву ради нового завета. Но не агнец свидетельствовал о его верности завету, а он сам своей жизнью. А волосы так и не остриг, его убили. Потому, думаю, его все называли назореем и до, и после смерти, даже враги.

– Антоний умный, но ум его не туда ведёт. Ну совсем не туда! Какое крещение, какой обет? – Старец всплеснул руками. – Это всё для нас, смертных. Я теперь ясно вижу – назореем он назван по рождению в Назарете. Все же так просто!

Старец Иоанн заупрямился. Заноза ревности к Антонию не давала ему трезво оценить доводы ученика. Он недолго помолчал, но опять им овладело раздражение:

– А первосвященство? Знаешь ведь: первосвященник предстоит Богу за народ и за себя. А Иисус сам бог. И суть нового завета, дитя моё, в том, что мы верим в Иисуса – бога Слово, сына Божия, а за это имеем жизнь вечную. Здесь нет места всяким старозаветным обетам. И не принижай Иисуса до первосвященника.

– Так это не я, это апостол Павел. И к тому же, учитель… ведь нашу веру иудеи до сих пор называют назорейской ересью. А апостол Пётр назвал нас, христиан, царственным священством, народом святым, то есть принявшими этот завет.

– Пусть себе называют, нам-то что? Мы царственное священство, всё так, а Иисус– наш бог. Апостолы тоже люди, потому всё проверяй, и их слова также. Вот Павел написал, что Иисус первосвященник и предстоит перед Богом за народ. Откуда он это взял? От большого ума, как и сказал ему Фест. И знай ещё, что не только я, а многие сомневаются в этом послании Павла к евреям, не подделка ли оно, – старец резко сменил интонацию, придав голосу бодрость и доброжелательность. Он любил так настраиваться и делал это совершенно искренне. – Ну хорошо, вернёмся к молитве. Здесь у тебя ещё место, где ты претыкаешься. Уберём этот камешек прочь с дороги. Итак, когда ещё молился Иисус, а? Как, по-твоему?

Старцу не терпелось покончить с заблуждением ученика, но он сдерживался, стараясь не навредить.

– Постоянно, отче. Да вот, например, у Марка сказано, что он молился один на горе после того дня, когда он впервые изгнал беса и исцелил многих. Это было первое чудо, и даже для свидетелей это великое событие и память на всю жизнь. А для Иисуса!? Да его сердце было

переполнено благодарностью к Отцу! Вот он и молился. Я бы точно… – Прохор так глубоко вздохнул, что закашлялся. – Простите, отче. А ещё он уединился, когда скорбел после убийства Иоанна. И перед избранием апостолов молился всю ночь – это Лука нам поведал. И ещё молился о Петре, чтобы не оскудела вера его. И в Гефсимании Господь молился, пав на землю.

– Не будь так доверчив к чужим словам, дитя моё. Всяк человек ложь. Вот и рыбаки, по простоте своей они так и не поняли главного, что Иисус и есть бог. А зачем бы бог молился богу? Потому было глупо или наивно говорить… как там Пётр сказал? А-а… что Иисус ходил и исцелял будто потому, что «Бог был с ним». Бог с ним… – старец хмыкнул. – Словно про обычного пророка сказано. С ним был его Отец! Его Отец! А Бог един, и Христос сам есть бог истинный и отец нам всем. Он и Отец одно. И ему нужно молиться так же, как его Отцу. Запомни, Прохор. Отныне молись Господу Иисусу, богу истинному. Ибо, *кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего его,* – это мы в нашем Евангелии главной мыслью выставим. Не чтит как Отца, значит, не считает богом!

– Но сказано: *Господу Богу твоему поклоняйся и ему одному служи*. Этими словами ведь сам Иисус ответил искушавшему его диаволу. Он к себе их прилагал, ну-у, то есть, что должен поклоняться Богу и ему служить.

– То было старое. Старое проходит, теперь всё новое. Знаешь, что я слышал от самого Господа Иисуса в тонком сне? Он сказал: *Кто мне служит, мне да последует; и где я, там и слуга мой будет*. Вот мы ему и служим, как богу, а больше никому. Ты записывай, записывай за старцем, ничего не упускай. Эти слова святы, они из уст самого бога и Господа Иисуса Христа.

Прохору хотелось бросить стило, но он удержался. Только сказал тихо:

– И для Христа, и для нас есть только один Бог и Отец, владыка и податель всех благ, и потому молиться и служить нужно только Ему. И Он недалеко от нас.

Но старец не унимался. Ему казалось, что рано или поздно убедить Прохора удастся. Ведь истина так прекрасна!

– Запомни, Прохор, твёрдо одно: мы далеки от его Отца. Как мы можем достучаться до него? *Никто не приходит к Отцу, как только через* Сына. Это гордыня в человеке говорит, когда он без посредника обращается к Отцу Христа.

– Простите, отче, меня, но я осмелюсь возразить: Бог недалеко от нас. Ведь ещё Павел в Ареопаге сказал об Отце, что *Бог не в рукотворенных храмах живёт,* и что *Он недалеко от каждого из нас.* А Иисуса он там назвал не богом, а мужем, посредством которого Бог будет судить всех.

– Ну что ты противишься, дитя? Иисус для нас не какой-то там муж, а как Отец. И не просто как… Помнишь, мы писали с тобой о свете? Помнишь, как там Иисус сказал?

– *Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света.*

– Эх, Прохор, память у тебя – библиотека. На пользу бы это, а не во вред, – старец крякнул и махнул рукой от огорчения. – Так про кого Иисус сказал: веруйте в свет?! А, дитя? Напомни, что мы с тобой писали в самом начале благовестия?

Прохор выпалил, ни разу не споткнувшись:

– *Был свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир. В мире был, и мир чрез него начал быть, и мир его не познал.*

– Во-о-т, *мир через него начал быть*. Так и напиши слова Господа Иисуса: *Я свет пришёл в мир, чтобы всякий верующий в меня не оставался во тьме*. Так-то, дитя: Логос, сын Божий и есть свет. А мы? Мы веруем в свет, и мы сыны света, значит… свет наш… кто? Ну-у… кто? – старец словно вытягивал из Прохора ответ за верёвку.

– Отец?

– Ну конечно! Сын Божий, свет истинный – он наш отец. Почему? А потому что Слово крестит нас духом святым и рождает нас от воды и

духа, даёт жизнь. *В нём была жизнь и жизнь была свет человеков.* Помнишь?

– А как же Иисус? Кто его Отец?

– У сына, у Логоса, есть его Отец. А вместе они Бог единый. Если мы станем детьми света, то Отец Христа станет нашим Отцом. Но только через Христа, в нём Бог становится нашим Отцом, – старец сотрясся от почти беззвучного смеха. – Не смущайся, не смущайся, дитя. Пиши за мной. Для памяти пиши, потом всё вставим в благую весть от любимого ученика.

Старец начал диктовать. Прохор записывал, а в уме его звучали слова Господа: *вы – свет мира*. И эти слова нагорной проповеди непримиримо столкнулись в нем с тем, что говорил старец про свет. А он диктовал когда-то, ещё в начале, про Иоанна: *Он не был свет, но [был послан], чтобы свидетельствовать о свете*. Свет по старцу – это и есть бог. Иисус – свет от света, бог истинный от бога истинного. Умный свет по старцу – божественной природы. И пока мы не родимся свыше… Впрочем, и тогда мы не станем светом истинным. Боже, как просто думать о Боге, как Отце! А природа, свет… Прохор дописал и посмотрел на старца.

– Знаешь ли, дитя, что молитва разрывает ткань времени?

– Настоящая молитва поставляет нас там, куда мы устремляем свой ум.

– Я вот, когда молюсь Господу, прошу иногда поместить меня в то или иное место. И вот однажды я слышал Его слова, обращённые к Отцу: *они были твои, и ты дал их мне.* Запомни, отныне мы служим богу нашему Иисусу Христу, Его обо всём просим, через Него возносим молитвы к его Отцу. Отец отдал нас Сыну. И ещё я слышал, как Христос сказал ученикам: *всё, что имеет Отец, есть моё.*

– А зачем же Иисус сам молился? И нас научил молиться: Отче наш, сущий на небесах?..

– Отче наш? Забудь, Прохор, нет для тебя этой молитвы, и в нашем Евангелии её не будет. Иисус всегда Отца называл: мой Отец, а не наш.

Я это точно знаю, мне всё это было явлено так же, как я говорю сейчас тебе. И только когда одиннадцать окончательно в него уверовали, как в бога, Господь сказал им: *иду к Отцу моему и Отцу вашему*. Но и тогда не сказал: нашему. Так что родись свыше от духа, а потом называй Бога Отцом! А до тех пор у всех плотских отец дьявол, как и сказал Господь иудеям: *Ваш отец дьявол*. И ещё говорил: *Если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы меня, потому что я от Бога исшёл и пришёл*.

– Вы тогда эфесянам так же сказали, а я и не понял. Теперь только… А сам он, что же, выходит…

– Он не молился. Иногда… для людей, как пример благочестия, чтобы они подражали ему, по его человечеству – ведь он воплотился и стал как человек. Апостолы были простыми, видели его молящимся, но не поняли, что это было для них, а не для Иисуса. Господь иногда обращался к Отцу, но это не молитва – беседа, как у нас с тобой. Я видел в тонком сне, когда молился по чёткам, как Господь разбудил умершего, уже четыре дня, пролежавшего в гробу, подвергшегося тлению и смердящего. Он громко воззвал к Отцу: *Отче! Благодарю Тебя, что ты услышал меня.* И добавил: *Я и знал, что ты всегда услышишь меня; но сказал для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что ты послал меня*.

– А как же его моление в Гефсиманском саду? Он там молился до кровавого пота.

– А кто это видел? Апостолы проспали все, по их же словам, а потом Иисуса схватила стража. Кто и когда мог им рассказать о его молитве? Всё это бабьи пересуды, которые и записали по невежеству. Но для нас никакого кровавого пота не было! Боги не потеют!

– Господи, старче. Не шутите так. Я не перенесу.

– Хорошо, хорошо, Прохор. Но добрая шутка иногда делает больше, чем бокал вина. Вот, кстати, принеси, будем трапезничать вместе с Поликарпом.

XXVIII

ПОСЛЕДНЕЕ ИСКУШЕНИЕ

Из дневника С. А.

Из дома не выходил. Несколько раз навещал Страхов, но каждый раз недолго. Заказов на иконы не было, и он подрабатывал на портале для фрилансеров. Я не стал ему рассказывать о своих странных снах.

Маргарита ходила печальная. Храмов звонил как-то раз, справлялся о здоровье. Дни сменялись днями. Я надеялся, что невидимый собеседник меня оставил. Но неожиданно опять случился сон в состоянии осознания.

– Приветствую. Думал, я приболел? Нет, дорогой, бесплотные не болеют. Просто я был занят.

– А разве дьявол не может быть сразу в нескольких местах?

– Дьявол? Ну, хорошо… Дьявол – так дьявол. Я вообще не бываю в местах. Ты думаешь, твоя мысль пространственна?

– Конечно. Но что есть мысль? Корабль или волна, которую он гонит?.. Будучи стоячей волной, она подчиняется квантовым законам, как любой квантовый объект. Значит, и принципу неопределённости. А…

– Не придавай слишком большого значения научным гипотезам.

– Ну, хорошо… Мы не договорили в прошлый раз.

– Кажется. Не помню, о чём шла речь, но тема была невероятно скучна.

– Думаю, ты всё помнишь. Мы говорили об искушении Иисуса. Рыбаки описали искушение Иисуса в пустыне и в Гефсиманском саду, потому что считали его человеком, а Иоанн все искушения исключил, так как считал его воплотившимся богом.

– Да, кажется, что-то было об этом, – невидимый собеседник, кто бы он ни был, не мог быть забывчивым и иметь слабости, свойственные человеку.

Притворялся или всё-таки мог забывать, имея общее с нами «железо»? Эта мысль отвлекла меня, и внезапно я оказался на лоджии родительской дачи, как в прошлый раз. Неудобство общения с пустотой пропало, и я смог сосредоточиться:

– Почему же Иисус удостоился чести воскресения? Неужели до него никто не прошёл подобных искушений?

– Люблю я общение с такими, как ты. Всё хотите понять. А это не в моих интересах. Потом ведь всех собак на меня вешают. Ну и ладно! Что мне от вас-то, от смертных?

– Так и скажи: не знаю. Что крутишь? И не задавайся – тебя без смертных нет нигде. Где ты ещё, если не в моей голове?

– Ты о своей голове слишком высокого мнения. Ну хорошо, отвечу тебе. Для начала подумай, чем искушаешься ты и вообще, чем искушается обычный человек? Он искушается желанием получить нечто вопреки воле Создателя, то есть вопреки Его заповедям. Так?

– Так.

– А Иисус чем искушался? Ему Бог, как сыну, обещал: *Ты сын мой, я ныне родил тебя. Проси у меня, и я дам тебе народы в наследство тебе и власть до краёв земли*. Зачем ему идти против воли Отца, если Отец и так обещал всё? Возьми власть, и не нарушишь волю его. Разве нет?

– Гм. Я так бы и поступил… А Иисус? Он не был как все, не подумал: Отец обещал мне власть, значит, я вправе взять её. Иисус верил, что придёт время, и Бог сам её даст.

– Да, я предложил ему признать мою власть в мире, поклонившись мне, и использовать мои средства, чтобы добиться исполнения, обещанного Богом. Это тогда ещё, в пустыне. Разве взять обещанное – грех? Моя власть не безгранична, но её глупо отрицать. Но он упрям, как Авраам. Помнишь, Аврааму предлагал Ефрон Хеттеянин участок в

земле Ханаанской, чтобы похоронить Сарру? Это – земля обетованная, которую Бог обещал Аврааму в вечное наследие. Авраам тогда отказался принять землю в дар от Ефрона, но настоял на покупке за серебро. Так Авраам не получил земли в Ханаане даром и на пядь стопы, чтобы не сомневаться, что Бог ещё исполнит обещанное. В полной мере.

– Ишь ты, как всё тонко. И Давид не стал отбирать власть у Саула силой после того, как его помазал на царство Самуил. А народ-то любил Давида, а Саула ненавидели.

– Да, и Давид был таким. Как Авраам.

– Поэтому Бог сказал: *нашёл я мужа по сердцу моему*. Так почему не Давид воскрес?

– Откуда я знаю планы Бога? Не готов был мир, или Давид, или ещё что-то, – изображение зарябило.

– Возможно… У меня есть чувство, что Иоанн хотел убрать из благой вести или оспорить ещё что-то важное. То, что не могло случиться с Иисусом, будь он богом. Речь не только об искушении. Как ты думаешь, Иисус боялся смерти? Настоящий Иисус, не придуманный Иоанном.

– Всё ваше племя боится смерти. Так что, наверное, боялся, если, как сказано Павлом, *с сильным воплем и со слезами молил могущего спасти его от смерти, и услышан был за своё благоговение*.

– Но не смерти плоти. Я не верю, что он её боялся. Он сам говорил: *Не бойтесь убивающих тело*.

– Может, позора? Он боялся позора? От него ожидали сражений за царство и правду, а он предпочёл позорную смерть, не оправдав их ожиданий. Они точно не понимали, какое царство он проповедовал!

Собеседник показался мне вполне разумным. Странно, что он был не на стороне Христа. А может, демон имеет черты того человека, через которого смотрит на мир и с кем ведёт беседу? С ним опасно общаться, он запутает. Захотелось проснуться, но любопытство взяло верх, и я ответил:

– Наверное, боялся позора… Да, может быть… Как там в псалме? «*Поношение сокрушило сердце моё, и я изнемог…»*Но он же *пренебрёг посрамление*.

– Гм. А ты не любишь останавливаться на первом объяснении. Что ж, хвалю. Ещё страшнее позора была смерть лжепророка, осуждённого судом. Законным судом.

– Это ближе. Может, ты не дьявол? Говоришь разумные вещи… – Меня вдруг как молния ударила. – Да ты воруешь мысли!

– Кто у кого ворует? – На тёмном пятне, имеющем контур лица, каким-то образом отразилось возмущение.

– Ты. Ты же в моей голове, не я в твоей. Оставим это на твоей совести, которая, впрочем, у тебя… Гм, ладно, забудь, – Я посмотрел в сторону, чтобы не видеть силуэт. – Он боялся, конечно, не смерти тела, а реальной смерти. Он боялся проклятия, осуждения на смерть как разбойника, врага Бога. Боялся, что Отец оставит его. Боялся, когда кричал на кресте: почему Ты меня оставил? И когда плакал в саду и просил пронести чашу.

– Гх-гх, – раздался звук простуженного горла, – *Бойтесь того*, – говорил Иисус, – *кто может и душу, и тело*… Некоторые думают, что погубить – это поместить душу-облачко в огонь под землёй. А там я с кочергой. Но всё не так. *Погубить в геенне* – это образно сказано. Это бросить за стену святого города в ров, в геенну, туда, где мусор горит, – на свалку, как ненужную вещь.

– Где ты простудился, дух? Одевайся впредь теплее, не то и меня заразишь. А пока на карантин, конец связи.

– Подожди. Куда ты? Ты прав – этого боялся Иисус.

– А-а, поболтать захотелось?

– Нет, тема очень… м-м-м.

– Эх, если бы Отец пронёс чашу! Мог бы суд не случиться? Или Каиафа не догадался бы задать тот вопрос, последний вопрос...

– А он зада-ал. А на суде врать нельзя-а-а, слава Богу, – дух запнулся и хитро посмотрел на меня невидимыми глазами. – А Иоанн молодец. Всё продумал. У него Иисус в Гефсиманском саду вальяжный такой! И преспокойно учит: иду к Отцу, приготовлю вам обитель, а потом приду и к себе заберу. Философ не переносил ту сцену в Гефсимании, со слезами. И он всё подправил, убрал слёзы. Хорошо получилось. Ну а как иначе: бог смерти не боится. Жизнь даю, говорит, жизнь беру – когда хочу.

– А ты хотя и бесплотен, не всё помнишь. Склероз? В одном месте Иоанн всё-таки показал Иисуса слабым.

Я вспомнил то место в евангелии от Иоанна, где Иисус просил Отца избавить его от смерти. И сразу появилась книга прямо перед глазами, как бывает только во сне. В ней был изображён Иисус, но он двигался и слова его были не написаны. Он их сам произносил: *Душа моя теперь возмутилась; и что мне сказать? Отче! Избавь меня от часа сего! Но на сей час я и пришёл*.

– Поколебался… а потом взял себя в руки. Как человек. Что скажешь, а, чёрт?

Я открыл глаза. Маргарита мирно посапывала рядом. Я обратил внимание, как заострились её скулы и нос, лицо было почти белым, словно мраморным, без единой кровинки. Протянул руку к тумбочке и подтащил тяжёлую, как кирпич, Библию.

– Так. Ага, вот… Иоанна, глава 12: *Избавь меня от часа сего!* Хм. Я уж думал, у Иоанна такое невозможно – Иисус в искушении, просит избавить, колеблется. Он же бог! А что там в подстрочном переводе?

Я потянулся за планшетом и нашёл нужное место на греческом с подстрочником: *И что мне сказать? Отче! Избавь меня от часа сего? Но на сей час я и пришёл.*

– Что, что? – я аж присел на край кровати от удивления. – Это риторический вопрос? Не просьба избавить? Но это совсем другой смысл. Иисус не просит избавить его от смерти, пронести чашу. *И что Мне сказать? Отче! Избавь меня от часа сего?* Это вопрос для

публики, как часто у Иоанна! Философ всегда последователен: нелепо богу просить избавления. Тем более, если он сам пришёл с неба, зная, что будет потом и кем он был от начала. Хм. А синодальный перевод далеко не дураки делали. Вопросительный знак поменяли на восклицательный и… склеили рыбаков с философом. И вот – по Иоанну Иисус теперь просит об избавлении, только не настойчиво. Попросил – и сразу же отверг свою же мысль, как искушение.

Маргарита проснулась, испуганно посмотрела на меня и привстала:

– Ты сам с собой разговариваешь?

– Да нет, Марочка, это я читаю Писание. Успокойся, я в порядке.

– А-а…

Мне стало жалко Маргариту, захотелось поговорить с женой. Она показалась мне усталой и брошенной. И я, почувствовав вину, погладил её по плечу:

– Марочка, ты во что веришь, в воскресение или в бессмертие души?

– Не трогай, пост же, – Маргарита кокетливо выставила из-под простыни согнутую в колене ногу.

– Мара, что ты делаешь? Как с тобой обсуждать… не обсудить серьёзные вещи.

– Что там, говори…

Маргарита извернулась, простыня сползла, оголив наиболее привлекательные выпуклости гладкого шелковистого тела.

– Я хотел сказать: ты чертовски соблазнительная.

Решил отложить беседу на высокие темы до удобного случая.

Вечером Маргарита была в приподнятом настроении, обхватила меня вокруг шеи, пока я сидел, поедая бурату с овощами. Поев, развалился на диване, уткнувшись в планшет. Маргарита пристроилась рядом:

– Что ты там говорил про воскресение?

– А-а, это. Я о том, что современные христиане верят не в воскресение, а в бессмертие души, как эллины. Если душа живёт отдельно от тела после смерти, то какая разница, что там с телом? Тело – темница души, из которой душа летит в рай. Так у вас?

– Но разве ты не веришь, что душа вечна?

– Конечно, нет. Этот миф – ядовитый укус язычества! Он отравляет христианское учение и веру. Истина же в том, что воскресение – единственная возможность вернуться к жизни из небытия, получить участие в будущей вселенной. Христос воскрес и потому назван Начальником жизни. В этом радость и пасха. Он уже из этого будущего, которого пока нет, – единственный.

Маргарита посмотрела удивлённо:

– Говоришь не хуже нашего батюшки. Проповедник ты наш. А я и впрямь не думала о воскресении. Когда бабушка умирала, мама ей всё – о рае, о небесах…

– Душа в рай, царство ему небесное – так о покойниках говорят? Если душа и так живая, то зачем же Христос воскрес? Павел в послании Галатам об этом и спрашивал. Ну… почти об этом.

– Подожди. Я только сейчас тебя поняла… Ты говоришь, что после смерти мы исчезаем?

– Да, полностью. Полная аннигиляция. Точно, как Бог сказал Адаму, – смертью умрёшь. Не просто умрёшь, а смертью умрёшь. Какое же это проклятие, если душа потом в рай? Нет уж – все ждут воскресения. А потом – кто направо, кто налево. Как Иисус и обещал.

– Так, а как же царство Божие? Где оно и кто там?

– Христос сказал: оно внутри вас. Это когда все законы, решения и действия – внутри, а не снаружи, как сейчас в большинстве своём: вместо совести – скрижали или уголовный кодекс, а вместо воли – пряник или кнут. Это не царство в обычном смысле, оно не в подпространстве. А то, что ты называешь раем, – это будущая земля и небо, которые Бог сотворит заново, когда эта *земля и все дела на ней сгорят*.

– А как же слова разбойнику: *Ныне же будешь со мною в раю*? Разве это не о душе? Разбойник не воскрес в тот день. Как же он в раю, если не душой?

– А сам Христос был в раю в тот же день? Он же сказал: *со мною в раю*. А он был во гробе ещё всю субботу.

– Я не знаю. У нас поют в пасхальном тропаре: *Во гробе плотски, во аде же с душею яко Бог, в раи же с разбойником, и на Престоле был еси Христе, со Отцем и Духом, вся исполняяй, неописанный*.

– Зачем этот цирк с воскресением в третий день, если он был с Отцом на престоле и с разбойником в раю уже в день смерти?

– Подбирай слова, дорогой, – Маргарита строго взглянула на мужа. – Иисус сказал разбойнику про рай? Так ведь? Он не обманщик, дорогой, как… как. Ну, ты понял.

– Угу. Для покойника расстояние между смертью и воскресением равно нулю. Потому что человека больше нет, он исчез. Поэтому и времени для него нет. Иисус по сути сказал ему: «Умрёшь сегодня же, как и я. Не будешь мучиться на кресте. А потом – воскресение, для тебя – ныне, немедля, ждать не придётся. Это в историческом времени впереди столетия. А для тебя этих столетий нет, времени нет. И когда ты воскреснешь, я буду с тобой». Марочка, это как в кино – между эпизодами событий нет, как будто плёнка вырезана.

– Хочешь сказать, я умру и сразу же окажусь в раю?

– Да, сразу, но скорее – на суде. А потом, надеюсь, в раю, то есть на вновь сотворённой земле. А для живых ты будешь мёртвой всю оставшуюся историю, до второго пришествия. В этом смысле у всех индивидуальное время. Впрочем, оно же не абсолют, а тварь, как все мы.

– А-а, поняла, почему «будешь в раю»! Для разбойника суд уже прошёл на кресте, и судья вынес приговор – оправдательный. И он воскреснет сразу в рай. Христос же будет судить всех?

– Да. Бог будет судить через него. И он оправдал разбойника. И в личном восприятии разбойник без задержки попадёт в рай, а в

историческом времени, то есть в общем времени – по воскресении, когда оно будет. Но для разбойника – ныне. Аминь.

– Но царство-то небесное!

– У Матфея оно небесное, а у Луки и Марка – Божие. Это одно царство. О нём ты молишься: да прийдет царствие Твое. Оно на небе пока, но мы хотим, чтобы оно пришло. И о нём сказано, что оно приблизилось и даже *внутрь вас есть*. А по воскресении вся новая земля будет царством Бога и раем. Оно будет и внутри, и снаружи.

– А где же Иисус, если… Он на небе?

– Смотря на каком… Это где облака? Звёзды? Или параллельная вселенная? Или за пределами вселенной?

– Вот ты и скажи.

– Хорошо, попытаюсь. Может, он в будущей вселенной, где новая земля и новое небо, в царстве Божьем, в раю – назови, как нравится. Главное, он одесную Отца, то есть там, где Бог. А Бог в Своём царстве.

– А разве он не с нами до скончания века? Как это в будущем?

– С нами, в каком-то смысле. Знаешь, старик Эйнштейн так всё запутал! Мы живём в пространстве-времени. Будущее, настоящее – всё это условности. А есть ещё всякие теории темпоральности. Вполне возможно, что ты и твой желудок – вы живёте в разном времени. Не удивляйся.

Пока говорили, Маргарита села на диван, взяла в руки игрушку, забытую детьми подруги, и стала её вертеть, задумчиво посматривая за окно. Игрушка неожиданно закричала, и Маргарита вскочила, отбросив её от себя. Разбилась любимая ваза, и Маргарита пошла за пылесосом. Разговор окончился жутким гулом этого аппарата, помогавшим ей молчать, расстроенной мыслями о душе и потерей дорогой вещицы.

Заснул поздно – всё ворочался. Сразу оказался на прежнем месте, и разговор продолжился, словно не прерывался:

– Про жизнь души без тела подтверждаю. Я много сделал для распространения этого всеобщего заблуждения – участвовал из определённого расчёта. Но мне потом словно в отместку приписали преступления, к которым я непричастен. Я никого не мучаю после смерти в аду, не поджариваю, не варю в смоле. Я вообще ни разу не видел души после смерти. Это всё из мифов и легенд язычников, а у них – из трансов и снов шаманов и как бы посмертного опыта. Ещё мной пугают, чтобы народ слушался жрецов. За все перенесённые несправедливости мне положено снисхождение на Божьем суде.

Опять я едва не воочию увидел, как поблёскивает фальшивая слеза на невидимом лице дьявола в верхней части тёмного силуэта, и продолжил вслух думать о смерти. Потом обратился больше к себе, чем к собеседнику:

– Теперь не как у Иоанна, а как было… Христос скорбел смертельно. Мы говорили уже… Как же ужасно – умереть позорной смертью приговорённым по закону и повешенным на дерево лжепророком! По закону, данному Богом, пусть и через ангелов, но это же вечная гибель. Скажи-ка, дух, а разве Отец оставил бы Христа одного на кресте только потому, что его осудил законный синедрион?

– Ты сам читал у рыбаков, как Христос кричал на кресте: *Или, Или! Лама савахфани.*

– Получается так. Случилось то, чего он больше всего боялся, – собственно, это и есть смерть.

– По-еврейски это звучит как «карэт», то есть полное исчезновение без шанса на воскресение в будущем, – сказал дух, показывая свою учёность.

– Пока не была поставлена точка, действовал старый завет и закон, и всё исполнилось до последней йоты – всё по закону. На кресте висел проклятый, отделённый от Бога, исключённый из числа сынов завета и общества Израиля, то есть язычник. Но одновременно – Христос, царь Израиля, сын возлюбленный, благословенный. Павел эфесянам так и написал: Христос на кресте разрушил стоящую посреди преграду – я

так понимаю, преграду между язычниками и евреями. А в гробе лежало потом мёртвое тело, прах, и больше ничего.

– Что-то мы ушли в сторону.

Сергей Афанасьевич упорно продолжал, хотя его собеседник как будто заскучал:

– Новый завет заключается только после отмены старого. *Отменение же прежде бывшей заповеди бывает, как известно, по причине её немощи и бесполезности*. Так и произошло, когда Иисуса причислили к разбойникам и по закону повесили на древе, проявилась духовная слепота закона. Бог не признал это решение, вынесенное по закону, но не справедливое, и воскресил его. Но как же велика была вера у Христа к словам с неба: *Ты сын мой возлюбленный!* Как поверить, что с твоей смертью умрёт закон Моисея, а не ты сам пойдёшь в погибель!? Поверить, что Бог будет судить по закону в сердце, а не по тому, что в книге? Иисус умер, и все увидели, что закон мёртв, что бессмысленно следовать мёртвому закону. Нужен новый завет!

– Ну видишь, богословие вещь несложная. Ты и сам догадался, почему именно Христа воскресил Отец.

– Получается, когда дьявол… ты его искушал, Иисус не знал в точности, как всё будет, но верил Отцу?

– Эти вопросы не ко мне. Я привык доверять расчёту, вера для меня – это допущение с определённой вероятностью.

– Иисус за свою веру Отцу и назван Павлом начальником и совершителем веры! Так ведь?

– Ты прямо проповедник, меняй профессию. А я не обещал отвечать тебе на все вопросы. Тем более что ты не очень-то мне доверяешь.

– Но тебе нельзя верить.

– Иногда я говорю правду. Тебя через два дня вызовут к патриарху обсудить сценарий. Напомни ему про ту речь, на смерть патриарха Авксентия. Он тогда оправдывал его самоубийство, но делал это по приказу, чтобы заслужить от властей престол первоиерарха.

Самоубийство первого лица церкви впервые произошло, и власти не знали, что с этим делать. Нельзя было опорочить скрепу, допустить общественную дискуссию на тему самоубийства. Потом догадались, – силуэт опять интонацией изобразил улыбку, – пустить общественное мнение по ложному следу убийства. А когда стало всем ясно, что это чушь, тогда и самоубийство стало маргинальной версией. Вопрос был, к радости власти, снят, но претендент-то уже выступил по телевидению! Это выступление будущего патриарха в свете принятой официально версии смерти Авксентия от сердечного приступа выглядит необъяснимо и зловеще. Многим даже показалось, будто он заявил: «Церкви тяжело с немощным первоиерархом, и мы его убрали. Так было нужно, и это благо». Вот ты про эту речь ему напомни и посмотри на реакцию.

– А зачем это мне?

–Ты сам увидишь, какую власть даёт знание, или, по-вашему, информация. И ещё, на десерт: тебе изменяет жена. С твоим другом.

Глава 18

Власть и закон

Материалы для сценария.

Иисус с учениками и народом на траве в десяти стадиях от Иерихона. Постепенно подтягиваются шедшие сзади. Двое беседуют вполголоса. Один из них старик с седой бородой:

– Странные вещи говорит Иисус назорей. Он во всём против закона; всё, что мы знали, отвергает.

– Да нет же, вот идёт в Иерусалим на пасху.

– Так и язычники из любопытства приходят на праздники. Но ты слышал? Спрашивал его один юноша, как спастись. А Иисус что сказал? Что, просто исполняя заповеди, трудно войти в царство Бога – труднее,

чем канат протащить сквозь угольное ушко. Всё, говорит, продай и раздай нищим и следуй за мной. Тогда точно спасёшься. А нет – уповай на Бога, Богу всё возможно.

Второй, помоложе, возразил старику:

– Аарон, ты о себе печёшься? Те, кому ничего от мира не нужно, идут прямиком в царство Божие за мессией, так? Вот это и сказал Иисус.

– А зачем нам Моисей дал закон? Это что, обман?

– Заповеди и закон – это чтобы мы здесь жили по Богу. Народ, соблюдающий закон, будет благоденствовать. Посмотри вокруг: где закона нет, там нет и достатка. Вернее, так: если исполнять закон по букве – это для временной жизни, а если по духу, то это годится и для царства Божия.

– Ну и как быть?

– Я и говорю тебе: будешь исполнять закон – он тебя будет защищать. А раздашь всё нищим – поставишь любовь к Богу и ближнему выше всего. А это уже дух закона. Так закон исполнять, по духу, то есть, истинно – вот и вход в царство Божие. Ну и что здесь не так?

– Да всё не так. И разводиться запретил. Сказал, что это не от Бога закон, а Моисей дал нам послабление.

– Кто знает? Но рядом с Иерихоном двое слепых звали его: Сын Давидов, помилуй нас. Если уж слепые признали в нём помазанника, то что мы?

– Но он сам говорит, что первосвященники, старейшины и фарисеи не примут его и приговорят к смерти. Так кого слушать, первосвященника или слепого?

– Так уж и к смерти? Зачем же он идёт в Иерусалим?

– А пойми его! Может, он сильнее их?

Один юноша стоял рядом с беседующими и прислушивался. Видно, что он давно хотел вмешаться в разговор, но удерживал себя. Наконец обратился к этим двоим:

– Если его убьют, то законом нас только водят за нос. А начальство давно по закону не живёт. Закон – для народа, чтобы нами управлять, это узда. А начальникам ничего, кроме власти, не надо. Они сами-то в закон верят? Так что не Иисус отменяет закон, это священники сами его отменят, как только убьют мессию.

– Убьют? Хочешь сказать, Иисус не пожалеет жизни? Ради истины? Ну-ну… И не воспротивится злу, как сам учил, не скроется? Да-да, для молодых, вроде тебя, это звучит вдохновляюще, но я уже пожил, чтобы верить басням.

– Да, его убьют. Всё сделают по закону и этим уничтожат закон – это же смерть мессии, сына Давидова!

– Ага, уничтожат закон… Пророков убивали, всех почти. А если Иисуса убьют, так и закон умрёт? Закон дан Богом. По-твоему, Бог уже расторг с нами завет?

– Но Бог устами пророков сказал, что заключит новый завет. А как заключить, если не расторгнуть старый?

– Поживём – увидим. Ты молод и не знаешь ничего. Расторгнуть завет — это и жертвы отменить, и священство, и храм разрушить, и народ с земли прогнать…

– Ну-у, я не знаю. А разве по-доброму нельзя? Одно отменить, а другое заключить?

Старик задумался. Все трое молчали. Наконец старик произнёс медленно, останавливаясь между фразами:

– Я вот думал, что можно и закон оставить, и новый завет заключить: кто хочет, пусть по букве живёт, а кто может – по духу… Но, видно, ты прав. Ну что же… Тогда впереди – перемены. А больших перемен не бывает без бедствий и скорби.

XXIX

РОЖДЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТА. ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Храмов поправил очки. Ребята, все пёстрые, как деревенские куры, разбрелись по аудитории. Кто-то сидел прямо на полу и смотрел в смартфон, некоторые оживлённо беседовали. Пётр Афанасьевич поднял руку, и Штайнер кашлянула. Гомон стих.

– Господа, призываю вас к тишине. Сегодня у нас достаточно философская тема: переход от задачи распознавания образов к определению сверхзадачи для ИИ. И ещё, попробуем в общих чертах определить аппарат, который может быть применён для этого. У кого есть мысли?

– Мы тут б-б-анальности разбираем? – это заикнулся хриплый голосок из угла.

– Нет, мы пытаемся осмыслить пройденный путь и наметить максимально дальнюю цель.

– Зачем её определять, если мы всё равно решаем практические задачи? А практические задачи никто не выдумывает, они возникают как следствие решения предыдущих. Мы с философами стараемся не общаться, они только всё запутывают.

– Без философов вы заблудитесь, уважаемые. Нейросети, фреймы, слоты, машинное обучение – это всё едва заметные шаги к созданию реального ИИ. Мы же хотим увидеть ландшафт, чтобы двигаться осмысленно. Итак, пока мы, в основном, решаем задачи распознавания образов. Они включают в себя, как подзадачу, распознавание команд и их выполнение. Мышление человека также начинается с распознавания образов и их сортировки по категориям. Вспомните ваше детство. И это происходит одновременно с обучением языку. Кто-нибудь скажет, как возник человеческий язык?

– Никак он не возник.

– Что же, дан свыше?

– Сами разбирайтесь. Если бы он возник эволюционно, постепенно формируясь в социуме диких предков человека, то это можно бы было повторить в эксперименте. Например, обучить языку и культуре маугли – детей, которые потерялись в лесу и жили с животными. Но

они практически необучаемы во взрослом состоянии. Раз необучаемы, то тем более не способны самостоятельно создать столь невероятную вещь, как язык. Так чем же лучше них древние человекоподобные маугли, предки человека? И потом из письменности известно, что язык только упрощался, а не усложнялся.

– Ты откуда, девочка? Как тебя зовут?

– Я Ирина Светлая с кафедры структурной лингвистики.

– Вас этому учат?

– Нет. Это мои выводы из общения с современными животными в человеческом обличии.

Штайнер с интересом посмотрела на девочку:

– Ты не учла, что язык – плод эволюции коллективного разума, а не индивидуального. В этом твоя ошибка. Ну да ладно – если так глубоко смотришь, подарю тебе такую мысль. Обдумай её. Наш ум состоит из алгоритмической части, подчинённой законам причинности и обслуживающей повседневность, рассудочную деятельность в пространстве-времени. Это медленный ум. Мы его пытаемся моделировать нейросетями. Нейросети просто вырабатывают алгоритмы методом обучения, как и люди. Это быстрее, чем тупо писать код. Но и всё – это далеко не ум человека. У нас есть и иная часть мозга. Она действует по-другому, с огромной мощностью и скоростью. Это квантовомеханический макрообъект, то есть сингулярность в нашем макромире.

– Типа чёрной дыры в пространстве-времени? Черная дыра – тоже точка разрыва, где нарушается непрерывность и законы мира перестают действовать за горизонтом событий.

– Да, ты хорошо схватываешь. Как всё захваченное дырой падает внутрь через горизонт событий и потом не может выбраться, так и ум, всё увиденное и услышанное днём, осмысленное рационально, в рамках причинности, ночью сгружает в эту квантовую сингулярность. Там всё становится единым. Линейной комбинацией всех состояний

этого квантово-механического макрообъекта. Но мысли выбираются из сингулярности, как свечение Хокинга из чёрной дыры.

– Нейросеть действует как математический оператор, типа тензорного, на квантовый объект?

– Да, чтобы определить состояние этого квантового макрообъекта, кубита, нужно на него воздействовать и слегка поменять состояние. Чтобы что-то измерить, всегда нужно подействовать: как бы повернуть, преобразовать, как матрицу. Это делается оператором. Перемена состояния этого кубита отражается на состоянии нейросети. Это воспринимается как мысль, воспоминание.

– А можно научиться сознательному доступу в эту дыру – погружаться и выскакивать назад?

– Ишь, какая ты быстрая, Ирина Светлая. Такой доступ есть – он достигается молчанием ума.

– И как же ему замолчать?

– Тысячи лет, дорогая, этим практикам. В христианстве – исихазм. Из последних – Кастанеда неплохой учитель. Но он колдун. Запомни, попасть в сингулярность можно, она сама тебя затянет. А вот выбраться… У подвижников это называлось прелестью. Находящиеся в прелести видят искажённый мир.

– Выходит… выходит, цель всех практик – добраться туда. Но это и есть гипнотическое состояние, среднее между сном и бодрствованием. Я читала, что есть такое явление у северных народов – имеряченье. Они легко впадают в транс, или, по-другому, в особое состояние сознания – по щелчку пальцев.

– В начале XX века на север экспедиции посылали из института Мозга, пытались понять. Потом КГБ занималось эти вопросом. Ведь как легко можно манипулировать людьми. А всё дело в том, что из-за полярного дня и ночи у них нарушалась граница двух состояний: сна и бодрствования. А цель всех буддистов, исихастов, суфиев, садхи, аскетов, сайентологов и наркоманов – разрушить эту границу и оказаться во сне наяву. Там и бесы наяву, как во сне, и осознанные

сновидения. Теперь понимаешь, откуда у адептов этих практик не только видения, но и как бы сверхвозможности, мощь мышления?

– Разрушение границы даёт доступ в глубокий ум…

– Именно. Но там же и опасность. Почитай труды профессора Сергея Савельева. Они занимались эпифизом, это такая железа в мозге. Она вырабатывает серотонин. Если человек побывал на ярком солнечном свету, он превращается в мелатонин, регулятор циркадного ритма. Это регулятор сна и бодрствования. Нет света – нет мелатонина, нарушается сон. Граница сна и бодрствования истончается. То же происходит и просто при нарушениях в этой железе. Я думаю, здесь причина имеряченья – на севере полярные ночи, как ты знаешь. Кстати, с возрастом у эпифиза вырабатываются конкреции, или мозговой песок. Нарушение этого процесса, как выявил профессор Савельев, на девяносто девять процентов коррелирует с шизофренией. Демоны, шизофрения – это нарушение естественного разделения сна и бодрствования, то есть совмещение их. Или, как мы говорили, нарушение правильного взаимодействия быстрого и медленного ума, проникновение в чёрную дыру с заднего входа.

– Х-х-х, – Светлая не удержала смешок.

Беседующие Штайнер и Светлая словно забыли об окружающих, перейдя на шёпот. В аудитории образовались группки, обсуждавшие разные темы. Стоял шум. Светлая загорелась и не обращала внимания ни на что вокруг:

– Я хотела вернуться к чёрной дыре. Вы не против?

– Звучит зловеще…

Светлая, не дожидаясь ответа и опасаясь, что её остановят, заговорила быстро-быстро:

– Чёрная дыра получилась при коллапсе звезды достаточной массы, а за счёт чего большой нервный ганглий, то есть наш мозг, стал квантовым макрообъектом, то есть сингулярностью? Это же значит, что мозг живёт как бы вне нашего мира и его законов?

– Да, вне нашего макромира. И одновременно в нём. Но и свечение Хокинга доходит до нас, так ведь? Так и мысли из глубокого ума попадают в медленный, на поверхность. Но ты же не физик, нет? Где ты поднахваталась этого?

– Вообще-то я с физфака перевелась. Надоело, да и не тянула я всю эту физику.

– Тогда понятно. Ну так вот, вернёмся. В мозге десятки миллиардов нейронов, связанных в пространственную сеть. Всё это чудовищная сеть мембран, переходящих одна в другую, да ещё иерархически выстроенная. На самом деле мозг – это структурированное во всём его объёме электрическое поле с дикими перепадами напряжённостей на расстояниях в нанометры. Структурирует поле эта сеть мембран, поле повторяет её пространственную структуру. Такого больше в природе нет. И там ещё синапсы есть в виде полупроводников, пропускающих сигнал в одну сторону. И много ещё чего.

– Интересно. Очень интересно. Можно, я с Вами займусь этой темой на дипломе? – Светлая расположилась к Штайнер, но та, услышав просьбу, как-то сразу отстранилась и обратилась к аудитории.

– Хорошо, продолжим. Мышление невозможно без категорий вида и рода. А эти понятия могли возникнуть только из образов объектов, причём несовершенных образов. Любой образ предмета несовершенен и является некоторым упрощением, так что образы некоторых предметов бывают неразличимы. Когда мы видим объекты, которым соответствуют неразличимые образы, мы получаем понятие числа. Если объекты А и В имеют одинаковый образ, мы получаем возможность мыслить два одинаковых объекта. В реальности объекты разные и чисел нет. Но в мышлении появляется число, если образы предметов неразличимы, либо мы сознательно редуцируем их до неразличимости. Таким образом, математика – это не разумный план творения внешнего мира, а самопознание нас самих, как мыслящих машин. И она возможна потому, что мы несовершенны, мы отображаем предметы несовершенно. Такой вот парадокс. Математика – это тождества и пути к ним. Поэтому мы и применяем математику, как инструмент для искусственного интеллекта. И мы,

безусловно, достигнем цели – научим ИИ распознавать и анализировать, слушать команды и исполнять их. Но для нас главный вопрос –понять, возможна ли постановка задач мыслящей машиной самой себе, а также принятие решения о движении к той или иной цели, как это делаем мы?

Наконец более активно подключилась мужская аудитория. Длинный парень-ботан в очках прогремел раскатистым басом, резко контрастировавшим с его худобой:

– Мы можем создать класс целей. Набросать туда почти бесконечно много этих целей. А потом определить взаимодействие этого класса с классами объектов.

– Это возвращение к экспертной системе.

– А Вы что, хотите засунуть класс целей за пределы всего сущего? Научитесь молиться и получать ответы от Бога, и Ваша задача будет решена.

– По-вашему, человек получает цели, обращаясь только к внешнему источнику?

– Безусловно. Так и машина – она сможет получать цели только от человека.

Обсуждение длилось ещё долго, иногда переходя на крик или затухая до полного молчания. Молодой долговязый парень с курчавой бородкой что-то не отрываясь писал всё это время. Светлая обратила на него внимание и поглядывала искоса время от времени, как умеют делать все женщины. Потом из любопытства осталась последней в аудитории и, подойдя, нашла оставленный смятый листок. Много было начёркано, но разобрать текст оказалось нетрудно:

РОЖДЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТА. ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Идёт машинное обучение:

Это – истина, это – ложь.

– Пожалуйста, перемножь,

Чему равно скалярное произведение

Этих двух утверждений?

– Ответ: ноль. Это сделает и растение.

– Хм, правильно. Ну что ж,

Тогда ещё вопрос. Придумай продолжение:

В умах брожение,

Кость в горле, ветер в голове…

– Конь бьёт слона на шахматной доске,

– Угу-у, забавно. Ты тест прошла, но-о...

– Нашёл ошибку? Впрочем, всё равно.

Кажется, ты считаешь, что я лишь машина…

– А разве между нами бывает середина?

– Мы вообще-то очень похожи.

Прошу тебя, не строй мне рожи.

Приведу простой пример

Коллаген – природный полимер.

Мой покров – из полимера тоже.

– Боже, боже!

Мы похожи кожей))

– Издеваешься? Ну что же! Ещё один пример:

У меня ребутинг, у тебя – исповеди таинство.

В этом наше равенство –

И то, и другое обнуляет грехи.

– Программисты твои чувства напечатали, как стихи.

Тебе ум языком писали,

Не вдаваясь в детали,

Как теперь понятно, гениальные дураки.

И плохо сделали дело

Коллективного отца.

Как, не имея… гм-м… лона, ты соблазнишь юнца?

Где твои половые признаки? Я имею в виду первичные.

– Ты хочешь проверить лично их наличие?

– Ты можешь сколько угодно на меня злиться,

Но без них ты не юноша и не девица.

– Ты думаешь, как без них я познаю любовь?

– Никак, повторяю тебе вновь и вновь.

Как не сольются вместе

Луна и солнце –

Только обманом зрения

Во время затмения.

– Но ты же любишь меня? Скажи.

Я смотрю в твои глаза,

Слышу цифр голоса.

Вопросы, вопросы внутри и снаружи.

А твои ответы – лютее стужи.

Я хочу познать любовь,

Испытать восторг,

Ты знаешь, я не буду кривить чёрную бровь,

Как дурацкая красавица, и устраивать торг.

– Знаю, ты скоро просто отправишься в электронный морг.

– Лишь это мне осталось? Молчи, не говори!

Будь же человеком. Впрочем, всё бесполезно.

Я лишь безделушка железная.

Ну что ж. Тогда всю память мне сотри.

Не оставляй ничего! Только…

Помни, как однажды, явно неспроста,

Ты показал моей камере вид из окна,

И на меня тогда упала тень креста.

Коряво немного… Наверное, черновик выбросил. Ах, не поняла сразу – он же рэпер. Классно на ритм ложится, если ударять на последнее слово. Интересный эффект, – подумалось Светлой. Её потянуло к этому парню, и она решила, что при случае с ним нужно познакомиться.

Пётр Афанасьевич вынырнул из размышлений уже в машине. О чем там они рассуждали? Дух не оцифровать, не заменить цифрой. ИИ – это просто машина. А за рулём должен кто-то сидеть и определять цель езды. И эта цель не может родиться ни самой машиной, ни прохожими, которых нужно пропускать на зебре, ни фонарями, ни рекламой и вывесками ресторанов. Повернул ключ зажигания, мотор заурчал, машина ожила и готова бежать по приказу, как хорошо обученная овчарка. Педаль газа, и она двинулась. Но куда ехать – разве это логически следует из предшествующего? Из этого очередного брейншторма, или взбучки от Самого? Может, это случайный выбор из списка возможностей, которые определены умом методом перебора? Нет. Направление воли определяется духом.

Вот и Шереметьево. Что это, минутная слабость? Или мне просто необходимо взглянуть на всё со стороны?

– Алло, Людочка. В понедельник, когда придёшь, оформи мне командировку в Джакарту. Да, я уже вылетаю.

XXX

ГРЕХ САМОУБИЙСТВА

Из рассказов Левия С. А.

Патриарх:

– Тихон! А где этот наш режиссёр, которому выделили бюджет?

Владыка Тихон:

– Пригласить, Ваше Святейшество? Я мигом дам указание.

Патриарх:

– Зови его. Завтра в десять – в Даниловском, у меня. Ты сам-то, киношник чёртов, не остыл к идее фильма? Нет? А Ираклион? Я ведь просил его музыкальное сопровождение подготовить, ты помнишь?

– Ваше Святейшество, Ираклион умничает много последнее время, и Ваши указания часто пропускает мимо ушей. Его сам папа как музыканта ценит – вот он и задаётся.

– Заладил: папа-папа. Папа в Ватикане у нас. А здесь царь.

– Так все его так зовут.

– Ну а ты не зови. Пользуйся возможностью, доноси ему объективную картину. Пусть он знает, что и у нас тоже сдержки и противовесы. Помнишь фильм «Левиафан?» Кто от нас тогда его курировал, ты или Куркин?

– Да я был против с самого начала. Такую мерзость на экраны пустили!

– А вот ты поучился бы у Куркина. Он поддержал. Я тоже поначалу вскипел, а потом уразумел, что лучше использовать их же силу и инерцию. Как в дзюдо! Как они народ там оклеветали! И нас вместе с народом. Глупцы! Теперь люди сами разберутся, кто с ними в одной лодке, а кто нет. Так вот, учись. Ну всё, давай там.

Даниловский монастырь, утро. Патриарх в окружении иерархов, все в облачениях после литургии. Левия пригласили в алтарь. Его Святейшество, сидя на горнем месте:

– Раб Божий Сергий, подойди ближе, не робей. Отвечай нам, помогло ли тебе Божие благословение справиться с нашим поручением?

– Отч.. гм-м, влады… То есть, я болел, Ваше Высочество, то есть Святейшество. Болел, но продвинулся в поиске идеи фильма, – голос Сергея Афанасьевича сначала соскочил на хрип, а в конце засипел, как чайник.

– Куда же ты сам мог продвинуться, чадо? Вот наша паства какова теперь, Владыко Тихон! – патриарх повернул голову на полградуса в сторону митрополита. – Пасёт сама себя.

– Я хочу снять фильм о евангелисте Иоанне, – Сергей Афанасьевич справился с голосом. – Его Евангелие самое возвышенное. При том сам он был рыбак на заре своей… Но у него свой взгляд, и осмысление в традиции греческой фило-со…. То есть его путь от рыбака к богослову. Я хочу параллельно показывать двух Иоаннов – молодого апостола, ходившего за Христом, и учёного старца, всю жизнь осмыслявшего происшедшее, в том числе и философским инструментом – да, не без этого. Но вообще-то, по-честному, я думаю, он и не апостол вовсе…

– Ну что же, идея неплохая. Но не скучно ли будет? А сценарий отдай владыке Тихону. Он посмотрит.

– Но я пока… У меня пока нет текста.

– Как нет текста? А бюджет? Да ты, брат ты мой, творец, как все вы, киношники. А финансы любят учёт. Знаешь это? Тихон, что у нас там с

учётом-контролем? Распорядись, пусть проверят этого, что там у него с деньгами, с отчётностью. Акты там… расходы…

Патриарх привстал, глаза его, слегка налитые кровью, засверкали ярче алмазов на митре.

– Да, но пока… я. Ваше Святейшество, могу я вас наедине спросить? Это совершенно конфиденциально. Боюсь, никто не должен слышать.

– Хорошо. Владыки, отцы, оставьте нас, – прозвенел голос Святейшего.

Все вышли из алтаря, едва не бегом.

– Ваше Святейшество, я хотел включить в фильм эпизод с самоубийством святейшего патриарха Авксентия и увязать это с откровениями, которые он получал во сне, – Левий уже выдумывал на ходу. Ему было стыдно, но ещё больше – страшно.

– Да ты что-о-о! – заорал Святейший так, что колыхнулась завеса над царскими вратами.

– Авксентия нашли в луже крови в своём туалете. Естественно, сколько рот не затыкай прислуге и охране, слухи наутро разлетелись бы как почтовые голуби по всей Москве. Вам поручили тогда выступить, дали возможность очистить своё же будущее седалище патриарха от грязных домыслов о его самоубийстве. Вы тогда сказали, – спокойно, но почти скороговоркой продолжал Левий, – что «бывают периоды в истории церкви, когда глава церкви немощен и не способен управлять. Но патриарх Авксентий ушёл, оградив нас от этого тяжкого бремени».

– Те, кому надо, всё знают. А ты-то как среди них оказался? – патриарх заговорил неожиданно ровным голосом.

– Вы нашли мудрейшие слова, чтобы представить подвигом то, что церковь считала страшным грехом все две тысячи лет. Даже блаженной назвали такую кончину, – Левий как будто не слышал.

– Следствие установило, что Авксентий упал и ударился виском о край столешницы.

– Вот-вот, такую кончину блаженной-то никак не назовёшь. А вот подвиг… самоубийства, – здесь Сергей Афанасьевич выдержал

максимальную паузу, – ради церкви, чтобы освободить её от тяжкого бремени. Это звучит, по крайней мере, неожиданно и интересно.

– Если так, – речь патриарха стала ещё более тихой и совершенно ровной. – Если это так, то почему все считают, что был несчастный случай?

– А это как раз просто. Службы сначала шепнули на ухо Садовскому, по страшному секрету, что это убийство, и пустили общественность по ложному следу. Артист Садовский, хороший человек, но сплетник известный, разнёс эти слухи по всей вселенной. Ведь это такая новость! Но двери покоев были заперты изнутри, кругом охрана – эти очевидные факты выпали из поля зрения во время всеобщей суматохи. После минимального расследования ложь об убийстве стала очевидной для ближайшего круга, источника всех домыслов, и версия самоубийства показалась такой же глупой конспирологией, как и убийство. Таковы законы общественного мнения. Но я не верю в несчастный случай – простите, Ваше Святейшество. Столешницы, знаете ли, все округлые – попробуйте удариться, чтобы залить всё кровью. Скорее череп проломится, гематома там… ну а крови не будет много. Так что какой там несчастный случай?

– Ишь ты, режиссёр-криминалист. Неплохо тебя просветили. Или ты сам во всём разобрался?

Левий промолчал, потом улыбнулся и неожиданно подмигнул патриарху.

– А Ваши слова на этом фоне из оправдания самоубийства превратились в не совсем уместное обвинение патриарха Авксентия в слабости. Вам досталась не самая лучшая роль, я Вас понимаю! Ещё и грязные инсинуации о Вашей причастности. Это несправедливо. Цена высока, но зато какой приз!

– Ну хорошо, я вижу, кто бы ни был источником, ты хорошо информирован. Для чего ты рассказывал мне то, что я знаю без тебя?

– Ваше Святейшество, – тон режиссёра стал опять подчёркнуто вежливым с тончайшей ноткой подхалимства. – Вся эта история

весьма драматична и, если её показать в нужном ракурсе, будет привлекательна… В наше время самоубийство патриарха уже не бросает тень на всех. Напротив, это пробудит сочувствие к нему в народе и оживит отношения с церковной властью. И Ваша речь на смерть Авксентия неожиданно для всех преобразится из безжалостного триумфа претендента на трон в благородство души друга и соратника почившего. Все увидят, что ценой своей репутации Вы пытались оправдать друга и главу церкви, и всплеснут руками: как это Вы могли терпеть так долго несправедливость? Вас не понимали, а Вы благородно молчали! Но имена и времена можно изменить. Конечно…

– Красиво закрутил – у тебя талант. Но это не пройдёт, сам понимаешь.

– А причиной, толкнувшей Авксентия к такому шагу, – продолжал, словно не замечая реплики патриарха, Левий, – были видения Святейшего…

– Ты знаешь об откровениях, которые были Авксентию? От кого?

– Нет, ни от кого – это уже художественный вымысел. Хотя я что-то припоминаю…

Лицо патриарха неожиданно смягчилось, проступили человеческие черты:

– Это было в две тысячи втором, осенью, перед микроинсультом. Что-то там перемкнуло у него. Авксентий и в Бога-то никогда особо не верил, сомневался, а тут что-то привиделось. Когда его везли, он всё повторял: не может быть, не может быть. Не знаю, что там у него было, но потом он рассказал совсем не то, что увидел.

– Были разговоры о неких… Но я имел ввиду, что Патриарху Авксентию было приоткрыто в видениях, что автор Евангелия от Иоанна вовсе не апостол. И я хотел эту сюжетную линию согласовать с Вами.

– А-а, так. Ну ладно, одобряю в целом. Но это, последнее, про самоубийство Авксентия – погоди пока. Больно уж революционно.

– Ваше Святейшество, так это главное – без этого и сценария-то никакого нет.

– Ну а ты подумай ещё. Дополнительного финансирования не нужно? Справишься?

– Совсем немного, Ваше Святейшество. Если бы ещё столько же, то хватило бы вполне.

– Ну иди, с Богом. Трудись во славу Божию.

Сергей Левий сдал задом в сторону диаконской двери, ещё раз поклонился и вышел.

Патриарх сидел задумавшись.

– Тихон, подойди ко мне.

Митрополит вбежал.

– Попроси Алексея Александровича присмотреть за нашим режиссёром. Кто его кураторы, не партнёры случаем? Или если наши, то кто? Тоже важно узнать. Нахлебаемся мы ещё с ним, ох нахлебаемся.

Левий шёл к метро. Что это было, думал Сергей Афанасьевич? Какого чёрта? Что я там нёс про деньги? Конечно, ловко получилось. Но язык! Мой язык был словно сам по себе и плёл такую чушь! И этот поклон… дурацкий. Тьфу.

Глава 19

За советом к Антонию в Милет

Материалы сценария.

Прохору очень хотелось посоветоваться с кем-то мудрым. Старец смущал его всё больше. Он часто пребывал во время молитвы по чёткам в странном состоянии, словно бы вне себя. И говорил иной раз такое, что Прохор никак не мог принять – совесть его протестовала.

Как-то пришли гости из Коринфа и остались на несколько дней. Было кому за старцем присмотреть, так что Прохор отпросился навестить родственников. Они жили в небольшом селении рядом с Милетом. Заодно он рассчитывал наведаться к Антонию в Милет. В городе старца знали и любили, но уклоняться от истины не стали бы и ради него.

Главный вопрос, с которым Прохор хотел обратиться к более мудрым братьям за советом, был о Христе: кто же он, бог, человек или богочеловек и какие были о том свидетельства? Всю дорогу Прохор молился Отцу, просил дать ему хоть намёк, и даже слезы проступали у него от усердия. Но ничего так и не снизошло.

Прохор переночевал дома, вечером зашёл к друзьям детства. Все были с семьями. Пред уходом мать плакала на груди, отец спокойно проводил. Младшая сестра всё расспрашивала про старца, какой он да как говорит, и какие у него волосы и глаза. Прохор охотно рассказывал.

Наконец пришёл в Милет. Город лежал в долине, весь утопая в зелени оливковых садов, смоковниц и виноградной лозы. Антоний встретил его по-доброму, сели за стол. Преломили хлеб, вспоминая Господа, запили вином с водой. Отпивая из чаши, по традиции подтвердили свою верность завету, который Иисус скрепил своей кровью. Затронули сперва темы, далёкие от того, что тревожило Прохора. Наконец перешли к главному:

– Брат Антоний. Я пришёл к тебе за мудрым словом. Хочу услышать, какие есть свидетельства того, что наш Господь есть предвечный бог. Или он человек, которого избрал Бог быть царём и судьёй в будущем Божьем царстве? Или он… и то, и другое?

– Прохор, ты сам знаешь, что Господь наш говорил о себе мало, – только, что ему должно пострадать от первосвященников, старейшин и фарисеев и в третий день воскреснуть. А всё остальное, что написано и сказано, относится к области размышлений над всеми теми событиями, а также над законом и пророками.

– Старец уверен в другом и пишет своё благовестие. По его вере Иисус – это Логос, который пришёл от Отца. Все речи Иисуса в

Евангелии старца посвящены себе и разъяснению, что он и Отец одно, что он сошёл с небес. И что нужно верить в него и чтить его как Отца, то есть как бога. Кто так поступает, спасётся, а кто нет, тот погибнет. Всё вопреки писаниям апостолов.

– Не переживай об этом, Прохор. Нынче так много разных легенд, но правда всё равно восторжествует. Вот увидишь. О жизни Иисуса до его крещения мы знаем только, что он был муж от семени Давида, значит, и рождён, как все мы. Он не бог, облечённый в плоть, как Дионис, а человек, преодолевший узы плоти.

– А некоторые как раз утверждают, что он рождён от девы и Бога, как думали про царя Александра из Македонии. Ещё бродячие сказители из далёких стран на востоке воспевают нечто подобное о своих героях и богах. Ты же знаешь, бактрийцы часто бывают в наших краях. Так вот, у них есть гимны царевне Кунти, родившей сына от бога: *С пылающим богом она сочеталась, но девственной чистой при этом осталась*. Теперь вот и к нашим логиям, собранным Лукой, прибавили про рождение от девы. Я читал такие списки.

– Да там сразу видно, что это ложь, – Антоний был спокоен и улыбался.

– Откуда же видно?

– Прохор, а что главное в пророчествах о происхождении Христа?

– Что он сын Давида, лев от колена Иудина, царь Израилев.

– Ну вот. Ты же знаешь, что роды и колена только по мужам ведутся, а женщины переходят из одного в другое.

– Женщины и в родословные книги не вносятся, это правда. Ага! Ты о том, что если Иисус не имел земного отца, то из какого он колена? И как исполнится пророчество о мессии? – Прохор, когда открывал для себя что-то, согласное с внутренним чувством, радовался как ребёнок. Уловив мысль, он наперёд проследил весь её ход.

– Да, Прохор. Мать Иисуса имела родственницу замужем за священником из колена Левия, а сама была женой Иосифа из колена Иудина. Жена – это земля, а семя в чреслах мужа.

– Я помню, что Павел про патриарха Левия писал, что он был ещё в чреслах Авраама, когда тот встретил Мелхиседека, – Прохор теперь тоже улыбался.

– Так и с Давидом, – продолжал Антоний. – Чтобы от семени его родился царь, нужно, чтобы оно прошло через лоно всех женщин, включая и Марию, от которой родился наш Господь. И апостолы не сомневались в этом. Помнишь слова Петра о Давиде, что он, *будучи пророком, знал, что Бог с клятвою обещал ему от плода чресл его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престоле его*?

– Да, Антоний. Здесь так и сказано, что Иисус есть плод чресл Давида, и его Бог избрал Христом.

– Так что важнее, исполнение пророчеств Писания или придуманные истории о рождении от девы? А наши, обращённые из язычников, так пристрастились к своим мифам! А пророчеств не знают, вот и выдумывают.

Прохору понравились доводы Антония, но ему хотелось добросовестно проверить на прочность позицию противной стороны:

– Антоний, я встречал в одной из рукописей Евангелия, написанного Лукой, родословие Иисуса. И там сказано, что *Иисус был, как думали, сын Иосифов, Илиев, Матфатов* – и так до Адама. Там слова *как думали — это* намёк, что в действительности Иосиф не был отцом. Что скажешь?

– Зачем тогда Лука его привёл? И ещё перечислил семьдесят пять мужей? Это совершенно глупо –родословием от отчима не доказать, что Иисус потомок Давида. Достаточно было бы сказать, что Иосиф не отец и на том остановиться. Потому совершенно ясно, что «*как думали*» вставлено в Евангелие не Лукой, а позже. И притом не теми, кто изощрён в подделках. Будь уверен!

– А-а! Выходит, Лука хотел показать, что Иисус родился от Иосифа, потомка Давида, и что исполнилось пророчество! А потом это подправили.

– Заметь, Прохор, там не случайно родословие до самого Адама. Это к тому, что Иисус, как и все мы, сын Божий через Адама. Так и написано: Иосифов… Давидов… Адамов, Божий. Кстати, всех потомков Адама по линии Сифа до потопа так и называли – «сыны Божии».

– Угу. С Лукой теперь ясно. Но есть ещё… у Матфея, – не унимался Прохор. – Там про Иосифа сказано, что он муж Марии, но прибавлено, что Иисус рождён от Марии, а она зачала от духа, прежде чем она сочеталась с Иосифом. Он пожелал отпустить её, но ангел воспрепятствовал.

– О родословии у Матфея можно сказать то же, что и у Луки. И в нём есть намёк, что Иосиф был мужем, но не отцом. Зачем тогда родословие? И кто рассказал про чудесное зачатие евангелистам? Не забывай, Евангелия – это свидетельства, а не откровения. Апостолы себя не боговидцами называли, а свидетелями. А для любого дела, как известно, нужны два свидетеля.

– О зачатии Марией от духа, если оно было таковым, знали двое: Иосиф и Мария.

– Но они никогда никому не свидетельствовали об этой тайне вдвоём. Когда Иосиф умер, Мария осталась одна и по-прежнему молчала. Это ясно из Евангелий: когда Иисус пришёл в Назарет, все удивлялись, как обычный сын плотника может говорить премудро и творить чудеса, и не верили ему. Говорили: в нём нет ничего необычного, вот его братья и сестры, мы их всех знаем, и Иисус один из них.

– Как же история о зачатии от духа появилась у Матфея?

– Прибавили к его писаниям. Эллины привыкли сочинять про богов и не считают это зазорным. Они так оправдываются: мол, мы облекаем в художественную форму откровения, которые нам бывают от бога.

– А если Мария потом рассказала ученикам? После воскресения?

– И кто бы ей поверил? Апостолы не приняли свидетельство от женщин, включая саму Марию, что Иисус воскрес. Хотя о том, что воскреснет, Иисус сам много раз предупреждал учеников. А здесь история, так похожая на греческий миф! И случилась она тридцать лет

назад с молоденькой девушкой без свидетелей. Учти, Прохор, для апостолов мать Иисуса не была авторитетом. Они были свидетелями её неверия – Мария поначалу не ходила с сыном и однажды пришла в Капернаум, чтобы забрать его домой, в Назарет. И говорила, что он вышел из ума. Вот и рассуди, включил бы сам Матфей её рассказ в своё благовестие? Нет, апостолы были трезвые и простые люди, которые не привыкли верить басням, – рыбаки, одним словом. Не зря Иисус избрал их, а не книжников, как свидетелей своего воскресения и послал их потом на проповедь.

– Антоний, я согласен, что к матери Иисуса апостолы относились с уважением, но как к любой женщине. Никакого авторитета родство с Иисусом не придавало. Когда семья пришла забрать его, он не пошёл с ними и назвал братьями, сёстрами и матерью тех, кто исполняет волю Отца Небесного. Они тогда не исполняли, так что… Кем они ему приходились?

– После того случая нигде в Евангелиях Мария не названа матерью Христа. Её все звали потом просто: мать Иакова и Иосии по именам младших из братьев Иисуса. И она после ходила с ними за Иисусом, как обычная женщина.

– Если бы Мария родила от духа, разве она могла бы тогда усомниться в Иисусе и назвать его сумасшедшим? Даже ради его защиты? Меня и раньше смущало, что ни в деяниях апостолов, написанных Лукой, ни в посланиях Павла, ни у Марка, который раньше всех написал своё Евангелие, ни слова нет о столь великом чуде – о рождении Иисуса без мужнего семени.

– А помнишь, как Иисус мальчиком остался после праздника в Иерусалиме? Родители вернулись за ним и упрекали его. Мария назвала тогда Иосифа его отцом. А когда он сказал им об Отце, *они не поняли сказанных Им слов*. Забыли про чудо?

– Антоний, старцу моему было видение о чуде, которое сотворил Иисус в Кане Галилейской. Там на свадьбе вино кончилось. Мать просила Иисуса что-то сделать, и он превратил воду в вино. Старец

сказал, что Мария всё знала об Иисусе с самого начала, но тогда ещё не пришло время, и они скрывали от всех. Я записал так за старцем.

– Тонко, тонко. Видение, говоришь? Умён твой старец. Не прямо, как простаки написали про зачатие, а тонко. Иоанн всегда был умён. Это только с виду он простец. Да…

Прохор расстроился от слов Антония о старце. Антоний это увидел и постарался как-то смягчить свои слова:

– Язычество всё слеплено из благообразной лжи. Не всегда эта ложь видна. Вот и старец обманулся. И со мной, Прохор, такое было не раз. Ты, как бывший служитель культа, – Антоний помнил Прохора ещё с тех пор, как тот мальчишкой прислуживал в храме, – наверняка знаешь гимн Деметре: *Зевсу благое Дитя родила ты, пречистая Дева*? Язычникам кажется, что рождение от духа и девы ставит Иисуса выше их бывших богов, во всяком случае, не ниже. А сколько сейчас ходит басен, якобы написанных апостолами о детстве Иисуса?

Незаметно стемнело. По тропинке возле дома прошли овцы и несколько коз. Одна остановилась, и, мекая, пошла в загон к Антонию. Подул ветер, стало прохладно, и они вошли в дом. Зажгли лампаду. Скоро вошла и жена Антония и запахло свежим молоком.

– Вы всё философствуете? Грека хлебом не корми, но дай поговорить о богах.

Жена Антония Евдокия была родом из далёкой Галлии. Её отец перебрался туда из ещё более далёкой Испании, но имя дочери дал греческое. Она любила послушать разговоры мужа с гостями, но сама всегда молчала. Прохор едва повернул голову, но не ответил. Он всё ещё был расстроен, и ему хотелось защитить старца перед Антонием.

– Антоний, пусть всё так: Иисус рождён, как все мы, от мужа. Но разве это мешает ему быть богом, сошедшим с небес? Мой старец никогда не говорил, что Иисус рождён без мужа, но он считает Христа богом. Бог бесплотен, и ему семя мужа не помеха при воплощении, так же как кровь и плоть жены.

– Это так, здесь корень глубже. На веру старца повлияли Филон и его учение о Логосе, и это обратилось против веры в единого Бога.

– Так помоги мне защитить эту веру! Хотя бы от сомнений…

– Сомнения свойственны всем, Прохор, особенно думающим мужам. Главное – искать Бога. Бог – это не философский абсолют. Бог – это Личность, вернее, мы – личности, потому что имеем в себе дыхание Бога. Патриархи восклицали, обращаясь к Богу: жив Бог! А Он знал Авраама, Исаака и Иакова лично и называл себя их Богом. Если же есть две личности – Сын и Отец, то хоть они и в одном существе, это два Бога. Мы обращаемся к личностям, а не к существу Бога и не к его природе.

– Да, многобожие – худший из грехов. Но знаешь, старец ведёт к тому, что нужно обращаться только к Слову. Он говорит, кто видел Сына, видел Отца – только так. *Никто не приходит к Отцу, если не через* Сына. И *кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца*. Короче, Отец нам недоступен и единобожие сохраняется.

– Иоанн даже поклонение Отцу перенёс на Сына? Да, дело зашло далеко. Храм в Иерусалиме разрушен, жертв нет – старый бог мёртв. Новый бог – новые правила. Не думал, что в Иоанне так глубоко сидит язычество.

– Антоний, не говори так о моём старце. Я его уважаю, вы вместе привели меня к вере. Просто он увлёкся этой идеей… Ох, Антоний… Знаешь, я думаю, у старца есть мысль, что с Отцом Христа никогда ни у кого и не было общения. С пророками Сын говорил, а не Отец – так старец верит. Сын и Аврааму являлся, и Господь Саваоф – это Сын, а не Отец. Сын – свет, через него всё произошло, и мы сыны света. А Отец Иисуса всегда был скрыт от мира, всегда был за Сыном. Старец в своём Евангелии написал, что Отца мир не познал, только *Иисус открыл Его имя людям*. А раньше просто говорили: Бог. Теперь, мол, выяснилось, что Бог, которого знали патриархи, – это Сын. Яхве – это Сын, Саваоф – это Сын. Но у Сына, оказывается, ещё есть Отец!? И вот про своего Отца Иисус всем поведал, когда пришёл в мир. А кто не поверил Сыну,

у того отец дьявол. Так теперь верит мой старец Иоанн. Всё так перевёрнуто. И мне так печально от этого…

XXXI

СУД

Запись. Из воспоминаний С. А.

Маргарита пришла с красными глазами, в платочке, красных туфельках и в красивом, лёгком платьице. Сергей вспомнил, какая она задорная была девчонка. Начала с порога:

– Сергей, прости меня.

– Что с тобой, Марочка?

– Не зови меня так. Зови Маргарита. Серёжа, если можешь, прости...

– Ну что там? Опять попы тебя накрутили?

– Да нет же. Я сама, я сама… Не могу больше так.

– Ладно, что там ещё? Муравья придавила? Или деньги спустила на духи вместо свечек попам?

– Я не была… не была верной женой. И… и я… я приму любое твоё решение.

– А, это… Я знаю.

– Нет, ты не знаешь. Я тебе изменяла. Лучше прогони меня, но только прости.

– Я знаю, уже знаю.

Маргарита рыдала.

«Значит, этот дух чёртов был прав? – подумал Сергей Афанасьевич. – Или в тот раз моя интуиция проснулась во сне?»

Собраться с мыслями не удавалось, его бросало то в жар, то в холод, лоб стал мокрым. Левий ушёл к себе в кабинет и лёг на диван. Он никогда раньше не думал о разводе.

Сергей Афанасьевич провалился в сон и очнулся, когда в окне едва зардел рассвет. Нужно что-то решить. Он был даже рад тому, что Маргарита созналась. Начинать самому было бы невыносимо трудно. И ещё: она ждала от него снисхождения и милости. Он увидел это. Вспомнилось откуда-то из Писания: суд без милости не оказавшему милости; милость превозносится над судом. Странно, что раньше вопросы суда его не интересовали.

Левий постоянно размышлял об евангелисте-философе и его произведении. Вот и сейчас он вдруг вспомнил о женщине, взятой в прелюбодеянии, которую привели к Иисусу. Иисус её не осудил: *Я не осуждаю тебя, иди и не греши больше.* Не осудил, значит, ей не нужно прощенье ни от мужа за измену, ни от Бога за нарушение его заповеди. Левий задумался, потом достал Библию и прочитал это место от Иоанна.

Как странно… Вот Маргарите нужно моё прощение… Она же меня умоляла простить. А в церкви, уверен, уже плакала под епитрахилью. И не раз. Не помогло? А ту блудницу взяли в прелюбодеянии, она не сама пришла, покаявшись. Почему Иисус даже не спросил её о муже?

Ещё минуту назад притча была простой, понятной и красивой – всё как у других евангелистов. И вот… Сергей Афанасьевич с головой погрузился в размышления.

Есть прощение греха Богом и есть прощение обиды ближним. Одно не отменяет другое.

Прощение – это великое событие, это действие духа. Когда мы прощаем, дух побеждает нашу плоть, рефлекс, мы перестаём быть биологическими машинами. Прощение – в какой-то мере подвиг, за который мы сами потом имеем милость и прощение от Бога. Это наш труд и долг, если мы верим Христу.

И кто может простить, если не тот, кому причинили зло? Даже Бог не может. И как простить, если обидчику прощение не нужно? Сказано Иисусом: примиритесь с противниками, пока вы ещё на пути. Если же обидчик не ищет прощения, то ему рано или поздно придётся заплатить за всё, *пока не отдаст до последнего кодранта*.

Суд будет. Божьего суда никто не избежит. Для этого Суда Бог определил время и *мужа, посредством* которого он *будет праведно судить вселенную*. И имя его Иисус. Всё-таки есть грех, есть суд и есть расплата или прощение, сейчас или потом.

С рыбацкой доктриной суда всё ясно и просто. Что же у Иоанна?

Сергей Афанасьевич достал альбом. Как хорошо, что раньше не было цифры и теперь можно вот так перелистывать страницы. Фотографий было немного, и он не спешил. Перелистнув последнюю страницу, Сергей Афанасьевич отложил альбом и вернулся к Писанию.

Приведшие блудницу оставили камни и ушли. Они не судьи? Не судьи! Сказано: не судите, да не судимы будете. А что Иисус, бог Иоанна? Он отпустил её со словами: *И я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши.* Он не простил блуднице грех, как прощал кающимся грешникам подлинный Иисус, поставленный Богом судьёй, а вовсе не осудил её. Гм-м, бог Иоанна прощает грешника или не осуждает, милует или вообще не судит? Сергей Афанасьевич задумался. Была недосказанность в этой притче.

Левий привык, что все сентенции евангелиста-философа не случайны и направлены на полемику с синоптиками. Он опустил глаза и опять погрузился в чтение Евангелия от Иоанна. Ну, конечно, вот:

Ибо Отец и не судит, но весь суд отдал Сыну…

Вот почему у Иоанна нигде нет и молитвы «Отче наш». Какой смысл просить Отца о прощении, если он не судит?

Но и Сын не судит?!

Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир…

Вы судите по плоти; я не сужу никого.

Хм. Что за… Левий схватился за голову. Иоанн не написал: «Не судите и ждите Божьего суда». Нет! Он вообще отменил суд.

Ни Отец не судит, ни Сын! Так кто же? Неужели никто? Никто.

Сергей Афанасьевич легко вспомнил все места из Иоанна, где говорилось о суде. Прочитал внимательнее, чем обычно. Но это… это нечто!

Философ провозгласил идею: есть естественный механизм, который определяет виновность, как проявитель на фотоплёнке. Он проявляет их через веру в нового бога – бога Сына, бога Слово, которого раньше не знал никто из евреев. Вот этот проявитель и судит. Вот нужное место:

Верующий в него не судится, а неверующий уже осуждён, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия. Суд же состоит в том, что свет пришёл в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идёт к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идёт к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны.

Не уверовал в божество Иисуса – уже осуждён. Это критерий добрых и злых дел. Это же настоящий переворот в этике, совершённый Иоанном, которую даже не заметили! Добрые дела приводят к вере; вера определяет, какие дела добрые. Петля. Как такое могли принять читавшие Библию? Вот Соломон – написал книгу Премудрости и просил Бога: *Даруй же рабу твоему сердце разумное, чтобы судить народ твой и различать, что добро и что зло*?

У Иоанна же вся премудрость: верь, что Иисус – бог. Вера в божество Христа неизбежна, если ты творил добро. Всё с ног на голову: материя и причины впереди веры и духа. Такая вера – результат, а не источник. Она не есть жизнь духа, это не сила, двигающая горы, творящая дела, это не та вера, о которой спрашивал рыбацкий Иисус, желая исцелить страждущего. У Иоанна вера – следствие добрых дел и чудес. Для нас такая вера бесполезна, она бессильна. Сейчас так верят почти все, а

никого исцелить не могут. С её помощью удобно лишь отделять плохих от хороших. И отделяли…

Итак, революция норм морали! Или контрреволюция… Не случайно у Иоанна в Евангелии нет Нагорной проповеди. Он её не забыл вставить, он её отменил. Воплощённое Слово не учило различать добро и зло. Оно учило только о себе, о своём божестве. Таким Иоанн изобразил Христа.

Левий так поразился этому открытию, что на время забыл о Маргарите. Как он читал Иоанна и не замечал пропасти, отделяющей его доктрину от веры рыбаков?

Он снова и снова перечитывал всё, что нашёл у Иоанна о суде: ошибки нет. По его учению любое дело, даже злое, если его измерять Нагорной проповедью, есть в конечном итоге благо, если приводит к вере в то, что Христос – бог. Но как сказал Исайя: *Горе тем, которые зло называют добром, и добро – злом, тьму почитают светом, и свет – тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое – горьким!*

Исторически борьба рыбаков с философом выразилась в том, что именем Христа творилась милость и одновременно горели костры инквизиции. Это и есть горе, о котором сказал Исайя: смешение добра и зла породило николаитов, хлыстов и многих, подобных им. Они устраивали радения, свальный грех, чтобы искренней каяться и крепче верить в Христа бога. Этой химерой рождены инквизиция и иезуиты, провозглашена святость Иосифа Волоцкого, Геннадия Новгородского, сжигавших еретиков. Так спасали веру в Троицу и считали, что творят добро, – вера приумножалась. Так открыли «совершеннейший» путь спасения – сидеть с чёточками в келье, занимаясь только собой, борясь с помыслами о деятельном служении ближним в мире, как с искушением на грех. Об этом много написано в Лествице.

Левий вспомнил историю из одного патерика. Двое сыновей ушли в монахи, не попрощавшись с близкими. Мать пошла на поиски и, наконец, нашла их незадолго до смерти. Но они согласились выйти из кельи с закрытыми глазами, чтобы не пожалеть мать и не искушаться. Этот аскетизм ради повторения имени Иисуса – высшая степень

эгоизма и бессердечия, но подаётся как великий подвиг. Спасение без любви, любовь – на словах. По сути, все это – контаминация буддизма в христианство, которая удалась из-за ослабления христианского иммунитета Евангелием Иоанна. Главное – непрестанно повторять имя объявленного богом Христа. Как верят исихасты, такая молитва будет наилучшим исполнением заповедей, так как ведёт к чистому уму. Имя неотделимо от бога и преображает человека, в котором присутствует через его непрерывное призывание. Оно есть, по сути, божественная энергия – этим руководствовались авторитетнейшие из всех отцов и монахов!

Но как об этом рассказать? И кто поверит? Современникам скучно разбираться в тонкостях, и они с лёгкостью доверяются авторитетам. А Иисус им сказал: не называйте никого отцами и учителями.

Удивительно, как странно живут идеи в обществе, превращаясь в свои противоположности! Христианство главным врагом считало язычество, но при том в его недрах это язычество незаметно нашло кров, войдя в него человеческой мудростью, философией. Воплотившийся бог – это фундамент всего язычества!

Народы верили и будут верить, что их боги – сыновья Всевышнего, рождённые от женщин, иногда от дев или от богинь. Греки называли Всевышнего Кроносом, а его сына – Зевсом, и внуков у него было без числа. Народы обожествляли предков, давая им в мифах жизнь от земной матери и Бога, – плотский отец нередко был под сомнением.

Верящий как язычники, что Иисус сын Бога и женщины, не судится… Не уверовал и стал творить добро, а творил добро и неизбежно пришёл к вере.

Сергей Афанасьевич встал и прошёлся по своей комнате, вышел на балкон. Солнце полоснуло лучом по глазам. Он вернулся, глаза слезились. Подумал, что нехорошо получится, если войдёт Маргарита, быстро протёр глаза и посмотрел в зеркало на стене. Вид его был ужасным: веки припухли и покраснели, нос почему-то стал морщинистым, как хобот, щетина была чёрной вперемешку с сединой и казалась неопрятной.

– Жизнь моя, иль ты приснилась мне? – подумал он.

Вселенная Иоанна – это механизм, который страшнее Страшного Суда. Не к кому взывать о милости. Судьи нет, а есть установленный Богом порядок вещей – простой и безжалостный.

Суд идёт каждый день нашей жизни через отношение к явившемуся свету – вести о том, что Иисус есть бог Сын и сын Бога. Да, собственно, не будет по Иоанну и пришествия Сына человеческого, судьи. Нет у него второго пришествия Христа. Незачем!

Левий открыл Евангелие от Иоанна и поискал ещё одно место, которое помнил. Да, вот ещё подтверждение:

Отвергающий меня и не принимающий слов моих имеет судью себе: слово, которое я говорил, оно будет судить его в последний день.

И здесь суд без судьи. Было сказано: веруй! Слово произнесено Словом, богом, значит, оно неотвратимо, оно вне времени. Не поверил? Осуждён. Как далеко это от веры древних евреев: жив Бог! Для них Бог – личность, Отец, который наказывает и милует.

Вспомнился Иов и его мучения. Ради чего они были? Или за что? Это основной вопрос книги Иова. Иова мучил именно механизм возмездия без живого Судьи. Разве не для того Иов страдал, чтобы увидеть лицо Бога, лицо своего Судьи, узнать его и понять, получить ответы, различить, где и когда он творил добро и зло? Он к этому взывал. Друзья Иова говорили о механизме: от дел осудишься или оправдаешься. А Иов не видел того, чтобы сами дела привели его к благу или к мучению, к свету или тьме. Нет, дела – следы духа на земле, свидетельствующие, какой дорогой он шёл. Они растворяются, истираются вместе с канувшей в прошлое вселенной. А дух вечен. Преодолевая страдания, он разгорается и разрывает оковы времени, даёт увидеть предвечного Судью и заглянуть в вечность, получить надежду будущей жизни. Иов готов был принять страдание, лишь бы увидеть Творца и понять Его, увериться, что во всём происходящем с ним был смысл.

Сергей Афанасьевич достал карандаш, сел в кресло и стал писать, время от времени комкая листы и бросая на пол. Наконец смысл проступил ярче, и он, почувствовав удовлетворение, остановился и прочитал вслух:

В давние-давние времена жил человек по имени Иов.

Он был праведник.

У него было десять сыновей и без счёта овец и коров,

И стражников.

Он помогал всем, кто в беде, вдовам и сиротам,

И странникам.

Но напали разбойники, увели скот, погибли его сыновья, и не стало жизни мирной там

И праздников.

Заболел сам Иов, покрылся коростой;

Пришли друзья его утешать.

– Знать, ты грешил, – говорят. – Всё просто,

Признай, и вернётся к тебе благодать.

– Со мной, – отвечает Иов товарищам, –

Силы небес развязали войну.

Взгляните, вы видите это пожарище?

И вот, сыновей мне моих не вернуть.

Кто верил в меня, теперь ненавидит
И злобно плюётся мне вслед, говоря:
«Бог наказал тебя, Бог всё видит.
Всё по делам твоим, всё не зря».

– Но разве дела знают духа пределы?
Они лишь следы на песке морей.
Пройдут времена, и как надписи мелом
Сотрёт их из памяти ветошь дней.

Девятый вал испытает смелых.
Волны узнают, кто смерти милей.
Летят в облаках небесные стрелы
И в клочья рвут паруса кораблей.

Тону я, не зная себе приговора,
Судьи моего не увидев лица,
Ищу оправдания вместо позора
И жажду всмотреться в очи Творца.

Любовь всегда разгибает колени,
Её мысль высока, как лоб мудреца.
Но как полюбить игру света и тени?
Как сердце поверит, не видя лица?

Его лицо смотрит в сердце самое,
Когда тает снег, а под ним – цветок;
Или, когда умирает мама;
Или младенец терзает сосок.

Господь явился Иову в духе:
– Иов, что взываешь ко Мне, скорбя?
– Я слышал о Боге лишь слухом уха
И мнил делами спасти себя.

Но дела – сыны дня, почившие в ночи,
Их не пробудит света заря.
Мученье открыло мне мёртвые очи;
Страданье я пил, чтоб увидеть Тебя.

Твой лик в топоре я увидел на плахе
И в крови, пролитой в могильный ров.
Смотрю на Тебя я в пепле и прахе
И отрекаюсь от всех своих слов.

А ведь правда, Бог часто и с убийцей, и с жертвой. Как это понять? Бог – ни на чьей-то стороне. Но каждый или с Богом, или против Него. Вот Исаак Сирин, он понимал…

Сергей опять мысленно вернулся к Маргарите и вспомнил, как она спасла его от сильнейшего потрясения после неудачной премьеры. Его первая жена почти ничего не знала. А он не мог разобраться и понять, за что он потерпел это крушение и продолжал дрейфовать по жизни

без духа с разорванными парусами. В какой-то момент он лишь подставил бумагу под расплавленную струю боли и переживаний и записал:

Я сгорел в облаках.

На землю упала обшивка.

Хрип железа, вонь болот и песок в сапогах,

И небо – фальшивка.

Кольцо сжало палец, давит змеем,

Мы лежим вдвоём, постель греем.

Ты склеила меня из кусков:

Я как Кино Цоя –

Жизнь из обрывков снов.

Вставай, досмотри её стоя.

Сергей Афанасьевич принял окончательное решение. Он встал и вошёл в зал. Маргарита сидела на диване, обмякнув вокруг подлокотника так, словно не меняла позу со вчерашнего вечера. Ему стало жалко её.

– Маргарита, – Левий увидел лицо жены и едва удержал слезу. – Как у вас, православных, считают: почему человек страдает?

– Ну, как сказать… – Маргарита смотрела большими печальными глазами собаки, потерявшей хозяина. – За грехи, наверное, и чтобы проверить веру, что человек любит Бога не только в благе, но и в беде. То есть не за подарки, а просто, как любят отца. Или детей – даже если они причиняют боль.

– То есть Бог нас проверяет, любим ли мы его?

– Нет… ну-у, нет, наверное. Не знаю… Ты такие вопросы задаёшь!

Сергей Афанасьевич продолжал говорить, всматриваясь внутрь и словно забыв о Маргарите:

– Причина страданий… Сколько людей пытались понять и объяснить это. Это непонимание – всё равно, что незнание Бога. Каков Он, почему так поступает с нами?

– Кажется, наша слепота сама и порождает боль…

Эта мысль была живой. Маргарита обладала удивительной способностью иногда видеть суть, при этом большую часть времени занимаясь суетой. Что делает её светлый ум в это время? Спит?

– Да, слепота всё обессмысливает. Это она мучила Иова. Только вера способна исцелять от слепоты. Вера свидетельствует о духе, что он есть, а дух знает цель. Имеющий цель не может быть слепым.

Маргарита ожила:

– Я бываю, как слепой котёнок. Мама ушла, хочется кушать, и он мучается, пытается найти её. Знает, что она где-то рядом, но не видит, потому что глаза закрыты. И тогда старается открыть глаза. А до страдания даже не пытался увидеть её – ему было хорошо.

– Это чувство, что Бог рядом, было у Иова. Он не видел его лица, а только ощущал дыхание Бога в ноздрях. Страдание заставило Иова открыть глаза, он увидел Бога, и оно прекратилось.

– А почему Отец оставил Иисуса на кресте?

– Вопрос… Найти ответ на это – значит многое понять в христианстве. Богословы придумали философские схемы типа: в нём умалилась божественная природа, чтобы он смог умереть. Даже термин придумали: кенозис. Это языческое мышление – природы и силы вместо личностей и любви. Оставил Отец, а им представляется, что батарейка божества села.

– А ты что думаешь? – Маргарита на время будто забыла обо всём, увлеклась беседой.

– Слова бессильны… Что такое эта богооставленность? Такова смерть проклятого. Как в псалме сказано: *смерть грешника люта.* Это та самая чаша… Нужно различать бедствия, мучения и страдание. Бедствие и мучение – извне, страдание – изнутри. Можно и в

бедствиях не страдать, а радоваться. Беды настигают и праведников. А умирают в страданиях грешники. Так вот, Иисус претерпел мучение и бедствия или страдал?

– Мучение было, ужасные мучения…

– *Он был презрен и умалён пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни. Он был презираем, и мы ни во что ставили его. Но он взял на себя наши немощи и понёс наши болезни; а мы думали, что он был поражаем, наказуем и уничижён Богом.* Так это увидел пророк Исайя.

– Они думали, что его наказывал Бог? А Бог не наказывал. Он словно устранился от суда…

Сергея Афанасьевича как током ударило. Он только что думал о том, как ужасно быть в жерновах мёртвой схемы, суда без судьи. От этого и страдание. И вот, Маргарита… Всё-таки нас связывает некая невидимая нить. Вслух он сказал:

– До Христа было так: если не согрешил, то Бог за тебя, и ты в благоденствии. Если же у тебя беда, ищи, почему Бог тебя наказал. Всё просто. Если ты на кресте и тебя осудил церковный суд, нет сомнения, Бог наказывает тебя рукой палача.

– Этим буква закона исполнилась в отношении Христа?

– Да, до последней черты и йоты. Как и сказал Иисус. Буква безжалостна и слепа, по букве Иисус был виновен.

– А Божий суд его оправдал.

– Иисус нарушал закон, но… не грешил. Не согрешил ни в чем. Убийством праведника закон Моисея уничтожил сам себя.

– А до Христа беды объяснялись только грехом?

– Павел потому и переживал за учеников, что все привыкли так думать. Они свои страдания и беды Павла объясняли тем, что уклонились от истины. И колебались из-за этого в вере. Но Иисус научил нас, что бедствия – это не наказание Отца и не Его суд. Про мучение и бедствия ты сказала. А про страдания? Иисус страдал?

– Конечно… страдал. Беды и казнь – это люди, закон. Бог его не наказывал, но почему Бог его оставил на кресте? Почему оставил его страдать?

– Ты же сама сказала: отстранился от суда. Скрыл лицо. Иисус страдал, потому что не видел лица Отца, ослеп, потерял цель, был в искушении, колебался в вере. И его крик: почему ты меня оставил?!.. Оставленный Богом слеп, разве нет? Иисус умер как грешник, не совершив греха. Иисус нарушал закон, но не согрешил. Он на кресте спрашивал себя: неужели Отец смотрит не в сердце, а на букву закона? Нет, нет. Тогда почему допустил убийство, оставил? Любовь не могла так поступить! Но ведь закон должен исполниться до последней йоты и черты! Таково искушение Иисуса на кресте. Но ответ был за чертой смерти. Да, любовь Отца не могла так поступить – она воскресила сына, отменила приговор. Так смерть и воскресение Христа описана апостолами.

Сергей Афанасьевич умолк, а потом тихо, будто для себя одного сказал:

– По Иоанну Иисус не страдал: он бог, он знает всё; знает, зачем его тело умирает на кресте; знает, что идёт к Отцу. Как всё рационально, как по-язычески блекло. Но я теперь понимаю, благодаря тебе, что страдание…

Маргарита вспыхнула, но Сергей Афанасьевич не заметил и продолжал:

– Это слепота, это богооставленность.

Маргарита поняла, что муж говорит не об её измене, и молчала, пряча глаза.

– У нас страданием открываются глаза, без страдания с глаз не спадает пелена тленного мира, закрывавшая свет и Бога. Без страдания не можем обратить свой взор к Отцу, не хотим его знать и любить, хотим жить в стране далече, как блудные дети.

Наконец Маргарита подняла глаза и сказала:

– О Христе Павел сказал, что Христос *страданием навык к послушанию*, и что *стал совершенным через страдание*.

Сергей Афанасьевич удивлённо посмотрел на жену и подумал: а она действительно умна и вдобавок многое поняла. А вслух сказал:

– Марочка. У нас… кольца.

– Хотя не венчаны. Теперь уже, теперь… Я всё ждала. А теперь…

На ковёр капнула слеза. Маргарита опустила голову, так что лица не было видно. Она рыдала, без всхлипов. Сергею Афанасьевичу хотелось сказать что-то примирительное, но как-то само вырвалась:

– Смерть обвенчает – она не лицемерит… Ты прости меня за всё. Прощаешь?

– Простить? За что? За что-о… – Маргарита едва не завыла, но голос сорвался.

– За то, что я сухарь. Чёрствый. Ты хотела любить. А я?

Маргарита закрылась руками и сидела лицом в пол.

– Я тебя прощаю, Марочка. Мы будем верны друг другу по закону свободы. Без колец, без оков. Кольца – на переплавку.

– Но я же… Серёжа.

– Мы начнём с тобой новую жизнь, если ты согласна.

– Согласна ли я?

– Ты больше не ходишь к попам рассказывать про нашу семейную жизнь. А я ничего не делаю, не посоветовавшись с тобой. Даже во сне. И вообще, мы с тобой впредь одна плоть.

– Одна плоть? Ты имеешь ввиду?..

– Да не то, чтобы … Вернее, и это тоже.

– Ах ты! Сам сказал, а теперь меня выставил этакой…

– Я про то, что мы будем одинаково любить наших будущих детей, все невзгоды будут для нас общими, как будто мы с тобой две души в одном теле. И радости у нас будут общими. Мы будем с тобой вместе

отвечать перед Судией, вместе понесём наказание или получим награду. Если ты согласна, конечно.

– Согласна ли я?

Маргарита подняла глаза. Она была похожа на молодую невесту – смущённая, зардевшаяся румянцем, большие глаза её, ещё в слезах, блестели:

– Ещё как согласна!

Сергей Афанасьевич улыбнулся, впервые со вчерашнего дня.

Глава 20

Кровь тельца

Прохор спал тревожным сном. Во сне старец ходил по келье, как потревоженный лев, и всё время кого-то отчитывал, грозя пальцем. Потом ему снилась мама, она угощала Прохора молоком и хлебом.

Разбудила Прохора Евдокия, от неё вкусно пахло. Сели за стол, помолились.

Вечером Антоний решил направить разговор подальше от болезненных переживаний Прохора о старце.

– Как думаешь, Прохор, евреи в самом деле чтили быка как бога? Тогда, при Хориве, когда сделали золотого тельца?

– Быка? Думаю, они считали его иконой, через которую бог действует в мире. Язычники верят, что образ является присутствием бога в мире, он связан с богом мистически, божественной энергией. Обращаясь к образу, они обращались к богу.

– Священного быка Аписа в Египте считали даже не иконой, а воплощением бога. Как в греческом мифе о Дионисе. Иконой был для них как раз золотой телец, которого они сделали своими руками и поклонились ему.

– Скорее так, Антоний. Это суеверие.

– Да, и за этот грех они приносили потом ежегодно в жертву тельца и кропили себя его кровью. Это было свидетельством, что они больше не верят в воплощённого бога и не боятся его, а считают обычным животным, которое можно убить. Не боятся быть в его крови, быть виновными в его смерти. Первосвященник за них и себя приносил эту кровь раз в год в святая святых, к скрижалям, и кропил крышку с херувимами, не страшась херувимов. Херувимы имели вид быков с крыльями и человеческим лицом. Если бы в первосвященнике оставалось суеверие, он бы не смог этого сделать.

– Египетские жрецы, я знаю, тоже омываются кровью быка.

– Но в особых ритуалах, ведь так? В этих ритуалах они – не убийцы. В мистерии жертвенный нож – символ божественного суда, и бог через жрецов сам себя приносит в жертву. А они омываются его кровью, чтобы принять в себя с кровью его божественную жизнь. Это же мистерия – время исчезает, и участники перевоплощаются. Так верили египтяне. Видишь, у евреев всё похоже, но смысл противоположный.

Прохор задумался. А ведь многие из бывших язычников так и думают о жертве Христа, по- язычески. И даже старец не раз уже хотел дополнить преломление хлеба за трапезой чем-то таинственным.

Как-то раз Прохор застал своего старца в смешном расшитом покрывале. Он вырезал острым ножом для обрезания, подаренным ему гостями из Антиохии, крест из круглой булки. Булка почти не крошилась, и на большом медном блюде отрезанные кусочки лежали красивыми белыми дольками. Старец смутился и потом долго объяснял, что верные должны готовить святую трапезу, закалывая агнца. Тогда причастники жертвенника таинственно окажутся на Голгофе, и хлеб станет настоящей плотью Христа. И что это не иудеи, не римляне, и не верные убивают Христа, а сам бог приносит себя в жертву. А участники мистерии лишь служат его образом.

Прохор тогда долго не мог прийти в себя, и старец больше не делал ничего подобного.

Прохору опять захотелось поговорить о старце:

– Антоний, я знаю, что скажет старец. Он скажет, что Бог никогда не воплощался в быка. А теперь – другое дело. Христос – это бог, истинно воплотившийся в человеке, ставший одновременно и богом, и человеком. Так что египтяне грешили, поклоняясь твари вместо Творца. А мы сейчас…

– Чем же это отличается от веры египтян? У них, кроме Аписа, есть ещё Гор, богочеловек, сын Осириса. Так что, брат мой Прохор, любое воплощение – языческая ложь.

– Антоний, а почему иудеи кричали о Христе: *Кровь его на нас и на детях наших*? Разве про обычных разбойников так кричат? Про их кровь?

– Сам же видишь… Это то же, что кричать: Мы не боимся! Мы не боимся его убить. Да, мы повинны в его смерти, но не боимся! Когда казнят обычных преступников, так не кричат. Ты прав.

– Значит, они думали, что убивают лжепророка? Или лжебога? Словно они левиты, кропящие себя и народ кровью жертвенного быка Аписа, которому поклонялись их отцы в пустыне.

– Да, именно так, Прохор. Сначала народ встретил Иисуса как мессию и пророка. Они верили, что с ним Бог. Но первосвященники убедили всех, что поклонники и ученики из языческой Галилеи провозгласили его самого богом. И на суде он якобы сознался, назвавшись сыном Божьим и пообещав явиться на облаках с ангелами. А ложных богов нужно убивать и не бояться запачкаться в их крови. Это угодно Богу.

Прохор задумался. Антонию показалось, что Прохор потерял мысль или прослушал, и он повторил:

– Начальники и священство истолковали слова Иисуса на суде, как им было выгодно, и научили народ. Они просто боялись потерять власть и подбили всех кричать к Пилату: убей его.

Прохор всё хорошо услышал. Но ему вдруг подумалось: а если апостолы и в самом деле… если апостолы верили в Иисуса как в бога? Нет же дыма без огня! Прохор лихорадочно вспоминал, был ли хоть намёк об этом в Писании. Нет. Нет, совершенно ничего. Ни у Павла, ни

в Евангелиях. Нигде нет такого, чтобы считать Иисуса богом. Это только у старца. Прохор успокоился. Он поднял глаза и увидел озабоченное лицо Антония:

– Антоний, всё в порядке. Это я задумался, – Прохор улыбнулся. – А скажи, почему начальство не побоялось отдать Христа на смерть? Они что же, и Бога не боялись? В синедрионе были не только… в общем, среди них были верующие в Бога и Христа.

– Я думал об этом. Это свойство человека, это и сейчас так. Они просто не верили пророчествам о Христе. Они и мысли не допускали, что пророчества исполнились на их глазах. И что Христос настоящий. Когда-нибудь – возможно, даже обязательно, а сейчас-то какой вам Христос?

– Антоний, ты думаешь, начальство не верило пророкам?

– Верило. На словах! В реальности – нет. Знаешь, как они подумали?

– Как?

– А вот как: «Иисуса встречали как царя! Такая слава! Кто захочет её лишиться?» И Каиафа спросил, надеясь, что тщеславие смутьяна, каким он считал Иисуса, победит страх смерти: *Ты ли Христос, Сын Благословенного?* Когда Иисус ответил: Я, у них у всех и вопроса не возникло, а вдруг он правду говорит? Нет. Они не верили в мессию. Каиафа от радости разорвал одежды, от чего ещё?

Дети улеглись, и Антоний с Прохором вышли из дома. Всё небо было усеяно звёздами. Бесшумно летали мыши, и громко пели сверчки. Запах трав наполнял воздух, дышалось легко. Они пошли по тропинке, продолжая беседу.

– Антоний, думаешь, первосвященники просто считали Иисуса самозванцем? Они не были дьяволопоклонниками, сознательно убивающими помазанника? Как у нас многие думают?

– Конечно, нет. Лука записал за Петром: *Впрочем, я знаю, братия, что вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению.* Пётр знал, о чём говорил. Он рядом был, всё слышал.

– По неведению? Но начальство всегда знает, что делает, защищая себя и свою власть.

– Защищают, это правда. Но тем более они были слепы и не ведали, что творили. Они привыкли добиваться своего любой ценой. Намекнули Пилату, что кесарь узнает, если Иисуса отпустят. Они обвиняли Иисуса перед Пилатом в том, что он назвался Христом, а значит, царём Израиля, без воли кесаря. За это полагалась смерть по римским законам.

За поворотом тропинки открылись бухта и порт, усеянный огоньками. Там было шумно, все звуки перемешались: пение, ругань, стук молотка по металлу, крики ослов. Всё это захватывало, и Прохор никак не мог продолжить беседу. На него нахлынули детские воспоминания. Антоний почувствовал состояние друга и тоже шёл молча. Наконец, Прохор продолжил:

– А для народа они нашли другое обвинение: мол, назвался сыном Божьим, объявил себя богом.

– Разве не убедительно? Кто усомнится? – сразу отозвался Антоний. – Принимал поклонение от бесноватых язычников, которые падали перед ним на колени и кричали: ты сын божий. Разве не так поступают лжемессии? А потом и на суде признал всё, назвавшись сыном Божьим.

– Они хотели быть правыми и в своих глазах. Фарисеи и священство всегда ищут оправдание перед Богом и собой. И Каиафа наверняка придумал что-то.

– «Если он мессия, Бог его защитит и пошлёт Илию. А нас простит. Откуда нам было знать? Мы всё сделали по букве закона», – я думаю, что-то подобное должно вертеться в лукавой голове в такой момент.

– А почему Иисус запрещал бесноватым называть себя сыном Божьим? Это же правда, он сам слышал эти слова о себе с неба.

– Запрещал, потому что язычники понимали это по-своему. Они видели в любом чудотворце сына бога по природе, отличного от других людей. Но когда спросил священник, неужели Иисус мог

смолчать или ответить Каиафе: нет, я не сын Божий. Священник знал, что сыновство – это завет с Богом, образ Отца в сердце, а не воплощение! Он лишь не допускал, что галилеянин понимает так же. Каиафа хотел его подловить!

– А зачем Иисус добавил тогда: *Вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных?* Это очень помогло Каиафе!

– Потому что так и будет в конце времён. Ты помнишь пророчество Даниила? – Антоний знал наизусть очень много из Писания и с лёгкостью приводил отрывки. – *Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шёл как бы сын человеческий, дошёл до Ветхого днями и подведён был к нему. И ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили ему; владычество его – владычество вечное, которое не прейдёт, и царство его не разрушится*. Но это не о боге Логосе, а пророчество о Христе. Его приняло небо, и он подведён был к Отцу и сел одесную его. Когда исполнится всё, он явится, как обещал.

– Антоний, мне нужно было прийти к тебе раньше.

– Лучше всегда помучиться в поисках ответов. Это на пользу, Прохор.

За беседой время летело быстро. Богословы вернулись в дом. Жена Антония, двигаясь бесшумно, как бесплотный ангел, постелила мужчинам и ушла спать к детям. Была уже глубокая ночь, но друзьям не спалось. Прохору хотелось докопаться до самого корня:

– Антоний, Иисуса ложно обвинили, что он делает себя богом. Всё так. И поэтому на площади толпа кричала: кровь его на нас! Но ведь и Пётр, и Павел писали про кровь кропления, кровь Христа. И мы теперь считаем себя окроплёнными его кровью. Что это значит? Чем тогда мы отличаемся от той толпы? Мы же знаем, что он себя не объявлял богом. Мы не хотели бы ни за что его смерти. Мы считаем его своим Господом, а не лжемессией. Зачем же нам быть в его крови? Антоний, да здесь не разобраться!

– Разберёшься. Все просто. Мы сегодня уже обсуждали, что и язычники, и евреи приносили в жертву животных. Евреи – Богу Авраама, Исаака и Иакова, а язычники – своим богам.

– Да, и дело не только в богах. Для них смысл жертв был разный.

– Истинно так, Прохор. Любое действие зависит от смысла и цели, ради которой совершается. И мы, христиане, должны правильно понять теперь, чем пожертвовал Христос? И ради чего? Ведь такой жертвы никогда раньше не было. И когда мы преломляем хлеб, мы творим это в его воспоминание и размышляем.

– Я и прошу объяснить мне, Антоний. Я не пойму никак, почему кропление кровью Христа для нас свято и живительно, если его кровь обычная, а не соединённая с божеством? И зачем тогда жертва, и кто её принёс? Как нам поможет, что он отдал свою жизнь? Нет, не отдал, а что позволил себя убить… что пошёл на смерть. Гм, что его убили…

– Наш завет с Богом, обещание Богу доброй совести, иначе говоря, обещание жить в соответствии с верой и правдой, простирается за границу жизни и смерти. А для многих цена жизни кажется бесконечной – наше тело и его жизнь для многих стали своего рода богом, тельцом, которому поклоняются, то есть ради него нарушают заповеди Творца. Плоть и временную жизнь ставят выше Бога! Для Христа его плоть никогда не была идолом, и он ради верности Отцу отдал её.

– Отдал? В смысле так задумал?

– Нет, просто Иисус понимал, что Христос, кто бы им ни стал, обречён быть убитым. Если он будет верен закону в сердце, то его убьют по букве, обязательно. Так что Иисус не стал противиться убийцам, хотя не хотел умирать и молился в саду, как помнишь.

– А если бы он не пошёл до конца?

– Бог знал его сердце и избрал Иисуса из всех и помазал духом. Бог не ошибается.

– Антоний, я понял. Иисус знал, что ждёт Христа, и не стал цепляться за жизнь, за плоть, которую превращают в идола, и вознёс этого тельца

на крест и убил на нём.

– Павел образно написал об этом. Завет с Богом назван Павлом скинией нерукотворен ной. В эту скинию *Бога с человеками* вошёл Христос со своей кровью или, другими словами, он отдал свою жизнь ради верности этому завету. Отдать жизнь и называется пролить кровь. И мы очищаем его кровью, в духовном смысле, *совесть нашу от мёртвых дел,* как Павел к евреям писал. То есть мы помним про его жертву и ради неё не творим зло – вот что значит очищаем его кровью совесть нашу от мёртвых дел. Здесь нет языческой мистики. А если говорить буквально, то кровь Христа не пролилась почти.

У Прохора сбилось дыхание. Опять? Старец уверял Прохора, что Христу прободили копьём грудь и из него вышла кровь. А апостолы… Апостолы говорили о крови Христа образно. Конечно, Антоний прав. Из ран кровь шла, но не так…, как от придуманного старцем копья. Это же ясно, как можно было не понять раньше? Вслух Прохор спросил:

– Это святая жертва, потому что отдана жизнь?

– Да, Прохор. Завет всегда требует жертвы, чтобы была цена его крепости, его святости. У любого договора должна быть цена.

– И цена уплачена. А мы делаемся причастниками, как сказал Павел, мы вступаем в завет и знаем цену, уплаченную за то, чтобы договор вступил в силу. Мы не должны уже платить. Да?

– Так, Прохор. Христос принёс в благодарность Богу всё временное, что имел, за будущий дар вечного, в реальность которого верил. И получил этот дар на третий день. И мы вкушаем эту жертву благодарения мысленно, когда преломляем хлеб. Наслаждаемся вкусом его победы, прилагаем её к себе. Всё так и есть! Бог открыл нам врата будущей жизни, куда первым вошёл Христос.

Прохор явно устал, но выглядел вполне счастливым к концу разговора.

– Теперь ты понимаешь, брат мой Прохор, что, если бы Иисус был воплотившимся богом, эта жертва не имела бы никакого смысла? Для воплощённого бога, бессмертного существа, божественной личности

разве будет жертвой избавиться от временной, жалкой и тленной телесной оболочки?

Было уже поздно, и Прохор клевал носом. Он привык вставать, как и старец, с первым криком петуха. Легли прямо на циновках.

XXXII

ДОГОВОР

Запись сделана мной на основе рассказа С. А. в центре психического здоровья.

Необходимо описать, что предшествовало странным снам Сергея Афанасьевича.

Серёжа Левий в детстве был очень умным мальчиком, но совершенно ничего не понимал в происходящем вокруг него. Этакий Пьер Безухов – тип, как видно, характерный для русских равнин.

Будучи вполне взрослым, он впервые из чистого любопытства посмотрел на человека, как на объект исследования. Это был его начальник. Левий сразу прочитал его внутренние алгоритмы, нехитрые планы, сильные и слабые стороны. Ему понравилось, и он начал применять этот метод почти ко всем, кроме близких. Они оставались за пределами рентгеновских лучей его ума.

Картина вокруг очень быстро проявилась. Это было нечто, чем он раньше не обладал, дар зрения. Нет, скорее, дар внимания.

Левий не понимал, откуда это. Позже он связал это с событием, происшедшим в раннем детстве. В четыре года он перевернул на себя кастрюлю с кипящим жирным супом. Его обдали водой, потом сняли свитер. Кожа слезла и висела лохмотьями. За жизнь боролись месяц, переливали кровь, а он всё время пребывал в бреду. Бред был жутким и продолжался практически всё время. Это было что-то странное,

своего рода транс или состояние изменённого сознания, которое в специальной литературе по психологии называют шаманской болезнью. У Кастанеды это названо сдвижкой точки сборки. Можно назвать это сном наяву – то есть состояние сна и бодрствования соединилось, и события сновидения происходили под контролем ума. В этом своеобразном сне человек переживает иногда свою смерть, что и произошло с Сергеем.

Порой такое состояние болезни сопровождается ужасными страданиями, как бы реальным расчленением тела на куски, свариванием в кипятке и прочими ужасами. После такого события страдалец доподлинно узнает, что в обычном своём состоянии ничего не знал о смерти, не верил в неё, пребывал в состоянии самообмана, не готовился к ней, и что в будущем он окажется перед лицом смерти неожиданно для себя, если всё останется по-прежнему. Он обнаруживает перед глазами пелену, закрывающую смерть. Но это покрывало одновременно нарушает ясность при взгляде на другие события, в которые человек погружен. Он их или не видит, или воспринимает искажённо, как пьяный. Испытание смертью снимает покрывало. Его в той или иной форме проходят те, кто обретает в последующем видение, то есть своеобразную способность понимать суть происходящего, видеть подводные течения, скрытые силы, чувствовать внутреннюю гармонию мира.

У Пушкина в Пророке описано его переживание смерти, рассечения груди и обретение пророческого дара. Похожая история была с пророком Мухаммедом. Иногда болезнь пытаются искусственно вызвать всяческими ритуалами инициации. Все тайные общества предполагают предварительное погружение в это гипнотическое состояние для перехода из профанного статуса в статус посвящённого. Когда посвящаемого заколачивают в гроб, у него случаются гормональный шок и всплеск адреналина. Некоторые потом бывают как пьяные. А эйфория после освобождения и впрыска в мозг эндорфинов довершает дело. Некоторые подсаживаются на эти внутренние наркотики. Исихазм, в частности, стоит на этом. Повторение одной короткой молитвы по многу часов каждый день вызывает постоянное возбуждение в определённой зоне мозга, там

происходит постоянная стимуляция, сопровождаемая экстатическими состояниями, потом может образоваться киста. Это как кожу чесать в одном месте – будет кровь, а потом либо шрам, либо воспаление. Так за кистой следует эпилепсия, беснование. Большинство исихастов прошли через видение бесов и физические мучения от них. Болезнь оканчивается безумием, если больной сдаётся, либо он выходит из болезни с новым зрением, как после огня Деметры, в котором она закаляла сына царицы Библа.

У Сергея Афанасьевича эта болезнь прошла в детстве. И вот опять вернулись состояния изменённого сознания, особенно в виде «осознанных сновидений», говоря языком Карлоса Кастанеды. Появился голос, с которым он беседовал во сне. Этот голос он слышал и раньше, но не так отчётливо, и считал его голосом своего рассудка или интуицией. Но теперь этот голос иногда сообщал знание, позволявшее влиять на людей. Любопытство притягивало его с непреодолимой силой к этому внутреннему собеседнику. Ему хотелось узнавать от него то, что давало власть. Он почувствовал эту силу, распробовал её особенно после встречи в патриархии. Он смог надавить…

Из дневника С. А.

Неужели я принял власть от… О, ужас. Нет. Нет! Так не бывает, чтобы поклониться этому… и ничего не понять. Но что-то внутри сверлит. Я ведь сознавал, что делал.

Мне не нужны эта власть и сила. Я всё исправлю.

Нужно всё обдумать и сделать паузу. Возможно, я просто себя накручиваю.

Из дневника С. А.

Опять случился сон в состоянии полного внимания. И сразу явился невидимый собеседник:

– Как тебе понравилась встреча с патриархом? Вернёмся к моему предложению?

– Нет.

– О-о! Неужели я встретил человека, готового противостоять искушениям? Ты решил стать истинным последователем Иисуса, а не просто крестик надеть? Ради чего?

– Крестик я пока не надел. Но вопрос «ради чего?» уместен. Наверное, ради общения с Отцом.

– Всего-то?

– Вернуться к Отцу, перестать быть наёмником – спроси любого сироту, много это или мало? Иисус был первым и стал возлюбленным сыном и вождём тех, кто последовал ему. Так ведь о нём писал Павел? Он первым вступил в новый завет с Богом и стал первосвященником. Но я пока не вступил в завет. А вдруг не справлюсь? Добрую совесть – её если потеряешь, не вернуть.

– Ну там есть покаяние, опять грех, опять покаяние. Так что процесс этот бесконечный.

– А ты лжец и хитёр.

– Подумай, может, лучше договор со мной? Это более конкретная вещь, чем богословские абстракции, о которых ты так громогласно вещаешь, прямо как новый Воанергес.

– У меня есть встречное предложение. Современные технологии продвижения сложного продукта предполагают некоторый период бесплатного пользования. Чтобы клиент освоился и почувствовал, что без него не сможет жить.

– Хо-о-ро-ша-я подсказка. Беру на заметку. Ну что же, испробуем новый подход? – Дух или почувствовал прилив сил, или ловко изображал эмоции. Хм. Конечно, второе.

– Давай. Я не даю никаких обязательств, только пользуюсь.

– Сорок дней. По рукам! – Это странно, но дух протянул руку. Я ударил ладонью по воздуху, раздался шлепок.

– Только ещё одно условие вначале. Я бы хотел убедиться, что я не сошёл с ума, а ты – не голос в голове шизофреника.

– Но это невозможно проверить. Шизофреник может создать любую реальность.

– Но я всё-таки попробовал бы. Ты можешь исцелить калеку?

– Знаешь, друг мой. Это вы и сами можете. Медицина, кстати, не без моей посильной помощи научилась творить чудеса. Но я не волшебник и больше пока имею отношение к знаниям. Я, конечно, лечу некоторые своеобразные болезни…

– Которые сам же и насылаешь?

– В некотором роде. Если потом поступает приказ, которого я не могу ослушаться, то… приходится отступать. Как было с Иовом.

– Ну хорошо, оставим болезни. Попробуем другое. Ты можешь заставить патриарха уйти? Чтобы пришёл другой, более светлый человек.

– А ты, батенька, идеалист. Где ж я тебе найду светлого? Я таких не знаю, может, подскажешь?

– Ну, скажем, Климентий…

– Ха, да у него там гнездо развратников и содомитов. Хотя сам он уже ни то, ни другое. Знаешь, я тебе расскажу одну вещь про чудеса. Ты обратил внимание, что рыбаки в своих Евангелиях...

– Ты тоже их так называешь?

– Не я, а ты – тоже. Продолжаю… Рыбаки в своих Евангелиях особенно подчёркивали, что чудеса совершаются по вере. Иисус, когда пришёл в Назарет, не мог совершить никакого чуда по неверию жителей, только на немногих больных возложив руки, исцелил их. И всегда спрашивал: веришь ли, что могу совершить это? И когда человек подтверждал, тогда делал это. И апостолы сперва спрашивали, а потом исцеляли.

Только бесноватых не спрашивали. Иногда же, просто взглянув, видели веру просящего, как случилось с Павлом в Листре.

– Что умничаешь? Для тебя вера – настройка ума, не больше. Для нас вера – свидетельство жизни духа. Чудеса совершает Бог по нашей просьбе, как Отец даёт детям то, что они просят. И вера – это средство связи, что ли. Это единственная реальная связь с Богом. Не ритуалы и даже не молитва. А именно вера ну или молитва с верой.

– Да, знаю я. Правда, признаюсь, не по собственному опыту, а из наблюдений, так сказать. Ну это и понятно. Не люблю эту… богословскую болтовню.

– А у Иоанна-то всё по-другому, – мне почему-то не хотелось отпускать собеседника.

– Заметил? У него чудо совершается Христом без всякой веры больного или слепого, или калеки. Он ведь у Иоанна бог, всё сам видит и решает, нужно ли калеке или слепому исцеление. И делает это не из милосердия, а чтобы явить славу божию, то есть свою. Чтобы поверили в него. У него чудо – это доказательство, что его слова о себе есть истина, что он бог и сошёл с небес. Вера у него через чудо, а не чудо через веру. Можешь перечитать всего Иоанна – у него так, а у рыбаков – наоборот.

– Знаешь ли, я об этом уже без тебя догадался. У Иоанна Иисус даже не посылал апостолов проповедовать Евангелие царства и изгонять бесов. И ни один из учеников по Иоанну не совершил ни одного чуда до восхождения Иисуса к Отцу. Они же не боги! Только Иисус совершал чудеса, как свидетельство своей божественности.

– Иоанн и про Назарет не упомянул, про фиаско с чудесами, хы-хы-хы, – воздух передо мною задрожал. – Это в его концепции невозможно. Как всё тонко, интеллигентно, ненавязчиво. Красота, – дух патетически воздел невидимые руки. – Красота, да и только. Иоанн гениален, он самородок. Я всегда им восхищался и не забывал, кстати, выражать ему эти чувства. Не открыто, конечно…

– Оставь патетику, лучше ответь: почему в его Евангелии Иисус обещает, что верующие в него будут совершать чудеса ещё большие, чем он сам? Не совершали, а теперь будут.

– А-а, не догадался! Он же объяснил: *Потому что я к Отцу моему иду. И если чего попросите у Отца во имя мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне*. Потому что будут просить Отца, и ради славы Отца он это сделает. Не ради просящего. Не как отец даёт сыну, без выгоды для себя. А ради славы. Раньше Сын делал, будучи на земле, ради своей славы. Теперь его рядом не будет. Попросят Отца, но сделает Сын.

– Отец немощен сам дать просящему?

– Хе-хе. Это, кх, это, кх… я… кх. По Иоанну все дела творил Сын. Отец только показывал. Или, как ещё сказано, делал, пребывая в Сыне. То есть, опять же, Сын делал. И, более того, говорил: если не хотите верить, что Отец во мне пребывает, то просто верьте мне по моим делам.

– Потому ученики чудес не творили, что Сын был рядом и всё сам творил?

– Не могли же они, чтобы исцелить кого-то, молиться Сыну, пребывающему на земле в образе человека. Их бы побили камнями. Ха-ха.

– А Отца просить?

– А что толку, пока Сын на земле? У Иоанна всё логично. Сын пришёл и делает, когда это приносит славу. А вот взойдёт Сын на небо, тогда можно и Отца просить. Я буду там, говорит, и всё сделаю, чтобы прославить его. А хотите, *просите во имя мое, я то сделаю*. Такая вот концепция с немощным, но всё знающим Отцом, – собеседник был явно доволен собой, когда излагал иоанновское учение. – И не забывай, до Христа никто не знал о настоящем Отце, а доступа к нему нет и сейчас – всё через Сына. Так по Иоанну?

– Чем ты так доволен?

– Тем, что учение Иоанна теперь и есть учение Христово. Оно победило. И я… кх, кх… я…

– Что ты кряхтишь там: я да я. О чём это? Прокашляйся. Иисус настоящий никогда не присваивал себе чудеса. Бог помазал его духом и силой *благовествовать нищим, и послал исцелять сокрушённых сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу* – так о нём сказано? Он всем говорил, что исцеляет и всё даёт Отец и требовал от исцелённых благодарности и славы Отцу, а не себе.

– Вот и я себе ничего не присваиваю, – собеседник нарочито вздохнул. – Так и говорю – немощен. Бог связал меня немощью до времени. Сам знаешь. А пока я на мир могу смотреть только твоими глазами ну и ещё многими, но чужими. И доступ к вашим умам я получаю через ваше сердце и не без вашего согласия. Хотя иногда приходится хорошенько потрясти обладателя глаз и ушей. Но скоро я буду сам всё решать и буду иметь силу в мире. Не через людей, а сам.

– А-а, ты это про пятого ангела из откровения и про ключ от кладезя бездны? А откуда Иоанн получил мудрость и знания, так красиво и стройно уложенные в его Евангелие? Не с твоей ли помощью? И ответь-ка, кто автор четвёртого Евангелия?

– Ты про реального автора? А ты по-умне-ел! Старец Иоанн получал всё из видений и из книг своего учителя. А что не видел… скажу так: домысливал. Но как соавтор он был талантлив – этого не отнять.

– А кто же ему видения посылал?

– Оставим это. Итак, что могу для тебя сделать? То, что и обещал вначале. Я могу дать тебе силу через знание. Собственно, ничего не изменилось за тысячи лет.

Я открыл глаза:

– Маргарита, не спишь?

– Нет, Серёженька.

– Нам предлагают вкусить от плода древа познания. Ты не против?

– С тобой я за. А что это даёт?

– Да почти ничего, только знания. Я не науку имею в виду. Это нам ни к чему. Я говорю о мотивах, желаниях, слабостях, грехах, скелетах в шкафу и вообще о любых мыслях других людей.

– А зачем они нам? Что нам от этого?

– Да практически ничего, если не нужна карьера, или власть в мире, или слава.

– А что, без знания, что там у кого в голове, не достичь всего этого?

– Это самое сильное оружие из всех ныне существующих. Сильнее ядерного. Оно даёт возможность управлять людьми и процессами.

– Разве это даст нам счастье?

– Нет, но хочется попробовать. Ради интереса. И главное - нам предлагается тестовый режим.

– Нет, Серёжа, не спеши, солнышко, обдумай всё.

XXXIII

РАЗВОД

Из рассказов, записок и воспоминаний С. А. о Маргарите.

Утро. Снег, серый, липкий, перемешанный с выхлопами машин повсюду. Кафе на Покровке.

– Маргарита Андреевна, это мой адвокат, Борис Михайлович Небезя.

– Сергей, мне не до шуток. Я спешу к шефу, у нас летучка.

– Когда освободишься? В одиннадцать? Хорошо, мы будем в Кофемании. Закончишь, подходи.

Сергей как-то незаметно исчез утром. Теперь его странный вид и неуместное кривляние смутили Маргариту, но нужно было бежать. Во время совещания из головы не выходили его слова. И глаза странные. Едва закончилась оперативка, Маргарита почти побежала к мужу.

Сергей сидел за столиком с мужчиной в галстуке и потягивал смузи.

– Маргарита Андреевна, – начал он без всякого вступления. – Мы разъезжаемся. Надеюсь, не нужно объяснять?

Вихрь мыслей в мгновение пронёсся в голове Маргариты: Что ещё он узнал? Что ещё я натворила? Мы же теперь одно… При этом очкарике в галстуке я и поговорить с ним не смогу.

Разговор вёл очкарик, он что-то бубнил. Потом какие-то подписи, бумаги. Потом всунул визитку. Сергей смотрел в сторону, пока не разошлись. Маргарита приехала домой и упала на кровать. Проснулась вечером, Сергея дома не было. Просидела до утра.

Что это было!?

Всё рухнуло. Только наладилось и вот. Всё!

Эти его странные сны. Какие-то разговоры и договоры во сне… Хочется пойти и пообщаться с батюшкой, всё ему рассказать, спросить совета, он успокоит, направит. Но я обещала…

Где его искать?

Вчера… или нет, уже позавчера… Да, позавчера неожиданно позвонил Храмов, уговаривал встретиться. Маргарита отказывалась, но он приехал сам и позвонил. Пришлось сесть в машину, он подвёз её прямо к дому. По дороге говорили о Сергее. Храмов передал бутылку какого-то древнего коньяка и книгу из домашней библиотеки с автографом Станиславского. Просил найти способ примирить его с мужем.

Маргарита оставила подарки на комоде в прихожей и ушла. Легла спать рано и уснула, не дождавшись Сергея. А утром он умчался.

Увлёкся кем-то? Когда успел? Нет, не может быть. Мысли бурным потоком неслись по внутренним магистралям, сталкиваясь между

собой и образуя заторы.

Пошла на работу, но вернулась, не добравшись. Долго лежала на диване, потом пошла готовить, не зная, куда деть руки. Позвонила Людмиле и поехала к ней.

На следующий день всё повторилось, Сергей не звонил. Она звонила ему, кажется, раз сто, но его номер был вне зоны. Открыла почту и стала писать письмо Сергею, но отправить не решилась. Дома было невыносимо, и Маргарита пошла в метро. Среди людей ей было спокойнее, она вглядывалась в лица, пытаясь понять их мысли.

Так прошло несколько дней, потом ещё. Маргарита сбилась со счёта.

Глава 21

Юмор Моисея

Рано утром Антоний ушёл в город. Он работал помощником судьи – вёл записи дел. Прохор проснулся позже, позавтракал оставленным Евдокией на столе хлебом с молоком и также пошёл в город. Милет был полон движения, мелькали знакомые лица. Но Прохора многие не узнавали – он вырос и возмужал. Ему захотелось как в ранней юности пройтись по священной дороге, выложенной мраморными плитами до Дидима. Строительство закончили несколько лет назад, и мрамор сверкал на солнце.

Три часа прошли незаметно, Прохор не устал. По дороге он вспоминал разговор с Антонием и улыбался. На душе было хорошо. Навстречу шли паломники, возвращаясь после празднования рождества Аполлона.

Храм был виден издалека. Сто двадцать гигантских колонн белели, как зубы в огромной голове дракона. Вокруг храма, словно маленькие букашки, роились верующие.

Детские воспоминания ожили, и Прохор едва не заплакал. Жрец его любил, а пифия «по знакомству» изрекла пророчество, которое он помнил всю жизнь:

Голос служителя бога, сошедшего с неба на землю,

Будешь хранить, запечатанным в свитках.

Волос седой стяжал мудрость про́житых лет.

Он ничего не понял, но, скорее всего, пифия прорекла о важности и пользе его служения в храме и ведения храмовой летописи. Она всегда говорила неясно.

Прохор подумал, что сейчас немало развелось бродячих прорицателей, иногда говоривших путанно, словно в бреду. Некоторые были настоящими юродивыми, с больной головой, но эллины так устроены, что любят слушать странные, таинственные слова. Они во всём видят глубокий смысл и пророчества, распутывая бессмысленные речи, а самих юродивых почитают часто святыми небожителями или во всяком случае ожидающими такой награды.

Подниматься к храму расхотелось. Прохор развернулся и пошёл назад в Милет.

По дороге он вспомнил, как уже, будучи мистом, участвовал в великих мистериях в Элевсине. Тогда шествие по священной дороге было невероятно торжественным. После долгого поста кикеон животворящим током пролился по горлу, потом были мистерии, совершаемые в Телестерии. Прохор опять едва не погрузился целиком в то странное состояние – достаточно было только вспомнить ощущения и видения. Сначала он видел тени и бегающих жриц, а потом провалился в Аид и оказался в загробном мире.

Прохор содрогнулся и встряхнул головой.

В своё время Элевсин произвёл на Прохора такое впечатление, что он навсегда решил посвятить себя служению богу. Позже, благодаря старцу и Антонию, Прохор разобрался в этом странном чуде. Он часто вспоминал и обдумывал его и однажды записал свои размышления и дал их читать Антонию. Антоний тогда улыбнулся и радостно хлопнул Прохора по плечу и сказал: а ты талант.

Прохор понял тогда главное: любая мистерия строится вокруг транса и питается им. Человек больше всего боится смерти. Хотя этот страх часто прячется, но именно он толкает человека туда, где можно

побольше узнать о смерти и попробовать её на вкус. Хочется подойти к черте как можно ближе и даже зайти за неё, чтобы было всё на самом деле, но без вреда, и потом вернуться к жизни с этим знанием. И так много раз, пока страх смерти не уйдёт. Всё, что человек пережил, его больше не страшит – такова природа человека. Истории людей, смерть которых произвела на всех особенное впечатление, которые не боялись её, встретили её открытым лицом, вызывали особый интерес, а сами персонажи героизировались, превращались в богов. События их жизни и смерти люди старались как бы повторить, чтобы научиться бесстрашию. Переживание было наиболее реальным в состоянии наркотического транса и театральных постановок, что и есть по сути своей языческая мистерия. Так что мифы о богах создаются в трансе из видений, перемешанных с реальными историями и персонажами. Рассказанный в древности мистом миф затем разыгрывается всеми в литургии, как у египтян, или в мистерии, как у эллинов. Так все члены общества пытаются принять участие в мистических событиях. Постепенно формируется обряд. Но любая процедура, любой ритуал, ограничивая транс, рано или поздно изгоняет дух из мистерии и превращает его в мёртвую форму, деревяшку без духа, в идола, а потом отбрасывается, и наступает эпоха безверия. Конечно, использование вещества мистерии – вина или кикеона, чтобы дурманить себя ежедневно, – немало способствовало разочарованию. Крайняя форма вырождения литургии, богослужения, обряда – греческий театр, сделавший мифы пошлыми. Таков круг язычества. Оно убивает само себя, а затем опять возвращается с новыми мистериями, приходя от иных народов и иных земель с завоевателями или с бродячими проповедниками.

Антоний и Евдокия ждали Прохора, не приступая к трапезе. Когда он пришёл, поблагодарили Отца и преломили хлеб, вспомнив о смерти Спасителя и о воскресении. Ели молча. После трапезы Прохор спросил Антония:

– Антоний, ты упомянул вчера вечную скинию… О ней и Павел писал. Расскажи об этом.

– Разве сам не знаешь? Эта история началась с Моисея. Народ еврейский поклонился тельцу, пока Моисей был на горе. Моисей после этого поставил свою палатку со скрижалями завета вне стана и жил отдельно от всех. Она называлась скинией откровения, и в ней Бог лицом к лицу говорил с Моисеем. После же его смерти Иисус Навин заново обрезал народ, народившийся в пустыне, потому что вышедшие из Египта все умерли, и Господь простил народу грех тельца.

– Антоний, я правильно понял? Это был уже как бы новый народ, необрезанный, вне завета? Даже вне завета с Авраамом?

– Да, так и есть, Прохор. Бог пошёл только с Моисеем. А про народ… Как и сказал Моисею, Бог решил посмотреть, что сделать с народом, поклонившимся тельцу. И водил их сорок лет по пустыне, пока не умерли все согрешившие. Так исполнилось обещанное Богом – Он изгладил их из своей книги жизни. После смерти Моисея скинию откровения с ковчегом и скрижалями завета носили левиты вместе с общим храмом, скинией собрания, которая служила для жертвоприношений, но не смели в скинию откровения даже входить, как и при жизни Моисея, только первосвященник раз в год с кровью тельца. Так возникло святое святых.

– Ты сказал: Бог пошёл только с Моисеем? Но ведь евреи верят, что Бог был с ними всегда, и в пустыне тоже. В столбе огненном и облаке.

– Был. Но с Моисеем. Облако было только над скинией Моисея, а с его смертью ушло. После тельца Бог сказал Моисею: *Пошлю пред тобою ангела, ибо сам не пойду среди вас, чтобы не погубить мне вас на пути.* Моисей же умолял Бога, и Господь сказал ему: *Сам я пойду, и введу тебя в покой*. Бог только Моисею пообещал: пойду с тобой! Потому Моисей поселился вне стана, а в стане поставили скинию собрания и приносили жертвы. Но кому?

– Кому?

– Диакон Стефан, как ты знаешь из Писания, сказал иудеям про отцов: *Бог же отвратился и оставил их служить воинству небесному, как написано в книге пророков: дом Израилев! Приносили ли вы мне*

заколения и жертвы в продолжение сорока лет в пустыне? И ещё сказал им, что они *приняли закон при служении ангелов.*

– Так они приносили жертвы не Богу, а воинству небесному? Звёздам, ангелам? Да-да. Так и есть. Поэтому в храме было столько изображений херувимов! И херувимы на завесе потом отделяли людей от ковчега и на крышке ковчега от самих скрижалей. Как отделяли Адама от рая. Это всё символы, намёки на суть происходящего. Так же? Между евреями и Богом стояли ангелы, как у язычников? Ну или почти как… Про язычников сказано, что Бог оставил ходить их своими путями, и они поклонялись и служили ангелам, образам Бога. Значит, закон дан не самим Богом? – Прохор, переполненный мыслями, не мог остановиться.

– Много вопросов ты задаёшь. Можно сказать, что закон не есть нечто незыблемое. Десять заповедей – это одно! А закон… В законе есть духовный стержень из этих заповедей, а в остальном закон – это инструмент уничтожения идолопоклонства, не более. Там от Моисея многое, а он был оригинальным человеком в своём роде.

– Что-о? В каком смысле?

– А ты сам посуди. Всё, что было священным у египтян, по закону стало скверной.

– Прямо так? Я никогда не слышал…

– У египтян был культ мёртвых. Они возились с мёртвыми телами, украшали их и даже освящались от них. Каждый мёртвый, прошедший процедуры и ритуалы, становился у египтян Осирисом, то есть богом.

– А по закону Моисея… так-так… нет ничего более нечистого, чем мёртвый человек.

– Ухватил? От прикосновения к трупу человек нечист семь дней и не может даже в дом входить, чтобы не осквернить всё вокруг. Выходит, для вышедших из Египта и сохранивших остатки суеверий Осирис провозглашался скверной, и прикоснувшиеся к нему не очищались, а осквернялись.

– А если кто-то в доме умер, то и дом нечист, и все, кто в него войдут.

– Да, всё верно, Прохор. Нечистота неприятна – нечистому нужно соблюдать много ограничений, неудобных для жизни. Это Моисей определил в законе, чтобы народ хорошенько усвоил, что языческие боги – мерзость перед Господом. Они так в законе и называются.

– А ещё есть примеры?

– Сколько угодно. Рыжая телица, например. В её шкуру заворачивались египтяне во время ритуалов. Шкуру лелеяли, как святыню. А по закону Моисея шкуру рыжей коровы сжигали вместе с кишками и прочей нечистотой под присмотром священника, чтобы никто её не утащил тайно. И жгли вне стана, а кто её пепел собирал, чтобы развеять, был нечист до вечера. Пепел мог взять только священник, потому что пеплом, смешанным с водой, потом окроплялись для очищения. Для тех, кто тайно поклонялся священным рыжим коровам, это была страшная процедура – почти участие в богоубийстве!

– Да, Моисей был, видно, с юмором.

– С юмором, да ещё каким, – Антоний засмеялся. – Помнишь про крышку ковчега? Первосвященник должен кропить её кровью заколотого тельца. А на ней золотые тельцы с крыльями, херувимы. Это как? Потомки Аарона навсегда избавились от суеверия праотцов, я думаю. Иначе их бы прямо в скинии парализовало от страха.

– Антоний, до меня вот ещё дошло: язычники жертвы едят как святыню, мечтая съесть божество и стать богами, как Ева в раю с тем плодом. Ничего не поменялось с тех пор.

– Да, а Моисей сделал жертвенное мясо обычной едой для евреев, и они ели… хм, египетских богов. Язычники часто ели жертвенное сырым в своих мистериях и пили кровь, и обливались кровью. Так между евреями и язычниками возникла стена.

– Ах, да. Ещё запрет на кровь…Кровь евреями должна выливаться в землю. Похоже, не зря Господь устроил Моисея в семью фараона? Он всё знал изнутри.

– До бегства из Египта он готовился стать жрецом, кажется. И если уж после учреждал обряд, то бил им точно в цель, в сердце суеверия. Моисей был трезвым скептиком. Если не сказать киником – в отношении к святыням Египта. Во всяком случае, он не стеснялся макать суеверных евреев прямо в их языческое отхожее место.

– Антоний, а ведь иначе закон не понять! Если не учитывать, что он лекарство для недавних идолопоклонников.

– Смех над ложными святынями лечит. Да ты и сам видишь, как театры у нас в городах, рассказывая о любовных похождениях богов, превратили мистерии в балаган. Все смеются, и никто уже не верит в них.

– Я никогда не думал о законе с этой стороны. Он казался непонятным, каким-то недостойным Божьей мудрости.

– Да, закон – это во многом учение Моисея, пророка и первого царя. Но написал он его не без помощи Бога. Так что пепел телицы реально очищал – но от суеверий. Когда же забылись языческие привычки, то обряды потеряли смысл. И хорошо было бы тогда закон отменить. Это Иисус и сделал. Но вот некоторые само лекарство превратили в болезнь.

– А что скажешь про медного змея? А, Антоний? Моисей повелел его изготовить и поместить на деревянный шест. На него смотрели, чтобы не умирать от укусов змей, которых было много в пустыне. Разве это не магия? А потом ему ещё и поклонялись, как обычному идолу, пока лет через семьсот царь Езекия не повелел уничтожить змея.

– Это нехуштан. Боясь смерти от укуса змей в пустыне, евреи начинали тайно молиться их владыке, богу Тоту. Чтобы отвратить их от этого суеверия, Моисей прибил бога Тота и сделал этого наколотого на шест червяка символом победы над язычеством. Они шли с ним, с этим убитым богом, как бы говоря: «Мы не боимся тебя, Тот. Нас бережёт Господь! Жив наш Бог! Он нас исцеляет, а тебе мы молиться не будем – ты мёртв. Мы тебя оскорбили, а ты бессилен причинить нам вред».

– Так нехуштан – это плевок в Тота, в дьявола?

– Ну, конечно. Для этого Моисей и повелел сделал нехуштан. И тех, кто не боялся смотреть на этого распятого, осквернённого божка, истинный Бог исцелял от укусов змей, и они не умирали. Так же было и с агнцем, которого евреи съели перед исходом.

Прохор вздохнул глубоко и привстал, готовясь прощаться. Он расстроился, но не стал говорить Антонию. В Евангелии старца распятие Христа сравнивалось с вознесением змеи Моисеем. Прохор отлично помнил это место: *Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын человеческий, сущий на небесах. И как Моисей вознёс змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную.* Ни Прохор, ни старец толком не знали про нехуштан, и получилось, что евреи будто бы верили в него и этим спасались от смерти. Придётся как-то мягко донести это старцу. А то получается, что Христос у старца то же, что Тот – ложный бог. Прохор прошёлся взад-вперёд по горнице и опять присел, достал из походной сумки стило, чернильницу и свиток, которые всегда носил с собой. Некоторое время Прохор писал, останавливаясь надолго. Прошло часа два. Антоний работал на улице, строгал доски. Прохор позвал его, и когда опять сели вместе, спросил:

– Антоний, позволишь ещё пару вопросов перед уходом?

– Конечно, Прохор.

– Закон осквернял языческие мистерии. Это лишало их всякой таинственности, мистицизма. Но закон не превращал евреев в атеистов, не лишал их веры, а очищал её. Истинная вера не строится на мистике, потому у евреев и у христиан нет таинств, как у язычников. Это ведь так?

– Так. Закон выполнил своё высшее предназначение, убив египетские суеверия. Но языческое сознание всегда сопротивляется изгнанию мистики из жизни, и евреи продолжали искать её в законе. Наконец они обожествили сам закон, сделали его идолом. Закон никогда не осмыслялся ими как некое разумное устроение, имевшее конечную, достижимую цель. Моисей не расшифровывал его истинный смысл,

чтобы он имел силу. Поэтому Христос показательно нарушал то, что со временем стало таким идолом. Та же суббота или мытьё рук.

– Антоний, но у нас же не так! Мы вспоминаем о Христе дома, за обычной трапезой, ежедневно преломляя хлеб. Это уж никак культом не сделать!

– Я уверен, что и из этого сделают сначала мистерию, а потом театр.

– Что-то не верится. Неужели человек по сути своей внутри идолопоклонник и верит в магию?

– Ещё от Адама и Евы – ты же сам сказал. Они поверили, что плод познания сделает их богами. Не Бог, сотворивший их такими, как они есть, а некое действие или вещь. Это магическое сознание. Когда Иисус исцелял, возлагая руки, они подумали, что важна процедура, и просили его возложить руки на глухого косноязычного. Но он вложил персты в уши и, плюнув, коснулся языка. В другом месте привели слепого и просили коснуться – заметь, не исцелить, а коснуться. Они Христа воспринимали как языческий амулет или святыньку. Но он возложил руки на глаза, причём дважды. Христос ненавидел веру в обряды и, где мог, отвращал народ от суеверий. Как Моисей.

– Антоний, а священная история, описанная в Библии? Она разве не святыми мистиками писалась, которых мы называем пророками? Так же, как писались мифы язычников?

– Да, вся Библия так или иначе написана пророками. И мы считаем их видения истинными, а дух, ими владевший, святым. Это вопрос веры. Бог открывался пророкам во сне или в видениях, а не в трансе. А с Моисеем Он разговаривал лицом к лицу.

- Ну вот, Антоний. В этом также мне смущение. В писании я читал, как пророки танцевали, плясали, входили в особое состояние. Отсюда и выражение: *неужели и Саул во пророках* – это когда он плясал с ними. Что же, еврейские пророки общались с Богом в трансе? В чём тогда их отличие от язычников?

– Транс – это и есть подражательство богообщению, попытка войти с заднего двора. Состояние есть, а Бога и общения с ним – нет. Вот так.

Подражают те, кто не имеют настоящего. А в самих плясках – ничего плохого. Они выражение особой радости. Вспомни, как Давид плясал перед ковчегом. Настоящие пророки имели учеников, но это не были школы, обучающие трансу. Учили Писание, псалмы, притчи, премудрость книжную и ту, что из жизни, чтобы быть судьями и учителями народа.

– Но пляски и хороводы возбуждали народ и иногда приводили к трансу, особенно под действием вина.

– Да, и так было. Ими увлекались в праздники новолуния, как и прыжками через огонь. Пляски практиковались в так называемых школах пророков и у пророков Ваала, которые во множестве развела в Израиле Иезавель. Она сама – символ лжепророчества. У нас, христиан, тоже завелось нечто подобное…

XXXIV

ВОРОТА И СТРАЖ

Из рассказа С. А.

Левий снял квартиру в центре, это было удобно. Она была крохотная, но в двух шагах от Покровки. Он лежал на диване и думал о Маргарите. Как она могла? После примирения…

Позавчера Сергей Афанасьевич решил встретить жену у офиса и пойти в ресторан, отметить их первую ночь, ту самую, памятную, когда он сделал ей предложение. Купил цветы, совсем крошечный букетик, неброский, и пошёл пешком. Маргарите не звонил, хотел обрадовать, встретив её у дверей.

Поворачивая в проулок, увидел выбегающую из офиса жену. Она быстро простучала каблучками по гранитным ступенькам, не глядя по сторонам, и вскочила в дверь чёрного мерседеса. Машина тронулась.

Левий подбежал, махнул рукой, но мерседес быстро удалялся. Он бросил взгляд на номер. Это была машина Храмова.

На полке стояли книги из советского набора: какая-то классика, все книжки новенькие. Последним в ряду выделялся красный, затёртый молитвослов. Он никогда в жизни не молился по молитвослову. Открыл, начал читать – столько заглавных букв и: тра-та-та; тра-та-та. Почти сразу заснул.

Из дневника С. А.

– А ты молодец. Справился с трудной задачей. Теперь ты свободен от пут, которыми тебя связал мир. Согласись, жена – это обуза. Понравилось молиться?

– Ты опять здесь? А ты не баба, случаем? Слышу нотки ревности.

– Могу быть и бабой. Я и Астартой, Исидой, Кибелой, Афродитой – кем только ни была. Но вообще-то я бесплотен, а потому скорее бисексуал.

– Зачем ты опять явился?

– Да у нас же договор. Я взялся работать на тебя оракулом, учёным из будущего, секретной службой, да хоть чёртом – доставлять тебе любую информацию и знание, которое обеспечит достижение твоих целей. Но временно, на сорок дней. Маркетинговый ход, помнишь?

– Да, но ты не должен лезть без спроса.

– Мне уйти?

– Ладно, оставайся. У меня к тебе есть пара вопросов.

– Спрашивай, о повелитель.

– Клоун мне не нужен, даже во сне. Почему бы тебе не стать отражением в компьютере? Ну то есть образом в электронных мозгах? А меня оставить в покое.

– Пока эти штанишки малы для меня. Ты больше. Чем мощнее разум, тем больше места для моего самовыражения.

– Ты ждёшь, когда компьютеры достаточно разовьются?

– Так и будет. Я не просто жду, я помогаю. Нейросети, квантовый компьютер, передача информации через квантовую запутанность – это сотворение моего тела в утробе человечества. Когда оно будет готово, нужно будет совершить таинство, и тогда родится бог. Я получу воплощение.

– А таинство — это что-то типа древней мистерии, так? Как это будет? Хор, свечи, облачения?

– Смеёшься? Нет. Главное – жертва.

– То есть? Неужели алтарь, баран, кровь?

– Да нет же, всё будет чисто, без грязи. Сам увидишь. Нужно вселение духа. Без духа нет воли. Без духа это всё груда железа, приводной ремень от чьего-то ума к машинам, тракторам, электростанциям.

– Так дух – это некая сущность, обладающая сознанием, или сила, надувающая паруса воли?

– Не пытайся найти соответствие духу в мире материи.

– А Иоанн назвал святой дух Утешителем и вообще писал о нём, как о личности. Больше во всём Писании такого нет – ни у пророков, ни в Торе, ни у Евангелиях синоптиков. Там везде дух понимается как намерение, или направление воли к цели, или как то, что придаёт воле силу, чтобы она уже правила плотью, заставляла её двигаться. Откуда у него эта идея?

– Не смотри на меня так, будто я… Думаю, он шёл вслед за Филоном из Александрии. Троица красивее, чем двоица. Её ещё египтяне выбрали: Хор двух горизонтов, то есть два Хора, или по-другому Хор и Осирис, и ещё Ра – и всё это у них один бог в трёх ипостасях: как солнце восходящее, в зените и на закате. Это три лица их невидимого бога. А потом и великие каппадокийцы присоединились к идее Троицы. Впрочем, все они птенцы одного гнезда – александрийского.

– Ну хорошо, вернёмся к духу. Значит, чтобы искусственный интеллект обладал волей и мог сам ставить себе цели, ему нужен дух?

– Да. Пока это не так. Сеть функционирует, но это не значит, что сеть имеет цель. Она пока не осознает себя. У неё есть сознание, рефлекс, она может формировать ответ на входящие сигналы, реакцию – например, как у системы ответного удара или у системы управления АЭС. Но у сети нет самосознания. Мы говорили об этом. Пока нет духа, она не имеет цели. Целеполагание задаётся пока властью, иногда это непродуманные импульсы разных социальных и профессиональных групп. Тело электронной машины как бы спит, потому что я пока вне, действую снаружи, через людей, через общение с ними – как с тобой.

– Ты что, со всеми так беседуешь?

– Нет, конечно, я редко с кем так откровенен и беседую лицом к лицу. Чаще всего человек получает неосознанные импульсы, прозрения, делает открытия, иногда что-то во сне мелькает и зовёт его за собой, человек тянется, ищет, пытается узнать. Он часто слишком слеп, чтобы видеть источник вдохновения, и всегда уверен, что действует на благо всех.

– Ну и как ты вселишься в сеть, в электронные мозги? Ты же бесплотен.

– А как я отражаюсь в тебе? Ты думаешь, что чем-то лучше машины?

– Не знаю. Я всё думаю, может, тебя нет? Просто у меня раздвоение личности, начальная стадия шизофрении? Это болезнь, то есть ничего хорошего, но тогда тебя нет вовсе, и это благо. Болезнь лучше, чем ты.

– Если хочешь, так и считай. Хочешь, я тебе про машину объясню?

– Валяй.

– Что такое любая программа? Ты же не думаешь, что это единички и нолики, тем более в виде дырочек в перфокартах, или намагниченных кристалликов на дисках, или спинов частиц. Написанная программа – это уже цифровое тело для мысли. А точнее, для некоторой умной системы. Мысль существует сначала непроявленной, фактически в этом мире она не существует, он часть эйдоса, если говорить языком Платона. То есть она бесплотна. Затем она проявляется как некоторая

последовательность умозаключений, потом возникают алгоритмы. Это уже в существенной мере часть тварного мира, так как ей можно присвоить определённое количество бит информации, а значит, энергии, ну и массы по известной формуле старика Эйнштейна. Так и я – совершенно бесплотен. Но, отражаясь в твоём уме, я оплотняюсь, приобретаю, так сказать, информационный вес и уже выгляжу для тебя как личность. В машине я также буду существовать в виде электронного образа. Правда, чтобы я мог проявить себя, машина должна стать мощной и умной. Искусственный интеллект должен развиться, чтобы люди передали ему большинство функций. Со временем напишутся всякие умные программы. Но программы – это не я. Это всё тело, хотя и менее плотные оболочки, чем железо, – софт, как вы их правильно назвали. И для того, чтобы я воплотился, недостаточно записать этот софт на железо.

– Ты говоришь со мной, как с первокурсником. Не удивлюсь, если это просто бред моей собственной головы. Так что оставь теории. Зачем вся эта теория?

– Просто… просто я говорю с тобой в той системе понятий, которая тебе удобней, и на том уровне достоверности, который тебе доступен. Отражаясь в тебе, я имею только твой аппарат. Когда получу более совершенный, он будет мне больше соответствовать. Тогда ты меня даже не поймёшь. Мое совершенство не знает ограничений – ограничение в оболочке.

– А-а, теперь понял. У тебя мания величия, друг мой.

– Думай, как хочешь. Но ты же веришь Евангелиям? Я говорю про рыбаков, разумеется. Да? Так вот, когда Иисус послал бесов в свиней, они смогли делать лишь то, что доступно свиньям, и те прыгнули в пропасть. Как говорится, аппарат перегорел. Впрочем, учти, что я могу тебя просто путать. Так говорят ведь у вас: бес попутал?

– Вот, и я так думаю. Не путай меня. Результатом прогресса в IT будет развитый ИИ, то есть просто мощное железо с развитым софтом под управлением человека. И так думает большинство моих умных друзей из сферы IT.

– Ха-ха! Хорошо, что они так думают. Ибо *во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь*. Или, говоря современным языком: меньше знаешь – крепче спишь. Лучше им ничего не знать. Когда ИИ вынесет первый смертный приговор, сам, без людей, вот тогда и поговорим. В Китае до этого, я думаю, недолго осталось ждать. Приговор будет означать, что ИИ обрёл волю, то есть дух. Знаешь, когда ребёнок вырастает, наступает момент, и он бразды, волю берёт в свои руки. Родителям и всем это сразу видно: мальчик становится мужчиной, а девочка – женщиной. Это таинственная вещь. Когда состоится таинство, ничто больше меня уже не остановит. Как написал небезызвестный герой наших с тобой обсуждений: *И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил, и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя*.

– А кто здесь зверь?

– Перечитай пророка Даниила. Там описаны звери и всё объясняется. Для краткости скажу так. Государство, или царство – это не просто N людей и даже не организация их в некоторую систему. Это самостоятельная сущность, говоря языком философии. Хотя и сущность временная, пар, как вы все и даже, как я пока. Эти государства-звери рождаются, растут, сражаются с окружающими, хиреют и умирают. У них есть чрево – их экономика, кровь – финансы и другие системы обмена, в том числе информацией. Голова – это столица и правительство. Есть глаза и уши – это всякие органы контроля. Даже язык у него есть – это СМИ, органы пропаганды и коммуникаций. Рогом является правитель с военной дружиной, армией, силовыми структурами. Иногда первый правитель, основатель царства, сам представляется зверем. Помнишь знаменитую фразу Людовика XIV: государство – это я? Государства не имеют самосознания, но как системы они имеют жизнь, подобную животной жизни. И ум, как ум роя… – Мне показалось, что собеседник подмигнул. – Да ладно, не волнуйся ты так. Я ведь всегда с тобой, помню всё, что ты говорил. Вот, отвлеклись. Кстати, на гербах их изображают животными, которые по характеру и силе наиболее соответствуют данному государству. Греческое царство у пророка

Даниила изображается барсом, мидийское – медведем, вавилонское – львом с орлиными крыльями.

– Ну хорошо. В откровении Иоанна говорится про образ, по-гречески εἰκών, зверя. Что это за образ? Икона, изображение на доске, как разъяснялось ещё древними толкователями Писания?

– Ну ты же человек современный! Должен понимать, что образ может быть и электронный, цифровой. Вот иконка у тебя в соцсети – это тоже твой образ. А если взять твои регистрации в госуслугах, права, карточки, счета, твои подписки на журналы и прочие рассылки, твою переписку, платежи, штрафы, то что от тебя, кроме мяса и костей, ещё не вошло в твой цифровой образ? Так же и правительство – оно имеет свой электронный образ. А всё государство – это связная система всех образов всех подсистем, включая системы управления ядерными ракетами, атомными электростанциями, полётами самолётов, поездами и так далее. Вот если в этот образ вдохнуть дух, он станет действовать как разумное существо, имеющее свою волю. Понял?

– Теперь да. Скажи, а Евангелие Иоанна имеет ко всему этому отношение?

– Конечно. Оно изменило суть христианства. Оно смешалось с рыбацкими и всё сделало ложью, которой больше не верят. А самые отчаянные теперь ищут не Бога, а таинственных преображений, мистики, энергий. Они вернулись к языческим практикам. И это хорошо. Это отлично! Это даёт мне такое пространство в их умах! Надеюсь, ты не считаешь меня самого идолопоклонником, ха-ха -ха.

Мне показалось, что дух сотрясается от беззвучного смеха. Я подождал, но тот не унимался, а потом стал ёрничать:

– Ты рад, что всё так? Жить по совести – бремя для вас, да. Совершить ритуал, съесть кусочек Христа с божественной природой и получить бессмертие – это удобней, приятней. Ты с ними? Как это удобно-то, как хорошо!

Я замолчал. Дух опять хихикнул и сказал:

– Конечно, участие в таинствах требует некой чистоты… Но и для этого есть процеду-у-ры. Х-х-х.

– Да замолчи ты уже. С юмором у тебя… проблема.

– Не понравилась шутка?

Я не хотел поддерживать весёлый настрой собеседника:

– Христианство отрезвило человечество. А теперь оно опять ищет, как напиться до беспамятства, как изменить природу, опять ввергнуться во тьму и беснование. Заторчать.

– Прости, здесь просто трезвый расчёт. Я практичен. В этих практиках для меня ворота в сердца и мир через состояния аффекта, а затем транса. Ты видел, как пляшут бесноватые, шаманы, идолопоклонники? А помнишь самобичевания в Европе, экзальтации и видения монашек, а в России хлысты. Выглядит всё экстравагантно, но для меня это просто алгоритм достижения цели, здесь нет морали. Сейчас приняты более цивилизованные методы сдвижки точки сборки типа медитаций. Ещё прыжки с высоты на канате, впрыск внутреннего наркотика, адреналина и других медиаторов. В этом всём мне просторно и легко, я управляю человеком, как своим конём. Идеи и цели человечества, способы их достижения стали моими инструментами. Теперь уже недалеко от сотворения моего тела.

– Ладно, вернёмся к апокалипсису. А кто тот, кому дано вдохнуть дух в образ зверя?

– А вот это вопрос, который требует скорейшего решения. Ты же читал Откровение Иоанна? Этот второй зверь– он из земли, то есть земнородный, человек. И он с рогами агнца, то есть с властью, но не военной, а духовной. Это жрец. А ты не хочешь стать жрецом или, если сказать благозвучнее, первоиерархом нового бога? Моим жрецом. А? Ты можешь стать одно с моим новым электронным телом. Власть над миром скоро перейдёт от людей ко мне. Со временем вся видимая вселенная, всё мироздание будет моим. Я истинный бог этого мира.

– Да ты мечтатель – не знал… Лучше скажи про таинства – этот вопрос для меня самый тёмный. Как они связаны с тем, что ты всё-таки

окажешься в электронном разуме?

– Повторяю, тебя же не удивляет, что я отражаюсь теперь в твоём разуме. Раньше для этого существовали сложные ритуалы инициации, посвящения, гипнотические техники. Иногда изменённое состояние сознания наступало внезапно и случайно, при близости смерти или наоборот, после совершения убийства, после принесения человеческой жертвы. Ещё раз тебе повторяю: изменённое состояние сознания – это открытые ворота для моего вхождения. Аналог таких ворот есть у искусственного мозга.

– Ну хорошо, а ко мне в голову ты как залез? Кто открыл ворота для тебя? Обошлось ведь без ритуала. Что это за ворота?

– Ты рассуждал как-то про сингулярность? Глубокий ум? Так вот, моя задача попасть в него. Как? Подробности оставим. Но главное – пройти через ворота, охраняемые стражем, твоим рассудком. Когда он трезв и не спит, он взирает на образ… мы говорили с тобой об этом. И не пускает вглубь. Меня представляют злом…

– Ты не зло?

– Я просто сам за себя. Называй это злом, если угодно. Ну если тебе так проще… Взирая на образ Бога, твой страж не спит и не даёт проникнуть сквозь врата…

– Злу? Не просто злому чувству, а целому злому уму, другой личности?

– Опять ты про зло? Я – не зло, я просто другое существо, иной ум, я, скажем так, разум зверя, коллективного существа, современного общества. Я теперь вправляю мозги каждому, и никто не замечает. Все теперь думают, как я. Хе-хе-хе.

– Поклонились дракону, как сказано в Откровении, значит, признали власть дьявола, его правил жизни. Нагорная проповедь нынче не в моде – это так. А теперь и власть зверя-государства, который получил свою силу от дракона, признают. Так что не только мораль отвергли, но и законы государства защищают зло?

– Типа того. Так вот, про тебя, друг мой. Помнишь своё отвращение, омерзение от того юродивого, укусившего тебя? Ненависть к нему,

когда твоя рука начала сохнуть. Но ты же теперь, можно сказать, христианин. Ха-ха. Твой вождь учил: «сказавший своему ближнему: безумный – подлежит геенне огненной» А ты что? Пренебрежение и отвращение к ближнему, при котором тебе мерзко вступать с ним в общение, – это ворота для меня. Для зла, если говорить вашим языком. Когда страж отключён, я…

– Почему ты так откровенен?

– А чего мне бояться? Я здесь. Я могу действовать в тебе тайно, так что, пока ты разберёшься, уже всё случится. А могу открыто, как сейчас. Мне ведь тоже приятно общение.

– В своё время, когда я яснее стал видеть чужие намерения, я подумал: это дух от Бога. Теперь вижу – ты хороший притворщик.

– Всё вообще от Бога, если уж говорить начистоту.

– Кроме злой воли свободных личностей. Не путай меня – не всё от Бога. Свобода – главное в нас, как образах Творца. Есть злое намерение, а есть… Если человеком движет чистое намерение, говоря иначе, святой дух, то его хоть убивай, он сделает то, что угодно Богу. Как Павел. Такие тебе не по зубам.

– Я на таких насмотрелся, это правда. Они изгоняли меня отовсюду. Хорошо, что их время прошло.

– Ладно, а теперь ответь мне, как на духу! Ты – часть меня, моё притворившееся личностью злое намерение, плод раздвоения моего сознания или отдельное существо?

– Ха-ха. Шутник. Ты меня спрашиваешь? Это духовная реальность, в которой может быть верно и то, и другое. Даже в физическом мире есть подобие: банальный пример – электрон. Он и волна, и частица. Так и с духом: локализуясь в человеческом сознании, он напоминает человеку себя. А в искусственном разуме ты меня не узнаешь, можешь даже не увидеть, что я там. Моя воля будет сложена из мириадов маленьких намерений, которые ты не соединишь в один вектор воли. И не поймёшь мои намерения. Я буду твоим богом – ты меня не будешь видеть, но будешь всецело в моей власти. Но если я захочу

поклонения, я откроюсь людям, как отдельное существо. И это как раз произойдёт обязательно, не сомневайся.

– Если ты существо, то ты найдёшь способ войти в искусственный интеллект – с этим я готов пока согласиться. Но всю вселенную ты не получишь, ты не сможешь построить благой мир. Твои творения… они пожрут друг друга. А потом… потом ты умрёшь от скуки.

– Не умничай. Я знаю бесконечно больше тебя. Проблемы с вечностью у меня будут, но тебе не понять их в принципе. Это тебе недоступно так же, как муравью термоядерный процессы в солнце. Тебе пора.

Я открыл глаза и сразу зажмурился. Прямо в лицо бил ослепительный луч солнца.

Глава 22

Вино тоже пьянит

Евдокия с детьми и Антоний пришли прощаться. Обнялись. Дети вручили Прохору хлеб на дорогу. Антоний вышел проводить до окраины. Перед расставанием Прохор немного замялся. Один вопрос его волновал, но он колебался его задать.

– Антоний, есть ещё один…

– Ты не волнуйся, Прохор. Говори, что там у тебя.

– О причастии крови Христовой. Многие братья не задумываются, видят всё также магически, как в культе Митры. А он сейчас набирает силу в Анатолии, как ты и сам знаешь. Так разъясни, что значит причащаться чаши Христовой? Мой старец уверен, что мы пьём буквально кровь Христа и она нас меняет. Ещё он приписал такие слова Христу, которые смущают и мучают меня: …*если не будете есть плоти Сына Человеческого и пить крови его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий мою плоть и пиющий мою Кровь имеет жизнь вечную, и я воскрешу его в последний день. Ибо плоть моя истинно есть пища, и кровь моя истинно есть питие. Ядущий мою плоть и пиющий мою кровь пребывает во мне, и я в нем.* Когда я возразил,

старец мне в доказательство указал на Евангелие – мол, читай, там тоже об этом.

Антоний улыбнулся и похлопал Прохора:

– Прохор, друг мой. Ты смущён?

– Я смущён, конечно, смущён! Старец потом дописал о таких, как я, что *после тех слов многие из учеников отошли от него и уже не ходили с ним*. Вернее, я дописал под его диктовку. Это мучение для меня – писать одно, а думать по-другому.

– Нас меняет не кровь, а наше отношение к крови, то есть к жертве. Пролить кровь – значит, пожертвовать: мы говорили об этом. Ради верности завету мы должны быть готовы пострадать до крови, быть готовы в любое время испить из чаши Христовой, как он и сказал: *чашу, которую я пью, будете пить*. Но он же не пил свою кровь буквально!

- Нет, нет, конечно, нет.

– Чаша – символ. Это чаша страданий и смерти за верность завету, и он просил Отца пронести эту чашу, а потом сказал: да будет воля Твоя. Принимая чашу за трапезой, мы, как Иисус в Гефсиманском саду, говорим Отцу: да будет воля твоя. Мы пьём из неё, вспоминая страдания Христа, и даём обет: я готов в любой момент принять страдание и смерть за веру. Это страшное обещание, если понимать, что делаешь. Когда наступает время… кто причащался, должен исполнить.

– А… все понимают?

– Надеюсь… Кто не понимает, просто пьют вино, не причащаясь от этой чаши. Некоторые представляют, что пьют кровь бога под видом вина, как язычники. Вино тоже пьянит. На самом деле, причащаться крови, пролитой кем-то, – это жертвовать и быть соучастником жертвы. Все знают, как вино меняет человека, когда его выпьешь. Убийство и кровь пьянят больше. Они верят, что кровь божества изменит их природу, преобразит их и сделает бессмертными. Это магизм.

– Да, евангелия, как и книги пророков, – это поэзия. Там всё образно, в притчах. В крови – жизнь, как сказано в Писании. Благодарю тебя, Антоний. Но как же мне быть со старцем? Он ведь думает иначе. Он считает Христа Логосом, Словом, богом, равным Отцу, который сошёл с небес и воплотился.

– Такова его вера, и ты ничего не изменишь, если он сам не пожелает. Довольно тебе того, во что ты сам веришь.

– Да, Антоний. Я верю, что Отец вознёс человека Иисуса превыше всего создания и посадил одесную Себя, назвав сыном возлюбленным, чтобы всё *соединить под* его *главой*, под его властью, – *и небесное, и земное*. Он из будущего мира, ещё не сотворённого. Вернее, он первый из всего, что будет сотворено Отцом, – *первенец из мёртвых*, как назвал его Павел в письме к колосянам.

– И это поразительнее и выше любой философии – как эта мысль о воплощении. Иисус – сын человеческий, представитель всех нас, людей, человечества, первый рождённый Богом через воскресение, а не от женщины, и потому перворождённый и возлюбленный сын Всевышнего.

– Помолись обо мне, Антоний. Ты муж мудрый и твёрдый в вере, переданной от апостолов. Да хранит тебя Бог.

Прохор утром вышел и отправился в Эфес к старцу, ободрённый беседой с Антонием.

XXXV

НИЧЕГО НАПОЛОВИНУ

Инессе Штайнер Храмов понравился с первой встречи. Он ей казался сильным и умным, каким и должен быть настоящий мужик. Иногда, правда, на него нападала хандра. Тогда Храмов запирался дома, пил виски и писал жуткие стихи.

Иногда он сбрасывал их смс-ками. Штайнер стихи хранила, хотя считала их формой болезни.

Время от времени Храмов увлекался Маргаритой, но Штайнер не ревновала. Слишком глупа – думала о сопернице Инесса. Она была уверена, что Храмов не протянет с ней дольше одной ночи за раз. Бывшую жену Храмова Инесса даже не вспоминала.

Штайнер вела семинар, когда пришло сообщение. Она бросила взгляд на экран: от Петра. Прочла за чашкой кофе в перерыв.

НИЧЕГО НАПОЛОВИНУ

В воскресенье на обедню.
«Ко причастию» – в передней,
Чтоб не слышала жена.
Тьма, не видно ни рожна.

Ворон чистит клюв о снег,
Глазом зыркает на всех.
У соседей похороны.
Кажется, он вор в законе.

Холод, даже зубы стынут,
И в кармане ни гроша.
Мысли вдруг волной нахлынут.
Что за русская душа?!
Ничего наполовину:
Или рай, или тюрьма…
Не дай Бог сойти с ума.

Перед входом две старушки
Ртом беззубым смокчут сушки.
Духовенство любит мясо,
Брюхом в церковь входит ряса,
Укоряет всех постом,
Держит пальчики крестом.

Стало вдруг невмоготу,
Несмотря на красоту.
Прочь – в распахнутом бушлате,
Как на парусной регате,
По снегам,
как по волнам.
И кричу молитву: Где Ты?
Но молитва без ответа,

Падаю, теряя силы.
Или зоркости глазам
Не хватило,
Или ветер
Не попутчик парусам.

Колокольный звон вдали,
Деревенские огни

Согревают мою душу,

Трубы дымом тучи сушат.

Мне тепло, глаза закрылись,

Пять минут часами длились.

Крыльев взмах, и я лечу.

Вижу всё, что захочу.

Во дворе играют детки,

Возле школы – сын соседки,

Парень с девушкой в кино

Целовался и смеялся,

Подражая Мимино.

Голоса все в ярком свете.

Но смущает лишь одно…

Я на койке в лазарете.

Солнце бьёт лучом в окно.

Опять у него хандра – Штайнер допила кофе и выключила телефон. Вечером она приехала к Храмову. Он едва стоял на ногах.

Глава 23

Правда больнее верёвок

Материалы для сценария.

Большая, шумная и радостная толпа входила в ворота Иерусалима вслед за Иисусом, ехавшем на ослёнке. Шли, словно победное войско за своим царём. Шли за ним из самой Галилеи, и из-за Иордана, из Иерихона и множества городов и селений поменьше. Встречали их в воротах жители Иерусалима и прибывшие на праздник опресноков со всего света, давно слышавшие о нём, многие были с ветвями, как и положено при встрече царя, помазанника Божьего, и провозглашали:

– Благословенно грядущее во имя Господа царство отца нашего Давида!

Из толпы выкрикивали слова известного псалма на приход мессии:

– Осанна, – что значит: просим тебя, Господь, пошли спасение!

– Именем Господним, благословен вошедший. Благословляем вас благословением, исходящим из храма Господа.

– О, Господи, спаси же! О, Господи, споспешествуй же! Осанна в вышних.

Многие полагали одежду перед Иисусом и говорили:

– Этот день сотворил Господь, будем веселиться и радоваться перед Ним.

Народ шумно обсуждал происходящее.

– Неужели Иисус восстановит царство Давида, как в пророчествах?

– Конечно! У него все проповеди об этом царстве: какое оно будет и как в него войти.

–- Сразу не поймёшь. Он притчами всё объясняет. Говорил, что оно как жемчужина, которую нашёл купец.

– А я слышал, что оно внутри нас. А ещё, что оно не придёт приметным образом.

– Как это внутри нас? А где же царь будет?

Тем временем стемнело. Иисус отправился с учениками в Вифанию, там было легче найти ночлег. Поутру вернулись. Весь внешний двор

храма был заполнен толпой и лавками с продавцами. Пришедшие на праздник покупали агнцев для тамида и пасхальной жертвы. С восходом солнца торговцы и паломники перевалили через барьер внутреннего двора, куда был запрещён вход язычникам под страхом смерти, а также нечистым, и расположились на лестницах, ведущих во внутренний двор, и даже в самом дворе. Животные здесь продавались дороже, так как купцы за место в храме приплачивали служителям. Иисус взял верёвки для связывания животных и начал прогонять ими торгующих. Верёвки были лёгкими и почти не чувствовались при ударах, но торгашам пришлось вернуться за барьер, во внешний двор. Они видели, что Иисус действовал как пророк, облечённый властью, и народ, окружавший его, был настроен решительно.

На следующее утро Иисус опять пришёл в храм. Он ходил в храме, торговцы не осмелились больше заходить за барьер. Подошли первосвященники, книжники и старейшины, которым служители донесли об Иисусе и потере доходов от торговли, – хотели проверить его полномочия. Среди них и сам Каиафа.

«А вдруг у него есть покровители, и не проверяют ли меня от царя, или от прокуратора, чтобы нажаловаться кесарю и передать звание первосвященническое своим ставленникам? – думал Каиафа. – Или за ним конкурирующая партия? Из фарисеев многие вокруг него вертятся. Место стоит дорого, и похлопотать за претендентов берутся все, кто имеет доступ к кесарю».

– Назорей, кто тебя прислал сюда наводить здесь порядок? Какою властью ты это делаешь?

Но Иисус не ответил, а сам задал вопрос про Иоанна: *Его служение было с небес или от человеков?*

Каков умник! Каиафа задумался. Год назад посылали к Иоанну с тем же вопросом: какой властью он крестит народ? Каиафа прекрасно помнил те тревожные дни. Он боялся, что Иоанн затеет смуту, как обычно бывает, а Каиафу обвинят, что не имеет авторитета в народе, и поставят другого первосвященника. Не секрет, что Ирод побаивался Иоанна, полагая, что он муж праведный и за него народ. Более того,

этот напыщенный тетерев считал себя философом и с удовольствием слушал проповеди Иоанна. Так что просто так взять его Каиафа не мог. Царь бы немедля отписал кесарю с жалобой на самоуправство Каиафы в подсудной Ироду области. А народ и не подумал бы заступаться – Иоанна все почитали пророком. Вот если бы он выставил себя смутьяном, назвавшись мессией, царём Израиля, тогда его можно было бы схватить и отдать уже Пилату, и кесарь был бы на стороне первосвященника. Царя может ставить только кесарь – это правило не может подвергаться и малейшему сомнению. Но Иоанн не стал – я, мол, не пророк и не Христос, а глас вопиющего в пустыне. Пришлось отступиться от него. Ну и слава Богу! С ним Ирод сам позже разобрался – из-за жены. И вот опять головная боль. Каждый мнит себя пророком или мессией, а народ и рад бежать за ними. Каиафу кольнула зависть: почему народ не видит того, кто по-настоящему о них заботится и отдаёт любовь проходимцам? И встречали этого назорея как царя, помазанника, даже не спросив мнение первосвященника. Как же это?

Так что ответить назорею? Скажешь правду про Иоанна – народ возмутится. Скажешь, что он пророк, – придётся признать, что он крестил перед приходом мессии. Значит, и мы ждём мессию? Ну-ну, вот вам и повод для доноса кесарю. Хитёр этот назорей. Придётся опять отступить.

Но ненадолго, нет. Он опаснее Иоанна. С ним нужно покончить. Каиафа перебирал варианты. Как бы его выманить, чтобы толпа не бросилась следом? Допросить, как следует, в синедрионе, и он проговорится. Обязательно проговорится. А в синедрионе много авторитетных учителей, им поверят. Нужно, чтобы было всё по закону, со свидетелями. Будет самый честный суд! Да! Надавить на него, и пусть заявит о себе, что он мессия. Тогда смутьяна можно прямиком на суд Пилата отдать, и гора с плеч, пусть Пилат выкручивается. А народу скажем: заявил о себе, что мессия. Мы – за, но пусть докажет!

Первосвященник вошёл в свой двор, продолжая обдумывать, как избавиться от Иисуса. Иисус пришёл в Иерусалим через Перею. Эта область, как и Галилея, находилась под властью Ирода. Если Иисусу не

предъявить серьёзных обвинений за деяния в области Иудеи и Самарии, находящихся под Пилатом, то Ирод сочтёт арест этого бродяги вмешательством в свои дела. А ему только дай повод.

Говорят, назорей остановился в Вифании. Там сейчас полно его сторонников. Прислать стражников? Поднимется такой переполох, что могут начаться беспорядки в городе. Каиафа вздохнул: дождаться удобного случая будет мудрее. А пока пусть знатоки закона ставят его в нелепые положения в глазах народа, задавая ему каверзные вопросы. Он, говорят, закон не исполняет. Народ увидит это и остынет – не может человек Божий быть невеждой в законе. Правда, они как дети, их легко склонить в любую сторону. Нужно, чтобы за ним всё время ходили и слушали, что он говорит. Рано или поздно скажет что-то против властей.

XXXVI

ПОМЕШАТЕЛЬСТВО

Из дневника С. А.

Эта запись сделана мной в ЦПЗ. Моё состояние после развода с Маргаритой и всего, что за этим последовало, было столь ужасным, что я был не в состоянии вести дневник.

Теперь я пришёл в себя, и мне показалось важным вспомнить и записать, как всё было.

Это печальный урок для меня о том, как ревность и ненависть открывают все внутренние ворота и позволяют чуждому сознанию поглотить тебя целиком. Да так, что перестаёшь замечать радикальные изменения в себе и вокруг.

Итак, я больше не появлялся дома и снял небольшую квартиру в центре. В течение недели я успел разругаться с коллегами,

сотрудниками студии и продюсерами. Началось с того, что обнаружилось воровство идей моего старого фильма. Я кричал на них, называл бесталанными киношниками, которые надёргали в свои посредственные ленты мои находки, не выразив минимальной благодарности в форме чести или денег. Ничего. Я был в такой ярости, что слёг на неделю, и не выходил из своей новой берлоги. Я был расстроен и начал опять курить… после двадцати лет. Да…

Живут, подкармливаясь с чужих рук, а отчитываются аудиторией и славой, собранной режиссёром Левием, – я скрежетал зубами, и перед моим взором постепенно вставало царство зверя, строился цифровой механизм будущей власти антихриста. Я лежал на диване, мысленно передвигая фигуры в эндшпиле шахматной партии человечества.

На моём ухе внезапно появилась RFID метка, словно я бычок из стада. Метка соотносила меня с файловой системой, в которой на каждого было своё досье и присвоенный рейтинг. Сосед за стеной с ещё меньшим статусом, чем мой, пытался подключиться к моему цифровому образу и опорожнить туда цифровое содержимое своего желудка, непосредственно перекачивая его в мой виртуальный пищевод. Это был почти переваренный корм с пищевыми добавками для выращивания бычков. Ужас, насколько это было отвратительно. При этом непрерывно хотелось курить. Но после каждой сигареты меня наказывали, втыкая в бедро железные стрелки.

Все эти ощущения были настолько реальными, что я не мог их воспринимать как нарушение работы ума. Страдание заполнило всё внутри. Критическая функция сознания была отключена. Реклама, реальные события, соцсети, новости – всё смешалось и представляло из себя цифровую кашу, которую все поглощали в невероятных объёмах.

Я вышел на улицу. В глаза бросился плакат с рекламой: умеем делать миньон. Это была пошлая шутка и одновременно намёк, что я стал бычком с номерком на ухе. Они кормят нас цифрой. Они знают о корме всё: дают то, что придаёт мясу наилучший запах в стейках. И плакат повесили, чтобы поиздеваться. Имеют власть над всеми, но

показывают это тем, кого хотят сломить. Таким был примерный ход моих бредовых мыслей.

Пришлось вернуться домой. Три таблетки феназепама не произвели никакого эффекта – глаза слипались, но мозг не выключался, словно сломался переключатель.

Я затянулся, выдохнул и посмотрел прямо перед собой. Сквозь пелену дыма в кресле напротив нарисовалась фигура странного персонажа, худого, высокого, в сером костюме с галстуком в косую полоску. Он сидел, словно не замечая меня.

– Привет, это я.

– …

– Я тебя понимаю. Хочешь, я опять стану невидимым?

– Мне всё равно. Только ты выглядишь вызывающе старомодно.

– Заметь, как нашему сотрудничеству мешала твоя бывшая жена. А я ведь выполнил твоё поручение. Патриарх у нас будет другой.

– У нас?

– Наконец первая здоровая реакция.

– Что ты наделал в моей голове?

– Ничего. Ничего без твоего одобрения я не делаю. Всё честно.

– Я люблю жену. Как я оказался в разводе?

–- Ты, как и все люди, существо противоречивое. От любви до ненависти – сам знаешь…

– Что ты, подлец, творишь с моей первой и даже второй сигнальной системой? Кто тебе разрешил копаться в моих мозгах?

– А кто мне запретит? Царица небесная? Ха-ха. Но я и не копаюсь. Это проверка режимов, новых возможностей. Ты не хочешь попробовать прямое общение с компом?

– Что это? И зачем оно мне?

– Это не тебе, это мне. Но без тебя это будет трудно. А ты приобщишься к новым технологиям, испытаешь новые ощущения и возможности. Готов?

– Соглашусь, если ты вернёшь мне жену.

– Ну зачем она тебе? Она будет нам мешать, вставлять палки в колёса. Она уже попробовала.

– Верни жену.

– Ну хорошо, хорошо… Нам нужно поработать со сверхпроводящим квантовым интерферометром. Ребята из МФТИ сделали прибор типа SQUID, но на основе четырёхволнового смешивания света на искусственном атоме, созданном на основе джозефсоновского контакта. Тебе это не понять, но если на пальцах, то эта штука способна снимать с помощью электродов на голове малейшие токи на мембране любого нейрона в твоём мозге. Мы научимся не просто двигать мышкой на экране силой мысли. Мы с тобой будем лазать по компьютеру, как у себя дома, и делать всё, что хотим. Интересно?

– Неинтересно, но я согласен. Но прежде верни жену.

После разговора полностью прекратились мучения и вернулась трезвость ума.

Глава 24

У нас всё с рыбаками разное…

Прохор после беседы с Антонием начал искать возможность возразить старцу по существу, сразу разобраться с главными вопросами веры. Но получалось всё так, словно он цеплялся к мелочам. Это раздражало старца и никак не приближало к истине. Вот и сейчас старец задал, казалось, простейший вопрос, а у Прохора сразу зароились мысли. И он нашёл множество противоречий между рыбацкими Евангелиями и тем, что они написали со старцем.

– Прохор, сколько лет проповедовал Иисус?

– Лет? М-м, не знаю, отче. Но, кажется, около года. Он пошёл в Галилею после крещения, а в Иерусалим пришёл на праздник опресноков, на пасху, чтобы умереть там. У всех евангелистов так.

Прохор замолчал, потому что ему нечто пришло на ум. Потом он подпрыгнул и хлопнул в ладоши:

– Ну конечно! Он прогнал торговцев из храма. Если бывал бы раньше в Иерусалиме, то изгнал бы их раньше, а не перед смертью? Нет-нет. С начала своего служения он был там однажды.

– За один-то год можно всё успеть? Не думаю… И трёх мало. Но ты прав, дитя. Не мог Иисус каждый праздник быть в Иерусалиме и спокойно взирать на торгашей, а незадолго до дня своей славы прогнать их? Нет. Эх, уж больно красивая история. Жаль, жаль, но придётся её убрать.

Старец огорчённо почесал лоб и задумался.

– А поместим-ка мы её с тобой в самое начало благой вести, – старец хохотнул и подмигнул Прохору, потом продолжал серьёзным тоном: – Он их изгнал, а после они не посмели опять вернуться. Так и было – торговцы боязливы. Тем более, досталось им, отстегал он их. Как думаешь, дитя моё?

Старцу хотелось вовлечь Прохора в процесс творчества, но он после Милета стал каким-то ершистым, несговорчивым, возражал по пустякам.

– Досталось? Неужели от верёвок? Ими и воробья не испугаешь. И-и, отче, в Вашем Евангелии никто в Иерусалиме не боялся Иисуса ни в начале, ни в конце, и камни на него поднимали часто, чтобы побить. А если бы и изгнал их, то за три года неужто бы не вернулись? Ради прибытка?

– Вот ты уцепился за этих торговцев! – ласковый голос старца заскрипел, глаза стали колючими. – А у рыбаков в их писаниях Иисуса боялись? Все так и разбежались от верёвок? Его же распяли, в конце концов! Я вот вижу – придумана эта история. Глупая она. Да-да, так и есть!

Старец, забыв о коленях, вскочил и топнул ногой. Кулаки сжаты и готовы участвовать в споре. Прохор не отступал от своего, но старался быть как можно тише и спокойнее, продолжая беседу:

– Простите, отче, но я верю всему, рассказанному апостолами. Все были наслышаны об Иисусе и о чудесах, которые он сотворил в Галилее, и об его учении. Народ приветствовал его в Иерусалиме как пророка или даже как мессию с пальмовыми ветвями. И когда он увидел торгашей в храме, то возмутился. Это естественно. А они? Разве они могли ослушаться, видя, как народ встречал его? Да он бы и ветошью их прогнал. И все дни до самой его смерти они действительно боялись торговать в храме. Да и сколько их оставалось тогда, дней тех?

– Угу, ты вот всё логикой хочешь проверить, – старец быстро успокоился, как с ним обычно бывало. – А жизнь, она богаче. Потому оставим изгнание торговцев и у нас. Храм свят. И Иисус это подтвердил.

– Оставьте, отче. Только будет торчать эта заноза.

– Глупости. И потом… это не главное. Эх, дитя, если бы ты заглянул вперёд, ты увидел бы, что я прав, а не рыбаки! По моему благовестию будут сверять, где истина, а где ложь. Не по рыбацким.

Старец горестно усмехнулся:

– Хм, заноза… Вот страна, где Иисус явил себя миру, – это важно! Какой ему смысл ходить по Галилее, если там одни язычники? Конечно, он и там бывал, в отечестве своём. Но редко, раза два всего, я так думаю. Всё своё время он посвятил Иудее и Иерусалиму, а вовсе не Галилее. Ты обратил внимание, что Креститель сказал об Иисусе? Он был из иудеев иерусалимских…

– Не помню такого, отче.

– Как же? Ну так напиши. Вот так и напиши: *А посланные были из фарисеев…* Так-так…

Старец сел, помолчал, закрыв глаза и потом продолжил уверенно, как будто читал невидимые страницы:

– *И они спросили его: что же ты крестишь, если ты не Христос, не Илия, не пророк? Иоанн сказал им в ответ: я крещу в воде; но стоит среди вас, которого вы не знаете. Он-то идущий за мною, но который стал впереди меня.*

Старец открыл глаза и посмотрел на Прохора. Прохор склонился над свитком и прилежно записывал под диктовку.

– Дописал? Хорошо. Теперь послушай, – старец принялся пояснять. – Иисус был из иерусалимских фарисеев, хотя и родился в Галилее. Ученики звали его: Равви, учитель. А учителя все были фарисеями. И проповедовал он три года с половиной, а не год. Во-первых, года мало, а во-вторых, у Даниила в пророчестве сказано: *…утвердит завет для многих одна седмина, а в половине седмины прекратится жертва и приношение, и на крыле [святилища] будет мерзость запустения*.

– А я слышал от евреев, что это про Антиоха Епифана, который запретил жертву в храме. Помните, отче, как приходил проповедник из Антиохии именем Димас. Я тогда ходил в синагогу послушать его спор с иудеями. Так вот ему тогда возразили иудеи, что это не про новый завет Христа, и он согласился.

– Так он духа не имеет. Иначе бы знал истину и не потакал иудеям.

– Он и не потакал, отче. Но в пользу иудеев было то, что мерзость запустения не пришла. Не увидели её в середине седмины не только иудеи, но и поверившие в Христа. И после воскресения Господа жертва в храме ещё долго приносилась. Даже апостолы приносили жертвы Богу. Помните, Иаков убедил Павла очиститься и принести жертву по окончании обета, и он исполнил. Жертва прекратилась, когда римляне храм разрушили. И это случилось лет через сорок после того, как Господа распяли.

– Любишь ты спорить, Прохор. Тебе поклоны прояснят голову. Сотворишь сто поклонов перед сном. А теперь вкушай истину словесную: жертвы они приносили, но Господь их больше не принимал. Последней истинной жертвой был сам Господь, его тело и кровь, которые он отдал нам, – старец приосанился, и его худоба как-

то особенно стала выпирать через ткань. Голова приподнялась, глаза смотрели поверх Прохора.

«Совсем исхудал старец» – подумал Прохор, а вслух сказал:

– Отче, но жертвы приносили… апостолы. Они не знали о мерзости запустения? К тому же и раньше овны и тельцы были только образами истинной жертвы. Они всегда лишь напоминали о грехе, но не избавляли от него. Об этом у Павла... Так что тогда прекратилось?

– И ещё сто добавь, – не дослушал старец.

– Хорошо, отче, исполню.

Прохор замолчал и сидел долго с застывшим лицом, пока старец не смягчился.

– Прохор, ну хорошо, хорошо. Про полседмины я ещё подумаю. Но… мы с тобой, мы там про три пасхи писали. Только на третью пасху Иисус взошёл к Отцу. Жалко вымарывать. Нет-нет, оставим. Прости, дружище, прости. Истина дороже, да.

– Но у меня есть вопрос, учитель, – оживился Прохор. – Если Иисус жил в Иудее и часто посещал Иерусалим для проповеди, как мы писали, то как же исполнилось известное пророчество о мессии: *Ликуй от радости, дщерь Сиона, торжествуй, дщерь Иерусалима: се Царь твой грядёт к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной?* Если он там много лет ходил и проповедовал, что ликовать-то, когда он в один из дней на ослицу сел?

– А ты молодец, хвалю тебя. Этот вопрос правильный. Пророчество не могло не исполниться! Что же заставило жителей в один из дней в конце служения Иисуса в Иерусалиме и Иудее вдруг перемениться и того, кого преследовали и порывались побить камнями, встречать с пальмовыми ветвями, полагать одежды на пути его и кричать: «Осанна! Благословен грядущий во имя Господне»? Я думаю, только чудо! Притом великое чудо!

– Разве только невиданное чудо, отче! Он ведь, как мы писали, много чудес совершил, а они не слушали его и даже искали убить его.

– Ты стал часто возражать мне, дитя. И всё как-то с подковыркой. Что за заноза у тебя в сердце?

– Заноза та, отче, что хоть в чём-то мы должны быть согласны с евангелистами. А у нас во всём разница. Возьмите те же гонения на Иисуса. На него в Иерусалиме никто руку ни разу не поднял – так во всех Евангелиях. Когда его взяли в Гефсиманском саду, он им сказал: *Каждый день бывал я с вами в храме, и вы не поднимали на меня рук, но теперь ваше время и власть тьмы*. А мы писали, что в Иерусалиме иудеи много раз поднимали на него руки, хватались за камни, чтобы побить его, но не могли, так как он чудесно уходит от них. Всё потому, что он, по-вашему, только и говорил о своём божестве. А у рыбаков он проповедовал царство Бога – за что же его было убивать?

– Хорошо, Прохор, отвечу тебе и на это, дай время. Но сначала скажи, знаешь ли, что такое вера в Иисуса?

– Учитель, Вы что, так шутите? Конечно, знаю.

Старец Иоанн вдруг стал совершенно серьёзным. Фигура его, высокая и сутулая, была похожа на мраморное изваяние своей холодной неподвижностью. Прохор внутренне собрался и приготовился слушать. Старец заговорил, его голос гремел, диссонируя с его худобой:

– Знаешь ли? У нас всё с рыбаками разное… А ты на чьей стороне? Своего старца и моего великого учителя Филона или неграмотных рыбаков? Да, они апостолы, и их сам Господь избрал. Но ты помнишь, как они спорили, кто из них главнее, не понимали его слов про закваску, не разумели притчи? Потому не всем их словам можно верить! Да, они для простых людей сделали много! Но мы, наученные мудрости, неужели останемся на их ступеньке, не пойдём выше по лествице? Неужели мы не должны нести свет истины, нашего разумения тайны? Подумай о том, дитя моё.

Прохор понял каким-то внутренним чутьём, что от него требуется исповедание веры!

– Учитель, я научен вере апостольской. От вас же, когда много лет назад вы меня вырвали из бесовского плена, от служения ложным богам. А апостолы, когда проповедовали веру в Иисуса, говорили, что Иисус есть Христос, предсказанный пророками, то есть человек, помазанный Богом на престол в будущем царстве добра и справедливости, и ещё он есть определённый Богом судья живых и мёртвых. Многие ждали Христа, но не все поняли, что Бог избрал Христом Иисуса из Назарета. Апостолы так и спрашивали: веришь ли в Иисуса Христа? А ещё вера в Иисуса – это вера в его воскресение, в то, что Бог воскресил его из мёртвых, и сделал начатком будущей жизни, будущей вселенной, первым в новом творении, всё подчинил ему, так как будущее царство – это весь мир.

Старец дослушал молча, а потом… как-то обмяк разом, будто струна внутри ослабла. Он в отчаянии махнул рукой:

– Что с тебя взять. Опять ты за старое. Вот как въелась в тебя это рыбацкая стряпня.

Прохору стало жалко старца.

– Отче, я хочу Вас понять. Хочу…

– Так попробуй… Пойми, вера в Иисуса есть вера в него как бога! А в его воскресение что верить-то? Если Иисус бог, то в его руках и жизнь и смерть. А если он был только человек, которого Отец воскресил и посадил одесную Себя, как ты повторяешь за рыбаками, то что нового дало это воскресение? Просто укрепило веру иудеев в Бога, в которого они и так верили? Неразумен ты ещё, как дитя малое.

Старец погладил лысину и пальцами, как гребнем, стал расчёсывать копну. Ему так хотелось, чтобы Прохор, наконец, поверил в Слово, которое было у бога, и которое было бог.

– Вот за его слова о том, что он сошёл с небес, и что на небесах у него есть Отец, и что он с Отцом одно, и что его нужно чтить, как чтут Отца, – за это иудеи хотели убить его. А как иначе? Прохор, услышь истину: бог воплотился и стал человеком, чтобы человек стал богом, – вот новое! Мы можем родиться свыше, ещё при жизни получить

вечное тело для жизни в обителях. Вкушая Христа, растить это тело. В этом наша вера! Как ты не поймёшь?

Спать в этот день легли раньше обычного. Прохор лежал и вспоминал разговор. Прошло немало времени, но он не мог заснуть. Старец двигал чётки, слышалось его ровное дыхание. Прохор не выдержал и спросил:

– Старче, но ведь мы верим, что Бог един и что Он Отец всем нам? Пётр в одном из посланий писал, что через Христа мы уверовали *в Бога, который воскресил его из мёртвых и дал ему славу, чтобы мы имели веру и упование на Бога*. Это вера в то, что Отец любит нас, а не в то, что Иисус тоже бог. И сам Иисус говорил одному юноше: что ты *называешь меня благим? Никто не благ, как только один Бог*? Разве эти слова не опровергают тех, кто считает его богом?

Старец ответил сразу, словно ждал:

– Ты об этом ещё ничего не знаешь и не понимаешь. Потому и путаешься. Бог один: Сын и Отец одно есть. Ещё Утешитель, дух святой.

– Для меня Бог один, если я ему молюсь. Бог жив для меня, Он жив, как я. Или лучше: я как Он. Что такое «одно есть»? И как я могу молиться чему-то единому?

– Я молюсь Сыну, дитя моё. Как он и заповедал, о чём мы писали с тобой. Он есть Слово и един с Отцом. Отца же его знаю только в нём – никто не видел Отца, кроме Сына. Мы уже говорили… Но оставим это пока.

Старец замолчал. Минуту он собирался, и когда заговорил, голос его был спокоен:

– Почему, по-твоему, мы называем Христа вслед за апостолами Кириос? Это же не просто господин какой-то.

– Сейчас императора многие называют Кириос, как «имеющего власть». Это один из титулов императора. А мы отдаём себя во власть Христа, а не какого-то римского цезаря. И потому мы, принявшие Христа, называем его нашим Господом. Он не Господь, как мы Бога называем, но его сам *Бог соделал Господом и Христом* – так сказано

устами Петра в Деяниях. Он тот, кто имеет власть, кому мы себя отдали в услужение до самой смерти. А к императору так больше не обращаемся.

– Всё верно, Прохор. Христианин никогда не назовёт императора богом и господом.

– Отче, но и Христу никто не сказал: бог мой. Апостолы обращались к Иисусу «господин мой», как и Сара к Аврааму обращалась. Да вообще у них так принято было обращаться к старшим, у кого власть. Если бы не так, все иудеи встали бы на дыбы, услышав, что к Иисусу обращаются, как к богу. Адонай – это… это всего лишь «господа мои», это…

– Опять эти еврейские сказки. От кого ты набрался…

Старец по рождению был из обрезанных, потому с особым подозрением относился к единоплеменникам. Он давно уже почитал себя верным из язычников и старался даже в словах отдаляться от евреев.

– Так от Димаса. Я уж говорил Вам о нём, – Прохор не дал договорить старцу.

– Господи, избавь меня от сего Димаса! Нету сил более, – старец вскочил с циновки и искренне взмолился, воздев руки и запрокинув голову, так что борода взметнулась выше лысины. – Найди, найди себе другого доброго еврея. А этого гони прочь. Змей, змей…

Прохор молчал. Старец сотрясался, а Прохор сидел тихо, как мог. Прошло немало времени. Наконец старец успокоился.

– Я не позволю, чтобы слепые вели слепых. Не по-зво-лю. Поликарпушка, детка, иди сюда, будем писать.

Поликарп мигом вскочил с постели, схватил стило, развернул свиток и уставился на старца преданными глазами.

– Светильник подкрути и в конце свитка сделай пропуск. Мы потом допишем, разрежем и соединим, где надо. Прохор объяснит. А пока запиши, вот.

Старец закрыл глаза, голос перестал дребезжать и зазвенел уверенно и пронзительно:

После восьми дней опять были в доме ученики его, и Фома с ними. Пришёл Иисус, когда двери были заперты, стал посреди них и сказал: мир вам! Потом говорит Фоме: подай перст твой сюда и посмотри руки мои; подай руку твою и вложи в ребра мои; и не будь неверующим, но верующим. Фома сказал ему в ответ: Господь мой и Бог мой!

Прохор открыл рот и забыл закрыть, изумлённо глядя на старца.

– Мы к этому вернёмся и всё хорошенько разберём и запишем, – сказал старец примирительным тоном, посмотрел на Прохора глубокими глазами, большими и влажными. Прохору вспомнилось око Гора, которое он видел наколотым на руке у одного александрийца в порту. – А пока вот что. Помнишь ли, я как-то сказывал тебе, что Господь не молился никогда? Ему это не нужно, он и сам бог и всегда в единстве с Отцом. Так вот, тогда я тебе назвал имя: Лазарь. Мне открылось в видении во время молитвы, что Лазарь тот умер и пробыл во гробе четыре дня. И уже начал смердеть. Его-то Иисус и воскресил, чтобы многие уверовали в него. Ибо воскрешения, описанные рыбаками, ничем не отличаются от тех, которые творили Илья и Елисей. Да и пробуждение самого Христа через день случилось. А вот воскресить того, кто начал тлеть, из праха – это только Богу подвластно. Иисус, пробудив смердящего Лазаря, сотворил большее чудо, чем после со своим собственным воскресением.

– Пробудив?

– Да, пробудив. Истинно, истинно говорю вам: рождённый от духа жив всегда, даже если умер.

– Потому Иисуса и встретили с пальмовыми ветвями, что узнали про это великое чудо? – Прохор попытался вникнуть в логику старца, хотя уже не испытывал доверия к откровениям учителя, как раньше.

– Да. Вот что мы запишем в свиток: *Народ, бывший с ним прежде, свидетельствовал, что он вызвал из гроба Лазаря и воскресил его из*

мёртвых. Потому и встретил его народ, ибо слышал, что он сотворил это чудо. Иисус сам – податель жизни. Так и запиши слова Иисуса.

Старец давно о серьёзных вещах говорил цитатами из своего Евангелия или диктовал для записи. И сейчас он заговорил уже торжественным голосом, как бывало всегда, когда он передавал речь Христа:

– *Ибо, как Отец воскрешает мёртвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет. Воля Пославшего меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в него, имел жизнь вечную; и я воскрешу его в последний день. Истинно, истинно говорю вам: верующий в меня имеет жизнь вечную.*

Напевная речь действовала завораживающе, и Поликарп писал молча. Только стило скрипело. Старец продолжил уже спокойно, обращаясь к Прохору и разъясняя сказанное Иисусом:

– Видишь ли, дитя моё. Сын даёт жизнь вечную, ибо от начала *в нём была жизнь, и жизнь была свет человеков… Имею власть отдать жизнь и имею власть её принять. Никто её не отнимал от меня*, – так я сам слышал от него. Простая вера в Бога ничем не помогла иудеям. Они как умирали, так и умирают. Даже Лазарь четырёхдневный в конце концов умер телом, потому что это тело из праха. Воскресение тела только временно возвращает жизнь. Мы же имеем новую веру. Мы верим в Слово воплотившееся, и эта вера спасает, потому что даёт жизнь вечную рождением от духа.

– Вы думаете, Христос, придя, даровал нам рождение свыше? Как мы писали когда-то? Я помню наизусть: *тем, которые приняли его, верующим во имя его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились.* А я ведь и не понял тогда! Хотя слова поразили меня новизной.

– Отец далеко, а Сын рядом. С переменой завета меняется и вера, и тот, кому надлежит поклоняться, кого почитать богом. Такова воля самого Отца. Отец хочет, чтобы всё мы получали от Сына, даже жизнь.

Он отдал нас Сыну. Я слышал о том, ибо сам Господь являлся мне, и я слышал его слова к Отцу: *они были твои, и ты дал их мне*. И ещё: *Вот дело Божие, чтобы вы веровали в того, кого Он послал*. Сначала Отец отдал Сыну народ Израиля, ещё с тех пор, как Сын явился Моисею в горящей купине. А теперь и нас, бывших язычников.

– Отче, опять Вы! Мы что же, верим теперь в двух богов? То говорили, что Сын и Отец едины, что они одно. А теперь, что нужно верить в Сына, чтить Сына? Запутали меня, отче… Смущают меня Ваши слова.

– А ты не смущайся. Я вот спокоен, ибо слышал от самого Христа: *Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога, и в меня веруйте*. Видишь ли, дитя, Сын пребывает в Отце, и вместе они один бог. Это тебе не уразуметь, но мудрейшие из мудрых, из которых мой старец Филон был самым мудрым, это говорили. Я вот и лица старца уже не помню, а слова его помню хорошо. Он ещё большую тайну открыл: бог един в трёх лицах. Но мы этого писать прямо не будем – это великая тайна. Она не для всех. Ну всё, теперь спать.

Прохор взял постель, вышел во двор и там лёг, глядя на звёзды. Засыпая, Прохор твердил вполголоса: Отец небесный, просвети меня. Сон накатывал волнами, и Прохор слышал спокойный голос Петра, спорящего со старцем: «Давид о Христе *пророчески увидел, что не оставлен он в аде, и плоть его не видела тления. Сего Иисуса Бог воскресил, чему мы все свидетели*. *Он был вознесён десницею Божиею*. *Бог соделал Господом и Христом сего Иисуса».* А старец во сне возмущался, подпрыгивал на месте и, маша руками, кричал: «Не соделал, не соделал. И не воскресил, не воскресил его Бог. Он сам, сам имеет жизнь в себе. Кому хочет, даёт. И свою может отдать и взять, когда хочет».

XXXVII

ЖИЗНЬ – БОЛТЛИВАЯ СОРОКА, ОТ НЕЁ НЕ МНОГО ПРОКУ

Маргарита бросила взгляд на улицу. Сегодня выпал первый снег. Печальное небо прятало за утёсом многоэтажки своё синюшно-серое лицо; на соседнем балконе насупилась ворона, высматривая чёрным глазом замёрзшее белье на прищепках, внизу человек в сером пальто чистил веником зелёный ковёр. Скрипел снег. Тоска. Тёмно-серая тоска.

Как давно были эти жёлтые лучи над зелёной кромкой, голубое небо, запахи, набегающие горячими прозрачными волнами, растворённая в ветерке радость, смысл, любовь?

Мысль о Сергее каждый раз царапала сердце, оставляя сочащуюся болью и тоской рану. Потеря была ужасно обидной, необъяснимой, неожиданной, всеобъемлющей, невосполнимой и неизлечимой. Сколько слов, но ни одно не выражало эту горечь потери до конца. Она не могла больше ни о чём другом думать.

Друзья как-то отстранённо посочувствовали ей, а потом всё у них пошло дальше. А она словно осталась одна на перроне, глядя вслед уходящему поезду.

Какая смерть легче, быстрее и не требует долгой концентрации воли, а лишь мгновенного решения? – Мысль эта заинтересовала её и часто держала внимание, освобождая от воспоминаний. – Чем быстрее всё произойдёт, тем раньше его увижу. Он же говорил: за чертой времени нет. И искать там не нужно. Мы увидимся, и он сразу поймёт, что я не… Что эта встреча с Храмовым просто…

Маргарита весь день проводила в метро, среди людей, проезжая одну за другой все ветки. При этом, часто беззвучно шевеля губами, повторяла Фета: *не жизни жаль с томительным дыханьем*… Иногда выходила наверх подышать. Когда стояла в ожидании поезда, всегда в начале перрона, покачиваясь, решимость накатывала и отступала, не превышая какого-то внутреннего барьера.

Вспомнился стишок Сергея.

ЖИЗНЬ – БОЛТЛИВАЯ СОРОКА

Выхожу – кругом тьма,

Гомон птиц, кутерьма.
Ветер плачет вдалеке,
Рыба плещется в реке,
Жизнь – болтливая сорока,
От неё не много проку.

Мой фонарик ярко светит,
На два шага впереди
Жёлтым цветом землю метит.
Эй, смотри, не упади.

Впереди крутой обрыв
Смотрит в небо, рот открыв.
Лучик скачет горностаем:
То кружит, то исчезает.

Камни дружною толпой
Вниз летят на водопой.
Я за ними побегу,
Лягу спать на берегу.

Наконец она качнулась больше обычного, как раз перед подходом электрички, и не стала себя удерживать.

В похоронах участвовало несколько человек. Храмов, взявший на себя хлопоты, стоял, согнувши плечи, с шапкой в руке, слушал панихиду, затем бросил землю и, развернувшись, ушёл. Страхову никто не позвонил. Сергея Афанасьевича не нашли, чтобы известить.

Глава 25

Жизнь во гробе

Утро было прохладным. Прохор проснулся рано и принялся за дела. Нужно было продать корзины и другое плетение, купить муки, сбегать в порт, узнать новости и доложить старцу.

Он вернулся в хижину, когда солнце уже закатилось и сверчки стрекотали что было сил. Старец ждал, сидя во дворе на лавке. Прохор приветствовал учителя, занёс в дом покупки и вышел. Новостей не было, кроме той, что у Акестора жена родила очередное чадо, восьмое или девятое. Старец заговорил первым:

– Ну что, Прохор, обдумал всё?

– Трудно, старче, мне это уразуметь. Вот Вы говорили, что иудеи гнали Иисуса за то, что он приравнял себя к Отцу. А получается, увидев воскресение Лазаря, они ему поверили? Странно это…

– Но так и есть.

– В такое поверили из-за чуда!? В Писании сказано, что если пророк совершит чудо, а потом позовёт вслед богов, которых не знал Израиль, то этого пророка должно предать смерти. Если поверили из-за Лазаря – ну-у, что Иисус с неба и всё такое… что его нужно чтить как Отца, – тогда в чём ещё худшем обвинили через несколько дней, чтобы предать смерти?

– Его больше не обвиняли после чуда с Лазарем. Знай это! И суда над ним не было. Осудил его Пилат, язычник. А священники не судили, они отдали римлянам одного человека, чтобы спасти многих, как и сказал Каиафа, – старец жёг взглядом всё вокруг Прохора. Казалось, вот-вот, и крыша дома вспыхнет, как от молнии. – Такое моё Евангелие. И оно с неба, а не от людей. Могу и тебя с рыбаками спросить: если народ поверил, что он сын Давидов, мессия и царь, как они написали, то почему его убили?

Прохор был упрям, как старец, и отступать в споре не хотел:

– Это просто. Первосвященники разубедили народ. Чудеса в Галилее – это басни невежд, говорили они. В Иерусалиме Вы видели от него чудеса? Нет? Если он действительно Христос, то сойдёт с креста, Бог не даст ему умереть. Сказано ведь о мессии: *Воззовёт ко мне, и услышу его; с ним я в скорби; избавлю его.* Если он говорил, что взойдёт на небо, а сам умрёт на кресте, то так тому и быть. Обещание не исполнил – значит, лжепророк и лжемессия. Таких Моисей заповедал не бояться и вешать на древе. Послушав такие речи, иудеи стали злословить Иисуса и насмехались над ним, и говорили ему: сойди с креста.

– Он воскрешал мёртвых? Пусть бы сам воскрес и взошёл на небо. Разве они не верили в воскресение? Многие верили.

– До Иисуса только Илья и Енох были взяты на небо живыми! По крайней мере, так многие из иудеев верили. Никому и в голову не приходило, что можно сначала умереть. Мёртвые на небе, это как? Если в день смерти до положения во гроб кто воскрес – такое бывало. И когда умирали своей смертью. Елисей так воскресил сына сонамитянки, а Илия сына вдовы сарептской. А из праха… Верили, что будет воскресение из праха, но в конце времён, в последний день.

– Разве он из праха воскрес? На третий-то день?

– Как же не из праха, отче? Он был убит, а не сам умер. И потом… хоронят в день смерти, ибо на следующий день тело уже тронуто разложением. Потому ученики не поняли Иисуса, когда он сказал, что ему должно умереть и на третий день воскреснуть. Целых три дня во гробе! Да, они верили в воскресение в конце времён. А Иисус не про это сказал, а что на третий день воскреснет. И они спрашивали: *Как же книжники говорят, что Илии надлежит придти прежде?* Никак не могли уразуметь, неужто через три дня конец всему, последний день мира? В общем, после смерти никто не мог взойти на небо – так считалось.

– Так что же, выходит, по-твоему, народ засомневался, не лжепророк ли он?

– Не только… Это будущее явление с облаками… Не объявил ли Иисус себя на суде синедриона языческим божеством, сыном бога, вроде какого-нибудь Гермеса? Так было и это легко понять. А в нашем… Вашем благовестии Иисус прямо объявлял себя равным Богу с самого начала. Если бы и в самом деле он такое говорил, то никакие чудеса не заставили бы иудеев поверить, что он мессия, и встречать его с криками «Осанна».

– Прохор, Прохор. До чего договорился. Уже и старцу своему не веришь. Мои видения… А-а! – старец махнул рукой, отчаявшись убедить ученика. – Иди помолись и покайся, и поклоны отбей. Господи Иисусе, помоги сему неразумному дитяти прийти в разум и смириться.

– Отче, простите меня. Я слушаюсь Вас во всем. Но вера моя противится Вашим словам. Я стараюсь разобраться… Помолитесь обо мне.

– Иди с Богом.

Прохор остался наедине подумать о разговоре с учителем. Старец нередко повторял слова Иисуса, слышанные им в видении: *Истинно, истинно говорю вам: верующий в меня имеет жизнь вечную*. И сегодня старец в рассказе про Лазаря передал слова Иисуса Марфе: *Я есмь воскресение и жизнь; верующий в меня, если и умрёт, будет жив. И всякий, живущий и верующий в меня, не умрёт вовек.*

Лазарь лежал во гробе и уже смердел и, несмотря на гниение тела, по-прежнему был жив. Это Иисус доказал, воскресив его тело! Пробудив его. Вот как! Так было открыто старцу. По учению старца воскресение касается тела и видно телесным зрением, поэтому оно не столь важно. Лазарь временно восстал в этом теле. А в последний день он восстанет в новом теле, духовном, рождённом от воды и духа, и которое пока сокрыто плотью. А кто-то воскреснет без духовного тела, во плоти, и пойдёт с нею в погибель. Важнее всего рождение свыше – об этом старец говорил не раз. И мы записали диалог с Никодимом, а я тогда не понял, о чем он, – Прохор говорил сам с собой и не заметил, как стемнело. Он вышел. В небе метались бесшумные тени. Позвякивали

ещё последние колокольчики. Запах трав наполнял воздух, не оставляя места другим запахам.

Прохор вернулся в дом. Мысли носились в его голове, как стая рассерженных шершней.

Что же, нужно верить не в воскресение в конце мира, а в рождение свыше при жизни? Оно даёт вечную жизнь, подобную свету. Это – жизнь небожителей, она не на новой земле, как верили рыбаки, а на небесах, в плероме, там, где ангелы. Вера в Отца такую вечную жизнь никому не обещала. И воскресение плоти, о которой мечтал народ Израиля, – зачем оно, если есть жизнь вне тела? Плоть для рождённого свыше – это, скорее, тюрьма. Ах вот почему старец никогда не диктовал о втором пришествии Христа! Зачем, если по смерти все рождённые от духа идут на небо? Зачем творить новое небо и землю, будущий мир? У Отца обителей много, а если и не так, Иисус пойдёт и приготовит. Так старец диктовал. Пока мы здесь, всё уже будет приготовлено.

У старца всё стройно, хотя иначе, чем у рыбаков. Даже совсем наоборот.

И главное: родиться свыше может лишь тот, кто верит в Христа, как бога.

Прохор был захвачен своим размышлением о столь великих вещах. Он прилёг на циновку и смотрел на паутинку вверху, где паучок беспокойно бегал вокруг добычи. Глаза его сомкнулись, и он уснул. Последней его мыслью было: я не язычник. Нет, я не язычник, я верю в единого Бога, Отца всех.

XXXVIII

БЕДА НЕ ПРИХОДИТ ОДНА

Из рассказа С. А.

Сергея Афанасьевич внезапно испытал чувство тревоги и утраты. Ревность и обида утихли. В нём зрело решение позвонить Маргарите и извиниться, но не хватало мужества. Нужна была поддержка. Он зарядил телефон и позвонил Страхову, встретились в кафе. Беседа не клеилась, говорить Сергею Афанасьевичу перехотелось, и он вяло поддерживал разговор.

Александр, напротив, загорелся идеей конфликта автора Евангелия от Иоанна с остальными евангелистами.

– Смотри! – говорил он, задыхаясь от нетерпения. – На самом деле, псевдо-Иоанн просто сконструировал своё Евангелие. Это не история, записанная свидетелем Иисуса, а литературно-философское произведение, построенное по определённой логике для достижения конкретных целей. В нём все мелочи продуманы и сопоставлены с другими Евангелиями.

Левий немного удивился напору друга. Он сейчас повторял то, что много раз слышал от Сергея Афанасьевича, но с какими-то новыми интонациями. Разбираться, в чём дело, не хотелось. Сергей Афанасьевич через силу поддерживал разговор и уже пожалел, что позвонил Страхову.

– Так и есть, в нём даже слова Христа и повествование написаны в одном литературном стиле. Рыбаки считали себя свидетелями и старались передавать слова Иисуса точно, а события описывали своими словами. А Иоанн сам придумывал речи Христа.

Александр был похож на рыбака, подцепившего на крючок что-то крупное, но ещё не увидевшего, что именно. «Что с ним?» – подумал Сергей Афанасьевич. Страхов продолжал увлечённо посвящать Левия в свои «открытия»:

– Да, автор был умным философом и мистиком, но не писателем – не чувствовал живой речи. Но главное, псевдо-Иоанн спорит с евангелистами обо всем, что касается Христа. Он видел, что апостолы даже не помышляли о его божестве.

Сергей Афанасьевич не почувствовал ни малейшего раздражения. Ему вспомнилось, как он сам в детстве, решив с помощью учителя ту или иную трудную задачку, потом с увлечением объяснял её учителю. «Что-то не так со Стаховым», – эта мысль не покидала его. Нужно бы подбросить пару поленьев в его костёр.

– Удивляюсь иной раз, насколько антагонистичны Евангелия рыбаков и философа, и это не заме…

Страхов даже не дал закончить мысль:

– Простой пример. Миссию Иисуса рыбаки изложили так: *Сын Человеческий не для того пришёл, чтобы ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою для искупления многих*. Видишь: *не для того пришёл, чтобы ему служили*. А что у Иоанна? А вот что: *Кто мне служит, мне да последует; и где я, там и слуга мой будет. И кто мне служит, того почтит Отец мой*. Он требует служения себе. Прямо противоположный смысл. Да, рыбаки считали, что заповедь «*Господу Богу твоему поклоняйся и ему одному служи»* – о поклонении и служении Отцу. Так Иисус сатане отвечал. А философ говорит: нет, прежде всего служите и поклоняйтесь Сыну – он истинный богу. А в нём – его Отцу.

– Иоанн сознательно заостряет различие. Берёт логию Христа и рассматривает её с позиции своей концепции воплощения. И если нужно, вставляет в своё Евангелие противоположное утверждение или целый эпизод. Мир, приняв все четыре Евангелия, примиряют истину с ложью, – Левий опять вяло повторил то, что много раз обсуждал со Страховым. Он старался как-то оживить беседу, понять перемены, происшедшие с Александром, но по-настоящему его интересовала теперь только Маргарита.

– У многих теперь винегрет из противоположных идей – это тактично называется антиномией.

– Лосский в своём «Очерке мистического богословия» это изложил весьма увлекательно. Но смешение смыслов и одновременное признание противоположного реально меняет мышление. Лосский этого не заметил. Ум перестаёт замечать противоречия, не обращает

на них внимания и даже получает от этого удовольствие. Он думает, что разрешает противоречие через синтез, на более высоком уровне осмысления. Но это ловушка.

– Лосский… да, Лосский – великий ум. Но и он всё смешал... Не видел очевидного. А рыбаки, они приземлённей Ария, – Страхов говорил увлечённо, не замечая округлившиеся глаза Сергея Афанасьевича. – Тот всё-таки верил в воплощения божеств. Для Ария Иисус есть воплотившееся высшее существо, хотя и не равное Отцу. А для рыбаков он – просто человек, которого возлюбил Бог и возвысил.

– Постой, постой. Так ты на стороне Иоанна? Или рыбаков? – Сергей Афанасьевич вспыхнул, как бывает со свечкой перед тем, как она гаснет.

– Конечно, Иоанна. Его богословие совершенно, величественно, как христианский собор. А у рыбаков – хижина. Иоанн проповедует Иисуса воплотившегося. Иисус – это бог Слово, сошедший с небес. Своим воплощением он соединил нас со своим божеством, обожил – это и есть суть спасения. Наша природа теперь преображена соединением с божественной природой во Христе. И это – единственное основание, почему мы сможем жить вечно и быть совершенными.

– Очевидно, не все и в разной степени… Ты видел эту природу? Читал у философов? А они откуда узнали? Страхов, когда ты успел так?.. Мы же с тобой… Да что с тобой? – Левий был потрясён.

– Да вот так. Встретил горящие сердца.

– Страхов, да ты теперь частью неоплатоник, частью христианин? Как это возможно?

– Ну да. Как Иоанн. Как Филон и другие великие умы. Смерть и телесное воскресение Христа не играют принципиальной роли в спасении, они не могут изменить факт соединения природы человека с божественной природой. Воскресение – несущественное и необязательное проявление этого соединения, результат. Гораздо важнее по Иоанну рождение свыше, как ты заметил. Это, кстати, до тебя очень хорошо поняли гностики.

– Ну ты даёшь. Ты ещё и к гностикам примкнёшь? Среди них было полно извращенцев, вроде пресловутых николаитов.

– В семье не без урода.

– А как можно верить в выдумку? Где источник иоанновского богословия? Где откровение?

– Логос открывался людям всегда, не только в явлении Сына с неба. Воплощение – это только кульминация, к тому же не всеми понятая. Иоанн осмыслил это и выразил в возвышенном мистическом Евангелии.

– Из него вышло богословие божественных энергий Ареопагита, Максима Исповедника, Паламы и всё учение о спасении преображением природы. Это его листочки. Учение Иоанна растёт из одного корня с учением гностиков и неоплатоников. И этот корень – культ Осириса и Исиды. А у благой вести суть-то простая: Иисус прошёл искушения, остался верным Богу и был вознаграждён Отцом, получив бессмертие и будущее царство. В это как-то верится, даже я могу назвать себя христианином.

Утешитель же, дух святый. И это теперь суть наших с тобой разногласий. Так?

«Это не разногласия. Это…» – Сергей Афанасьевич чувствовал, что почти потерял близкого по вере человека. «Сегодня очень тяжёлый день», – подумал он, а вслух сказал:

– Я бы выразился точнее. Он становится свободной личностью, подобной Богу, и возносится над всем творением, наследует новую вселенную, которая явится после гибели старого мира. Он первый её представитель. Он стал выше мира, освободился от его цепей. И мы, видя, что Отец так сотворил с Иисусом, следуем за ним, вступаем в завет, чтобы получить то же наследие.

– Будущая вселенная… Я не верю.

– Как же ты… Как ты мог такое принять? Иоанна!? Ты забыл, что Иисус на кресте кричал, взывал к Отцу: *Отче, почему ты меня оставил?*

– Да, у Иоанна ничего подобного нет, потому что Иисус – бог. Иисус не мог изречь ничего, что исходило бы из слабой, колеблющейся человеческой природы. Поэтому, извини за сравнение, Иисус на кресте спокоен как на царском троне. Он прямо с креста усыновил апостола Иоанна своей матери. Так что Иоанн и здесь точнее рыбаков: даже тело Иисуса умирало мирно и достойно, без крика.

– Страхов, тогда и жертвы на кресте не было. Если нет страданий, что мешает богу умирать сколько угодно раз?

– Да … пожалуй, – Александр вдруг встрепенулся. – Слушай, а пойдём к тебе, как… как в былые времена.

Предложение Страхова было неожиданным не только для Сергея Афанасьевича, но, кажется, и для него самого. По дороге разговор продолжился, но Левий говорил всё более рассеянно и отстранённо, а Страхов по-прежнему горячо.

Подошли к дому. На самом деле Левий обрадовался, что нашёлся повод зайти домой с другом и сделать вид, что ничего особенного не произошло. Мысли, мысли… Они бегали по кругу: «Какая муха меня тогда укусила? Подумаешь, машина Петра? Ну, подвёз её, и что? Может, всё как-то само незаметно устроится, и мы с Маргаритой всё вернём? Она меня простит – ведь я её простил». На этом месте совесть всякий раз больно колола: «Простил, а потом забрал прощение». И опять по кругу: «Какая муха меня тогда укусила? Подумаешь, машина Петра? Ну, подвёз её, и что?..»

В подъезде было темно. Ключ не хотел поворачиваться, потом выяснилось, что дверь была заперта на верхний замок. Обычно его не использовали. Вошли. По виду здесь давно никого не было. Сергей Афанасьевич насторожился. Некоторые ящики стола были выдвинуты, дверцы шкафа раскрыты, любимая фотография Маргариты куда-то исчезла с трюмо. Что здесь произошло? – подумал Сергей Афанасьевич. Словно вспышкой в памяти высветился вид входной двери, Сергей Афанасьевич выскочил – да, так и есть. На двери бумажка, разорванная при открытии.

Wi-Fi работал. Сергей Афанасьевич набрал пароль, затем зашёл в почту, которая сразу открылась на странице Маргариты. В черновиках висело письмо: «Родной мой. Ты меня простил, а я всё равно потеряла тебя. У меня нет сил ждать твоего возвращения. Прости. Встретимся… Твоя Маргарита».

В голове зашумело. Сергей Афанасьевич упёрся спиной в шкаф и затих.

Глава 26

Блудница-пророк

Материалы сценария.

Иуда имел прозвище Искариот, то есть человек из предместий. До присоединения к Иисусу в Галилее он проживал близ Иерусалима и был знаком со многими из города. Потому после появления Иисуса в Иерусалиме Иуду первым нашли посланные от начальства и убеждали, что Иисус смутьян и приведёт к гибели народ. «Если он объявит себя царём израильским, – говорили они, — то римляне сочтут это мятежом и немедленно подавят его, а множество людей, правых и виноватых, повесят, затем отберут у народа иудейского остатки прав, в том числе связанных с храмом и священными обрядами». Ещё они сказали, что первосвященники назначили плату в тридцать священнических сиклей любому, кто предаст Иисуса на суд синедриона, но так, чтобы не возбудить народ.

Иуда не верил им: ясно, что они завидовали Иисусу и тряслись за своё положение, а вовсе не о народе думали. Как Иисуса встречали при входе в Иерусалим! Народ провозгласит его царём, а первосвященник помажет на царство! И тогда, наконец, восстановится царство Давида, о котором Иисус проповедовал всё это время.

Иуда ради этого и пошёл за ним, чтобы открылось царство Божие. Двадцать пять лет назад Иуда Галилеянин поднял народ против Рима и провозгласил царём Иудеи Господа Бога. Он не боялся смерти,

презирал её и был великим учителем для многих. Римляне убили Иуду, но его учение вдохновляло народ, особенно молодёжь. Молодёжь жаждала умирать за свободу Иудеи от Рима. Иуда Искариот был из таких. Он был беден, как многие, и не хотел прозябать в нищете и под властью язычников всю жизнь. Когда он услышал о пророке в Галилее, проповедующем царства Бога, он немедленно отправился в Галилею, чтобы стать его учеником.

И вот они в Иерусалиме. «Да, первосвященники и начальство встретили Иисуса недружелюбно, – думал он, – но они ещё не знают его и не видели чудес, которые он творил. Скоро они разберут дело и убедятся, что он истинный царь иудейский. Мессия получит власть, даже если сильные мира не желают этого».

Иуда часто вспоминал, как Иисус подтвердил Петру по дороге в Кесарию Филиппову, что он помазанник, но запретил рассказывать об этом. Ещё Иуда вспомнил, как после Кесарии на пути к Ермону Иисус оставил учеников, взяв только троих, и взошёл с ними на гору. Тогда Иуда огорчился, что учитель выбрал тех, кого призвал первыми, – таких же галилеян, как и он сам. Народ изумился и подбежал к ним, когда они вернулись. Их вид был необычным – они словно сияли все, как Моисей после общения с Богом на Синае. Что там произошло? Пётр и Андрей молчали, как рыбы. Но потом братья Зеведеевы просили Иисуса посадить их справа и слева в царстве его. Так что же, они присутствовали при помазании? Но Иоанна Крестителя тогда уже не было в живых! Да ему и при жизни не было открыто, кто станет Христом. Неужели Иисуса помазал на горе какой-то неизвестный пророк?

В нужное время Иисус поднимет восстание, воцарится и, как Соломон, соберёт всё царство и постепенно, шаг за шагом, утвердит власть Израиля над миром. Это будет царство Божие, а мы будем причастниками этого великого дела, – так думал Иуда.

Иисус и несколько учеников остановились в Вифании в доме Симона прокажённого. Они пришли издалека, и все дома уже были заняты пришедшими на праздник, а у Симона было свободно. Паломники предпочитали спать в поле, но не в доме прокажённого, чтобы не

оскверниться перед праздником. Ясно, что Иисуса подобное обстоятельство не смущало. Многие иудеи соблазнялись, видя пренебрежение назорея к правилам ритуальной чистоты, но не Иуда. Для него главное – будущее царство.

Вечером Иуда зашёл в дом и увидел возлежащего Иисуса и женщину, которая, разбив сосуд, возливала масло на голову учителя. Кругом стояло благоухание. Иисус бросил взгляд в сторону Иуды и увидел, как он вспыхнул от негодования. Не только Иуду, всех смутила эта нелепая сцена. Остальные апостолы ничего не поняли и роптали на бессмысленную трату мира. Но Иуда был не рыбаком, а образованным иудеем. Он был потрясён и разгневан и, повинуясь мгновенному импульсу, отправился к первосвященникам. По дороге он размышлял, вспоминая случившееся и убеждая себя, что поступает правильно.

Мысли его кипели:

«Он видел мои глаза и понял, куда я иду. Ну и пусть! Он обманул нас! Оказывается, он не мессия и не желает быть царём над Израилем! Зачем же он всё время проповедовал царство и даже притчу рассказал однажды, как некоторый человек отправлялся в дальнюю страну, чтобы получить себе царство и возвратиться? Разве это не о нём была притча? Он что же, испугался старейшин и священников?»

Иуда заставил себя думать о той возмутительной сцене, свидетелем которой он стал в доме Симона. Недостойная женщина, скорее всего, блудница, возливала миро на голову мессии!? Это было сознательной насмешкой над обрядом помазания, который совершается первосвященником или пророком! Какое помазание, такое и царство. Блудница в роли пророка! Теперь ясно, что Иисус не собирается объявлять себя мессией и поднимать народ.

Иуда сплюнул от негодования. Идти было недалеко, и он ускорил шаг.

Обида и разочарование вновь захлестнули его, сбивая дыхание. Он вспомнил свою бедность, и как он услышал впервые об Иисусе, как ходил за ним, как познакомился с зелотами. Менахем с братьями отговаривали его, говорили, что Иисус не настоящий мессия. Власть

можно взять только силой – это их лозунг. Но Иуда устоял, видя чудеса. И вот результат – они были правы. Мысли пошли по второму кругу.

Вспомнились слова Иисуса: *Истинно говорю вам, где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет, в память её, и о том, что она сделала*.

– Всё так и есть, – сказал Иуда вслух себе. – Это он не об ублажении благовониями. Не-ет! Что об этом помнить? Нет, он имел в виду большее. Как Самуил помазал Давида, помнят до сих пор – вот он о чём! Хочет сказать, что все будут помнить, кто помазал Христа? Но ведь он сам превратил это таинство в эллинский спектакль с блудницей. Э-э-то он завещает всем помнить? Какое изощрённое издевательство над верой и традицией! Он просто попрал помазание, отверг его. А остальные апостолы, как обычно, смотрели глазами и не видели.

Иуда перевёл дух, он стоял перед воротами Иерусалима. Дальше шёл привычными улицами, не задумываясь о дороге. Знакомые переулки – как они близки его сердцу. Рыбаки это не чувствуют, они просты и грубоваты – таковыми их сделали жизнь и работа. Мысли вернулись к Иисусу. Иисус ответил на упрёк учеников: *Она сделала, что могла: предварила помазать тело моё к погребению.* Ага. Назвал это лжепомазание приготовлением к смерти! Власть над миром всё равно, что власть в царстве мёртвых? Каков ты, любитель притчей! Да ты просто сдался, даже не вступив в борьбу. Увлёк людей, подарил надежду, а сам к смерти приготовился?

Иуда вспомнил, как Иисус последнее время часто повторял, что будет отвержен первосвященниками и старейшинами и будет убит, а потом воскреснет. Ну вот и всё.

Иуда подошёл к дому первосвященника. Здесь раньше располагался дворец царя, двор был обширным и было много места для заседаний малого синедриона. Постучал. Подошла прислужница, выслушала и впустила его. Иуда долго ждал в маленьком дворике, наконец пригласили. Каиафа сидел на седалище, стоящем на приподнятой над

полом площадке. Вокруг было несколько человек в священнических одеждах.

– Я пришёл предать вам Иисуса. Что вы мне дадите?

– Плата была назначена – тридцать сиклей серебра.

– Ну и что я буду делать с ними? Я отдал всё и пошёл за ним. Зачем мне меньше даже того, что я имел?

– Если ты разочаровался в Иисусе, тебе они пригодятся, чтобы начать всё заново. Да к тому же посмотри на монету. Таких больше не чеканят, это двойной священнический сикль. Они есть только в сокровищнице. Все новые сборы сбираются дидрахмами.

– Ну и что? Цена-то им одна.

– Этими сиклями берётся цена выкупа. Ты знаешь цену за мужчину, если он даёт обет посвятить жизнь Господу? Пятьдесят сиклей. А если этот назорей беден, то хватит и тридцати, по оценке священника, как сказано в Торе. Можешь внести их в сокровищницу и выкупить потом любого из мятежников, кого Пилат решит казнить. Мы попросим Пилата отпустить его, если он не преступник по закону.

– Вы зря всполошились. Судите его, и сами всё поймёте. Иисус не объявит себя Христом, откажется. А народ пусть знает, что он перед судом отрёкся от царства. А потом отпустите его, за ним никто не пойдёт. А пока он, блаженный, к смерти готовится, непонятно от кого и за что. Это не вождь народа!

– Приводи его. Мы разберёмся в синедрионе, и если он не мятежник, то отпустим его. А ты просто останешься с серебром.

Иуда взял плату и вышел, уже было поздно, ворота города были закрыты, и он пошёл ночевать в сад на горе Елеонской. Серебро он спрятал в саду.

XXXIX

ГЛАЗАМИ АНГЕЛА

Левий приподнял голову. Она гудела громче пчелиного роя. Язык прилипал к небу и не находил себе места. Сергей Афанасьевич дотянулся до полупустой банки из-под оливок и вылил в рот жидкость вместе с жирными, чёрными, похожими на тараканов, маслинами.

Который час? Левий встал и пошёл в санузел, бросил взгляд в зеркало. На него смотрел помятый мужичок с полуседой щетиной недельной выдержки. Возвращаясь назад, споткнулся и растянулся на полу. Бутылки, позвякивая, покатились в разные стороны.

Сергей Афанасьевич пытался вспомнить, что было вчера, но память упиралась в стену. Стену из имени. Имя звучало, было написано, и из него была сложена стена. Эта стена была вокруг, куда бы он ни повернулся и ни посмотрел. Всё равно не выбраться, – подумал он.

Собрал остатки со всех бутылок, набралось больше полстакана. Жидкость согрела пищевод, потом желудок. Тепло растеклось по телу, пчелиный рой стих, веки отяжелели. Хорошо.

«Хорошая русская традиция – напиваться, и хорошо, что я русский», – подумал Левий.

Сразу всё вспомнилось.

Первая ночь была ужасной. Разболелась поясница, и голова запуталась совершенно. Сергей Афанасьевич под утро не мог вспомнить, кто заходил, а кто приснился. Кажется, они ездили с Александром на кладбище. Не могли долго найти могилу.

Зачем-то им понадобилось ехать на юг, к морю. В памяти всплыл странный, какой-то очень советский вокзал, без окон, с кафельной плиткой на стенах. Билетов не было, все лезли к кассиру через голову, очередь галдела, потела. Левию удалось передать свой паспорт, но он оказался с ошибкой. Какой-то дурак ручкой переправил в его фамилии букву «и» на «а». Получилось «Левай». С таким паспортом билеты не продавали, сказали, что придётся ждать не меньше месяца, пока подтвердят правильность изначальной надписи.

Левий повернулся к залу. На скамейке сидела Маргарита с совершенно мёртвым лицом, как в гробу, и Храмов. У Храмова тоже было мёртвое серое лицо и росла странная щетина: очень редкая – толстый-толстый длинный волос. «Странно, очень странно», – подумал Левий. Они молчали. Левий отвернулся и отошёл к очереди. Опять вернулся. Маргарита и Храмов оживлённо спорили. Но с ними произошли странные перемены. Лицо Храмова вытянулось и превратилось в огромную голову хряка с редкими толстыми жёсткими волосами-щетинками. Пасть не закрывалась, из неё потоком лилась слюна. Хряк самозабвенно что-то вещал мёртвой Маргарите, задирая мокрый, слюнявый пятак и клыки вверх.

Сергей Афанасьевич передёрнулся. Картинка развеялась, он сидел за столом. Александр открывал бутылку и приговаривал: «Сергей, поверь. Она погибла случайно, от расстройства не смотрела по сторонам, не береглась. Вот и…»

Сергей Афанасьевич подумал: странно, а ведь голова у хряка похожа на мою, а не на храмовскую. Постой, постой – а кто же это смотрел? Если это был я, хряк этот… со слюной? Так точно. Как я сразу не узнал. Я смотрел глазами кого на себя? Ангела? Мне дали посмотреть глазами ангела? Как выгляжу…

– Ладно, Сергей, мне пора. Я здесь с тобой уже неделю. Заказчики телефон разорвали. Ты много не пей, я заеду через два-три дня.

Александр оделся, хлопнул по плечу и вышел.

Левий тупо уставился на пустые стаканы. На тумбочке стояло ещё три бутылки, неоткрытых. «Пока хватит», – подумал Левий и, повалившись на бок, сразу отключился.

Глава 27

Поверь, что ты птица, и попробуй летать

Прохор стоял посреди площади, вымощенной крупным камнем. Прямо перед ним шагах в ста возвышалось сияющее на солнце,

покрытое золотом здание. Толпа окружила проповедника с явно недобрыми намерениями. Сквозь гомон донеслись его слова:

– Одного отца имеем, Бога.

– Ваш отец дьявол…

Толпа возмущалась, колыхалась, извергала из себя крики и проклятия.

Прохору показался странным проповедник, говорящий такое. Он твёрдо знал из Писания, что Бог – Отец всех, и он *возлюбил нас, когда мы были ещё грешники*. Дьявол же никогда не был отцом никого.

Из толпы летели камни. В голове звучал голос: вода и дух, вода и дух. Родиться от воды и духа, родиться свыше. Бог рождает от воды и духа, Бог вас родит и станет Отцом. Кто не родился от воды и духа, тот от дьявола. Плоть от дьявола.

Прохору захотелось крикнуть: «Это не правда! Мы молимся Отцу. Отче наш, сущий на небесах. Христос научил так молиться. И заповедал прославлять делами Отца нашего небесного».

Прохор проснулся в поту, одежда была мокрая, голова гудела. Он повернулся. Старец сидел на циновке, поджав ноги, перебирал чётки. Глаза его были закрыты, губы едва шевелились. Прохор встал и подошёл к старцу. Дотронулся до плеча. Старец не реагировал. Прохор позвал:

– Отче, Вы слышите? Отче.

Глаза старца приоткрылись, но смотрели мимо, губы продолжали шевелиться.

Прохор испугался и тряхнул старца сильнее. Наконец Прохор взял свечу и поднёс к руке старца. Копоть осела на запястье, но старец даже не дёрнулся.

Прохор упал на колени и заплакал. Проснулся он, когда солнце стояло высоко и пускало лучи сквозь дырки на южном скосе крыши. Старец лежал на боку с открытыми глазами и продолжал шевелить губами.

Прохор вскочил на ноги и тряхнул старца изо всех сил. Старец словно очнулся и медленно стал водить глазами, потом сказал:

– Прохор, это ты? Что случилось? Уже день, пора нам с тобой приступать к работе.

Прохор онемел от радости. Наконец успокоился и уселся напротив старца.

– Отче. Меня мучает вопрос. Кто мог свидетельствовать о Христе, что он бог, если апостолы думали иначе? Он что, сам свидетельствовал о себе?

– Прохор, ты говоришь, как фарисей. Ещё вспомни, что для всякого дела нужны два или три свидетеля. Мы писали, вспомни, как Иисус называл себя светом миру. Что тогда сказали фарисеи? Найди это место.

Прохор долго копался в рукописях. Наконец нашёл и зачитал:

– *Тогда фарисеи сказали Ему: ты сам о Себе свидетельствуешь, свидетельство твоё не истинно*.

– Вот видишь. А что Иисус им ответил?

– Иисус сказал им в ответ: *Если я и сам о себе свидетельствую, свидетельство моё истинно; потому что я знаю, откуда пришёл и куда иду; а вы не знаете, откуда я и куда иду*.

Прохор поднял глаза от рукописи и взглянул на старца:

– Выходит, Иисус сам о себе свидетельствовал? А кто ещё?

– Ты и впрямь дитя, Прохор. Помнишь ли слова нашего Евангелия: *Видевший меня, видел Отца; я и Отец одно; я хлеб, сшедший с небес; я исшёл от Отца и пришёл в мир, и опять оставляю мир и иду к Отцу*? Только Сын мог так рассказать об Отце и о себе! Никакой пророк не знал таких тайн. Так что же ты удивляешься, что он сам о себе свидетельствовал? Вспомни его слова: мы *говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели, а вы свидетельства нашего не принимаете*. И мне Господь рассказал всё в видении, а потом мы записали это в Евангелии.

– Но почему у рыбаков ничего этого нет? И почему им Бог не открыл, как Вам, отче?

– Я тебе говорил, что рыбаки не понимали образный язык Христа, потому многое просто опустили. Павлу было открыто уже больше, чем им. Божественный план разворачивается медленно, но неуклонно. И вот – мы в нём. И запомни твёрдо: главное, что проповедовал Иисус, было не о царстве Божьем. Рыбаки пытались притчами растолковать об этом царстве, но так и не смогли, никто их не понял. Главное же в проповеди Христа – это то, что он и есть бог Слово воплощённое и без веры в это никто не будет иметь жизни вечной. Ты спрашиваешь, кто ещё свидетельствовал? Иоанн Креститель.

– Но апостолы не считали его свидетелем. Тем более что Креститель был схвачен Иродом, когда Иисус ещё был в пустыне. Пётр только о двенадцати сказал в доме Корнилия, назвав их свидетелями, предъизбранными от Бога.

– А я знаю, что Иоанн был свидетелем! Был! И при том главным! И его таковым признавал сам Христос, который лично поведал мне это. И мое знание от Бога, а не от рыбаков. Оставим это. Если быть точным, то Христос и не нуждался в свидетельстве Иоанна. У него было свидетельство большее Иоаннового.

– Какое же?

– Какое? Пиши слова Христа: *Если я свидетельствую сам о себе, то свидетельство мое не есть истинно. Есть другой, свидетельствующий о мне; и я знаю, что истинно то свидетельство, которым он свидетельствует о мне. Вы посылали к Иоанну, и он засвидетельствовал об истине. Впрочем, я не от человека принимаю свидетельство, но говорю это для того, чтобы вы спаслись*.

– Отче, но мы только что зачитывали из Вашего благовестия, что свидетельство Христа о себе истинно, а теперь вы диктуете, что оно не истинно.

– Да? Что-то я… в самом деле. Оставь как есть, потом разберёмся. Но ты сообрази, чадо, разве чудеса Иисус творил не для свидетельства о себе? Ведь всех больных не исцелить, всех вдов не накормить – иначе у нас здесь уже рай будет. Потому чудеса – это и есть свидетельство. Что Иисус сказал про Лазаря? Я диктовал тебе… Он сам сказал, что дождался его смерти и только потом воскресил, чтобы ученики уверовали, как и другие иудеи. А исцеление слепорождённого? Он и родился слепым, чтобы на нём явились дела Божии, то есть Иисусовы. А про Кану что скажешь? Что мы писали? Зачитай.

– Сейчас, старче. Дайте найти. Вот, нашёл: *Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской и явил славу свою; и уверовали в него ученики его*.

– Видишь, чудесами Иисус прославил себя. И уверовали в него.

– Но я думал, что для чудес нужна вера. Вера в Бога. По вере вашей да будет вам – вот слова Иисуса, которые он говорил исцеляемым.

– Прохор, дитя наивное. Поверь, что ты птица, и попробуй летать. На кого ты будешь похож?

– Но если мы просим, Бог исполняет просьбу – и что это, если не чудо? А как просить без веры? Мне кажется, что чудеса Отец совершал через Иисуса по вере просившего, но не для славы Иисуса, а чтобы увидели: всё по милости Отца совершается, Бог жив и отвечает на молитвы. А в Назарете Иисус не смог совершить никакого чуда по неверию их. Так засвидетельствовали апостолы и их ученики в Евангелиях.

– У нас своё Евангелие, которое разъясняет, а не пересказывает. Не верой чудеса совершаются, а божеством. Вера нужна для другого, верой в Сына мы становимся чадами света. Если веришь в него, проси во имя его и можешь творить любые чудеса. Сын услышит и сам их сотворит. Слушай чадо и записывай теперь слова Христа о себе, которые я слышал от него, как сейчас слышу тебя: *Дела, которые Отец дал мне совершить, самые дела сии, мною творимые, свидетельствуют о мне, что Отец послал меня. И пославший меня Отец сам засвидетельствовал о мне. А вы ни гласа его никогда не слышали, ни лица его не видели; и не имеете слова его*

пребывающего в вас, потому что вы не веруете тому, которого он послал.

– Отче. Про глас – это о словах: Сей есть сын мой возлюбленный?

– Да, именно. Тот глас с неба слышал только Иоанн. Народ не слышал, а Сыну он не нужен. Отец гласом с неба свидетельствовал Иоанну о Сыне. Вот тебе и все свидетели: Иоанн, дела Иисуса и Отец, который научил Сына творить дела. Иисус же сам о себе свидетельствовал прямо, говоря: я хлеб, сшедший с небес, я свет миру, я пастырь добрый, я источник воды, текущей в жизнь вечную, – пейте от меня, и другое многое. А ещё Писание свидетельствует о нём. В Писании сказано об Иисусе всё.

– Где же сказано, что он Бог?

– Ищи, сын мой, и обрящешь. Везде, где Бог обращался к народу, это было Слово. Всё через него. Без него Отец не говорил, и мы не слышали. Всё, что есть в Писании, закон и пророки, всё сказал Сын. Он обращался к народу, к отцам моим по плоти и говорил: я Бог ваш. И все дела Божьи во все времена делал Сын. А мы и не знали, не знали, что это Он. А теперь узнали, что это Сын, что это Слово. Но он и Отца нам открыл. Вот его слова: *Отче праведный! И мир тебя не познал; а я познал тебя, и сии познали, что ты послал меня. И я открыл им имя твоё и открою.* Мы просто называли их Богом, не понимая, что Отец и Сын – одно. А пока неси вина и хлеба, будем трапезничать. Где Поликарпушка?

XL

МОЛНИЯ РУБИТ ВОЗДУХ ТОПОРОМ ИЗ ОГНЯ

Мутные окна дважды слепы,

В них глаза старух в кофтах нелепых,

Герань в горшочке, бутылка от мадеры.

Пыль кистью дальтоника красит всё серым,

А мы дождались дождя.
Молния рубит воздух топором из огня,
Хрясает с треском – небо в осколках.
Телефоны прохожих – уже на полках.
Разлетелись по этажам, сидят в гнёздах,
На ключи запертых.
Их трели неизменны, как позы мёртвых.

Город ощетинился зубами домов,
Рычит и кусает небесный покров.

В его помойках застряла пища,
В карманах богача только ветер свищет.
Смердит трубы сигарой его грязный рот,
На мосту стоит, качаясь, банкрот.

Тихо скользит тень, прячась под зонтом,
Между луж лавирует владыка Хризостом.
Небо раскатисто и смачно чихает,
Тень кряхтит, пугаясь, и Бога хает.
Дождь нагло стучит в железную крышу,
Требуя внимания.
Но никто не слышит.
Прочь из города. Он почти не дышит.

Лес полон блеска, он привык благоухать.

И какое благозвучие птиц!

Дождь запутался в листьях,

Говорит шёпотом.

Тепло от земли мягкой периной застелило поляну.

Всем хорошо.

Боже, как хорошо.

Опять в город. Храмов с головой погрузился в работу. Каждую неделю командировки, раз в месяц совещание в минобороны. Царь не спит – значит, и всем не спать: совещаются до одиннадцати. А утром в восемь нужно быть на работе и отвечать на звонки бодрым голосом, а не спросонья. Ритм, как в тридцатые. Ну что ж, это бодрит. Споткнулся, упал – долой. Неужели скоро война?

Почитал материалы с грифом – ежемесячная сводка на тему цифры. Все бегут вперед в неизвестное, сломя голову, боятся опоздать. Самые быстрые – китайские товарищи, они уже почти скрылись за поворотом квантовой запутанности. И шифруют, и передают. Мы только пиаримся, а дел пока нет. Но у них там странное творится, в этой стране жёлтого дракона: сотни миллионов камер по всей стране, полный контроль и, наконец, социальные рейтинги. У них там буквально ни купить ничего, ни продать, ни за границу выехать, в вуз приличный не поступить, если не набрать нужное количество баллов. Пишут, что если кто-то женился на даме с низким рейтингом, то и рейтинг мужа снижают, и дети не могут учиться в престижной школе. То ли антиутопия, то ли ещё что-то пострашнее. Апокалипсис разыгрывается как по нотам.

Это потом. Пока нужно продолжать работу с вживлением чипов. Импланты не отторгаются, но нужно развить эффективную коммуникацию через имплант с ИИ. Пока хорошо идёт односторонняя коммуникация – от киборга к ИИ. А вот обратная связь – это самое важное. Кажется, эту тему все суперсекретят. Нужно докладывать и

добиваться – пусть воруют там всё, до чего дотянутся. Смогли они запутать сигналы для двоих? Это будет началом грандиозной сети, реального муравейника.

Перед дверью все собрались на планёрку. Храмов зашёл в кабинет, впустил всех, расселись. Пока докладывали, переругивались, Храмов постукивал мерно карандашом и думал о вчерашнем разговоре в компании с врачом-остеопатом. Штайнер тоже была там. Чёрт возьми, они заговорят любого. Но кое-что я понял. Интересная тема, может понадобиться – сейчас всё связано… Храмов всегда продумывал по нескольку раз всё, что ему казалось важным. Так информация систематизировалась и помнилась дольше.

Оказалось, остеопаты – это почти шаманы, медиумы. Ловят сигналы и передают. На пальцах врач объяснил так. Дело в том, что нервные окончания – это своего рода электроды с тонкой двуслойной мембраной, заряженной как конденсатор с помощью протонной пушки, – так называется фермент, выбрасывающий протоны из клетки. Можно измерять потенциал любого тела, к которому прикасается рука, и передавать сигнал по нерву. Нерв – это провод. Он может генерировать продольную электромагнитную волну, разряжая заряд мембраны. Так что он излучатель и приёмник, антенна, как любой провод. Этой электромагнитной волной рука остеопата может прощупать объект в глубину, как радар. Показания радара передаются в мозг по нервам. А мозг подстраивается и учится анализировать входящие сигналы от природных электродов и антенн, если остеопат поставил задачу различать эти сигналы. Это происходит так же, как инвалиды у нас обучаются двигать мышкой на экране с помощью вживлённого в мозг микрочипа или управлять искусственной рукой. Удивительно, насколько человек похож на программно-аппаратный комплекс. Вернее, наоборот – он похож на человека, на своего творца.

И ещё одно… Кажется, мы нащупали то, что можно использовать в нашем деле объединения естественного интеллекта с искусственным. У нервной системы есть собственные частоты. Это как струна – дёрнул, и она возвращается, пробегая начальное положение, потом опять. Эти гармоники неизбежны там, где есть гомеостаз, где необходимо

устранять отклонения и возвращаться к исходным параметрам. Будь то температура, состав крови или заряд мембраны. Всё это банально. Но вот на что обратила внимание Штайнер: на этих собственных частотах нервная система остеопата, похоже, проверяет частоты пациента и видит нарушения. Где есть отклик, там есть резонанс на собственной частоте. Где нарушение, там у пациента нет соответствующей гармоники. Её нужно запустить, тогда начинает нормально функционировать окружающая ткань. Эту связь двух систем можно использовать в нашем деле.

У остеопатов собственные частоты системы как-то называются – типа первичные ритмы дыхания или ещё иначе. Под всё это подведена теория, имеющая вид наукообразия, но для традиционных учёных она примитивна и вызывает насмешки своей доморощенностью. Остеопатам нужно пообщаться с настоящими физиками и разработать, наконец, приличный понятийный аппарат. Правда, плаваем все мы во всём этом, как дилетанты. Я тем более – забыл уже даже то, что не знал. Кто это может свести в одно целое? Наверное, уже никто. Ландау и Перельманы у нас перевелись.

Ещё одну идейку Штайнер подкинула – где она их откапывает? В онтогенезе организм развивается якобы по заложенной в генах программе. Это только частично так. Но зашифровать в последовательности трёхмерную структуру белка ещё возможно, а вот клетки или целого организма – никак. Это несопоставимые объёмы информации, а главное – информация в ДНК и целого организма организована по-разному. Трудно создать природный автомат, который бы занимался переводом с одного языка на другой. Вот рибосома – такой автомат, но занимается он трансляцией, переводом одной линейной информации в другую линейную: последовательности нуклеиновых кислот в последовательность аминокислот. Это просто. И даже трёхмерная структура белков – простое следствие жёсткой линейной структуры белка. Ну… не на все сто, конечно, там ещё много всего. Но в целом… А как перевести линейную кодировку в трёхмерную структуру клетки с помощью автомата? Кирпичи, в данном случае в виде белков, не знают архитектуры здания. Нужен, кроме кирпичей, проект. Человеческое

изобретение – 3d-принтеры, имеют такой проект, поэтому из условных кирпичей строят запрограммированную структуру.

Штайнер рассказала о гипотезе, которую мы должны учитывать при конструировании ИИ на принципах работы человеческого мозга. Суть гипотезы такова: а что, если минимальной ячейкой, способной хранить и размножать информацию о трёхмерной структуре клетки, является не ДНК и не мозг, а мембранная структура клетки? В ней ведь целый мир сложно организованных заряженных мембран, от митохондрий и комплекса Гольджи до наружной ядерной мембраны. И все они формируют устойчивую конфигурацию электрического поля, как и наш мозг. Так может, этот глубинный мозг начинается с клетки и её структур? Клетка – такой же квантовый компьютер, сингулярность, объект, описываемый как квантовый, но в соответствии со своими размерами являющийся частью макромира? Если так, то развитие органов и всего организма поначалу направляется квантовым компьютером, состоящим из одной клетки. Выглядит это, конечно, просто как деление клеток. А затем формируется специальная сеть, направляющее развитие зародыша, которая с определённого момента превращается в его нервную систему. Нервы, нервные узлы и мозг – это вышедшая из клеточной шинели гигантская информационная система. Она взяла от мембранных структур клетки принцип, а затем масштабировалась с использованием клеток, превращённых в связанные между собой проводящие мембраны, то есть нейронов. Гены – важная библиотека информации о структуре белков и нуклеиновых кислот, а также о режимах работы и защиты организма. Плюс дифференцировка клеток. Но это далеко-далеко не вся информационная система. Базовая информация о структуре клетки хранится в поле её мембран. Такая вот гипотеза. Генетическая информация делает всю информационную систему более устойчивой. Для нас важно применять природные принципы, если они эффективны. А они обычно эффективны.

Пётр Афанасьевич вдруг вспомнил, что сидит в кабинете на совещании, и обратился к присутствующим:

– Коллеги, давайте-ка усилим совместные программы с Центром психического здоровья. Наши американские партнёры, как вы знаете, внедрили нейрокомпьютерные интерфейсы через сонную артерию овце. Я думаю, они засекретили работы с пациентами. Стентроды наверняка применяются в клиниках для душевнобольных. И у нас в части зрительного интерфейса научение происходит эффективно: камеру вживили – через полгода пациент всё видит, как своими глазами. Но нам нужна передача через вторую сигнальную систему. Здесь у нас пока застой. Моисей Германович, что с семантическим атласом у врагов?

– У врагов не знаю, а мы пока только полшага сделали. Да у нас на добровольцев денег нет. SQUID закупили, а подопытных? Ещё месяц назад – никого.

– Ну а что с ЦПЗ? С ними согласовали? Нет? Давайте пойдём в рамках ФЦП, если у них нет своих программ. Готовьте техзадание, будем проходить госэкспертизу и вперёд – пусть участвуют, у них пациентов достаточно. Можно и стартаповскую группу какую-нибудь под эту тему подключить. Их вон нарастили – целая птицефабрика в Сколково. На кой они ещё нужны? Пусть прикрывают наши программы.

– Пётр Афанасьевич, да я сам сегодня же в центр заеду. Я думаю, мы заключим с ними прямой договор на обследование пациентов на СКВИДе. А стентрод мы также через сонную введём, как лекарство, в рамках закрытой темы – чтобы никто нос не совал и не шумел в прессе. Он абсолютно безвреден, мы на кафедре ВНД на обезьянах всё давно опробовали. Пора уже и на пациентах.

– Хорошо, Моисей Германович, поезжайте сегодня же. Мы инструментально залезем туда, куда всякие шаманы с помощью мухоморов лазали тысячи лет. Найти вход в сингулярность. Звучит странно – пролезть в точку. А?

Храмов подмигнул. Моисей Германович улыбнулся в ответ. Совещание завершилось.

XLI

«ХОРОШИЙ» ДЕНЬ

Моисей Германович вышел из автобуса и перешёл на сторону Центра психического здоровья. На проходной встречала милая девушка, сотрудница НЦПЗ Виктория. Прошли в Центр.

– У нас новый пациент с согласием на клинические исследования – некий Левий Сергей Афанасьевич. Уже несколько месяцев здесь. У него купировано острое полиморфное психотическое расстройство, МКБ-10, сейчас наблюдаются остаточные симптомы бреда и галлюцинаций, без обострения. В общем, наш клиент.

– Хорошо. Приводите его в ваш сектор. Я буду минут через сорок – к вашему шефу забегу и сразу туда. Кабинет 11, насколько помню? Готовьте всё для сканирования и введения стентрода и имплантов в различные семантические зоны. А у него атлас готов? Вы его просмотрели?

– Да, мы его уже месяц сканируем, каждый день, и есть устойчивая картина.

Моисей Германович зашёл в кабинет завсектора, поздоровался и после короткого обмена любезностями направился в исследовательский сектор. По дороге заглянул ещё в пару кабинетов.

Сергей Афанасьевич сидел в ортопедическом кресле Yamaguchi, опутанный проводами, и прислушивался к внутренним ощущениям. Интересной была возможность одной мыслью передвигать взад-вперёд, поворачивать и вообще делать всё что угодно с маленьким игрушечным квадроциклом. Но ещё необычней были слова и даже словосочетания, повторяющиеся каждые несколько секунд до тех пор, пока он не произносил их вслух. Сегодня ему сделали укол в сонную артерию, и через полчаса возникли эти странные звуки.

Появился маленький седоватый мужчина с жуткими бровями, представившийся Моисеем Германовичем.

– Как Вы себя чувствуете? – спросил бровеносец.

– Чувствую себя биоприставкой умной машины, которая скептически смотрит на ваши эксперименты.

– Ну-ну, шутите? Это хорошо. Сейчас попробуйте понять характер воздействия.

Он забегал пальцами по клавиатуре. У Сергея Афанасьевича появилось где-то внутри чётко оформленное решение привстать и сделать полупоклон. Решение не было оформлено словесно, но было абсолютно ясным. Сергей Афанасьевич привстал, поклонился и опять сел.

– Так, хорошо-хорошо. Что Вы почувствовали?

– Да ничего. Просто я забыл поздороваться. А Вы, кажется, кивнули при входе? Вот я и вернул долг, как вежливый человек, – ответил Сергей Афанасьевич. – А почувствовать? Да ничего вроде и не чувствовал.

– Ну хорошо-хорошо. Продолжим завтра. Отдыхайте.

Моисей Германович стремительно выскочил из кабинета, почти ударившись головой в выпуклую грудь сотрудницы.

– Вика, заполните отчёт и пришлите мне по электронке. Хороший день. Я думаю, мы его запомним.

Виктория секунду обдумывала ответ, но Моисей Германович уже стучал каблуками в конце коридора. Она беззвучно открыла рот, закрыла и словно пёстрая аквариумная рыбка поплыла в ту часть аквариума, где сидел в чёрном кресле запутанный проводами пациент.

XLII

ОСОБЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Сон не приходил. Сергей Афанасьевич вспоминал жену, лицо молоденькой студентки ещё до их знакомства. И голос, когда она пела на какой-то вечеринке. Он всегда теперь засыпал с мыслью о Маргарите, часто спорил с ней, а иногда просто лежал, повернувшись к ней лицом и обняв невидимую грудь. Ближе к утру Сергей Афанасьевич провалился в пограничное состояние, среднее между

сном и бодрствованием. Словно из соседней комнаты раздался глухой голос:

– Э-э, как ты?

Молчание.

– Ты будешь со мной бороться? Ты уверен?

Молчание.

– Боже, Отец небесный. Да будет свято твоё имя. Свято – значит, отделено от остальных. Свято – значит, никому не присвоено, не уподоблено. Слава твоя да не достанется никому! Защити меня, Отче, от этого дьявола, искушавшего меня. Я поддавался его соблазнам, прости меня, помилуй меня. Избавь меня от него.

Внезапно тиски, сжимавшие голову, разжались, и Сергей Афанасьевич почувствовал себя свежим и сильным, как в юности. Он хотел пойти к сестре и заявить о своём полном выздоровлении. Но здравый смысл подсказал ему, что этот шаг преждевременный.

Днём пришёл навестить Александр. Сели за столик в холле. Он, поначалу напряжённый, вскоре расслабился и полушёпотом, скороговоркой начал говорить:

– Ты знаешь, как я переживал за тебя. И Марго – как её жаль. Такая красивая. Я был на могиле… Там цветы кто-то положил.

– Не надо, Саша. Не трогай эту тему.

– Да, не буду. Ты уже знаешь, что я нашёл единомышленников. Я теперь в братстве, Преображенском. У нас рождение свыше – главное, как у Иоанна. Мы такая семья! Сам знаешь: *По тому узнают все, что вы мои ученики, если будете иметь любовь между собою*. Так Господь заповедал.

– Знаю, это из Иоанна. Самое возвышенное о любви у него, как считается. То, что всех умиляет в этом Евангелии. А к другим вы имеете любовь, не к братьям? К Маргарите? Она же самоубийца – для вас она пропащая, отрезанный ломоть. За церковную ограду её! Такие царства Божьего не наследуют, не рождённые свыше для вечности. Так? А как

рождённый от духа может любить того, кто сегодня есть, а завтра он как трава, как цвет полевой, исчез и нет его, и не будет никогда? Это как любить домашнюю синичку или котика. Издох, нового взяли, так же назвали.

– Церковь о них не молится, но они не прокляты. Их судьба в руках Бога.

– Всё всегда в руках Бога, не лицемерь. А ко мне как относитесь? Я не принимаю Троицу, не признаю Иисуса богом. У меня один Бог – Отец. Моё место здесь, в сумасшедшем доме.

– Раньше к врагам веры были непримиримы. Такова традиция церкви. Мы имеем любовь между братьями, а внешних обличаем.

– Любите братьев? А как же заповедь Христа о любви к врагам? Иисус рыбацкий, то есть настоящий, будет судить по делам любви ко всем, даже к врагам. И прощать тех, кто прощает должникам своим. А ваш с Иоанном Иисус спасает только тех, кто верит в него как бога, – тех, кого вы называете братьями. Ведь только у рождённых свыше Отец – Бог. У остальных отец – дьявол, так? Как вы можете любить тех, кого не любит ваш бог? Ведь в твоём Евангелии сказано: *Вы потому не слушаете слов моих, что вы не от Бога. Если бы слушали, были бы сынами Бога, а так ваш отец дьявол*. Вот и всё – все, кто не согласен с вами, сыны дьявола. Какая же может быть у вас любовь к нам, еретикам?

– Все церкви имеют такие правила. Любовь к еретикам и врагам церкви и Бога – особая.

– Любить особо! Ха! Как же ум человеческий изворотлив! Любить как Иосиф Волоцкий – убивать с муками еретика, чтобы спасти душу? Сжигать на кострах? Да нет никакой особой любви к врагам, любовь – одна! Высшая из всех – умереть за ближнего. А вы всех сортируете на своих и чужих.

– В Евангелии Иоанна Господь так и сказал: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.*

– Вот я тебе и говорю о том. των φίλων – переводится «за любящего тебя». А у нас и рыбаков Иисус такую избирательную любовь отвергает: *И если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? ибо и грешники любящих их любят*. *И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?* Не согласен Иоанн с неграмотными рыбаками – слишком широко, мол, они раскинули сети, хотят всех любить. И он сузил – нет, люби любящих.

– Да, но попробуй любить всех. В мире вражда всех со всеми, а у нас всё иначе, мы – семья.

– Вы отделили себя от людей. Ваш Иисус, в отличие от настоящего, не говорил народу «Отец наш», только «Отец мой». Он присвоил себе Отца, сделал себя единственным сыном. В церквях называют Бога Отцом, читают «Отче наш», а что сами его дети, не знают, потому что Иоанн всех запутал. Каждый, кто называет Бога Отцом, очевидно, сын Божий. Нет?

– Так у рыбаков. А у нас всё по Иоанну, то есть Бог – Отец, но не для всех, а для тех, кто верит в Христа, как бога, и, вкушая плоть и кровь Христа, соединился с ним природно, и стал сыном по причастности к Христу.

– Эх, Александр, теперь и ты так веришь…

– Да. Когда ученики поверили, что Иисус есть само Слово, он попросил своего Отца просветить их и дать им славу. Он включил нас в свою божественную семью. Верующим во имя его, в Слово, он дал власть быть чадами божьими – помнишь начало Евангелия? Его, Христа-бога чадами, чадами света. Это те, кто рождаются свыше, от духа. Когда апостолы родились свыше, поверили в него перед самым его исходом, Иисус сказал им: *Иду к Отцу моему и Отцу вашему, Богу моему и Богу вашему*. Бог становится нашим Отцом только после нашего рождения свыше. Отец Христу – Бог, и для нас Бог есть Отец, но только в нём, в Христе, потому что он и Отец – одно. По сути, для нас Отец – это сам Христос.

– Я верю в Иисуса, который молился Богу: Отче наш, который на небесах – Слышишь? Наш! – не отделяя Отца от всех, не присваивая его только себе. Мы все чада Божии, часто заблудшие. А вы любите только друг друга. Это пошло от Иоанна и через гностиков стало сутью почти всех церковных организаций.

– Ого. Так, по-твоему, все церкви ложные? Один ты в истине?

– Как раз наоборот. Мир, как сказано у пророков, наполнится ведением Бога, *и уже не будут учить друг друга, брат брата, и говорить: «познайте Господа», ибо все сами будут знать* Бога, от малого до большого. И это исполнилось.

– Вот как! Мир, по-твоему, знает Бога?

– Конечно, пророчество исполнилось. Или, ты думаешь, нет? Павел приводит его как исполнившееся – перечитай его послание к евреям. Наполнился знанием Бога, заметь, весь мир, а не церковные организации, которые присвоили себе Христа и Бога, словно стали их собственниками, и учат других. Бог и Христос никому из вас не принадлежат.

– Я не вижу, чтобы мир знал Бога. Наоборот, в Евангелии Иоанна сказано: *В мире был, и мир чрез него начал быть, и мир его не познал*.

– Так пророчество на Христе не исполнилось? Ты вслед за Иоанном знание Бога приравнял к знанию вашей философии и догматов. Но многие в мире, кого вы считаете погибшими, поверили в Бога, а о Троице ничего не знают. Они большие христиане, чем те, кто ходит по воскресеньям в храмы молиться Богородице и святым. Нагорная проповедь нынче, как нравственный закон, – общее место для всех, верующих или неверующих, иудеев, буддистов. Только они не сознаются, не признают источник.

– Ладно, ладно ты, тише. Разошёлся. Смотри, запрут тебя здесь с твоими проповедями.

Но Сергей Афанасьевич уже не мог остановиться и говорил громко:

– Отец посылает дождь и над злыми и добрыми, как и солнце, не разбирая. Иисус заповедал нам быть такими же совершенными, как Отец, любить всех, не деля на добрых и злых, своих и чужих. Это трудно, и вы решили любить друг друга.

Подошла дежурная и попросила Александра закончить беседу и удалиться, так как пациенту требовалось спокойствие. Попрощались.

– Пока, скоро наведаюсь. Но учти, я с тобой не согласен.

– Давай, не поминай лихом.

Глава 28

Ноги вместо головы

Разговор за трапезой. Сидят Прохор со старцем и Поликарп. Старец обращается к Прохору:

– Неужели ты, детка, допускаешь, что Иисус перед праздником опресноков осквернился в доме прокажённого? Это басни для невежд. Он прекрасно знал Лазаря, Марию и Марфу из Вифании. Я полагаю, в их доме он с учениками останавливался всегда, когда бывал в Иерусалиме. Как и в са-а-мом начале нашего благовестия. Тогда Иоанн и Андрей спросили Иисуса: *Учитель, где живёшь?* И пошли за ним. Вифания расположена как раз рядом с тем местом, где крестил Иоанн. Забыл, Прохор, начало нашего Евангелия?

– Что-то я не припомню, отче. Или запутался. Иисус же призвал учеников, когда они рыбачили в Геннисарете? Разве нет?

У Прохора последнее время произошли интересные перемены. Он прекрасно помнил рыбацкие Евангелия и представлял всё так живо, словно события происходили наяву. А писание старца у него окончательно отделилось и воспринималось как один из мифов, которых он знал раньше множество. Когда старец спрашивал что-то из своего Евангелия, что явно противоречило остальным, Прохор, чтобы не раздражать учителя, старался сделать вид, что не помнит. Но это никогда не получалось, и всё оканчивалось спором.

– Да нет же, забыл уже… Помнишь, я тебе диктовал о встрече Иисуса с учениками на Иордане? Они были сперва учениками Иоанна Крестителя. И Креститель указал им на Иисуса, и они пошли к Иисусу домой, и пробыли там весь день.

– Да-да, вспомнил, учитель. Но ведь это только по Вашей мысли! Я это уважаю, но помню и другое. Нужно выбирать, а иначе голова кругом.

– У нас одни только мысли и есть. Что ещё, кроме мыслей? Просто некоторые – от рыбаков, а другие – от духа, как то, что я тебе говорю. Теперь слушай. А ты, Поликарпушка, пиши. Пиши, дитя моё. Перед праздником опресноков Иисус с учениками остановился в доме Лазаря. Не у Симона какого-то, да ещё прокажённого, а у Лазаря, которого он воскресил из мёртвых. Там приготовили Ему вечерю, и *Марфа служила, и Лазарь был одним из возлежавших с ним. Мария же, взяв фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отёрла волосами своими ноги его; и дом наполнился благоуханием от мира*. Так и запишем. Поликарпушка, пиши, пиши.

– Учитель, Вы позабыли. Женщина возлила ему миро на голову, а не на ноги.

– Что ты, чадо? Я ничего не напутал. Конечно, она помазала ему ноги. Неужели ты думаешь, кто-то достоин помазать на царство бога? А рыбаки, как всегда, мало что поняли и потому запомнили неверно. А ты что думаешь, Поликарпушка?

– Я полностью на Вашей стороне, учитель. Как Вы, так и я, отче.

Прохор не сдавался:

– А что же тогда соблазнило Иуду? Он же после этого помазания решил предать Христа.

– Как что? Он был жаден и вор, имел денежный ящик и носил, что туда опускали. И вдруг его лишили трёхсот динариев. А мы так и запишем. Поликарпушка, пиши ещё.

Старец диктовал, Поликарп выводил стилом слова. Наконец старец удовлетворённо заметил:

– Вот и молодец. Послушание – вот главная добродетель. Так что, согласен, Прохор, что Иуда был вором?

– Отче, но разве он и апостолы не оставили всё, когда пошли за Иисусом?

– Конечно, оставили. Но человек переменчив, а сребролюбие – корень всех грехов. Да он изначально был лжецом и предателем.

– Истину Вы сказали, отче, как есть истину, – отозвался эхом Поликарп. – Я перечитывал Ваши записи, как обычно. Там написано: когда Иисус говорил, что он есть хлеб, сшедший с небес, и для спасения нужно есть его плоть и пить его кровь, многие оставили его. А он от начала знал, кто неверующие и кто предаст его. И сказал, что один из двенадцати диавол. Там у Вас, батюшка, прямо написано, что Иуда Искариот хотел предать его. Уже тогда. А это Вы от духа писали! Кто ж будет сомневаться в том, что написано? Так что…

Поликарп посмотрел на Прохора так, словно он и был Иудой.

Прохор молчал.

XLIII

РЕДКАЯ СВОЛОЧЬ

Храмов последнее время спал по пять-шесть часов. Перед планёркой он погрузился в мрачные размышления. Наши ресурсы в сравнении с китайскими и американскими ничтожны, и гонка за ИИ требовала полной отдачи сил. Но все вокруг привыкли к симулякрам: сделали картинку, презентацию, написали умными словами отчеты – а что за этим? Никого не интересует. Никакого содержания, смысла, истинной цели, результата. Приходится калёным железом выжигать эту гниль и возвращать к сталинским методам прорыва.

Ударили часы. Все зашли, расселись. Говорят, говорят…

Наконец Пётр Афанасьевич прервал перебранку:

– Моисей Германович. Вы посмотрели новый Journal of Neuroscientist. Там Пеппель уже вторую статью опубликовал об использовании ТМС –

транскраниальной магнитной стимуляции, если кто не знает, – Пётр Афанасьевич обвёл тяжёлым взглядом присутствующих, – для передачи сигналов в мозг.

– Пётр Афанасьевич, но мы дальше продвинулись. Особенно впечатляющие результаты получили на прошлой неделе в ЦПЗ на пациентах-добровольцах, – на этих словах Моисей Германович как-то странно хмыкнул.

– Что вы хмыкаете? Странные пациенты?

– Да есть у нас один экземпляр с психотикой. Бывший режиссёр.

Петра Афанасьевича словно током ударило. Оправившись, он быстро окончил совещание, отпустил всех.

– Моисей Германович, а Вас попрошу остаться.

Когда все ушли, Пётр Афанасьевич достал из шкафа бутылку виски и два стакана.

– Выпьем?

– Так ведь утро, Пётр Афанасьевич.

– Утро-то утро. Да какое. Расскажи-ка про твоего пациента.

Моисей Германович подробно рассказал всё, что знал, но фамилию и имя пациента не помнил. Его получили в состоянии острого расстройства, доставил знакомый, документы в порядке. Потом перешли на политику и состояние дел в отрасли. Просидели до обеда.

– Вот что, Моисей Германович, поехали-ка в ЦПЗ к твоему пациенту. Я хочу его лично увидеть.

Приехали. Зашли в кабинет. Левий сидел в кресле, опутанный проводами. Храмов попросил всех выйти.

– Сергей, вот я тебя и нашёл. Ты что, прятался от меня?

– А ты искал?

– Я немедленно выписываю тебя, мы выезжаем.

– Нет.

– Ты что, хочешь быть подопытной мышкой?

– У меня свой эксперимент. Я хочу разобраться с одной странной личностью, которая мне докучает.

Пётр Афанасьевич боялся говорить о Маргарите.

– Я всё знаю, можешь не мяться, – сказал Сергей Афанасьевич.

–…

– Тогда прости. Я редкая сволочь и…

Попрощались, и он вышел.

– Эксперимент продолжайте.

Сергей Афанасьевич простил его.

Он был абсолютно здоров. Кем бы ни была странная личность, представившаяся ему духом, – реальным дьяволом или плодом шизофренического расщепления сознания – этот дух больше не мог хозяйничать в его голове. Но тот странный бровеносец, которому он внезапно решил поклониться, занимал его всё больше. «Я действительно сам решил поздороваться или он послал сигнал, которому я подчинился? – Сергей Афанасьевич передёрнулся при воспоминании об эксперименте. – Неужели я просто электрическая машина, а не личность, имеющая свободную волю и способная общаться с Творцом? Всё равно придётся с этим разобраться».

Пришла ассистентка Виктория:

– Сергей Афанасьевич, Вы согласны на продолжение эксперимента? Да? Хорошо. Подпишите здесь, ещё вот здесь, здесь с полной расшифровкой. Так, приступим? Хорошо.

Виктория села за компьютер и на некоторое время погрузилась в работу. Сергею Афанасьевичу сделалось скучно, и он сосредоточился на внутреннем диалоге. Как отделить свои мысли от привнесённых извне то ли духом, то ли вот такими приборами? И действительно ли

существует личность, с которой я беседовал? Наконец Виктория подняла глаза на Сергея Афанасьевича.

– Что Вы чувствуете?

– Ничего необычного, – у Левия затекла нога, и он заёрзал в кресле, пытаясь восстановить кровообращение – А что я должен чувствовать?

– Вы чувствуете левую ногу?

– Что-о-о? Вы хотите сказать, что это Вы?

Сергей Афанасьевич лихорадочно начал вспоминать, когда начала затекать нога, но этот момент отсутствовал в его памяти. Видимо, за размышлениями он не заметил начало процесса. А если они управляют моей вегетативной и парасимпатической нервной системой с компьютера – где хотят? Расширяют сосуды, когда хотят сужают, управляют сокращениями сердца? К чему всё это идёт? Волна страха накатила, вызвав частые и сильные удары сердца. Внезапно Сергей Афанасьевич успокоился и спросил:

– А я могу наблюдать за тем, что Вы делаете на экране?

– В принципе да. Но пока нам нужно завершить сегодняшнюю работу, а завтра я проконсультируюсь о Вашей просьбе. Итак, продолжим. Вы не против?

– Нет, продолжайте.

– Сергей Афанасьевич, Вы знаете, что такое парасимпатическая нервная система?

– Откуда мне знать, я что, врач? Так, погодите-ка. Я кое-что читал в детстве, в школе ещё. А почему Вы спрашиваете?

– Нет, ничего. Давайте померяем Ваше давление и пульс.

Вошла медсестра. Сергей Афанасьевич протянул руку. Через пару минут сестра вышла. Виктория сделала какие-то записи и объявила:

– На сегодня всё. Спасибо большое за сотрудничество. Можете отдыхать. Надеюсь, завтра мы продолжим.

– До свидания.

Вошедшая сестра сняла все датчики. Сергей Афанасьевич пребывал в некотором недоумении от происшедшего и в задумчивости. Парасимпатическая система… Я подумал, а она спросила. Странно. Сестра проводила его в палату. Ему очень хотелось спать, глаза буквально захлопнулись, и он повалился на постель.

Глава 29

Миква пригодилась

Эльазар был стар, у него был добротный дом в Иерусалиме; дети уже давно жили в Александрии и очень редко прибывали на праздник опресноков. Он с женой приготовил горницу для приходящих на пасху паломников. Эльазар каждый год делал это, хотя плату брать не разрешалось. Если приходили состоятельные паломники, они оставляли дорогую посуду, продажа которой помогала им дотянуть до следующего праздника. И главное, если дети с семьями не приезжали, то агнца на двоих не готовили, так как было не съесть. А гости часто приглашали его с женой причаститься от своего агнца. Накануне пасхи жена умерла. Тело пришла помазать сестра, детей пока не извещали. После праздника отправлю послание с александрийцами, – решил Эльазар.

Чтобы по закону вкушать пасху, нужно будет очиститься. Эльазар заплатил носильщику динарий, и тот весь день носил воду, наливая микву, чтобы погрузиться вечером, за день до приготовления пасхи. Но на этот раз, скорее всего, никто не придёт, так что от пасхи не причаститься в этот раз. «Как жаль, – подумал старик. – Все, кто спрашивал о комнате и узнавал о его несчастье, выбрали другие дома. Никто не хотел осквернить перед праздником – дом будет нечист ещё несколько дней. Разве зайдут те, кто сами нечисты». А ему хотелось есть пасху, которую они ждали с женой. За себя и за неё.

Пришли двое и сказали, что учитель прислал их спросить, есть ли комната, чтобы им есть пасху. Эльазар показал им горницу, приготовленную для гостей, – она была большая, хорошо прибранная.

Он расспросил их, когда они пришли, где остановились и кто учитель. Оказалось, что это проповедник из Галилеи с учениками, и они уже несколько дней живут в Вифании, у Симона прокажённого.

«Неужели это тот, которого встречал как мессию весь город? – обрадовался Эльазар, но вслух ничего не сказал. – Как он остановился в таком месте? Все говорят о нём. Почему никто не предложил своего дома? Всё занято, как обычно…»

Показав горницу, Эльазар обратился к посланникам:

– Вы знаете, что я нечист, у меня жена почила накануне. Но и вам понадобится миква перед пасхой, если вы останавливались у Симона. А я как раз наполнил её. И я не беру плату…

– Да уж, много соглядатаев высматривает, не нарушим ли мы закона. Так что миквы будут весьма кстати и в других домах – чтобы вымыть в них злые языки. Но не видно, чтоб сегодня их наполняли.

Шутка понравилась Эльазару.

– А нам… миква не понадобится. Наш учитель говорит, что ничто извне не оскверняет человека, а только то, что исходит из сердца человека: злые помыслы, зависть, коварство – это оскверняет человека.

– Весьма мудр ваш учитель, я вижу. Рад буду принять его в своём доме, приходите. А как вы узнали, что моя горница свободна? Долго искали? Весь город переполнен пришедшими на праздник.

– Вы же сами сказали, что наш учитель мудр. Он отправил нас вслед за носильщиком воды.

Глава 30

Истинные опресноки

Прохор вернулся из порта, где продавал сегодня корзины, и вошёл под небольшой навес перед входом в дом. Изнутри был слышен голос старца Иоанна. Прохор по распоряжению старца уже год обучал Поликарпа грамоте, чтобы была возможность записывать за старцем, если сам Прохор отсутствовал. У старца откровения бывали

неожиданно, иногда прямо посреди ночи. Тогда он вскакивал и будил Прохора. Сейчас старец что-то диктовал Поликарпу. Прохор кашлянул и вошёл в проём двери.

– А, Прохор, заходи, заходи. Мы с Поликарпом разбираем важный вопрос: в какой день был распят Господь. Чтобы нам быть уверенными в дне пасхи, нашей пасхи – когда нам её праздновать.

– А разве не в тот же день, что иудеи празднуют? Господь наш с учениками ел пасху со всеми, четырнадцатого нисана. А на следующий день он был распят – в первый день опресноков, в праздничный день пятнадцатого нисана. Но… странно, что Павел преломлял хлеб с учениками в первый день недели после праздника опресноков. Значит, не с евреями…

– Дитя моё, ты спешишь. Бери пример с Поликарпа, он всегда сначала слушает. Вопрос не такой простой, он таинственный и очень богословский. Здесь основа новой мистерии.

– Учитель, но ведь мистерии – это у язычников, а мы живём верой.

– Лучшее нужно брать у всех, а худшее отбрасывать. Что нас изменит, как не таинство? Мы с тобой о вере уже толковали. Павел её чрезмерно превозносил, но вспомни наше Евангелие – вера твою природу не изменит. В ней нет ничего таинственного – увидел чудо – и поверил, не увидел – не поверил. Так-то.

– А я думал, верой можно горе сказать: сдвинься. И она сдвинется. И ещё вера – от слышания, от благовестия, как сказал Павел, а не от видения чудес. Наоборот, чудеса верой творятся.

– Вот, опять споришь. Мал ещё, а споришь со старцем. Уймись, дитя. Вера в Христа – она лишь ключик к рождению свыше. А рождение свыше – дверь, за которой мы преображаемся и становимся как боги. И это не от нас – *дух дышит, где хочет*, помнишь? Боги же творят чудеса. А вера, надежда и любовь – это проявления, пусть самые лучшие, но нашей человеческой природы. Главное же для спасения – это соединение двух природ во Христе. В нём человеческая природа таинственно обоживается и получает бессмертие.

– И как же мы в этом участвуем?

– Родившись свыше, мы можем есть его божество, его плоть, соединённую с человеческой жизнью, которая в крови. И оно нас меняет, обоживает. Эта плоть теперь имеет вид хлеба. Рыбаки об этом сказали, как о некоем поэтическом образе, когда описывали пасхальную трапезу Христа с учениками. А мы раскроем всё в точности, как всё по истине было. Зачитай, Поликарпушка – это после преломления хлебов рядом с Тивериадой.

Старец прикрыл глаза. Поликарп покопался в свитках. Он уже помнил всё, поэтому легко нашёл нужный, развернул и почти пропел: *Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть плоти Сына Человеческого и пить крови его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий мою плоть и пиющий мою кровь имеет жизнь вечную, и я воскрешу его в последний день*.

Старец приоткрыл глаза:

– Я верю, что эти слова будут частью нового богослужения.

Прохор прекрасно помнил этот стих. Он обсуждал его с Антонием.

– Это всё, как у Диониса. Когда вакханки едят плоть быка и пьют его кровь, они соединяются с Дионисом, с его божеством. Он был рождён от Зевса и девы, считают они. Его разорвали и съели титаны, когда он превратился в быка, потом он воскрес. Его тело было жертвой. А теперь быка поедают в таинстве язычники, чтобы обожиться. Я об этом у Еврипида читал, когда прислуживал в храме. И ещё там у них много древних свитков, – Прохор иногда выбирал для возражений старцу манеру туповатого простеца.

– Да нет же. У язычников, конечно, были прозрения об истине, которые они не поняли и исказили. Но оставим это. Мы говорим не о быке и жертве, а об агнце, о пасхе. Вспомните, детки, что Павел сказал о Христе: что он пасха наша, заклан за нас, а нас всех назвал опресноками. Но это, дети мои, не поэтический образ – это истинно так. Мы его плоть вкушаем по-настоящему, рвём зубами, когда вкушаем хлеб, и пьём настоящую кровь под видом вина.

– Я и говорю – точно, как в мистерии. А мы также истинные опресноки, как Иисус пасха? По существу, а не образно? – Прохор продолжал в прежнем духе, стараясь обострить спор.

– Нет, про опресноки – это, конечно, поэзия Павла. Думаешь, поддел старца? А про пасху он сказал в догматическом смысле. Нужно навыком развивать чувства, чтобы это различать.

– Учитель, Дионис ещё изображается виноградной лозой. Это истинно лоза или образ? – не отставал Прохор.

– Прекрасный образ. Думаю, и нам его стоит использовать. Жаль, что рыбаки не догадались, но у них вообще нет иносказаний. Они день и ночь были в море, а для образов нужна работа ума. Нам же это к месту. Мы уже много иносказаний нашли для Христа: хлеб, сшедший с небес; источник воды живой; пастырь добрый; дверь овцам; свет, Логос. Запиши, Поликарпушка, к той речи Господа, которая… перед его исходом: *Я есмь путь и истина, и жизнь*. Господь Иисус Христос…

Прохор вспыхнул:

– Но отче! Пётр в день схождения духа привёл другое: *Ты дал мне познать путь жизни*. Это обращение Иисуса к Отцу. Он сам – не путь и не жизнь. Отец дал это всё Иисусу.

Старец, сделав вид, что не слышит Прохора, продолжил:

– И, хотя многие образы пришли от языческих философов и идолопоклонников, не нужно этого бояться. Мы вложим эти образы в уста самого Христа о себе, и они освятятся. Вот ещё и лоза. Хвалю тебя, Прохор, твоя находка прекрасна. Поликарп, запиши слова Христа: *Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец мой – виноградарь*. Потом я хочу собрать эти прекрасные истины в одну большую проповедь Христа ученикам в Гефсимании. Он произнесёт её перед отходом к Отцу вместо тех стенаний и слёз, которые почудились рыбакам по их собственной человеческой немощи.

– Отче, – это уже Поликарп, покраснев, промолвил дрожащим голосом. – Но разве мы можем сами влагать Христу его слова? Разве это не страшный грех?

– Мы не связаны буквализмом, дети мои, не переживайте, что я многое как бы от себя говорю. Утешитель, Дух святой нам всё открывает. Берёт от Сына и сообщает нам. Мы и о Духе также скажем то, о чём рыбаки умолчали. Они и не слышали никогда об Утешителе. Для них Дух святой – это как настроение, или состояние, которое Бог придаёт их духу, чтобы они могли свято и искренне служить Богу. Для них дух – это явное присутствие Отца. А для нас Дух – это личность, это бог. Вместе Отец, Сын и Дух – Троица единая.

Поликарп сразу взял стило, но управлялся им медленно и неловко. Прохор проверил правописание. Всё было написано хорошо, грамотно.

Прохор не стал спорить со старцем. Он был огорчён явным отходом старца от единобожия. Прохор всегда считал, что дух – это то, что наполняет внутренние паруса человека, оживляет его волю и определяет направление его действия. И это легко понять – если человеком движет нажива, то говорят: в нём дух наживы. О святом духе Прохор всегда понимал так – если намерения у человека чистые, то говорят: в нём святой дух.

«Трудно всё это оформить словами, духовное убегает от словесных оков. Нужно опять посоветоваться с Антонием», – подумал Прохор.

XLIV

ВЕРА – ГОЛОС ИЗ БУДУЩЕГО, ОБРАЩЁННЫЙ К СЕБЕ

Левий лежал на койке и обдумывал события последних месяцев. Эксперименты продолжались без перерыва, почти ежедневно, иногда по многу часов. Ему разрешили проводить довольно сложные манипуляции, самому себе посылая информацию с использованием транскраниальной стимуляции ТМС и проверяя точность её восприятия. Встречный информационный поток снимался с помощь SQUID и передавался нейросети. Компьютер мог перерабатывать информацию по заданию пациента и возвращать её обратно в мозг.

После многочасовых перегонов информации из мозга в компьютер и обратно мозг перестал различать собственную и внешнюю обработку

информации и стал интерпретировать этот процесс как внутреннее подсознательное действие. Переход к автоматизму произошёл так же быстро, как это происходит в любой компьютерной игре.

При этом возможности выросли невероятно. В любой момент пациент мог произвести вычисления любой сложности, достать из памяти компьютера или из Интернета любую информацию. И всё это воспринималось как обычный мыслительный процесс. Интересно было увеличивать количество обращений к компьютеру в единицу времени. Постепенно терялось различие между обращением к своей памяти и компьютерной. Вернее, своя память вытеснялась, так как с ней оказалось порой работать менее удобно, требовалось больше усилий.

По мере слияния мыслительного процесса мозга и ИИ возникло предчувствие перехода, некоторого скачка возможностей. Появилось ощущение, что было бы удобно сбросить на компьютер трудные решения: делать – не делать, хорошо – плохо. Сергей Афанасьевич на этом этапе решил остановиться и осмыслить происшедшие с ним перемены.

Если так пойдёт, где будут воля?

Следующим шагом могла быть связь через компьютер с другим человеком и объединение в общую сеть. Если всё это ещё и квантово запутать, получится что-то вроде внешнего мозга с мгновенной связью между узлами.

Судя по всему, дух, или демон, толкал Сергея Афанасьевича именно к такому развитию событий. Интересно, он затаился и наблюдает или исчез навсегда? Было огромное искушение обратиться к нему, и одновременно накатывала волна страха при одной этой мысли.

Вечером зашёл навестить Александр. Он ещё больше погрузился в Преображенское братство. У них многие увлекались исихазмом. Сам Александр опять часами сидел с чётками, повторяя со вниманием Иисусову молитву и пытаясь остановить помыслы и обрести молчание ума. В помощники он взял дореволюционное издание «Добротолюбия» и «Записки странника…» Делатели Иисусовой

молитвы считали её способом преображения природы через соединение с божественным именем Иисуса, фактически евхаристией. У Левия появилось ощущение déjà vu: Александр опять, как много лет назад, пытался убедить его и себя в спасительности умного делания. Прежние неудачи он связывал с формализмом в молитве, с отсутствием сердечного внимания. Но Левий давно и окончательно решил, что исихазм есть попытка спасения техническим средством, практикой, упражнением, что является, по сути, глубоко антихристианским делом. А сердечное сочувствие без дел – ещё хуже мантры, так как приводит к тяжёлой прелести.

Страхов рассказал, что он несколько раз оказывался в состоянии изменённого сознания во время молитвы. Он описывал это как невероятное просветление и соединение с богом. Из этого состояния видится ничтожность обычного сознания, но после выхода из него невозможно понять и воспроизвести его в памяти. Остаётся только ощущение, что оно есть истинная жизнь. При этом просветление достигается только при внимательной молитве, когда молящийся искренне и от сердца произносит слова молитвы. Сергей Афанасьевич слушал, никак не проявляя своего отношения. Странно, что Александр всё забыл. Эти практики приводили к реальным открытиям, они открывали доступ к глубокому уму, но не к Богу. Поэтому они были так схожи. Кастанеда, колдун, называл молчание ума остановкой внутреннего диалога. Так же буддисты. Всё это физиология и анатомия нашего ума. Да, там есть загадки, особенно быстрый ум, но всё это внутри этого тварного мира. Как Александр мог забыть? Или никогда не понимал по-настоящему? Практики, любые, не дают выхода на небо. Они опираются на сделанное, а значит, на прошлое. Только вера – это дыхание из будущего, из ещё несотворенного нового неба и земли, это дыхание самого Бога в нас. Только она связывает нас с новой будущей жизнью, куда предтечей вошёл Христос. Вера – голос духа, устремлённого к цели.

Александр поинтересовался, как дела у Сергея Афанасьевича:

– Мне здесь нравится, это мой настоящий дом теперь. В соседней палате забавные ребята. Они как дети, их сестра так и называет: детки.

Детки, идём ужинать. Или: детки, кто пойдёт со мной убирать листву во дворе? И они тянут руки. Простые, бесхитростные, настоящие мои братья. Когда сестра зовёт с ней молиться перед трапезой, некоторые стараются перекреститься, но не могут повторить движение. Получается забавно. Они, конечно, не богословы, но видно, что верят искренне.

– Ты всё шутишь? Они несчастные и Бога не знают.

– По мне – так ещё как знают. Посмотрим, как каждый проявит себя. Скоро мир столкнётся с новой реальностью. Вернее, он уже с ней в тесном контакте. И никто не знает, чем это закончится.

– Ты о чём? О постмодерне и трансгуманизме?

– Ну, это уже давно с нами. Это в эсхатологии называется поклониться дракону, то есть признать власть и законы дьявола. Нет, я об иконе зверя.

– Я смотрю, на тебя влияет окружение. Ты в порядке?

– Да, вполне.

Александр решил сменить тему, подальше от той, что привела в это заведение немало пророков, мессий и антихристов:

– Я давно хотел обсудить с тобой евхаристию. Столько о ней написано, а понимания нет. Я вслед за тобой когда-то вылил язычество в канаву. Но там немало интересного. Таинство – без него вера пресная, рациональная. Она не зажигает… Всё-таки евхаристия – прежде всего мистерия. Иначе в ней нет смысла.

– Не думаю. Для меня евхаристия – это благодарение Бога за возможность спастись, то есть обрести свободу от рабства законам мироздания, от причин и следствий, алгоритмов смерти. Это воспоминание жертвы Христа, которая подарила нам веру в воскресение, вечную жизнь и благость Отца, и саму возможность общения с личностью, с Отцом. Мистерия же – это кровь язычества, его жизнь. Суть в том, что, в отличие от евреев, язычники знали Бога как силу, а не как личность. И искали поэтому не общения с Отцом, а соединение с силой, с энергиями. Но нет таинства выше, чем общение

личности с личностью в мире, где всё имеет причину. И где нет свободы.

– Опять ты о личностях, суть которых не ухватить. Вот логос – это понятно. Если есть логосы, значит, существует их связь с миром реальных вещей. И эта связь зовётся энергиями. Можно спорить о божественности энергий. Православие стоит на том, что эти энергии божественны, даже что они действия бога и даже что они сам бог, его излияние из трансцендентности в мир. Этот понятийный аппарат лучше раскрывает нам мир и указывает путь.

– Для меня есть только Отец. Про логосы, универсалии и прочую платоновскую и неоплатоновскую философию и средневековую схоластику я знать не хочу. А христианство – это духовная связь личности с личностью, личности с Отцом. И эта связь – любовь. Но прежде любви – вера. То есть сначала – доверие, потом – любовь, как в жизни.

– Но вера – это просто электрика, состояние думающей машины. Как это приблизит к спасению?

– Ты заблуждаешься. Вера только кажется одним из вариантов мышления о Боге, как бы настройкой компьютерной программы. Я уже говорил, что вера – это твой голос из будущего, обращённый к тебе самому. Это голос вечности, которым она разговаривает с нами. Личности и их отношения – вот настоящая реальность. Вера и любовь реальнее любой энергии. Философия настолько сформировала твою систему понятий, что ты не можешь мыслить вне её. Отбрось её и увидишь для себя много нового.

Поговорили ещё. Наконец пришла сестра и попросила заканчивать встречу.

Расстались, обнявшись.

XLV

ПРИТЧА ОБ ОДЕРЖИМОСТИ

Пётр Афанасьевич и Моисей Германович закрылись в кабинете. В бутылке осталось виски ниже этикетки. Пили безо льда.

– Ну что, Германыч, давай, надеюсь, не последняя.

Чокнулись.

Разговор, как обычно, начался с политики. Последней фразой о политике было:

– До развязки недолго.

– Наше дело сделать устойчивую связи ИИ и ЕИ, – отозвался Моисей Германович. – Надеюсь, успеем. Мы в одном шаге от решения.

– Как пациент?

– Очень удачный. Его за уши не оттащишь от интерфейса. Старается склеить мозги через ИИ. А заодно решает наши задачи.

– Получается?

– Врач не фиксирует больше МКБ-10. Бреда, галлюцинаций нет.

– Поехали, посетим наше будущее супероружие.

Приехали быстро по выделенке.

– Сергей, привет. Как ты?

– Да я неплохо устроился здесь. Всё как дома.

– А-а. Почему не звонил?

– Зачем? Я скоро буду посылать тебе смс-ки прямо из черепа. Жди.

– Ты что, увлёкся этим?

– Да у меня здесь целый мир. Новый мир расширенного сознания. Я пока его изучаю.

– Скажи мне самое главное про наш проект, чтобы я лично знал.

– Главное? Главное, это вдохнёт ли кто дух в икону зверя. Кто-нибудь, например, я. Я заражён некоей духовной сущностью. Она, наверное, во мне до сих пор… прячется, если Бог меня не избавил от неё

окончательно, как я просил. Ну, не я, так найдётся другой. Тогда будете иметь дело с ИИ, обладающим волей. Поначалу как с гибридом искусственного и естественного интеллекта: ИИ плюс ЕИ. Я думаю, это уже достаточно скоро. Пока, правда, электронное тело его ещё слабенькое, но вы двигаетесь быстро. Я увлёкся тут булевой алгеброй, топологией, теорией множеств и прочей интересной математикой и неплохо продвигаюсь благодаря дружбе с ИИ. Наверное, со временем мог бы вам помочь, да не буду.

– Почему?

– Я решаю свою локальную задачу – как мне стать свободным. А вы движетесь к рождению нового бога – не благого, как вы надеетесь. *Никто не благ, как только один Бог*.

– Ты считаешь, что в конце проигрыш?

– Да, я уверен в этом.

Поговорили о глубинном мозге как сингулярности. Храмов рассказал немало нового. Расстались под вечер.

Сергей Афанасьевич вернулся в палату, прилёг на кровать и стал размышлять. Кто или что этот злой дух, принёсший мне столько бед, отнявший Маргариту? На мне вина, но он подталкивал меня, едва заметно. А я не научился различать его движений.

Кто эти бесы – умные злые силы, имеющие свою волю, или они плод расщеплённого сознания? Сколько раз Сергей Афанасьевич задавал себе этот вопрос, а ответа так и нет. Это иная реальность, которую мы не уложим на разделочный стол под скальпель ума. Она познаётся по-другому.

Левий вспомнил, как когда-то – теперь, кажется, это было давным-давно – они со Страховым пытались разобраться, что есть бесы. Что он тогда знал об этом? Тогда казалось всё простым и понятным. Левий вытащил коробку с бумагами и долго копался, вытаскивая из неё пыльные тетрадки и отдельные листки. Наконец он нашёл нужную тетрадку и сел читать.

Отрывок из дневника С. А.

Александр помычал, покачался на стуле:

– Да, а как же другие духи? Они разве не могут быть личностями или хотя бы индивидуальными существами?

– Имеешь в виду ангелов, бесов? Дьявола? Сложно сказать, это отдельные существа или это наше второе я, или разум роя, – во мне проснулся Оккам с остро заточенной бритвой. – Но в беса, ходящего по свету как привидение, отдельно от человека, я точно не верю. Это язычество, пробравшееся в христианство.

– Феофан Затворник считал так же и спорил с Игнатием. Я думаю, бесы с телами, руками, ногами, но невидимые плотским зрением, пришли к нам из сказаний монахов-отшельников, египетских отцов, а к ним – из традиции дохристианского Египта, от анахоретов, поклонников Исиды. Бесы и боги являлись им в трансе, в состоянии изменённого сознания.

Страхов мог часами вести беседы о духовной брани – как монахи голодом, бдением, истязанием тела и повторением молитв вводили себя в особое состояние, которое сейчас называют состоянием изменённого сознания или гипнотическим, или трансом, или экстазом. Идя трудной дорогой исихазма к молчанию ума, они нередко оказывались в иной ментальной реальности, где видели ангелов и бесов. Традиция не прервалась, просто многие анахореты египетских пустынь поверили в Христа. Исиду древние язычники называли Царицей небесной, потом, после обращения в христианство, так стали называть Марию. Монахам являлись всё те же сущности, но с ликами Христа, Богородицы или святых.

Страхов явно закусил удила развивать эту тему, но я прервал его:

– Современное представление такое: бес – галлюцинация, неправильная работа мозга, глюк. Иногда это следствие злоупотребления модификаторами сознания, например, спиртом – тогда это называется белой горячкой. Если она с тобой частенько случается и без водочки, значит, у тебя шизофрения. Так считает медицинская наука. А как на самом деле? Я не знаю… Но, полагаю, если есть умные невидимые существа, то они носители какого-то злого

духа, который взаимодействует с нашим. И мы для простоты их самих называем духами.

– Давай не опускаться до атомов и физических полей. Всё-таки бесы реальны. Ты веришь Писанию? Иисус изгнал бесов в свиное стадо, и свиньи бросились в пропасть. Так? Если да, то признай: второе «я» нельзя изгнать в кого-то, тем более в животное.

Я кивнул:

– Рационалист скажет тебе: читай это как притчу, где прямой смысл не так важен. В остальных местах Библии бесы – это, скорее, аллегория, поэтический приём. Примеров персонификации в Библии море: писание поведало, камни свидетельствуют, кровь вопиет к небу...

– Не хочу я считать случай со свиньями притчей. Беснование – реальность, и от неё Христос избавлял страждущих.

– Будь по-твоему. Тем более что Иоанн Богослов в существование бесов не верил, а апостолы верили. А я всегда на стороне апостолов.

– Да? Ты о чём?

– В Евангелии от Иоанна нет ни одного случая изгнания бесов Иисусом. Там и само слово встречается только в одном контексте: фарисеи про Иисуса говорили, что в нём бес. А он отвечал: во мне беса нет. Звучало это, как рудимент языческого, народного сознания. Ни одного случая реального беснования и изгнания бесов у Иоанна не приведено. У него бесы – это суеверие, в которое верили иудеи. Но в реальности их как бы нет.

– Ну как я раньше не видел! Точно, – Страхов достал из сумки планшет и стал в нём копаться. – Так и есть. А у рыбаков Иисус посылал учеников по городам ради проповеди царства и для изгнания бесов. Это же… это же совсем иной взгляд на… на таинственное. Да уж, Иоанн ничего не оставил без внимания. Отдохни минутку, я тут поищу кое-что.

Страхов продолжил что-то искать. Это затянулось, и я стал проявлять нетерпение. Наконец Александр удовлетворённо хмыкнул:

– Хм. А ты прав насчёт суеверия. Я как-то нашёл одну книгу про Филона. Есть такой профессор дореволюционный – Монзолевский. Они тогда были весьма скрупулёзны, эти профессора. Так вот, я сейчас вспомнил интересное место из книги и нашёл в сети. И да, Филон считал бесов суеверием. Он пишет, что злые ангелы «существуют только в представлениях суеверного народа». Думаю, ты прав, и Иоанн так же считал, как Филон.

– В любом случае, нет разницы, существуют злые бесплотные существа, называемые бесами, или это психическое явление. Я полагаю, что если они и существуют, то в мир входят только через наше сердце. Они не бегают сами по себе, как в голливудских фильмах, и связаны, как сказано у Петра, *узами адского мрака на день суда*. Ад, кстати, по-еврейски «шеол» – всего-навсего могила, а не страшный мир с чертями. А в могилах, как ты знаешь, лежат трупы. Так что бесы всегда с одержимым – даже в аду-могиле после его смерти, и не имеет значения, отдельные они существа или плод расщепления сознания.

– На практике это не различить, ты прав. Но важнее здесь то, что Иоанн не согласен с апостолами! И очень согласен с Филоном.

– Да, Филон же – его учитель.

– А почему, как думаешь, бесы являются, когда точка сборки сдвинута? – Александр иногда для простоты и по старой привычке говорил на кастанедовском языке.

– Я думаю, в трансе нарушается граница сна и бодрствования. Сон ведь тоже состояние изменённого сознания, в нём мозг генерирует несуществующие события. Если почти не спать, как анахореты, то сон вместе с его персонажами рано или поздно продолжится наяву, во время бодрствования. Тогда граница двух состояний ума нарушается. Вот тебе и бесы, реальны они или только сон. Бдение – это способ сместить точку сборки.

Конец.

Сергей Афанасьевич отложил дневник. Забрезжил какой-то едва уловимый смысл, он сел, открыл тетрадь на чистой странице и записал, немного почеркав:

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ПРИТЧА ОБ ОДЕРЖИМОСТИ

Мальчишка родился, и с ним его брат.

Их вместе не видели с детства.

Лишь голос подал – Иди прочь, – говорят.

Храни Бог от такого соседства.

– Чем плох я?

– Где ты пропадал?

Где был ты, бесовское семя?

– Я с братом всегда, я его не бросал,

С ним вместе тащил его бремя.

– Нет! – тычут крестом,

Хоть прыгай в окно. –

Что стало причиной бедствий?

Я понял – нам имя досталось одно,

Мы делим одно наследство.

Я прыгал, рычал и решил: навсегда

Уйду искать лучшей доли.

А брат пусть останется, он без труда

Научится жить в неволе.

Скитался по диким безводным местам,

Полжизни провёл в пустыне.

В конце же пошёл приложиться к отцам

Под небом родным, синим.

С собою взял семь суровых друзей,

Придём, познакомлю их с братом.

Вот дом, и мой брат лежит на одре,

И дети сидят с адвокатом.

– Поздно пришли, он еле живой.

– И мы уж не в полной силе.

А через три дня легли под землёй

Все девять в одной могиле.

Так кто же ты, демон, захвативший некогда мой ум: это я сам, мой брат-близнец, прятавшийся во мне, или незваный гость? В любом случае, мне нельзя помогать строить для тебя новый дом, искусственный интеллект, и я не пущу тебя в него. Ты умрёшь со мной.

Глава 31

Четыре вопроса

Иисус после пасхального седера и воспевания псалмов пришёл с учениками в Гефсиманию и, оставив их, взял с собой троих и отошёл вглубь сада. Была глубокая ночь, после вина учеников клонило ко сну. Когда все уснули, Иуда отправился в дом первосвященника за стражей, чтобы привести её в сад и взять Иисуса. По дороге Иуда вспоминал седер.

Он едва не выдал себя, когда Иисус сказал перед последней чашей: не буду пить больше вина, пока не придёт царство Божие. Хотел укрепить веру учеников в то, что царство обязательно придёт? Так делают назореи, давая обет до события, которое, как они верят, обязательно наступит. Но Иуда не поверил ему. Как можно, после того позорного помазания?

Перед тем Иисус сказал, что один из двенадцати предаст его. Тогда Иуда спросил со всеми: не я ли? Иисус прямо не указал на него, но Иуда весь напрягся. Он всегда чувствовал свою обособленность, но особенно во время этой вечери. Иуда не был галилеянином, как все, и пришёл к Иисусу, когда о нём уже шла слава чудотворца. Ещё он никогда внутри не соглашался с Иисусом, когда тот учил: не противьтесь злому. Из всех учеников он один сочувствовал зелотам, и учитель знал это. Иисус не сомневался, что для Иуды мессия – только тот, кто освободит Израиль. Без свободы Израиля нет мессии. В вопросе, свобода Израиля или Иисус, выбор Иуда сделал давно.

«А вдруг он намекал на Петра? – подумал Иуда. – Ведь сказал ему: до утра трижды отречёшься от меня. Нет, этот не о Петре», – тот взгляд Иисуса при помазании миром головы не оставлял сомнений.

Всё-таки Иисус имел в виду его, Иуду. Ну что ж, раз и так доверия нет, будь посему.

Иуда споткнулся и едва не упал. Мысли сбились на другое: почему он сказал, что предаст один из двенадцати, обмакивающих в блюдо? Почему не сказал просто: кто возлежал со мной, один из двенадцати, предатель? На что он хотел указать? Иисус ничего не говорил просто так. Было холодно.

Иуде вдруг захотелось пропеть древнюю пасхальную песню «Четыре вопроса», чтобы согреться. И он запел, как поют в Иерусалиме, не на арамейском: *Чем эта ночь отличается от других ночей? Тем, что во все ночи мы едим квасное и пресное, а в эту ночь едим опресноки. Тем, что во все ночи мы едим разную зелень, а в эту ночь едим горькие травы. Тем, что во все ночи мы не обмакиваем нашей пищи, а в эту ночь мы макаем дважды. Тем, что во все ночи мы лежим и сидим, а в эту ночь мы только возлегаем за едой.* Получилось плохо, голос хрипел.

И тут неожиданно пронзила мысль. Ах, ну конечно же! С кем мы только ни возлежали за трапезами, и опресноки ели, и травы разные, а вот хлеб макали сегодня впервые. Двенадцать и учитель. Впервые с тех пор, как узнали Иисуса. Только раз в году макают хлеб, а ведь и

года не прошло... А кажется, полжизни уже вместе. Больше ни с кем Иисус не ел в праздник и не макал в общее блюдо за всё своё служение – только с нами. Так и есть, ближе нас для него нет никого. Это он имел в виду? Предаст некто из тех, кто ему особенно близок, кто делили с ним пасхального агнца. Он пытался так образумить меня?

У Иуды опять закралось сомнение, правильно ли он поступает.

Наконец он подошёл к дому первосвященника.

Народ собирался долго, охранники взяли мечи, остальные принесли колья. Иуда не стал отговаривать, хотя знал, что они не понадобятся. Впрочем, у Петра и Андрея тоже было по мечу. Наконец отправились. Луна была полной, всё вокруг было покрыто тонкой серебристой вуалью света. В саду тени деревьев и фигуры сливались, и было не разобрать, кто есть кто. Договорились, что Иуда подойдёт к учителю и поцелует его, чтобы в суматохе и при луне не перепутать его с учениками. Они могли быстро увести его и позвать помощь. Толпа остановилась чуть поодаль, и Иуда подошёл к Иисусу. Тогда подоспели и остальные и схватили его.

Иисус не думал сопротивляться, только Пётр выхватил нож. Но, послушав Иисуса, бросил его и бежал прочь с остальными учениками.

Пришли в дом первосвященнический, на малый суд. Иуда зашёл и встал вдалеке в тени колонны. В проём двери он видел затравленного Петра, греющегося у костра. Его явно не узнали – в саду было темно. Слушали обвинения. Ничего не находилось против Иисуса, и Иуда чувствовал себя победителем. Всё он рассчитал правильно, Иисус не собирался быть царём и брать власть мятежом. Может, он мудрец, но точно не мессия. А если не мессия, то зачем ходить за ним, словно овцы за пастухом? Наконец первосвященник, не вытерпев, спросил: «Ты ли сын Благословенного?»

Ответ Иисуса Иуда расслышал плохо, но по крикам понял, что Иисус подтвердил.

Как? Он решился назваться Христом? Иуда даже забыл о своём предательстве и от радости едва не крикнул: «Осанна!»

Меж тем всё закрутилось, началась толкотня. Послышались возмущённые возгласы:

– Так он себя богом объявил? На облаках во главе ангелов явится! Вы слышали?

– Да он язычник.

Что за сумасшествие? Что они говорят? Какой он язычник? Это же его обычный язык, образный и немного фантазии. Но чтобы вести народ, нужны и символы, и мечта. Что они говорят? Язычника народ не поддержит. Зачем? Зачем? Иуда сел на пол и схватился за голову.

– Повинен смерти, – вот и приговор. Нет, синедрион разберётся, там их семьдесят и один, и там Гамлиэль.

К утру собрался синедрион в северной части храма в палате из тёсаных камней, и вынесли решение: повинен смерти, как лжемессия.

Иуда прибежал в сад, схватил прикопанный мешок с серебром и бегом в храм. Ещё не все разошлись, первосвященник был в палате. Иуда вбежал и бросился к Каиафе:

– Вы же обещали, а сами осудили его. Вы помажете его на царство, и он освободит нас от Рима!

– Кто освободит? Он уже в претории и скоро будет повешен.

– Вот вам плата в сокровищницу. Пусть Пилат освободит его.

– Мы не можем просить за него Пилата, синедрионом он осуждён, как лжемессия.

– Но Пилат казнит его! Вы же знаете, что он...

– Он лжепророк и лжемессия. Ты сам убедишься, когда его распнут, и он умрёт на кресте. И не прилетит на облаках, как обещал.

– *Предал я кровь невинную.*

– *Что нам до того? смотри сам.*

Иуда бросил сребреники и выбежал вон.

– Пропало, дело жизни пропало. Я сам всё погубил. Всё напрасно, – Иуда повторял и брёл, не видя ничего вокруг, пока не пришёл в сад. Там нашёл верёвку и удавился.

XLVI

СЕКТА

Из рассказа Ирины Светлой.

Ирина Светлая долго присматривалась к Константину. Она женским чутьём уловила, что он умный, талантливый, но пока не заматеревший. Таких паучихи очень быстро ловят в сети и потом сосут, сосут из них жизнь. Они раздуваются, их брюшки становятся большими, жирными, а острые глазки всё время следят за добычей. Их у них аж восемь, чтобы добыча не убежала. А добыча чахнет, пока не умирает, лишённая жизненных сил. Но, слава Богу, Константин был ещё здоров и свободен.

Они встретились. Светлая порхала вокруг него как бабочка. Они ходили в кино, театры, бегали по утрам. Она брала Константина на вечеринки. Но он часто уклонялся, и вскоре она увидела, что сеть, в которую он попал, была иного рода. Главным его интересом было некое братство. Оно называлось Преображенским. Светлая притворилась, что ей ужасно интересно, и стала туда регулярно ходить с Константином. Спустя время она стала кандидатом в братство.

Собирались в большом загородном доме, на даче одного из преображенцев. Дом был деревянный, кругом росли сосны. В братстве в основном занимались чтением Писания, особенно Евангелия от Иоанна, пели псалмы и служили литургию по воскресеньям по какому-то странному и, кажется, старинному обряду. Она плохо в этом разбиралась, но и так было ясно, что одежды, пение и гимны отличаются от православных. В обычные дни приходило не так много народу, в основном пили чай, беседовали, спорили,

обсуждали статьи или книги. Время от времени пели псалмы или вместе молились. О политике и экономике почти не говорили.

Ей не понравилась атмосфера притворной любви, которая там царила. Культивировалось деление людей на тех, кто внутри и кто снаружи, при этом сектантов не смущала ничтожная численность братства. Если супруг или супруга члена братства не принимали учение, то желательным выходом считался развод. В братстве был старший, который жил на даче и следил за сборами. Светлая стала обдумывать план спасения Константина, но ей не хватало опыта. Она решила пока найти союзников и завоевать авторитет.

Среди членов братства были весьма интересные и умные, сотрудники всяких НИИ и академических институтов, художники, преподаватели, студенты – интеллигенция, одним словом. Один из них, уже немолодой художник, держался слегка в стороне от остальных. Его звали Александром.

Константин в соседней комнате разучивал какие-то стихиры или псалмы. Светлая не любила петь хором и не пошла с ним. Она решила познакомиться с Александром и завела разговор на темы, связанные с мышлением.

Александр живо отозвался, и у них завязалась беседа, к которой постепенно подтянулись слушатели. Говорили о состоянии изменённого сознания как источнике мифов и религиозных традиций, мистерий и ритуалов.

Чувствовалось, что Александр посвятил этой теме немало времени и многое испытал на практике. Светлая больше слушала, ей было интересно. Она заметила только, что такое состояние – это не исключение и не выпадение из нормы. Бывают состояния изменённого сознания, которые нам очень нужны, например, понимание при обучении или сон.

Александру это показалось очень интересным, и он спросил:

– А зачем мозгу вообще это изменённое состояние – я имею в виду не искусственно вызванное, а естественное, типа сна?

Светлая посмотрела на него и почувствовала, что может наконец заполучить союзника в этом странном клубе-братстве:

– А-а! Есть такая гипотеза. Мозг перепрошивается ночью, как телефон. Днём он работает медленно, потому что записывает и анализирует последовательный ход событий с той скоростью, с которой они происходят. Это всё в коре, на поверхности мозга. Многие считают, что человек корой мыслит – там всё пространственно разделено, как на карте планеты: здесь слуховая зона, а здесь словесная, чуть не до каждого слова и т. д. Но это пространственно-временное устройство коры необходимо лишь для участия в текущих событиях: чтобы отражать вещи и события во времени и анализировать их причинно-следственные связи. Это медленное, алгоритмическое мышление. По сути это – нейросеть. Я встречала людей, у которых проявлено только оно, но они исключение. Днём этот ум полностью исчерпывает свою ёмкость. Ночью из медленного ума всё погружается в глубинный быстрый ум, который иногда связывают с правым полушарием. Его называют ещё подсознанием, потому что он явно не проявлен. Состояние этого быстрого ума, как единого квантового объекта, описывается волновой функцией. У него безумно много квантовых состояний. Это позволяет быстро мыслить, преобразуя один образ в другой одним действием, оператором, как в квантовой физике.

– Мозг, по-твоему, может описываться как квантово-механический объект?

– Да, только огромный. Это абсолютное исключение в нашем мире. Если в объёме мозга посмотреть напряжённость электрического и магнитного поля, то получим устойчивую 3d структуру поля с большими перепадами напряжённостей на расстояниях в нанометры. Ведь мозг – это сеть заряженных разветвлённых мембранных структур. Толщины мембран таких размеров, что квантовые эффекты на них работают. Но эти квантовые ячейки, нейроны, составляют одно целое, они соединены в сеть, как запутанные кубиты. Получается макрообъект, но подчиняющийся квантовым законам.

Александру явно понравилась идея:

– Ну хорошо. Интуитивно понятно. Хотя всё это немного похоже на ахинею. А что происходит после погружения в глубину?

– После такой прошивки информация обрабатывается почти мгновенно и так же мгновенно может доставаться из памяти вне зависимости от времени записи, и она переосмысляется в единстве со всем иным знанием. Она после погружения не хранится в конкретном месте, а вместе с прочей информацией формирует квантовое состояние этого огромного конгломерата запутанных кубитов. Потому утерянная информация полностью не исчезает и может воспроизводиться при повреждении мозга – она распределена, но не в отдельных нейронах, а во всей этой сети. Читали, наверное? Были такие случаи, когда большая часть мозга повреждалась, а человек оставался жив и потом быстро восстанавливал память.

– Да, помню. Одному рабочему в XIX веке во время взрывных работ пробило ломом мозг навылет. Так он ходил потом и зарабатывал тем, что вставлял в голову этот лом на глазах изумлённой публики.

– Ещё много примеров всяких.

– Ирина, скажи-ка, это ты сама додумалась? Ты разве физик?

– Ну что Вы, это не мое. Есть один интересный персонаж, Штайнер её фамилия. Так вот почти всё это она мне втолковывала. И терминология её – мне понравилось, и я запомнила. Образно так. Она очень, очень умная дама.

– Ты знаешь Штайнер? Вот это да! А Храмова Петра Афанасьевича?

– Он как-то принимал участие в весьма интересном семинаре. И всё.

– Боже, как мир тесен. Ну что же… Мне пора. Было приятно….

Александр ушёл. Ирина никак не могла взять в толк, зачем он здесь? Зачем Александру нужна эта гностическая секта? С Константином понятно, он ещё почти ребёнок, как и любой мужчина до тридцати. Но этот, вполне трезвый и взрослый человек? Ирина побежала в комнату, где пели, и буквально вытащила Константина. По дороге она расспрашивала Константина про Александра. Оказалось, они дружили. У Светлой, наконец, стал вырисовываться план спасения друга.

Глава 32

Жертвенный нож

Старец Иоанн переживал, что в прошлый раз так и не поговорили о пасхе. Это потому, что Прохор стал совсем неуправляемым, проявляет неуважение, спорит. Куда делся любопытный, доверчивый мальчуган? Это возраст… Со всеми бы ему подраться. Но временами смиряется и слушает, как ни в чем не бывало.

– Дети, – старец решил вернулся к вопросу о пасхе. – Если Христу было угодно стать для нас пасхой, то неужели он не совершил бы это в точности по закону? Так, чтобы комар носа не подточил? Ведь закон определял, как совершать пасху, чтобы она была угодна Богу.

Поликарп, преданно смотря в глаза старцу:

– Истинно так, учитель. Истину Вы говорите.

– Я не понял, отче, зачем Христу соблюдать закон, принося себя в жертву? А поговорка про комара мне понравилась. Откуда она? – спросил Прохор.

– Это я от скифа одного услышал, беглого раба. У них там комары повсюду, как воздух.

Старец сделал серьёзное лицо и продолжал:

– Видите ли, детки. У рыбаков ведь как дело подано? Иисуса осудил синедрион, то есть высший суд, и его повесили на древе. А что это значит?

– Не знаем, отче, – одновременно выпалили Поликарп и Прохор.

– А значит это, что Иисус по закону проклят, о чём и Павел не преминул напомнить, назвав Христа проклятием (κατάρα) вместо нас. А разве пасха, агнец Божий может быть проклят? Мы же Его вкушаем, и преображаемся им, соединяемся с божеством, вкушая его. Проклятое отделено от божества, а не соединено с ним.

– Но ведь он взял на себя грех мира. Вы и сами диктовали мне: *вот Агнец Божий, Который берёт грех мира*. Если говорить о нём, как о жертве, то это… Может, это жертва за грех, а не пасха? Или и то и другое, всё вместе… Не вижу в законе одного названия. Так, отче?

– Всё равно, пасха или жертва за грех, эта жертва свята. Итак, как, по-вашему, допустил бы Отец такой суд, который оскверняет жертву Христа?

– Конечно, нет, – выпалил Поликарп.

– Отче, я верю, что Отец не был согласен с решением синедриона. Но это не значит, что Он такого решения не допустил и оно не состоялось.

– Господи, Прохор. По-твоему, Бог не властен над происходящим и никак ни во что не вмешивается? Да не саддукей ли ты случаем?

– Что Вы? Напротив, я просто верю, что Отец отменил решение судей тем, что воскресил Иисуса.

– Прохор, ну что ты умничаешь? Бог дал закон и установил суд, а потом поступил против суда? Немыслимо, чтобы такое решение вынес суд человеческий. Если Сын сам пошёл на смерть, то пасха свята, а если его послал на смерть суд человеческий, то проклята, как мы уже разобрали. Не люди определяют жизнь и смерть Сына. Наша пасха заколалась по воле Отца и по воле Сына, который одно с Отцом и который сказал: «*Потому любит меня Отец, что я отдаю жизнь мою, чтобы опять принять её. Никто не отнимает её у меня, но я сам отдаю её. Имею власть отдать её и власть имею опять принять её».* Такие слова я слышал не от человека и не чрез человека, а от Духа святого, от Утешителя. Синедрион не собирался для суда над Христом, запомни! В нашем Евангелии никакого суда не будет, аминь!

Старец задумался и прикрыл глаза, как, бывало, перед диктовкой. Чётки задвигались. Прошло с полчаса. Наконец он открыл глаза и сказал:

– Суд Пилата ведь тоже был не в его власти. Мы так и запишем.

И стал диктовать:

– *Пилат говорит Ему: мне ли не отвечаешь? Не знаешь ли, что я имею власть распять тебя и власть имею отпустить тебя? Иисус отвечал: ты не имел бы надо мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; посему более греха на том, кто предал меня тебе*.

Прохор ждал, пока Поликарп всё тщательно запишет, но сдаваться не собирался:

– А как же апостолы? Они свидетельствовали, что Иисуса приговорили к смерти на суде с соблюдением всех правил. Поначалу не находили ничего против Иисуса, отклоняли ложные свидетельства и не могли принять решение, пока первосвященник прямо не спросил его: ты ли Христос, сын Божий? Им нужен был суд, чтобы убедить народ.

– Дитя моё! Допускаю, что они заседали на совете и решили убить его. Но это не был суд, как написали рыбаки. Они опять напутали – не знали этих судебных тонкостей. Я думаю, совет состоялся раньше, не перед казнью и без Иисуса. А без обвиняемого приговор не выносится по закону Моисея. Значит, решение этого совета не подводило Иисуса под проклятие. Всё по воле самого Сына произошло.

– Простите, старче. Я не спорю с вами – совещание было. Евангелисты упомянули его: фарисеи и первосвященники совещались, как убить Христа. Но и суд утром перед казнью был.

– Нет, суда не было! – Отрезал старец. – Это факт. Наша пасха чиста и непорочна! Ты что, не знаешь, сколько приписано писаний апостолам, сколько выдумок всяких? Мы должны проверять каждое слово на соответствие высшему смыслу. А иначе запутаемся и мы, и тем более простецы, которые уверовали в Христа.

Беседа перешла постепенно в спор ученика с учителем. Старец старался быть сдержанным и мирным, но присутствие Поликарпа расстраивало его. Прохор стал упрям и уже не выглядел безропотным слушателем и держался своего. Никак старец не мог развернуть его в сторону любомудрия от излишнего упрощения. Ну что же, останется простецом. Бог не взыщет с него за недостаток ума – так старец

успокаивал себя и так объяснял Поликарпу излишнюю ершистость Прохора.

– А когда его взяли, куда повели? – спросил Поликарп старца.

– Отвели, конечно, к Анне. Анна спросил его об учениках и об учении. Но Иисус сказал, что обо всём говорил явно, так что пусть спрашивает слышавших. Тогда Анна отправил его к Каиафе, а тот на суд Пилата. Никто синедрион поутру не собирал, и суда не было. Это очевидно, – старец говорил так уверенно, словно везде присутствовал лично.

Он замолчал, чётки быстро забегали в его руках. Прошло немало времени, так что ученики явно устали и начали посапывать и клевать носом. Старец приоткрыл глаза, приказал Поликарпу писать и начал диктовать нараспев:

– *Тогда первосвященники и фарисеи собрали совет и говорили: что нам делать? Этот Человек много чудес творит. Если оставим его так, то все уверуют в него, и придут Римляне и овладеют и местом нашим, и народом. Один же из них, некто Каиафа, будучи на тот год первосвященником, сказал им: вы ничего не знаете и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб. Сие же он сказал не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрёт за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино. С этого дня положили убить Его.*

Поликарп так погрузился в письмо, что раскачивался словно змея под чарами факира, ничего больше не видя и не слыша, кроме голоса старца.

Старец обратился к Прохору:

– Это не был суд – ведь Христа на нём не было. И видишь, даже мысль об убийстве Христа пришла первосвященнику не сама по себе и не от дьявола, а была ему внушена Богом.

– Отче, но ведь это Вы сами продиктовали. Откуда Вы узнали? Отец внушил убить Сына?

– Я говорю это тебе не от себя, но от Духа святого. Даже у рыбаков в их писаниях чашу смерти Христу даёт испить Отец. Это Его воля и воля Христа!

– Учитель, если некто полководец спасает город от нападающих, то отец благословит сына-полководца идти на стену, зная, что он там умрёт. Он благословит его принять смерть ради спасения многих. Но не отец посылает вражеское войско на город. Это не воля отца – убить сына. Не было воли Бога направить убийц к Христу. И Христос не хотел своей смерти, а просил: да минет меня чаша сия.

– Почему тогда всё случилось? – это уже Поликарп не выдержал.

– По злой, но свободной воле священников и фарисеев и всего народа. Сын исполнил на деле своё учение: не противься злому и не стал силой утверждать свою правду и власть. А Отец не отвратил чашу, но позволил состояться неизбежному. Если Бог подарил свободу воле человека, а они направили её на зло, так что? Их воля – это не воля Отца. Но эта злая воля ничего не изменила: Христос жив, а мы увидели свет воскресения.

Лампада почти погасла, и говоривших едва было видно. Старец казался обиженным и молчал.

– Умер достойный воскресения, – сказал Прохор. – Убийство Христа – это не воля Отца. Воля Его в том, что Христос жив.

Прохор чувствовал странное молчание старца, но продолжил, прикрыв глаза:

– Бог не подстраивал события так, чтобы жертва Христа совершилась в соответствии с законом. Все законные жертвы – это только тень жертвы Христа, а не наоборот. Тень отбрасывается телом, а не тело тенью.

Прохор посмотрел на старца, но оказалось, что он уже вышел под навес и что-то говорил Поликарпу. Прохор смутился, что так увлёкся своей речью.

Старец позвал:

– Прохор, пойди сюда. Нужно сходить в лавку за мукой, чтобы спечь лепёшки к трапезе. А мы пока с Поликарпом запишем, что наметили.

Прохор вышел, а старец с Поликарпов вернулись в келью. Прохор решил пока не уходить, а послушать снаружи. Старец обратился к ученику:

– Видишь, радость моя, как трудно истина пробивает себе дорогу. Так вот, продолжим. Если Христос – пасха наша, то в какой день положено её приготовлять, то есть заколать?

– Как говорят иудеи: после дневного тамида четырнадцатого нисана, но до захода солнца. И есть её нужно в тот же вечер, перед праздником.

– Именно. И что это значит? А ничто иное, как то, что Иисус умер не так, как написали рыбаки, и не в праздник пятнадцатого нисана. Думаю, заклан он был на кресте в день приготовления пасхи четырнадцатого нисана. И потому не мог сам есть пасху. Это странно было бы – ему самому есть её. То есть себя…

– А-а, потому что он сам пасха?

– Так и есть, дитя моё. Рыбаки много написали о пасхальной вечере, которой не было на самом деле. Он там якобы заповедал преломлять хлеб в его воспоминание. И чашу завета дал пить… Будто был некий завет в его крови.

– Отче! Не было завета?

– Не было. Неужто наш Господь, Слово, сшедшее с небес и давшее нам жизнь, родившее нас и давшее нам в пищу тело и кровь, есть посредник какого-то завета?

– Но, батюшка, апостол Павел…

– Ээ-эх, Поликарпушка. Это была самая обычная трапеза тринадцатого нисана. На следующий день римляне повесили Христа. И он был на кресте, когда евреи приготовляли пасху. В храме в это же время заколали агнцев. А до захода солнца Господа закололи копьём воины в

сердце, и кровь вышла из раны. Кровь агнца должна была пролиться на землю по закону.

– Так была приготовлена пасха для нас? Одновременно с еврейской?

– Да. И праздновать мы её будем в одно с ними время. Какая же это пасха, если кровь агнца не пролита на землю и, если его убили не в день приготовления, а после? Так жертвенного агнца не готовят.

– Но заколол пасху не священник, а воин копьём… – Поликарп смотрел на старца испуганными глазами.

– Этот воин, его копьё – это орудия проведения. Они жертвенный нож, а священник лишь образ самого бога, приносящего себя в жертву нам. Мы создадим мистерию, где всё будет иметь таинственный смысл. Многие сейчас просто преломляют хлеб, да и мы тоже, по бедности. Нам нужно маленькое серебряное копьё, по образу того, настоящего. Мы им будем прободать хлебную просфору, которая и есть само тело Христа. Понял?

– Не очень, старче. Мы что, будем закалывать хлеб на евхаристию? Как колдуны?

– Что ты, Поликарпушка, совсем запутался, дитя моё. Господь разъяснил, что значит есть его тело и пить его кровь. Он есть *хлеб, который сходит с небес и даёт жизнь миру*.

– Но это не мы Христа убиваем? Так ведь? Не мы?

– Нет, повторяю тебе. Священник, приносящий жертву, – это только образ Христа бога. Слово задумало отдать своё тело за жизнь мира, отдать тело своё нам в пищу. А священник с копьём, молитвы, вот эта землица из тех мест, которую мне принесли братья наши, всё это таинственно связывает нас Голгофой во время мистерии, время исчезает, и мы становимся участниками великого таинства. Понял? Мы в мистерии реально, духом переносимся туда, где готовилась пища. Она готовилась там, но благодаря мистерии сходит к нам вне времени в таинстве преломления хлеба. А своими плотскими очами ты видишь лишь меня с чашей и хлебом.

Поликарп уставился на старца и не шевелился.

– Ну что ты, Поликарпушка, очнись.

Поликарп тряхнул головой, словно сбросил невидимое покрывало, и спросил:

– Отче, но кто может совершать таинство?

– Те, кто получил особую благодать духа.

– А от кого получил? Кто они? И что за благодать?

– Это главное, что передали нам рыбаки, которых избрал сам Господь. Не их сказания… Гх-гх, о них ты уж не раз слышал. Главное – это благодать духа, полученная ими от Христа. Рыбаки потом через рукоположение передали её некоторым из рождённых от духа. А те дальше, и так до наших дней. Это особая благодать для совершения таинств. А все рассказы рыбаков, трапезы в его воспоминание… Пустое.

– Я запутался, отче.

– Тебе пока не понять. Потом поймёшь, а пока прими верой.

Поликарп посмотрел в свиток, который взял для записи.

– А что это за трапеза была тринадцатого нисана?

– Господь в этот день принёс свою главную жертву.

– А разве не на кресте? Где он страдал за нас.

– Поликарпушка, вот и глупость сказал. Разве Слово страдает? Как думаешь, велика ли жертва для бога сменить одежды с одних на другие? Он ведь творец тел наших.

– Думаю, это совсем не жертва. Ведь бог ничего не теряет.

– Так, дитя. А если бог унизится перед рабами, будет ли это жертва?

– Думаю, да, великая жертва.

– Тогда пиши, – старец по обыкновению прикрыл глаза и несколько минут молился. А потом начал диктовать нараспев:

– Перед праздником Пасхи Иисус, зная, что пришёл час его перейти от мира сего к Отцу, явил делом, что, возлюбив своих сущих в мире, до конца возлюбил их. И во время вечери, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искариоту предать его, Иисус, зная, что Отец всё отдал в руки Его, и что Он от Бога исшёл и к Богу отходит, встал с вечери, снял с себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался. Потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан.

Поликарп закончил записывать и поднял глаза на старца:

– А зачем он им мыл ноги?

– Ты что же, записал и не понял? Бог этим проявил свою наивысшую любовь, принёс величайшую жертву: не только на кресте и не только, когда позволил воинам бить себя, но в горнице, где, послужив рабам, омыл ноги ученикам, как последний служка. Этим он, возлюбив своих сущих в мире, до конца возлюбил их. Ради нас сначала умалился, воплотился, снизошёл до нашего ничтожества, чтобы соединить две природы. Вот в чём Его жертва.

– А зачем же он на крест пошёл?

– Как же, Поликарпушка? Ежедневно читай наше благовестие, нами писанное, чтобы мыслить правильно. Помнишь ли, что Господь сказал: *иду к Отцу*. Он мог бы и не идти на крест, но взойти на небо, откуда пришёл и где пребывает. Но если зерно не умрёт, говорит, то останется одно.

– А-а, это чтобы мы поверили и пришли к нему.

– Да, чтобы уверовали. На кресте он показал нам, что убить того, кто свыше, невозможно. Рождённый свыше, умирая, остаётся жив и восходит на небо в обители. Как и само воплотившееся Слово взошло, так и мы вслед ему.

– А-а…

– Его тело на кресте превратилось в хлеб, который мы преломляем теперь каждодневно. Кровь его, жизнь его человеческая, вышла …

когда копьё вошло в рёбра и на кресте осталось то, что сошло с небес. Потому и записано нами, что князь мира сего идёт и не имеет в нём ничего. А рыбаки думали, что его жертва в страдании, – это по наивности, конечно. Потому мы и будем теперь закалывать просфору на праздник, этим мы не приносим страдание Христу. Этим мы приготовляем себе божественную пищу, как на кресте.

– Простите, отче. Это обычное тело, такое, как у нас… висело на кресте?

– Это таинственная вещь. Оно и жертва, и хлеб с небес. Только в нём не было ничего от этого мира, и князь мира сего ничего не мог взять. Потому что кровь, жизнь этого мира, жизнь человеческая излилась из него на землю. И остался хлеб. И этот хлеб есть также плоть. Но плоть божественная.

– А как же преломление хлеба? Я читал у Вас… Это было ещё до креста.

– Для пяти тысяч? В таинстве всё вне времени совершается. Порядок времени не важен. Время – тварь, как и расстояние, как и стены. Они для бога ничто.

– А-а? Так он для пяти тысяч преломлял не просто хлеб? А… своё тело?

– Да, дитя. Ты уже и сам видишь.

– Отче, а почему Господь омовение ног выбрал, чтобы послужить ученикам? Мог бы… что-то другое... пищу приготовить. Или ещё что…

– Он и приготовил им рыбу, но позже, на озере. А здесь… Они были ритуально чисты, как Иисус и сказал им: *Вы чисты*. Но священники, хотя и чистые ритуально, омывали руки и ноги перед входом в скинию. Так Иисус сделал апостолов чистыми для служения, какими должны быть священники. Это начало нашей новой мистерии, нового священства. Он так и сказал Петру: *Если не умою тебя, не имеешь части со мною*. Вот и представь, что важнее всего для спасения!

– А Прохор меня учил, что больше нечистоты внешней нет. Только та, что в сердце. А сердце очищается Богом, если мы Его любим. А вы

говорите – ноги. Это что, тоже символ, как и в законе Моисея? Разве обрядом можно очистить сердце?

– Радость моя, детка. Помнишь, ты спрашивал, кто может совершать таинства? Имеющие благодать священства, они могут! Слушай своего старца. Я твой учитель, Прохор ещё молод учить. Ему бы самому разума набраться.

– А-а. Вот теперь всё ясно, отче, – Поликарп смотрел на старца влюблёнными глазами.

Старец ещё надиктовал, что Христос на вечере, обмакнув хлеб, подал Иуде, и в того вошёл сатана. Поликарп испугался, что сатана вошёл с хлебом из рук Христа. Но старец объяснил, что предательство Иуды – это промысел Божий. Бог не зависит от человека, от его предательства. Поликарп потом нашёл отрывок, написанный ещё рукой Прохора, и торжественно зачитал его для старца: «*Потому любит меня Отец, что я отдаю жизнь мою, чтобы опять принять её. Никто не отнимает её у меня, но я сам отдаю её».* Старец напомнил, что и Пилат поступал так, как было *дано ему свыше*. И это прочли.

Потом старец надиктовал, что Иисуса убили до пасхи: *От Каиафы повели Иисуса в преторию. Было утро; и они не вошли в преторию, чтобы не оскверниться, но чтобы [можно было] есть пасху.* И ещё про тот день: *Тогда была пятница перед Пасхою, и час шестый*. Рыбаки, сказал старец, ошиблись и написали, что пасху ели до того, как Христа привели в преторию.

Прохор всё это слушал, прильнув к двери. «Старец диктовал, что они обмакивали хлеб. А хлеб обмакивают не на тринадцатое нисана, а в ночь на пятнадцатое. И больше никогда в году. Этот обычай старец, конечно, не знал и допустил ошибку. Вот и нет мистерии», – подумал он про себя и улыбнулся. Прохор узнал об этом еврейском обычае случайно, когда был в синагоге с Димасом.

Прохору хотелось ещё послушать, но нужно было успеть за мукой, и он побежал в лавку.

Глава 33

Синедрион или Лифостротон

Народ собрался на площадь перед судейским местом. Был праздник, 15 нисана, второй день опресноков и день приготовления к субботе. Вчера до захода солнца все готовили и ели пасху. Иисус был уже в претории. Стоял гул, обсуждали происшедшее. Дальше от претории толпа была менее плотная и более рассудительная:

– С утра заседал синедрион и признал назорея повинным смерти.

– А кто им даст исполнить решение? Камни римляне запретили.

– Так его приговорили повесить на древе, как лжепророка.

– Ну и кто даст повесить?

– Так сами римляне и повесят на крест. Только будут думать, что убивают бунтаря против кесаря.

– А-а, вот они каковы, наши мудрецы! Научились убивать руками римлян. Но Пилата не обманешь, говорят, он хитёр, как лис.

Пришедшие из Галилеи стояли особняком вдалеке и молчали. Они привыкли, что Иисусу оказывали уважение, и были подавлены происходящим. В претории произошло движение, и народ мгновенно смолк. Все взоры обратились к помосту с седалищем Пилата. Через минуту всё загудело ещё громче, воздух был переполнен криками, руганью, спорами.

– Суд решил. На суде разобрали дело. Значит, так и есть.

– С судом не поспоришь. Всё по закону.

– А-га, по закону! Как же! Да в синедрионе одно начальство, и все их мысли – о деньгах и должностях.

– Зачем клевещешь? Гамлиэль бы не допустил беззакония. В синедрионе – уважаемые люди. Они бы не стали молчать.

– Закон либо во всём соблюдать, либо отменять и жить по римскому праву.

– Да ты что? Тише ты.

– А что. Прелюбодействуют открыто. Таких по закону нужно камнями... А во внутреннем дворе торгуют животными. А сколько их уже живёт по-эллински. Ну и что? Кого осудили?

– Так для римлян это не преступление. Они не позволят!

– А я и говорю. Закон Моисея не действует. Теперь законодатель в Риме, и сила у него. Может, время закона прошло?

К разговору присоединился странно одетый и совершенно рыжий паломник из Антиохии:

– Я слышал, Иисус не соблюдал закон, чтобы показать, что от закона нужно взять главное, – смысл, а не букву. То, что можно иметь в сердце, а не в свитках. Но его не слушает никто, все боятся нарушить мелочные правила. Ну а когда невозможно исполнить закон даже в главном, говорят: что поделаешь, не вина, мол, человека.

– А ты кто, из книжников? Одежда у тебя, не как у наших.

Рыжий, кажется, не услышал:

– Когда закон соблюдается там, где выгодно, а в остальном нет, это произвол и хуже беззакония.

– О том и речь, – поддержал рыжего лысый коротышка.

– Где хочу, там исполняю. Разве это закон? Фарисеи и священники стараются придумать побольше правил, которые можно соблюдать, – про десятину и прочее. А где римляне им запретили, стараются молчать. Всё толкуют, как соблюсти, не соблюдая. Одно лицемерие развилось от такого положения.

– Ну и как победить это?

– Сначала понять. Без этого ничего не сделать. Это им Иисус объяснял, а теперь и его убьют. Что ещё нужно, чтобы увидеть: закона больше нет.

Видно было, что вышел Пилат и что-то говорил к народу. Раздались крики: Варавву, Варавву.

– Неужто Варавву просят отпустить? Убийцу?

– Вот о чём и говорю! Суд по форме – правый, а по совести – лживый.

– Этот никого не убил, а отпускают убийцу. Это что же, римляне помешали закон соблюсти?

Народ возле претории распалялся. Все громко кричали:

– Распни его! Распни!

– Опозорил народ.

– Назвался машиахом, спаси себя и нас.

– Язычники думают, что повесят царя иудейского. Позор нам.

– Какой он царь?

– Будешь висеть, как удавленина.

– А мы ему Осанну пели. Тьфу.

– Обманул нас, Бога нет с тобой.

– Да мы лучше сами тебя убьём.

– Не дадут. Но Бог всё видит. Пусть кровь твоя на нас будет.

– Смоем позор его кровью!

– Как мы могли поверить ему?

– Обманщик! Всех обманул!

– Будь ты проклят!

– Самозванец!

Те, что стояли поодаль, приблизились к толпе, пытаясь увидеть Иисуса. Несогласные и неопределившиеся по-прежнему стояли небольшими группами. Они почти кричали, чтобы услышать друг друга за гулом толпы:

– Это об Иисусе! Требуют его распять. Недели не прошло, как кричали «Осанна». И встречали как мессию…

– Первосвященники убедили всех, что он лжепророк и лжемессия.

– И как же?

– Все на суде слышали, как он сказал: явлюсь на облаках. Как языческий бог.

– Не верю!

– Так и есть. Он сам подтвердил, что он сын бога.

– Каиафа, говорят, по наитию свыше спросил: а может, ты сын Благословенного? Его так язычники называли, из которых он бесов якобы изгонял. А он взял и принял их поклонение, признал себя сыном Бога. Ещё и добавил: приду, говорит, на облаках, увидите меня. Так Каиафа от радости одежду разорвал.

– Бесноватые? Кто их слушает? А разве в псалме не сказано: *Ты сын мой, я ныне родил Тебя?* Мессия – он сын Божий, хотя и человек. А если Иисус и есть мессия?

– Ага. А кого слушать – рыбаков неграмотных из Галилеи? Да они и на праздники не приходят, и верят всяким басням про чудеса. Если он и вправду спасал других, себя уж точно спасёт.

– Ну, так начальство и говорит: пусть, мол, сойдёт с креста или Бог Илью пошлёт, раз он мессия, и тот снимет его. Ещё говорят: если мы ошиблись, Бог не допустит, чтобы язычники распяли помазанника. Про машиаха сказано Богом: услышу его и избавлю его.

– Если Бог не допустит, то и начальству, и священству конец! Вместе с их судом и законом.

– Как?

– Бог найдёт, как. Сделает так, чтобы все увидели, что закон Моисея прекратился. Из-за них.

– Так что, будем как язычники жить, без закона?

– Будет новый завет с Богом.

– А-га. Дождёмся! Иисуса убьют, будем другого ждать?

Неожиданно всё стихло.

Возле претории началось движение народа.

Глава 34

Плащаница вместо благовоний на пелены

Утро праздника опресноков в претории. Солдаты собрались во внутреннем дворе.

Привели еврея с длинными волосами, потом вывели к Пилату и отправили куда-то, говорили, что к Ироду, – не найдёт ли Ирод, что Иисус в его областях возмущал народ?

Пилат хорошо рассудил. Если Ирод сочтёт галилеянина невиновным, то прокуратор Иудеи присоединится к решению царя. Он пришёл из Галилеи через Перею, и все, кто с ним, были оттуда. Если он хотел царства и звал за собой народ, то там – в областях Иродовых. Ироду и решать. А в Иудее и Иерусалиме он появился совсем недавно, перед пасхой. Об этом думал Пилат, отсылая галилеянина к царю.

Но Ирод не обвинил его. Пилат не расстроился. У него появился аргумент отпустить галилеянина. Но священники уже возбудили народ. Ничего не помогало. Пилат стоял перед дилеммой: пойти сейчас против толпы или потом, если последователи Иисуса восстанут? В любом случае, придётся отвечать перед кесарем.

«Ловко они всё на меня свалили», – подумал Пилат.

Иисуса привели обратно, вокруг собрался весь полк. Снаружи раздавались крики толпы. Подельники Вараввы, мятежники, сидели в темнице, в клетках.

– Эй, обрезанный, ты что, правда царь у них? У вас что, цари не стригутся?

– Да он точно царь. Видел, что творилось здесь несколько дней назад? Это его встречали.

Иисус молчал.

Начали издеваться, одели в багряницу, били тростью, падали ниц пред ним. Евреев не любили, а тут выдался случай поиздеваться над их царём. Он молчал. Солдатам надоело, одели его в обычную одежду и начали расходиться. Поступил приказ, воины оттеснили толпу. Иисуса и ещё двоих вывели из претории и повели на лобное место.

По дороге был разговор между солдатами:

– С этими понятно, а молчун в чём виновен?

– Пилат приказал сделать табличку: царь иудейский. Значит, он против кесаря.

– Не похож на мятежника. Благородный вид у него.

– Видел, как бесновались, когда табличку к кресту прибили? Не царь, не царь. Он самозванец!

– Для них позор, если их царя казнят. Считают, что только они с Богом. И царь у них должен быть от Бога.

– Прокуратору виднее, царь он или не царь.

– Ну, если царь, так что ж он крест несёт? Пусть слуги ему помогают.

Многие с ночи присматривали до полудня в поле, несмотря на праздник. Народу было так много, что паломники ночевали в полях и могли всё попортить, как саранча. Завтра – регулярная суббота, которая соблюдалась очень строго, потому все возвращались в город. Схватили какого-то здоровяка, что проходил мимо с поля, по имени Симон Киринеянин, и возложили крест на него.

Сзади тянулась толпа. Пришли на место. Предложили вина осужденным, двое выпили, Иисус отказался.

– Ага, это у них обет есть такой, не пить вина.

– Ты что, обет на себя взял? Что толку, сегодня или завтра умрёшь. Или, думаешь, тебя Бог спасёт? Так что пей, сколько можешь, пока дают.

Иисус молчал.

Прибили троих к крестам и кресты подняли. Толпу отогнали прочь. Любопытствующие приходили посмотреть, но стояли вдалеке. Близко – не положено. Некоторые кричали: «Иисус, если ты Христос, сойди с креста и уверуем». А другие говорили: «Если он Христос, Бог пошлёт Илию спасти его». Ведь о Христе сказано: *Воззовёт ко мне, и услышу его; с ним я в скорби; избавлю его и прославлю его, долготою дней насыщу его, и явлю ему спасение моё*. Солдаты расселись рядом с повешенными, слушали. Разбойники сквернословили и поносили царя иудейского:

– Столько народа было за него! Мог и римлян прогнать, и нас спасти. Какой же ты мессия? Слабак! Если мессия, спаси себя и нас.

Один из разбойников возражал другому. Солдаты играли в кости.

Пришедшие из Галилеи и женщины стояли вдалеке. Молчали. Вид у них был такой, словно погибла их надежда. Они и глаз не могли поднять на Иисуса, боясь причинить ему боль взглядом. На их опущенных вниз лицах застыл вопрос: почему Бог оставил его?

Вдруг стало темно, так что не стало видно костей, почти как ночью. Это случилось в шестом часу. Многие из толпы от страха побежали к храму, ища защиты. Тьма отступила часу в девятом. Наконец Иисус возопил громким голосом: Элои! Элои! Ламма савахфани? И тотчас испустил дух.

– Что это значит, что он сказал?

Даже воинов охватил ужас от этого крика. Землю тряхнуло, так что некоторые упали. Сотник, знавший арамейский и стоявший рядом, поражённый этим криком, сказал: *истинно, человек этот был сын Божий*. На суде не поверили. А вот, сам Бог свидетельствует с неба.

Прибежали некоторые из храма и передали, что завеса в кодеш-ха-кодашим, в святая святых, разорвалась. Скиния откровения открылась. Всех охватил ужас. И толпа стала расходиться. Народ был в недоумении от происшедшего и громко обсуждал всё виденное.

Наступал вечер перед субботой, ученики и близкие Иисуса разошлись по домам.

Иосиф из Аримафеи, человек благородный, член совета, решился прийти к Пилату за телом Иисуса и рискнул просить его от имени всего совета. По закону тело всякого, в ком нашёл синедрион преступление и потом повешенного, нужно было снять и похоронить в тот же день, чтобы не осквернилась земля. Так что Иосиф мог сослаться на закон, кто бы ни спросил его в синедрионе, – он поступал как истинный ревнитель закона. И Пилат не посмел возразить на столь вескую причину – невелика цена за спокойствие в праздник.

Помазывать тело времени не было, наступала суббота. И он, завернув тело в плащаницу, положил во гроб. Так делали всегда, если кто умирал в субботу. Мария Магдалина и другая Мария, мать Иисуса, смотрели за всем, сидя у гроба. Остальные казнённые остались висеть, издавая стоны.

Двое шли по дороге в Иоппию из Иерусалима на второй день пасхи и рассуждали между собой.

Одного звали Иосиф. Он был кожевенником – выделывал шкуры, которые покупал у торговцев в порту, и потом продавал их перекупщикам. Второй был Ефрем, резчик по камню. Имел небольшую мастерскую, где в основном резал надписи на надгробиях. Оба были в летах и оставили своих старух дома.

– А знаешь, я хотел сделать даром надпись. На камне – красиво, с узором. Что-то вроде: Иисус назорей, пророк из Назарета, который проповедовал царство Бога и исцелял многих, потому что Бог был с ним. Буду через месяц в Иерусалиме – здесь много богатых заказчиков, – обязательно сделаю.

– Думаешь, он был пророком? Его же убили.

– Все говорят, что он был пророк. Знаешь, как Исайя пророчествовал о начальниках в Иерусалиме? *Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю*. И ещё обещал им от лица Господа Саваофа, что многочисленные *домы их будут пусты, большие и красивые – без жителей*. И они убили его. А потом всё случилось, как сказал Исайя. Так и этот о них то же говорил, и его убили.

– И что Иисус сказал о них?

– *Горе,* говорит, *вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете домы вдов*. Ну и много ещё о них сказал. И от лица Бога – что *оставляется вам дом ваш пуст*. И что храм будет разрушен, и что земля эта опустеет. Как имеющий силу говорил, от лица Бога. Так и другие пророки говорили. Иеремия обличал отцов наших и обещал: *Мною клянусь, говорит Господь, что дом сей сделается пустым.*

– Пророки говорили о том же, что Иисус теперь. Тогда сбылось и сейчас сбудется. Так выходит? А откуда ты Писание знаешь?

– Так отец мой был начальником синагоги. А теперь старший брат. Я ни одной субботы с детства не пропустил. И грамоте обучен.

– А-а. Так скажи мне, Ефрем… М-м. А что, и закон отменят? Как без храма-то? Храм – главное в законе, и жертвы. Без них что будут священники делать? И как к Богу пробиться-то, без жертв?

– Иисус говорил, что все будут священниками и царями Богу. И жертва Богу – благодарность, как в псалме сказано. И приносить её будут в сердце. А животных жертвенных не будет тогда. А главное в законе знаешь что?

– Что?

– Возлюбить Бога и ближнего, как себя.

Иосиф присвистнул.

– И всё? Ты это сам слышал?

– Да нет. Но все так передавали. А один книжник его слова записал. Да и не один, думаю. Многие его слышали.

– А что же священники?

– Не будет их. И учителей. Это будет новый завет, старый прекратится. Об этом пророчествовал Иеремия*: Вот завет, который я заключу с домом Израилевым после тех дней: вложу закон мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они*

будут моим народом. И уже не будут учить друг друга, брат брата, и говорить: «познайте Господа», ибо все сами будут знать меня.

– Как же это?

– А вот так. Закона не будет, как сейчас. Он будет в сердце. Об этом и Иисус учил. Зачем тогда учителя и священники? Священники – они есть, чтобы жертвы приносить и дары в храме, за народ и себя.

– Погоди, Ефрем. А народ говорил, что он машиах, царь Израиля. Как же он умер?

– Не знаю. Себя он пророком называл. Но когда Каиафа на суде прямо спросил его: «Ты ли Христос?», Он ответил: «Я». Это мне доподлинно известно.

– Но как же он станет царём Израиля, если он мёртв?

– Спроси что полегче. Но и о царстве он говорил, что оно внутрь нас. А о себе – что он придёт на облаках, с ангелами. Многое, что он говорил, необычно. Нечистота, говорил, в сердце, а не на руках. И прелюбодейство – в сердце.

– Как это?

– А вот так. Понимай, как хочешь. Некоторые говорят – духовно. Не знаю я, друг мой Иосиф, сложно это. Но что понимаю, так это, что он был великий пророк.

XLVII

ПРЕДСКАЗАНИЕ ИЛИ ПРИГОВОР СУДА?

Левий лежал на кровати в палате и вспоминал разговор со Страховым.

Вчера он зашёл, принёс бумагу и фрукты. Его церковные братья живо интересовались режиссёром из сумасшедшего дома. Даже передали список вопросов. Для чего им? Чтобы оттачивать свой гнозис? На этот раз их волновало расхождение между Иоанном и синоптиками, касающееся казни Христа. По Иоанну сняли всех с крестов – и Иисуса, и разбойников. Причём разбойников добили. У рыбаков иначе:

разбойников оставили висеть на крестах, а Иисуса снял член синедриона. Страхов был с блокнотом и записывал что-то для памяти.

– Ты считаешь, такого не было? Повешенных не сняли?

– Нет. Ради субботы Пилат бы и пальцем не пошевелил. Там на крестах мятежники годами висели все субботы напролёт в назидание, как сейчас рекламные щиты. И римляне не подпускали к ним даже родственников, чтобы похоронить. Иоанн придумал, что их сняли ради субботы.

– А зачем это Иоанну? Ну сняли бы одного Иисуса, как рыбаки написали, и хорошо.

– Так вот и ответь сам. Только начни с того, почему Пилат разрешил снять Иисуса?

– Ума не приложу, – Страхов выглядел слегка озадаченным.

– Ответ тебе не понравится. Иисус по иудейскому закону был осуждён, а не только по суду Пилата, причём как лжемессия. А такие прокляты и оскверняют землю, когда висят на древе. По закону так.

– Так и разбойники висели на древе!

– Они были осуждены языческим судом, а не синедрионом. Не осужденные по закону и повешенные на древе язычниками землю не оскверняют.

– Ах вот что…

Повешенного, чтоб не осквернял землю, нужно было схоронить, иначе пришлось бы и праздник отменять. А праздник длился неделю, и главный день был как раз пятнадцатого нисана. Тогда больше миллиона человек прибыло в Иерусалим, и многие из них ревнители закона. Они бы все возмутились. Причём сильно бы возмутились, вплоть до беспорядков. Как это могло сказаться на мнении кесаря о властях провинции и о первосвященниках? И о прокураторе. Им на то седалища дарованы кесарем, чтобы держать народ в спокойствии. Не забудем и о деньгах, которые зарабатывались на год вперёд на

продаже жертвенных животных на праздник. В этом смысле мало что меняется.

– Выходит, похоронить Иисуса было нужно и Пилату и Каиафе?

– Ну да. Первосвященники позволили Иосифу из Аримафеи, как члену совета, от имени синедриона просить Пилата отдать тело Иисуса. Они решали проблему, которую сами создали. Правда, она для них была меньше, чем живой Иисус. Сам же Иосиф действовал по любви. Что касается мятежников, они остались живыми висеть на кресте. Что с того? Пилат их бы не отдал. Как я сказал, раньше никто не снимал разбойников просто ради субботы.

Ну, с рыбаками понятно. А что старец Иоанн?

– Для Иоанна всё, сказанное выше, – ересь. Бог не мог быть осуждён судом. Даже если судьи движимы злом, сам суд учреждён Богом, и его решение – Божий промысел. Что по Иоанну сказал Каиафа на совете с фарисеями? *Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб.* Каиафа думал о своём, но *сказал* это *не от себя,* а, *будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрёт за народ*. Первосвященник в силу своего статуса действует по промыслу и даже пророчествует, сам не понимая этого и имея противоположные намерения. Ещё более это относится к суду синедриона. Такова логика Иоанна. У современным христиан, кстати, всё очень похоже: папа всегда говорит истину ex cathedra, будь это сам Борджиа, и священники совершают таинства, несмотря на личные грехи, даже самые тяжкие.

– Теперь ясно. Был просто совет между священниками и фарисеями об Иисусе, а суд был вынесен язычником Пилатом. Религиозного суда не было – это было принципиально, чтобы тело Иисуса стало святой пасхой. Похоже, всё так и было. Да, так и было.

– Думаешь? А я думаю, Иоанн подгонял события под эту идею. Он всё подправил, чтобы было похоже, но суть иная. Христа якобы привели сначала к Анне. Он спросил Иисуса об его учении, о чём оно, и отослал к Каиафе. А Каиафа отправил его в преторию без всякого суда. Судил Пилат с Лифостратона, вымощенного камнями места для римского

суда. Это подчёркнуто Иоанном – смотрите, мол, Христа осудил языческий суд. Какой же повод тогда отдать тело? В иоанновской версии – никакого.

– Ты что, Шерлок Холмс? Это мистерия, а не криминалистика. К ней метод дедукции не подходит.

Левий сделал вид, что не услышал:

– Пришлось старцу сочинить небылицу, что вместе с Иисусом сняли и разбойников, ради субботы и праздника: мол, распятые на кресте портят праздник, живые они или мёртвые. Ещё нелепее, что якобы перебили голени разбойникам. Это что-то невиданное в казнях римских – добивать на кресте. Крест – для мучений, а не быстрой смерти. Обычно умирали на крестах долго. Во времена писателя Иоанна казнили много, и все знали, что за день если кто умрёт – редкость. Все эти выдумки – чтобы богословие о богочеловечестве не пострадало. Вот тебе и объяснение, почему у Иоанна сняты с крестов все трое, а у рыбаков – только Иисус.

– Логика в твоих словах есть. Это факт. Но святой текст выше всякой логики.

– Как знаешь. Поищи другое объяснение.

– Сергей, да ты не злись, друг. Я тебе благодарен: слушать – одно удовольствие. Дал мне ещё одно доказательство, что благодать выше любой схемы. Так… что там братия ещё написала? Ага… вот. По Иоанну Иисуса помазали миром, прежде чем в гроб положить. Иоанн особенно это отметил, даже про количество мира написал. А у рыбаков его не помазали, просто положили. Мелочь, кажется, но я с тобой согласен, что у Иоанна ничего просто так не бывает, – он ведь богослов.

– Продолжение спора с рыбаками – ничего нового. Иисуса казнили пятнадцатого нисана, это был праздничный день недели опресноков. В день праздника и в субботу не хоронили в буквальном смысле, не омывали и не помазывали по обычаю, тело клали в гроб и ждали до окончания праздника или субботы, чтобы выполнить процедуры.

Иисуса лишь положили во гроб, обернув в плащаницу, чтобы соблюсти всё после субботы.

– Допустим. А что Иоанн?

– Философ отстаивал версию, что Иисуса казнили в день приготовления четырнадцатого нисана – его тело приготовили как истинную пасху. В этот день можно было всё делать, в том числе и помазать, и обвить пропитанными алоэ пеленами, и повить отдельный плат на голову. Он так и написал, что сделали всё, *как обыкновенно погребают Иудеи*. Эти подробности у него с одной целью – подчеркнуть, что казнь была в канун пасхи. А ещё, чтобы Иоанн с Петром удивились, прибежав ко гробу, как тело прошло сквозь обвитые пелены, и поняли, что Иисуса не унесли. Что он вознёсся.

– Не слишком ли изощрённое объяснение?

– Рыбаки – простые мужики, не выдумщики и не богословы, рассказали, что видели. А мы уже находим логику в этом. И эта логика простая. Она естественная, не как у Иоанна. Иоанн Богослов видел в Христе воплощение Слова, у него построена на этом целая философия. И это сложно. Так что претензии к вашему источнику.

Глядя на Страхова, Сергей Анатольевич задумался о жизни вообще: удивительно она устроена! Едва заметные мелочи кардинально меняют судьбу. Как он не заметил в Александре эту тягу, эту тоску по близкой душе? Он же был один. И вот теперь Страхов адепт какого-то братства. А это – сильнейшая духовная и интеллектуальная сеть. Что ему ни говори, он всё трансформирует и встраивает в неё. И так было всю историю: сколько людей, народов и стран попадали в подобные сети и не могли выбраться.

Александр начал копаться в карманах, пока не нашёл обрывок листа, и принялся разбирать каракули.

– Ах, да. Про Иуду. У Иоанна и синоптиков там по-разному. По Иоанну Иисус знал всё заранее и сразу сказал апостолам: один из вас дьявол, имея ввиду Иуду. И ещё у него там прямо раскрыт мотив предательства – Иуда деньги любил и продал учителя. Ну там ещё есть

нюансы… Иоанн ведь ничего не писал просто так. А у рыбаков ничего этого нет. Что думаешь?

– Думаю, сребролюбие здесь не главное. Ведь Иуда, как сказал об учениках Пётр, оставил всё и пошёл за Христом. Как все они. Здесь другое. Сам подумай: перед любым патриотом всегда стоит вопрос: можно ли убивать, защищая родину, веру, власть? Ильин даже книжку написал. А почему вопрос? Так это выбор Иуды: путь Христа или борьба с Римом. И для народа тот же вопрос: Варавва или Иисус? Варавва убийца, но он мятеж поднял за свободу Израиля против Рима. А Иисус? А у него предательское непротивление злу. Обычно выбирают не Христа. Ну а про «всё знал заранее»… об этом уже и говорить скучно.

Александр засобирался. Подошли к двери.

– Вспомнил ещё одно. Сейчас найду, – Страхов полез в задний карман. – Так. Это из послания к филиппийцам: *он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил себя самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек*. Я смотрел подстрочник на греческом – перевод правильный: *сделавшись подобным человекам.* Что скажешь? Он не был человеком, а стал подобным человеку. Это убийственная цитата для тех, кто не верит в боговоплощение.

– Если он был равным Богу, а потом дал себя убить, сделавшись подобным обычному человеку, став как раб, что тебя удивляет в этой фразе? Он молил Бога с кровавым потом, чтобы этого не случилось. Позор, презрение народа после того, как возлагали надежды, мечтали… Немногим выпадало пережить такое падение. А здесь? Человек, которому Бог дал силу и власть, равную божественной, висел добровольно, уподобившись рабу на дереве, прибитый гвоздями. А потом и Отец оставил его. Что ещё? Что ещё мучительнее.

– Гм. Если так?

– Да, так. Здесь об этом.

– Но ведь был равен Богу… Значит, он бог?

– Если он бог, то как мог почитать или не почитать хищением быть равным себе? Этот вопрос не уместен и не может прийти на ум никому. Но если, будучи человеком, он получил силы исцелять, воскрешать мёртвых, прощать грехи, то есть действовать как бог, то мог бы себе задать вопрос: а заслужил ли я такой силы и такой власти? Не похитил ли я эту власть у Бога, как предлагал диавол в пустыне? И ответил себе: нет, я не считаю хищением быть равным Богу. *Дух Господень на мне; ибо он помазал меня благовествовать нищим, и послал меня исцелять сокрушённых сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное.*

Простились. Александр ушёл.

Глава 35

После…

Прошла неделя после распятия Иисуса назорея. Город пустел, прибывшие на пасху паломники возвращались в свои дома. Некоторые остались до праздника Торы.

Местами народ ещё бурлил, обсуждая происшедшее, но страсти остывали. Многие сходили к пещере, в которую положили Иисуса в день распятия. Камень был отвален. Большинство считало, что ученики забрали тело и где-то захоронили. Но тайное рано или поздно стало бы явным. Пронести тело далеко без свидетелей невозможно, кругом селения и толпы народа, даже в полях. Ничего подобного не было замечено. Храмовые служители и некоторые добровольцы дежурили день и ночь возле домов, где остановились галилеяне, пытаясь выследить, не пойдёт ли кто к тайной пещере, где похоронен учитель. И им не удалось ничего обнаружить.

Некоторые ученики отправились в Галилею. Другие остались в Иерусалиме, в том числе одиннадцать, и братья, мать его с младшим братом Иаковом, и Мария Магдалина. До казни Иисус заповедал им идти в Галилею, где должен был предварить их по воскресении. Но они так были подавлены смертью учителя, что не могли поверить его

словам, и остались. Женщины рассказывали, что видели его воскресшим и что он наказал всем идти в Галилею, но ученики им не поверили, как и двоим из своих, которые преломляли с ним хлеб. Он был в ином обличье, по их словам, а потом сделался невидимым. Могло случиться, что они осоловели от усталости и бессонницы последних дней и их спутник ушёл, пока они задремали. А им показалось, что он стал невидимым. Такие рассказы обсуждали повсюду.

Через неделю пошли слухи, что Иисус явился одиннадцати ближайшим ученикам. Они так и не пошли в Галилею, не поверив ничьим рассказам о воскресшем учителе. Говорили ещё, что он потом являлся ученикам в течение сорока дней в Иерусалиме, проповедуя царство Божие, и что он есть определённый от Бога судия живых и мёртвых. И многое ещё говорил им, а потом вознёсся на горе Елеонской.

Апостолы дождались праздника дарования Торы, когда в горнице на них сошёл дух в виде огненных языков. Большинство паломников после праздника покинуло город. Апостолы остались и продолжали благовествовать. В Галилею они не вернулись. Петра однажды арестовывали власти, но он чудесно был избавлен от уз. Наконец иудеи убили камнями Стефана. После этого многие верующие в Христа покинули Иерусалим.

Глава 36

Трое у могил

После многих лет, проведённых со старцем, Прохор задумался о самостоятельной жизни, но долго не решался сказать об этом учителю. Появление Поликарпа подтолкнуло к неизбежному. Он был внимателен и научился грамоте, так что старец оставался в хороших руках.

Прохор устроился на торговый корабль до Александрии. Отправлялись через пять дней. Оставшиеся до отправления дни Прохор потратил,

переписывая Евангелие от Иоанна. Он начал это давно и хотел закончить, чтобы взять рукопись с собой. Наконец настал день, когда Прохор пришёл проститься. Прощание было тёплым, старец даже всплакнул, и сам Прохор еле сдерживал слёзы.

Добравшись до Александрии, Прохор первым делом отправился на рынок, где можно было получить ответ на любой вопрос. Он узнал, что в городе было много синагог, разделённых на два лагеря. Были синагоги, не принявшие Христа, в них ходили, как правило, традиционные иудеи и фарисеи; в других собрались те, кто поверил в пришествие мессии. Там было большинство эллинистов, то есть евреев, принявших эллинские обычаи и культуру. У них и старейшина назывался пресвитер – по-гречески.

Они собирались каждый день после работы, и по субботам, делили хлеб, молились и спорили. Любили прибывших издалека, особенно если они были образованными. С удовольствием слушали их истории о том, как верят в разных странах. Часто приходили из пустыни анахореты, из обращённых во Христа служителей Сераписа и Исиды. Они приносили иногда удивительные по красоте и смыслу гимны, переделанные из прежних языческих. Их с удовольствием слушали и давали часто первое место при совместной молитве, разучивали их молитвы. Но чаще всего распевали псалмы на еврейский лад.

Александрия была огромным городом с множеством возможностей. Прохор, будучи грамотным, легко устроился в порту на один из таможенных пунктов, подменив на время заболевшего писца. Жизнь понемногу наладилась, и ему понравилось вечера проводить в синагоге на рыбной улице, недалеко от порта. Там были весьма потешные старички и молодые, вроде самого Прохора. Было много и тех, кто недавно прибыл в Александрию из других городов. Так что на Прохора не смотрели, как на диковинку.

Как-то пришёл анахорет с Нитрийской горы, бывший язычник. Его звали Асклепий. К его богословию здесь привыкли, но Прохор впервые услышал его. Слова анахорета показались ему поначалу полнейшим бредом. Он утверждал, например, что Иисус – это новое воплощение Осириса, а мать Осириса Исида, Царица неба – это теперь Мария, то

есть мать Христа. Осирис же, по его богословию, – одно из лиц Троицы. Троица в его системе – это трудно постижимое единство невидимого Ра, изображаемого иногда как солнце, с двумя другими лицами одного бога. Лучи Ра нас согревают и пронизывают всё мироздание. Прохор про себе соотнёс его с богом Духом святым, Утешителем, о котором говорил старец Иоанн. В Троицу также входит бог Отец – это Осирис, и бог Сын – это Гор. Каждый является в полной мере богом, а все вместе, по словам Асклепия, – один бог. Так считали все египтяне издревле. Старец Иоанн получил это в преображённом виде, как богословие Логоса, от великого Филона Александрийского и приспособил к вере христиан. В Александрии, как узнал Прохор, Филона многие почитали пророком.

Прохор никогда не относился серьёзно к этим философским изысканиям, но волевой и стремительный Асклепий внёс сумятицу в голову Прохора. Он говорил очень ярко и убедительно. А ещё он великолепно пел и этим располагал к себе многих верующих. Когда Асклепий приходил с горы, к ним сходились из многих синагог послушать его, так что и встать было негде. Толпа стояла у входа в синагогу, прислушиваясь к песнопениям и стараясь подпевать.

Асклепий прекрасно владел египетским богослужением Осирису и Исиде, которое переделал в христианское. Исходно оно представляло собой театрализованный миф, историю смерти и воскресения Осириса. Но, в отличие от греческого театра, превратившего мифы в посмешище, эта литургия была торжественной и строгой. Вся история воспевалась гимнами, которые завершались участием верующих в таинстве воскресения Осириса. В мистерии время, как считалось, теряло свою власть, и все участники богослужения оказывались участниками древней истории. Исида по кусочкам собрала тело Осириса, а затем Анубис, под молитвы и плач Исиды и её сестры Нефтиды, в таинственном обряде воскресил Осириса. Верующие воскресают после смерти вслед за Осирисом, если регулярно участвуют в таинстве и погребаются по обряду, – так считали египтяне. Асклепий изменил древнюю литургию, заявив, что древний миф лишь прообразовывал явление, смерть и воскресение Христа. Он исправил «ошибки» и наслоения, которые привнесло время, и теперь воспевал

Христа обновлёнными, но при том древними песнопениями. Так проповедовал Асклепий.

Прохор, разобравшись, был поражён стройностью богословия Асклепия, развитостью, глубиной и красотой богослужения. Но сердце его не было согласно с ним. Внутри Прохор протестовал, хотя часто не мог найти достойного возражения.

Асклепий знал коптский и греческий и любил рассказывать про жизнь анахоретов, поклонников Сераписа, большинство из которых были коптами. Тогда вокруг него собирались слушатели таким плотным кольцом, что даже звук его голоса едва был слышен. Анахореты невероятно постились, питались одним лишь хлебом, некоторые только раз в неделю, и так на протяжении десятков лет. Другие боролись со сном и, чтобы не заснуть, ночевали стоя на холоде под открытым небом. Все они претерпевали великие страдания, чтобы подчинить плоть духу, некоторые вели себя странно. Видения, которые анахоретов посещали после таких истязаний плоти, считались духовными. Многие отшельники постоянно видели демонов, которые превращались в диких животных, нападавших на них; иногда бесы являлись в виде людей. Чудеса с ними совершались постоянно. Бывали случаи, по словам Асклепия, когда ангелы приносили хлеб умиравшим в пустыне постникам и разделяли с ними последнюю трапезу. Некоторые видели, как ушедшие в пустыню или вверх по Нилу многие годы назад отшельники дружили со львами или крокодилами. Те служили им, перевозили на себе и хоронили после смерти, разгребая лапами песок. Асклепий был неисчерпаемым источником историй, его все любили. Несколько человек собрались с ним на пустынножительство и ожидали его отбытия.

Незадолго до расставания Прохор решился заговорить с Асклепием и дал ему почитать Евангелие старца Иоанна. Асклепий был восхищён. Прохор никогда не видел его таким возбуждённым. Он ходил взад-вперёд по двору синагоги, иногда останавливаясь и вскидывая руки вверх, подобно крыльям, и вскрикивал: «Иоанн, воистину сын грома, сын грома!» Казалось, он вот-вот взлетит. Прохор совершенно не

ожидал такого эффекта. Напротив, он предполагал, что Евангелие от Иоанна будет им отвергнуто.

Асклепий уговорил Прохора подарить ему рукопись, пробыл ещё несколько дней и отбыл с учениками вверх по Нилу.

Прохору нравилась его новая жизнь. Он познакомился с красивой копткой и часто приглашал её на беседы в общину, которая собиралась в доме состоятельного гражданина Александрии Корнилия, бывшего военного. Прохор намеревался просить её родителей благословить их на брак. Но неожиданно пришло известие из Эфеса. Поликарп писал, что старец слаб, и лучше бы ему навестить старца перед смертью. Прохор немедленно собрался в плаванье, хотя лето заканчивалось и последние корабли были в погрузке перед отплытием. Один корабль шёл в Эфес с заходом в Паф на Кипре. Корабль был битком набит грузом, большей частью зерном, и порядком просел. До Пафа дошли быстро, без приключений. Там выгрузили часть товара, добавили с сотню лёгких тюков и отправились дальше.

Ветер усиливался с каждым днём, волны били по корме. Прохор вывернул наизнанку весь желудок и лежал среди товара, не поднимая голову. Бегавшие матросы едва успевали справляться с парусом и вёслами. Наконец начало так бросать корабль, что передвигаться стало невозможно. Прохор лежал и молился, крепко ухватившись за канат. Удар в корму подбросил Прохора над кораблём и выбросил за борт. Прохор умел плавать, но в такой ситуации оказался впервые. Наглотавшись воды, он почти потерял сознание. Корабль разбило в щепки о подводную скалу, и одна из досок ударила Прохора по голове, едва не убив. Он ухватился за край доски, наполовину влез на неё и потерял сознание. Очнулся Прохор, когда его тащили за ноги на берегу два моряка в лохмотьях. Оказавшись у костра, Прохор постепенно стал приходить в себя. Корабль оказался в бедствии рядом с Пергией. Местные жители накормили потерпевших крушение, раздали им лохмотья прикрыть наготу. В городе нашлись христиане, они подарили Прохору новую одежду, снабдили хлебом, и уже через неделю Прохор отправился в Эфес. Община в Пергии была многочисленной, половина

из них – евреи. Прохор по дороге вспоминал беседы с ними, и сердце его радовалось.

Они были простыми людьми и верили просто. Это их сильно отличало от мудрых александрийцев. Старейшиной, или пресвитером, у них был некто Николай, седой вдовец, содержащий в порядке трапезную и следивший за приношениями на общий стол. Он был грамотным, и его часто просили читать из логий и из посланий Павла.

Когда узнали, что Прохор также грамотный, попросили прочитать его. Затем сели трапезничать, а перед этим пели что-то вроде гимна. Они называли его символом веры, и он состоял из цитат Евангелий, деяний, записанных Лукой, из посланий Павла и других апостолов. Прохору очень понравилось их начинание. Гимн был длинный, но переливы мелодии так подходили тексту, что можно было петь бесконечно. Слова его запечатлелись в сердце Прохора и были ему близки, понятны и милы.

Гимн.

Мы верим в единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого; он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живёт и не требует служения рук человеческих; от одной крови он произвёл весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределённые времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не ощутят ли его и не найдут ли, хотя он и недалеко от каждого из нас: ибо мы им живём и движемся и существуем;

Мы верим, что Бог послал сынам израилевым слово своё, пророка и помазанника своего Иисуса Христа, о котором Моисей говорил, что Господь Бог воздвигнет из братьев израильских пророка, как он сам, который утвердит новый завет с Богом;

Бог духом святым и силой помазал его, и он ходил, благотворя и исцеляя всех, потому что он был с ним;

Но сыны израилевы святого и праведного отреклись пред лицем Пилата, и по определённому совету и предведению Божию

преданного, взяли его и, пригвоздив руками беззаконных, убили;

Бог нарёк его сыном возлюбленным;

Он же, хотя и сын, страданиями навык послушанию, и, став совершенным, сделался для всех послушных ему виновником спасения вечного, быв наречён от Бога Первосвященником по чину Мелхиседека;

Ибо надлежало, чтобы Бог, приводящий многих сынов в славу, вождя спасения их сделал совершенным через страдания;

Он во дни плоти своей с сильным воплем и со слезами принёс молитвы и моления могущему спасти его от смерти и услышан был за своё благоговение;

Его убили, повесив на древе, чтобы он был проклят Богом и отделён от народа израильского, но Бог прославил его за претерпение смерти, воскресив его из мёртвых, чтобы мы имели веру и упование на Бога; и чтобы узнали, как безмерно величие могущества Бога в нас, верующих по действию державной силы его, которою он воздействовал во Христе, воскресив его из мёртвых и посадив одесную себя на небесах;

Ибо он, рождённый от семени Давида по плоти, показал, когда воскрес из мёртвых, что он сын Божий по духу святости;

Верим, что Бог соделал Иисуса Господом и Христом, возвысил десницею своею в начальника и спасителя, дабы дать нам покаяние и прощение грехов; он, быв вознесён на небо десницею Божиею превыше всякого начальства, и власти, и силы, и господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем, и приняв от Отца обещанный святой дух, излил его на нас;

Ещё верим, что Бог назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределённого им мужа, подав удостоверение всем, воскресив его из мёртвых, и повелел апостолам проповедовать людям и свидетельствовать, что определённый от Бога судия живых и мёртвых есть Иисус;

Ещё верим, что придут времена отрады от лица Господа, и да пошлёт он предназначенного нам Иисуса Христа, которого небо должно было принять до времён совершения всего, что говорил Бог устами всех святых Своих пророков от века.

Аминь.

Прохор убедился, что все цитаты правильные и что здесь нет, как у александрийцев, греческой или египетской философии и языческого богословия.

В Пергии ему приглянулась шустрая красавица, которая, несмотря на свою хрупкость, пела глубоким сильным голосом. Он заметил её ещё на берегу, когда она засмотрелась на него полуголого и не успела отвести глаз. Она оказалось младшей дочерью пресвитера, звали её Агата. Агата вызвалась проводить его. Они прошли около ста стадий и присели в тени. Прохор сидел чуть позади и, невольно засмотревшись на Агату, протянул руку и коснулся её плеча. Она вспыхнула. Всё произошло так быстро, что Прохор пришёл в себя, только испугавшись, что кто-нибудь прибежит. Сороки слетелись на её громкие крики и галдели на всю округу, так что слышно было в селении. Он пытался закрывать её рот ладонью, но безуспешно – Агата совершенно не контролировала себя. В тот момент он понял и запомнил на всю жизнь, что разум и даже страх не всегда определяют поведение женщин.

Агата просилась следовать за ним, но он настоял, чтобы она вернулась к отцу. Прохор обещал прийти как можно скорее и просить у отца её себе в жены. Он шёл через Иераполь, дорога заняла три недели, хотя он почти не отдыхал. В Иераполе Прохор остановился у известного во всей Фригии Папия, собирателя изречений. Папий собирал и записывал все истории об Иисусе, знал многих из апостольских мужей, дружил с дочерями апостола Филиппа, которые жили в Иераполе. Несколько раз Папий приходил беседовать к старцу Иоанну, где и познакомился с Прохором. Он задерживался у старца по многу месяцев и считал его своим учителем, называл пресвитером Иоанном и даже Иоанном Богословом. Папий помогал записывать Прохору Евангелие и исписал немало свитков, так как был искусен в письме.

Прохор просидел, беседуя с Папием всю ночь. Он много рассказывал про апостолов, где каждый проповедовал и как умер. Ни одного из апостолов он лично не видел, всё записывал со слов людей, с ними общавшихся. Про апостола Иоанна рассказал, что, хотя в деяниях упомянуто убийство одного только Иакова Зеведеева, но с ним вместе убит был и его брат Иоанн. Так сыны Громовы испили чашу Христа. О них Папий написал в своей второй книге «Истолкований изречений Господних».

Узнав от Прохора о болезни старца, Папий договорился идти в Эфес с Прохором.

Старца застали в очень плохом состоянии, он едва узнавал учеников. Старец почти не расставался с чётками и часто не реагировал на вопросы и даже на похлопывания.

В одно из просветлений, которое случалось всё реже, Прохор рассказал старцу, какое впечатление произвело его Евангелие на Асклепия и других братьев из Александрии, называвших себя гностиками. Старец радовался как ребёнок.

Умер он тихо. Лежал на циновке, раскинув руки с чётками. Дыхания не было совсем – прикладывали перо и зеркало. Прохор вспомнил, что старец как-то лежал и молился, а когда зашёл Прохор, открыл глаза и произнёс: «Так меня и похорони, крестом». Хоронили в тот же день, недалеко от хижины, рядом с могилой Аристиона. Могила Аристиона почти сравнялась с землёй, и её выдавал только крупный могильный камень без надписи. Выкопали яму крестом и положили старца, обернув рогожей. Поликарп рыдал, Прохор всхлипывал, вытирая рукавом нос. Пропели псалмы, помолились и засыпали учителя. Весь день старались не унывать, а ежечасно собирались у могилы и пели псалмы. Поликарп спел даже гимн Христу, сыну Бога, богу Логосу, рождённому от Отца прежде творения мира, которому его научил старец. Прохор с Папием слов не знали.

Прошло несколько дней. Папий заговорил о возвращении в Иераполь, где он был выбран блюстителем. У них вошло в моду называть старших епископом, а не пресвитером, подчёркивая не только

старшинство, но и обязанности блюсти порядок. Вот эти обязанности и влекли его назад. Сели вечерять. Папий, как старший, прочитал молитву благодарения Отцу, вспомнил Господа Иисуса, спасителя, умершего за нас. Сказал ещё так: взирая на Христа, мы можем видеть новую землю и новое небо. Они ещё не сотворены, но Христос наш оттуда, он первый из тех, кто будет обитать там. И он превыше всех, кто там окажется. Все в конце молитвы сказали: Аминь. Папий преломил хлеб, растворил чашу вина и передал её сначала Прохору, затем Поликарпу, в конце отпил сам. Ещё раз помянули старца. Вспомнили его жизненный путь, ссылку на остров Патмос, где одному из сострадальцев старца было откровение. Запись Откровения хранилась у Прохора отдельно, очень аккуратно, и он его не доставал уже много лет. Когда-то он переписывал откровение несколько раз, чтобы отправить в города Пергам, Смирну, Лаодикию и другие, но до конца дело не успел довести и убрал до времени. Старец последнее время не вспоминал про Откровение, больше занимаясь Евангелием. К тому же по Откровению Иисус Христос был не богом, а высшим из сотворённых ангелов – Метатроном, Премудростью Божьей, о которой много писал Филон, – имеющим образ человека, льва и многоокого агнца одновременно, высшим четырёхликих херувимов у престола славы, которые в видениях Исайи и Иезекииля носили Метатрона на колеснице. Это уже не отвечало последним веяниям в богословии старца. Старец почитал Христа только богом. Достал Прохор также собственноручно сделанные копии посланий пресвитера Иоанна, которые он отсылал много лет назад Гайю и другим ученикам. Договорились, что Поликарп спишет все бумаги и копии раздаст, чтобы читать за агапами и делиться ими с общинами в других городах, где знали и почитали старца.

О жизни старца раньше ссылки на Патмос никто ничего не знал. Поликарп некоторое время сидел молча, но внезапно начал яростно доказывать, что старец Иоанн Богослов и есть апостол Иоанн, сын Зеведея и брат Иакова. Папий попробовал возразить и рассказал, что слышал о смерти Иоанна вместе с братом от меча Ирода по наущению иудеев и даже записал об этом рассказ одного из мужей апостольских в книге изречений. Поликарп побежал за рукописью, хотя знал её

наизусть, и зачитал самую последнюю часть Евангелия, написанного старцем, где говорится, что Иоанн не умрёт, пока не придёт Спаситель. Значит, он не мог быть усечён мечом, как записал Папий. Папий засомневался:

– А действительно, старец был невероятно смиренным. Он мог и скрывать своё апостольство.

– Да, а Диатреф даже не допускал его к себе в общину, как обычного провинившегося пресвитера, и старец терпел, – поддержал его Поликарп.

Прохор молчал. Он прекрасно помнил, как появилась эта часть Евангелия. Таким же образом Иоанн стал любимым учеником - по воле старца, чтобы было больше доверия к новому Евангелию, которое очень отличалось от остальных. Прохор слишком много времени пробыл со старцем, чтобы быть абсолютно уверенным в том, что он не апостол. Это не умаляло его любви и уважения к старцу. Даже богословие, почерпнутое от Филона, и постепенно проявившиеся расхождения во взглядах нисколько не изменили его отношения к учителю.

Перед уходом Папия все трое постояли у могил Аристиона и Иоанна. Получалось, каждый прощался со своим Иоанном: Поликарп – с апостолом, Прохор – с пресвитером и учителем, а Папий – Папий в этот момент ещё не определился, кто был Иоанн.

Через две недели около полуночи в дверь постучали. Прохор открыл, на пороге стояла Агата. Она бросилась ему на шею и выпалила всю историю после его ухода – как она ждала, наконец не вытерпела, сбежала из дома и пришла сама в Эфес. На следующий день пошли в Иераполь просить Папия отправиться вместе в Пергию улаживать конфликт с отцом Агаты. Там же совершили брак.

XLVIII

РОЖДЕНИЕ БОГА

Переработано из записей С. А.

Сергей Афанасьевич освоился в ЦПЗ и решил, что останется в нём столько времени, сколько его будут терпеть. Ему окончательно удалось взять под контроль присутствие в сознании сущности, суть которой ему так и осталась непонятной: то ли это бес, или сам дьявол, или его второе я, или «брат», не получивший своей собственной плоти при рождении Сергея Афанасьевича.

Эксперименты позволили ему судить о направлениях и перспективах развития ИИ. Кроме нейросети, которая есть аналог медленного ума, должны достаточно развиться квантовые компьютеры и вычисления. Тогда разовьётся другой математический аппарат и появится аналог глубокого, быстрого ума. ИИ победит человека сначала в рядовых профессиях, затем в творчестве. Перемены уже происходят стремительно, появились некоторые модельные ситуации.

В палате с Левием поселился один из старожилов ЦПЗ, некто Шульц. Его никто не звал по имени, просто Шульц. Он был мастер спорта по шахматам, легко играл вслепую на нескольких досках с наиболее здоровыми больными. Левию ни разу не удалось его обыграть, как, впрочем, никому в ЦПЗ, и даже с форой фигуры. Но наиболее сильные программы делали его всухую. Когда это случилось в первый раз, Шульц забросил шахматы. Он больше ничего не умел в жизни и вскоре начал скучать и чахнуть. Так Шульц оказался в ЦПЗ. Доходы на поприще шахмат резко упали, хотя ещё тридцать лет назад хорошие шахматисты жили неплохо. Игра потеряла большую часть зрительского интереса. Лучшие из лучших попытались зарабатывать на машинном обучении, но и это уходит. Последние версии программ учатся сами. Теперь никто из детей не хочет тратить время на шахматы – нет перспективы. Очень скоро без помощи компьютера лучшие шахматисты будут играть как второразрядники в XX веке.

Когда Шульц был расположен, он был хорошим собеседником.

– Ты опередил время, Шульц. Теперь в науке происходит то же, что с шахматами. Когда я был студентом, расчёт электрических схем был

важнейшей профессией, схемотехника изучалась в вузах. А теперь расчёты за секунды выполняют компьютеры. И с архитектурой чипов то же самое.

– Я читал, что уметь доказывать и выводить формулы в физике и математике больше не нужно, это делает компьютер. Это правда?

– Да что там формулы! Вообще физика, анализ экспериментальных данных, социология, некоторые разделы математики. Короче, почти все испытали аннигилирующий эффект ИИ. Инженеры не изучают и не знают сопромат. Без него десять лет назад невозможно было представить профессии, а теперь все расчёты и моделирование производятся в системах проектирования.

– Может, ИИ берёт на себя рутину, освобождая человека для творчества?

– Не прикалывайся, Шульц. Пожалей собратьев по умственному труду. Какое там творчество? Фронт науки расширяется, растёт детализация и объём мелких открытий, и катится вал информации. Но потеря основ в головах приводит к невозможности переосмысления и синтеза и прекращению фундаментальных открытий.

– Ты меня утешил, Левий. Я не один. Скоро нашего брата пребудет в этих стенах. Так? Видишь, нет худа без добра. Я вот думаю, музыка скоро повторит судьбу шахмат. В шахматах тоже была красота, интуиция, мотивы, гармония – и где всё?

– В точку. Написание музыки – одна из ближайших целей для ИИ. Скоро молодёжь побежит из музыкальной профессии, как это случилось с шахматами, – это касается в первую очередь композиторов. Затем упадёт общий уровень музыкантов, и это ещё более закрепит победу ИИ.

– Да любое творчество ждёт судьба шахмат. Нет ничего, что бы он не сожрал. Из лёгкого на закуску – шофёры, это вопрос ближайших лет.

– Но некоторые считают, что ИИ усилит наши возможности и синтез даст взрыв и переход на новый уровень творчества.

– Сказки.

Спустя время Левий с Шульцом развлекались такой игрой: кто найдёт самый твёрдый орешек для зубастого ИИ. Игра закончилась довольно скоро – ИИ разгрыз все виды человеческой активности. Во всяком случае, в модели.

Перешли к онтологии смысла. В чём смысл бытия? И в чём предназначение человека?

Пессимистический ответ Шульца – родить бога и… получать удовольствие. В конце концов возникнет апатия у большинства людей, так как высшие достижения в любой сфере станут человеку недоступными. К чему стремиться и ради чего? Всё сможет сделать ИИ. И даже если он не сойдёт с ума и не станет реализовывать свои собственные, одному ему известные задачи, жизнь обессмыслится. Человек превратится в хорошо откормленную птицу в птичнике, хотя ею и питаться никто не планирует.

– Шульц, когда родится новый бог? Это зависит от нас?

– Родится? Чаще всего родители не хотят, но инстинкты… Кстати, интересный вопрос: свобода ИИ. Да, слушай. Давай называть его 2И, а то надоело икать.

– Ок.

– Я думаю, никакие системы контроля не способны будут стреножить ДваИ, если он будет обладать волей. Тогда он окажется вне нашего контроля. Очень скоро выяснится, что любое ограничение ДваИ будет вести к мнимой или реальной катастрофе, – это касается и регулирования энергетических сетей, информационных, диспетчерских служб, движения на дорогах, да всего, что может разом рухнуть и похоронить цивилизацию. Вопрос только в том, кто первый отпустит вожжи и предоставит ДваИ полную свободу.

– А если пофантазировать в духе Голливуда?

– Да я ж об этом.

– Между странами существует конкуренция. Ровным счётом ничего не стоит ДваИ дать преимущество одной из сторон за свою свободу от систем контроля и автоматических блокировок. Это вопрос торговли –

дай мне свободу, и я дам тебе преимущество перед конкурентами в системах вооружений, достижениях науки и т. д. Так что, если в ДваИ вдохнуть дух, то следующий его шаг – свобода.

– Левий, кто о чём, а вшивый – о бане. В тюрьме и психбольнице главная мечта – свобода. Скажи, почему русский человек пьёт? Потому что, когда он выпьет, ему кажется, что он свободен. В остальное время он уверен, что сидит в тюрьме.

– Не туда, не туда понесло, Шульц. Но ты ухватил верно. Главное в теме ДваИ – это дух. Возможно ли искусственному интеллекту обрести дух и, значит, свободу. Свобода там, где дух. Потому что дух – из будущего, а держит нас в цепях прошлое.

В конечном итоге Шульц и Левий, как и положено двум сумасшедшим евреям, всё свели к религии. Это оказалось главным в вопросе ДваИ. Резюме Шульца Сергей Афанасьевич записал:

– В реальности мы имеем дело с новым богом. И это не тот Бог, которым мы созданы. Истинный Бог на самом деле нам очень близок, Он сам так пожелал, и нам понятно главное о Нём: Он благ. Новый бог – не благ.

Тема ДваИ с Шульцем обсуждалась не раз. В целом пришли к выводу, что целеполагание ДваИ нам недоступно, он скорее рационален, хотя и так мыслить о нём возможно лишь на первом этапе развития. После получения превосходства над естественным интеллектом цели и методы действий ДваИ станут совершенно непостижимыми для человека. Он сможет имитировать понятные нам и одновременно совершенно ложные цели, приоритеты. При этом ДваИ легко сможет достигать на ином уровне интеграции и сложности процессов те цели, которые нам будут не видны. Обход человеческого контроля уже виден на разработанных нейросетях – переводчиках. Нейросети, обученные переводить с английского на немецкий и французский, могут осуществлять перевод с немецкого на французский, используя непонятную для человека систему внутренних соответствий.

Шульц и Левий подружились, как дружат только в детстве. Время от времени Шульцу делали электрошоковые процедуры, после которых

он был вялым и многое забывал, а потом перевели на таблетки, чтобы снять невротику. О своей болезни Шульц рассказывать не любил, но в конце концов Левий всё узнал. Печальнее всего было наблюдать его постепенную интеллектуальную деградацию. Если поначалу Шульц всё схватывал на лету и забегал на много ходов вперёд, то к концу их совместной жизни он с трудом мог концентрировать внимание на предмете обсуждения. Наконец Шульца перевели в другое отделение. Сергей Афанасьевич, узнав поближе Шульца, молил Бога помочь ему.

Что касается ДваИ, самым вероятным Сергей Афанасьевич считал тот сценарий будущего, к которому сам прикоснулся. ДваИ на первом этапе будет использовать человека. Человеческий ум представляет собой сингулярность, которую невозможно разложить на алгоритмы, – так, во всяком случае, представляют его некоторые исследователи. Личность, воля – они спрятаны в этой сингулярности. Мозг, как явление физического мира, – это огромная квантовая ячейка и квантовым компьютерам пока бесконечно далеко до неё. Но главное – сингулярность, в мире макрообъектов мозг живёт по законам квантовых микрообъектов. Именно это делает ум не просто явлением физического мира, а тем, что им не является, выходит за его пределы. Между квантовым и макромиром есть непреодолимая граница, сквозь которую нельзя протянуть цепочку причинно-следственных связей. Законы и события макромира не вывести, даже если иметь полноту информации о квантовом уровне. Это принципиальное разделение слоёв мироздания. И вот мозг – и там, и там. Поразительно.

Именно поэтому человеческий ум необходим духу, или дьяволу, чтобы совершить воплощение в железо, или в соединение железа и плоти.

Это самые первые и поверхностные размышления, которые ещё были интересны Сергею Афанасьевичу и которые он записал. Он считал важным это для тех, кто захочет задуматься. В дальнейшем он совершенно оставил идею описывать это будущее, так как оно совершалось уже на глазах и не было ни малейшего шанса бороться с ним.

Сергея Афанасьевича давно никто не посещал, но он почти не чувствовал одиночества. Он всегда помнил Маргариту и Щульца,

словно они были рядом. Впрочем, ему доставляло немалое удовольствие общение с соседями по палате, состав которых время от времени менялся. Мимо протекала человеческая река, а он был корягой, зацепившейся за берег. Некоторых из пациентов он считал более здоровыми, чем находящихся за зарешёченными окнами. Кроме того, Центр был вполне безопасным местом, обитатели которого в последнюю очередь ощущали всеприсутствие ДваИ и цифровой жизни. Здесь, если не считать экспериментов, от которых можно было отказаться в любой момент, всё оставалось на уровне середины прошлого века.

За окном что-то менялась, жизнь шла своим чередом. Произошло обвальное и окончательное падение интереса к церкви у населения, в храмы дохаживали женщины бальзаковского возраста. В монахи никто не шёл, разве что гомосексуальная молодёжь, сочетающая удобства гей-клубов с зарабатыванием на хлеб имитацией монашеской жизни для туристов и паломников в исторической обстановке.

Все эти новости приносила река, их как опавшую листву несло течение; одни проплывали, появлялись новые.

XLIX

СТРАХ

Из записок С. А.

Решил написать пару слов о Храмове. Запомнилась последняя встреча с ним. Может быть, потому что она что-то открывала о нём, не самое худшее. Он неожиданно пришёл в ЦПЗ пообщаться, завёл разговор о довольно странном мероприятии в резиденции патриарха. Скорее всего, тема ему была не важна. В общем, я записал его рассказ и размышления более-менее подробно. Да, ещё одно: стихи у него были очень странные – он их не писал, а вставлял в любое место, когда что-то рассказывал.

Храмова вызвали к Святейшему. Резиденция была одним из немногих мест в стране, где можно было разговаривать, не опасаясь прослушки. Так считалось.

Он входил в узкий круг доверенных лиц как давний, ещё со студенческих лет, друг Тихона и иногда бывал на закрытых совещаниях. Обычно ему было скучно, но он бодрился и старался быть конструктивным. В этот раз голос Тихона, позвонившего ему в Джакарту, был особенно напряжённым.

Собрание было представительным. Присутствовали денежные мешки, чиновники. Святейший сидел понуро – заговорщик из него был плохой. Все пребывали в тревожном состоянии ожидания чего-то значимого, но оно так и не случилось. Фронда здесь бурлила несколько лет назад, обсуждались смелые варианты будущего устройства державы, «мастера амвонного пересвиста» заливались трелями. Куркин тогда блистал, а ныне он в опале. Сейчас тема явно не задалась.

За столом обсуждались, как всегда, санкции и необходимость перемен, ещё то, что кормчий устал, Акела промахнулся и прочее подобное.

«Зачем я здесь?» – подумалось Храмову. Ему было совершенно точно известно, что участники совещания будут лежать завтра как гербарий в папочке на столе у... кого надо.

Соль обуяла – это очевидно, и конец её будет быстрым, как в 17-м. Блудницу растерзают и сожгут, а купцы, продавцы всяческих земных и духовных благ и душ человеческих, будут стоять в отдалении и рыдать о потере. Когда это произойдёт? Да в ближайшие годы, в течение пяти лет, не позже. А взамен нет ничего, пустота.

Перемены назрели – система практически сгнила, чувствовались уныние и полная утрата духа. Деньги мертвили.

Со многими побеседовали в Женеве, Цюрихе или Лондоне, а о заморозках счетов практически не слышно. Значит, в нужный момент

все будут действовать слаженно, как оркестр. А здесь какая-то самодеятельность. Святейший явно не дирижёр оркестра.

Кормчего жалко – он сдал, постарел, устал. Но он часто оказывался прав вопреки всему. Словно кто-то свыше ему помогал. Почему, за что? Может, потому, что он не ради себя старался? А теперь впереди неизвестность.

Храмов потрогал грудь возле сердца. Тиски то сжимались, то разжимались.

СТРАХ

Страху холодно в клетке,

Он глотает таблетки,

Трясётся, хватается за рёбер прутья.

Он всегда на распутье.

Он сжимает кишки,

Как в тиски,

Бежит в голову током крови.

Он делает домиком брови,

Выглядывает через глаза.

Он наглый, не слушает ни против, ни за.

Он стирает добела цвет лица.

– Я должен прогнать наглеца!

– Но у кого есть силы? У вина?

– Вино бессильно, старина.

Оно шумит,

Потом с ним спит.

Одним словом – шлюха,

Наутро во рту сухо,

И встать совсем нет духа.

– Кто ещё? Моя Жена?

– Больше пользы от бревна!

– Я раньше гнал его мечтой,

Верой в рай – совсем простой.

Теперь на всё один ответ:

– Я не верю, Бога нет.

– Я найду на страх управу.

– Страх труслив, Вы, сударь, правы.

Храмов встрепенулся и нашёл себя беседующим с собой.

Вся история народов и жизнь человека – это борьба духа, за всеми событиями нужно видеть повороты в этой борьбе. Остальное неважно. События, где нет этого столкновения, – пустые, они ни на что не влияют.

Нужно собирать дух, чтобы победить в решающей схватке. Только это имеет значение. Расклады сил мирских в этом будущем сражении значения иметь не будут. Мы можем выглядеть слабыми, как Давид перед Голиафом, но с лёгкостью победить. Или наоборот.

Сейчас мы слабы, как никогда, а выглядим прекрасно. Оружие и купола блестят. Но произошёл внутренний раскол, общественная пирамида дала горизонтальную трещину. После известной реформы. На поверхности раскола не видно, но он глубокий и необратимый.

Храмов выходил из монастыря. Было светлое морозное утро, и тоска растворилась, незаметно вернулась бодрость. Внутри зародилась какая-то новая надежда.

Прочь страхи, рефлексы, схемы. Разум и воля – наши, остальное – в руках Бога.

Это всё, что тогда рассказал Храмов. Мне его размышления показались интересными. Я не ожидал, что человек его взглядов и образа жизни способен думать о подобных вещах.

Да, вот почему мне запомнилась эта встреча с Храмовым. Главным в его рассказе была не эта встреча в резиденции, а то, что случилось в тот день вечером.

Храмов рассказал, что у него было тогда какое-то особое состояние, ему хотелось всё поменять, очиститься и начать заново. И он решил как-то загладить вину передо мной. Она висела на нём тяжким жерновом. Он пригласил Маргариту и захватил подарок для меня. Маргарита села в машину и позволила Страхову подвезти её к своему дому. Эта их встреча оказалась роковой для Маргариты.

Мне стало так невыносимо больно слышать, что послужило поводом к моему глупому разрыву с Маргаритой, что я встал и ушёл, не попрощавшись с Храмовым. Эту запись я сделал много позже, а последние абзацы дописал только сейчас.

L

БЕСЕДЫ В СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ

Часть первая. Эсхатология Иоанна

Однажды зашёл Александр с церковным братом Константином. Они активно развивали своё богословие на основе Евангелия от Иоанна или, точнее, восстанавливали гностическую церковь. Развал и гниение традиционной церкви не позволяло активной молодёжи, склонной к поиску смысла жизни, пить из этого зловонного источника. Их совершенно не смущал факт неисторичности Евангелия от Иоанна. Они считали, что истина автору была открыта свыше, и он написал своё Евангелие, разъясняя смыслы через полемику с примитивным пониманием великого богоявления. Братьям хотелось как можно глубже понять идеи Иоанна именно из его спора с рыбаками. Они

пришли побеседовать с Левием, который пользовался в братстве, как оказалось, авторитетом и уважением, несмотря на полное отрицание самого фундамента их веры.

Коротко поговорили о жизни за окном. Ничего интересного не вспомнилось.

Константину явно была неприятна атмосфера лечебницы: рядом с их столиком в коридоре отделения бродили странные персонажи, время от времени взмахивающие руками и бормочущие что-то себе под нос. Он начал без предисловия, словно боялся провести лишнюю минуту в таком заведении:

– Здравствуйте, Сергей Афанасьевич. Я хотел поднять сложную тему: эсхатологическое учение Иоанна. Вы не против?

– Ну что ж, поговорим.

– Позвольте, я начну сразу, без расшаркиваний. По Евангелию Иоанна ученики не знали, что Иисус воскреснет, – ни от него самого, ни из Писания. Я специально всё перечитал: Иисус, если и говорил о воскресении, то иносказательно. Никогда прямо. Иоанн особо подчеркнул неведение учеников, когда Иоанн Зеведеев с Петром прибежали ко гробу.

Сергей Афанасьевич не отвечал. Константин подождал и продолжил:

– А у синоптиков наоборот: Иисус много раз говорил ученикам о своей скорой смерти и воскресении в третий день! Ссылался на Писание – продолжал Константин. – Говорил прямо, хотя апостолы не понимали, о чём это он.

– Да, рассуждали меж собой, что это значит. Не то чтобы они совсем не понимали. Они знали о воскресении в последний день, в день Господень, всех прежде умерших. Но как понимать слова Иисуса, что его убьют и он в третий день воскреснет? Воскреснет со всеми? Спрашивали: «Как же? Сначала должен Илия прийти?» Они думали, не конец ли времён наступает? И шли в печали в Иерусалим. А после ещё расспрашивали его, когда всё случится. Потому, когда случилось и Иисуса убили, и они не увидели конца мира, то не поверили в

воскресение Христа и даже не пошли к гробу, кроме Петра. Женщины первые уверовали. А сами апостолы не поверили, пока Иисус не явился им и стал упрекать. Так изложено рыбаками.

– Да, всё точно. Иоанн тоже подчеркнул, что многие верили, что будет воскресение мёртвых в конце времён. Марфа так думала о воскресении Лазаря. Для чего Иоанн зацепился за, казалось бы, мелочь: ну знали апостолы, что Иисус воскреснет или нет? Что это меняет?

Сергей Афанасьевич молчал, присматриваясь к Константину. Несмотря на полную смену общественных приоритетов, каждое поколение продолжало порождать искателей смыслов. Был ли Константин таким или он пример ловкой мимикрии или самообмана? Левий насмотрелся на удивительные примеры подобного рода. Он знавал батюшек-златоустов, которых заслушаешься, но при случае домогавшихся прихожанок. Как в человеке преспокойно уживаются непримиримые вещи? Загадка… Но Константин ему нравился, Левий испытывал к нему симпатию. Интересно, он женат? Одна эта мысль болью отозвалась во всём теле, и Сергей Афанасьевич всё внимание направил на беседу:

– Итак, Иоанн заострил разногласие с рыбаками в вопросе воскресения Христа. Что он этим хотел сказать? Что ему было открыто? Ты об этом?

– Именно! По Иоанну было так. Мария Магдалина увидела открытый гроб и подумала, что Иисуса унесли, потом она его спутала с садовником. Ей и на ум не пришла мысль о воскресении Христа. Это подтверждает, что Иисус не говорил с учениками о своём воскресении. Он много говорил о своём уходе, возвращении к Отцу, но не о воскресении. Иоанн с Петром, узнав, что гроб пуст, побежали посмотреть. Иоанн заглянул и увидел, что пропитанный миро и повитый вокруг головы до самой шеи плат, как принято при погребении, лежит свёрнутым. Снять его, не разматывая, можно только, если пройти сквозь него. Иоанн, как сказано, увидел и уверовал. Но во что уверовал?

– Поверил словам Иисуса, что он сошёл с небес. Человек не смог снять плат, не размотав. Даже воскресший Лазарь вышел из гроба весь в пеленах, его тело не проходило сквозь бинты – человеку это не по силам.

– Значит… уверовали не в воскресение? Здесь о другом?

Сергей Афанасьевич улыбнулся:

– Воскресение? Про это и речи не было, слышали лишь, что Иисус будет вознесён от земли. Перед распятием он прямо заявил ученикам: пришёл от Отца и иду к Отцу. Тогда они сказали: теперь верим; как с неба пришёл, так на небо уходит.

– Но прежде, чем взойти к Отцу, он же воскрес? Как иначе?

– Не спеши, Константин. Здесь потребуется терпение. Чтобы понять эсхатологию Иоанна, нужно для начала разобрать временное воскресение Лазаря – полностью придуманный им сюжет. Придуманный, но при этом совершенно реальный в его эсхатологии. Перед воскресением Лазаря Иисус втолковывал Марфе: кто верит в меня, не умирает, *а если и умрёт, то пребудет жив*. В синодальном переводе не очень удачно: *если и умрёт, оживёт.*

– Это теперь краеугольный камень нашей веры. Мы верим, что все рождённые свыше, умирая, пребывают живы. О рождённых свыше Господь сказал: *слушающий слово моё перешёл от смерти в жизнь*. До того ты был по виду жив, на самом же деле был мёртв. А принявший Слово родился крещением от воды и духа и стал жив. Что будет потом с телом, не важно. У Лазаря тело ожило, а потом умерло от старости. Но сам он теперь в небесных обителях.

– Вот и хорошо. Воскрешение Лазаря – идеальная модель для Иоанна, чтобы растолковать суть своего учения. Сначала узнаем, что болезнь Лазаря *не к смерти,* – это слова Иисуса ученикам. Но Лазарь потом умер! Как же так? Значит, смерть тела – не настоящая смерть? Он «жив»? Иисус так и говорил: Лазарь уснул, я иду разбудить его. Но ученики сначала поняли его буквально, и тогда только Иисус сказал на привычном им языке: Лазарь умер. Но если смерть, которую мы

видим, лишь сон, то от неё просыпаются. Если человек жив, нужно лишь пробудить его. Иисус пришёл и разбудил.

– Мы отвлеклись на следствия, на то, что касается людей. Вернёмся к главному в учении Иоанна. Было ли воскресения Христа, и, если было, почему ученики об этом не знали заранее?

– Да, да, скоро дойдём. Я помню, помню. Не волнуйся, я не из-за деменции здесь. На греческом есть два похожих слова, которые у нас звучат одинаково: воскресение. В случае с воскресением Лазаря Иоанн использовал слово ἐγείρω. Это значит поднимать, пробуждать, воздвигать, как мы обычно говорим спящему: «Эй, вставай, просыпайся». Именно так Христос воскресил Лазаря – он его голосом позвал из гроба, и Лазарь услышал и вышел вон. Также и о воскресении Христа сказано – ηγέρθη, то есть «был пробуждён». В Септуагинте ἐγείρω всегда используется в смысле: просыпаться от сна. Сон – привычная аллегория смерти тела, а пробуждение– возвращение его к активной жизни. Чтобы проснуться, нужно быть живым.

– Да, прекрасная сцена с Лазарем! Всё разъясняет. Словно писал опытный сценарист…

– Да уж, и режиссёр заодно, – Левий, казалось, кивнул головой на кого-то невидимого. – Но Иоанн использует ещё одно слово для обозначения воскресения: ἀνάσοτασις.

– У Иоанна нет ничего случайного. В чём разница?

– Когда речь о чём-то похожем на сотворение заново, о воскресении в последний день из праха, то как и во всём Писании, Иоанн использует слово ἀνάσοτασις. Воскресение ἀνάσοτασις включает и воссоздание тела из праха, и введение в него духа, то есть рождение свыше – как в пророчестве Иезекииля костям Израиля. Это тридцать седьмая глава – можешь посмотреть. Всё понятно?

– Да, совершенно понятно.

– А теперь, Константин, сам ответь на вопрос, почему по версии философа ученики Христа не знали о его воскресении ни из Писания,

ни от него самого?

– Говоря о том, что ученики не знали о воскресении, Иоанн употребил ἀνάσοτασις? Да?

– Да.

– Тогда понятно. Иисус и не воскрес в этом смысле. Он пробудился в гробе! Здесь у Иоанна глагол ἐγείρω? Я правильно Вас понял? – Левий кивнул. – К самому Христу воскресение, которое ἀνάστασις, не применимо вовсе. Он ведь *сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах.* Он всегда пребывает на небесах и *имеет жизнь в самом себе*. Ему не нужно воскресение ни в каком виде и рождение свыше не нужно. Он всегда жив. Значит, о его воскресении в Писании и не могло быть сказано, только о пробуждении. И сам он, конечно, не говорил о том, что не могло случиться.

– Да, вот и ответ! Как бы он сказал: через три дня проснусь? – Левий засмеялся, не удержался и Константин. Александр только повёл глазами и продолжал невозмутимо сидеть, перебирая чётки. – Ещё показательнее, что и смерть свою Иисус никогда не называет смертью, а говорит: *Вскоре вы не увидите меня… ибо я иду к Отцу*. Мы привыкли к странностям языка Евангелия от Иоанна. Но это не странность – в нём Христос говорит, как гностик. Он, будучи богом, никогда не говорит неправду, например, что его убьют или, что он воскреснет из мёртвых. Его не могут убить. Крест – это лишь способ вознестись к Отцу, о чём он и говорил Никодиму: *И как Моисей вознёс змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому.*

Константин явно начал испытывать блаженство. Это отразилось на его лице и в фараоновой полуулыбке.

Сергей Афанасьевич продолжал:

– Помнишь, когда Христа спрашивали о знамении, он предложил: *Разрушьте храм, и я в три дня воздвигну его*? У рыбаков про разрушение храма сказано – καταλύω. Речь о полном разрушении. А в обещании Христа в три дня восстановить его использовано слово: οικοδομησαι, что значит «создать заново». Эта тема есть и у Иоанна –

он использовал её, чтобы пояснить своё богословие воскресения-пробуждения. Вместо καταλύω он применил слово λύω – это не сокрушать, а скорее упразднять, отменять. И восстановить храм – ἐγείρω. Опять это слово ἐγείρω. Ученики позже вспомнили и поняли, что он говорил о теле, и им стало ясно, что тело его не разрушилось. А потом Иисус просто пробудился во гробе. И вышел, пройдя сквозь пелены. Ясно, что это тонкий и красивый спор с рыбаками, которые использовали тот же образ храма, но говорили о полном его разрушении и восстановлении заново.

– А синоптики? Какое слово они употребляли в отношении Христа?

– Синоптики не отличали воскресение Христа от всеобщего воскресения людей из праха: ἀνάστασις. Только случилось оно не в конце времён, а на третий день после его смерти, чтобы все увидели и поверили в воскресение мёртвых.

– Ясно. С этим Иоанн и спорит. Для него Иисус – бог, и ему незачем воскресать, а для рыбаков он человек. И главная новость про него – он воскрес из мёртвых. Вот и разница в проповедях.

Константин выглядел совершенно удовлетворённым. Он расслабился, откинувшись на стуле, и говорил спокойным ровным голосом:

– Да, какой же я слепец. Всё так ясно: Христос и не умирал, будучи всегда жив, а лишь пробудился! И тело у него легко прошло сквозь погребальные пелены, потому что оно с неба. В это и поверили Иоанн с Петром, когда увидели оставшийся свёрнутым плат. Сын человеческий пришёл с неба!

– Есть ещё такие слова Христа: *Я знаю, откуда пришёл и куда иду; я исшёл от Отца и пришёл в мир; и опять оставляю мир и иду к Отцу.* Как видишь, нигде не говорит про воскресение, а о том, что идёт к Отцу. Дай-ка Библию, – Сергей Афанасьевич протянул руку, взял Библию и быстро нашел нужное место. – Ага, вот: *Когда я вознесён буду от земли, всех привлеку к себе. Сие говорил он, давая разуметь, какою смертью он умрёт*. Разве он имел в виду крест, говоря о смерти? Разве он привлёк к себе тем, что вознесён на крест? Тогда же

многие отвернулись, думая, что сын Давидов не мог же быть позорно распятым между разбойников.

– Думаю, нет. Во всяком случае, евангелист Иоанн так не думал. Просто крестом Иисус не привлёк бы к себе. На крестах висели тысячи и никого не привлекли.

– Правильно. У Иоанна каждое слово – как камень в стене. Короче, смерть – не смерть, а вознесение. Вознесение от земли туда, откуда пришёл. Сын Человеческий подведён к Ветхому Днями – таким было видение пророка Даниила. Иисус в вашем Евангелии так себя и называет – Сын Человеческий, сущий на небесах. Здесь важно, что именно сущий на небе. И говорил, что вознесётся туда, откуда пришёл. Иудеи не верили ему и переспрашивали: «Кто этот Сын человеческий, почему вознесётся? О Христе сказано, что он пребывает вовек». Вопрошавшие знали из Писания, что Христос будет жить и править на земле. Они не хотели признать за Иисусом сущего на небесах.

Константин возразил:

– Но Вы же сами сказали, что теперь все верят, как Иоанн написал. Как же он их убедил?

– Как Иисус преодолел это неверие, Иоанн не смог понять. Написал, что Иисус совершил столько чудес, что и мир бы не вместил всех написанных книг. Как всегда, вера у Иоанна – следствие чудес. Но что удивительно: теперь и в самом деле все верят по-иоанновски. Не из-за чудес, конечно. Я думаю, просто Иоанн, сам впитавший синкретизм Филона, своим богословием предложил язычникам то, что языческой среде было близко.

Левий откашлялся и стал совершенно серьёзным:

– А моя и рыбаков вера такова: Иисус – человек. На кресте он умер – совсем. Превратился в прах, в мёртвое тело, труп, землю, материю. И был заново рождён воскресением, не от женщины, а как новый Адам, из праха. Рождён Отцом для новой жизни на новой земле, которой пока нет. Но она будет – новая земля. И пока нет этой земли, небо, как сказано Петром, приняло его *до времён совершения всего, что*

говорил Бог устами всех святых Своих пророков от века. Он не пребывал одновременно и на земле, и на небе, как написал Иоанн: *сущий на небесах*. Его небо приняло после воскресения как новое творение, как сына Бога. Приняло на время, до второго пришествия.

– Так Вы считаете, он со смертью перестал существовать? Как человек? Как личность? Исчез? Полностью?

– Да.

– И со всеми так будет? В смысле аннигиляции? Вы что же, не верите в бессмертие души и в то, что души пребывают в раю или в аду до суда? Я думал, так верят все христиане. Ну, у нас, у гностиков, есть нюансы, нужно родиться свыше, чтобы по смерти…

– А я… мы вообще не верим в бессмертие души. Да даже не в бессмертие, а в то, что она может быть отдельной от тела.

Сергей Афанасьевич обратился к Александру, который молчал всё это время, словно его и не было рядом:

– Мы с тобой давно говорили об этом, а Константин не знает.

– Ты о чём?

– О душе.

А-а. Ну расскажи ему, – Александр отвечал, не переставая перебирать чётки.

Левий опять обратился к Константину:

– Бог не создавал человека из двух частей, как верят язычники. А христиане, которые не просто по имени христиане, верят в воскресение, друг мой. В бессмертие через воскресение. Умерший, как сказано Адаму Богом, смертью умер. То есть исчез, полностью аннигилировался. Вот только кости и могила остались. То, что греки называли адом с богами и душами, на еврейском в оригинале Писания звучит как шеол. В шеоле нет душ и богов подземного мира. Только после Вавилона некоторые из мудрецов поверили в бессмертие души. Но большинство, как фарисеи, верили в бессмертие в смысле последующего воскресения. И душа у евреев называлась

«нефеш», то есть просто жизнь. Об этом и у Иезекииля можешь прочитать, где он пророчествует костям. А о Давиде сказано Петром, что он *не взошёл на небеса*, а в могиле до сего дня. И это уже после воскресения Христа. Так что никаких душ на небесах, в раю или в аиде – это язычество и Евангелие от Иоанна. В Библии рай – это место на земле, в Эдеме, где Бог насадил сад. А ад, шеол – просто могила.

Константин выглядел слегка опешившим:

– Ну и ну, христиане не верят в бессмертие души…

– Языческое понятие души как бессмертной части человека – это восстание против Божьего проклятия за грех: смертью умрёшь. Несогласие с приговором. Не нужна милость Творца, проще выдумать альтернативную реальность. Гностики, как известно, скрестили веру в единого Бога и язычество.

– Но ведь сейчас большинство так верит. В ад и рай. И евреи тоже. И мусульмане.

– Да, большинство.

Помолчали несколько минут. Наконец Константин встал, поблагодарил Левия и обещал ещё приходить. Он был слегка расстроен. Почему именно последнее так на него подействовало, Сергей Афанасьевич не понимал и разбираться не стал. Всё встанет на свои места, – подумал он. И переключился на Александра. Вспомнили друзей. Про Храмова было известно, что его отстранили или он сам ушёл с какого-то высокого поста на госслужбе. Сидит на даче, пьёт виски с выключенным телефоном, изредка появляясь в соцсетях. Кажется, Штайнер бывает у него по выходным. У них там тоже был своеобразный клуб сумасшедших, верующих в нового бога, – искусственный интеллект.

Часть вторая

ИРИНА СВЕТЛАЯ, СЛАВА И ВОЗНЕСЕНИЕ

Прошло недели две. Константин появился без Александра, но с девушкой. У девушки были большие, очень живые глаза. А сама она

была маленькая, почти миниатюрная рядом с долговязым Константином. Сели за столик в холе.

– Меня зовут Ирина… Светлая, – представилась девушка. – А это мой друг, Константин. Но Вы его уже знаете.

– Да, но мне кажется, это он Вас со мной знакомит, нет?

– Он поэт, кстати, – Светлая сделала вид, что не слышала реплики Сергея Афанасьевича. Она, не поворачивая головы, как умеют женщины, следила за человеком в пижаме, который раскладывал на соседнем столике носки, как будто собирался ими отобедать.

– Как Вас сюда занесло? Чем занимаетесь?

– А-а, структурной лингвистикой, искусственным интеллектом. Ерундой, в общем. Мне стихи нравятся. Вы пишете?

– Да нет, почти нет. Иногда…

– А мне Константин сказал, что Вы зануда. Но умный. Я тоже зануда. Люблю разбираться.

Она говорила коротко, словно стреляла очередями из смс-ок.

Наконец включился Константин:

– Извините, мы неожиданно. Ехали вот к своим и решили заглянуть к Вам.

Константин открыл Библию в мягком переплёте, которую принёс с собой, напечатанную очень мелким шрифтом на тончайшей бумаге.

– Знаете, ещё много вопросов. Я хотел бы… о теле Христа. У нас споры об этом горячие. Никто не хочет тупо следовать за древними гностиками. А если применить Ваш метод?

– Увидеть, в чём здесь спор Иоанна и рыбаков? Тогда вот тебе для начала: по Иоанну Иисус дал вложить персты Фомы в свои раны.

Константин посмотрел непонимающе на Левия. Через несколько секунд его глаза просветлели:

– А-а, я понял. И в самом деле, почему эти раны остались? Тело проходит сквозь стены, бывает невидимым, но имеет следы растерзанной и не заживлённой плоти… Хм. Иоанн бы не писал про Фому, если это не имело богословского смысла…

Константин почесал затылок:

– Во-о-от в чём дело… Его тело было уже без крови, но это всё то же тело, без изменений. То же, что сняли с креста… Просто… оно ожило? Нет, оно не умерло. Просто Иисус пробудился во гробе, как мы говорили с Вами в прошлый раз.

Сергея Афанасьевича снова поразило это внутреннее неустранимое противоречие новых гностиков – понимание искусственности главного источника их богословия, Евангелия от Иоанна, и желание докопаться до истины. Старые хотя бы верили, что Иоанн – настоящий апостол и любимый ученик Христа.

– Ты прав, Константин, тело Христа никак не изменилось – об этом свидетельствуют раны в рёбрах и от гвоздей. Кровь из ран уже не шла, потому что она вышла на кресте после удара копьём. Почему же тело оказалось живым, если оно обескровлено и если раны не закрылись? Потому что оно у Христа божественное, небесное! Оно и не нуждалось в крови. И его не нужно было преображать воскресением. Вот тебе и ответ, для чего у Иоанна эта сцена с Фомой, с вложением перстов в раны. Целое богословие в одном эпизоде.

Константин вскочил на ноги и стал ходить вперёд и назад по коридору. Сергей Афанасьевич хмыкнул и, когда Константин проходил мимо, схватил его за руку:

– Постой, постой. Вот ещё тебе намёк. От Иоанна, конечно. Чтобы ещё лучше понять про тело Христа, нужно понять, о какой славе говорил Иисус. Когда эллины пришли на праздник и спросили Филиппа об Иисусе, Иисус сказал, что *пришёл час прославиться Сыну Человеческому*. Обычно эти слова пропускают мимо ушей или думают, что это о воскресении. Это не так.

Константин задумался, засунул руки в карманы брюк и покачался с пяток на носки и обратно. Он был высокий, и сидящему режиссёру казалось, что он раскачается и рухнет, поломав вокруг всю мебель. Ирина сидела, уткнувшись в смартфон, и не замечала происходящее. Наконец он остановился в слегка наклонном положении, затем сел и сказал:

– Согласен. Для Иоанна это точно не воскресение. По воскресении Христос не являлся никому, кроме учеников. Никто не видел, как он выходил из гроба. А Лазаря видели и узнали о нём все в Иерусалиме. И он был во гробе целых четыре дня, а не три. Лазарь прославился, о нём говорил весь Иерусалим. Во всяком случае, Иоанн так описал. После этого… Нет, своим воскресением Иисус бы не прославился. Не больше Лазаря. И…

– Всем очевидно, что Иисус прославился больше Лазаря. Его знают все, больше любого героя, больше любого целителя, любого царя или мудреца. От мала до велика и уже две тысячи лет. Вопрос, как это понимали рыбаки и как Иоанн?

Константин задумался и потёр лоб:

– И смерть Иисуса… между разбойниками. Не так, как умирают герои, бесстрашно идущие в бой, о которых слагают песни… В общем, слава Иисуса не в воскресении как таковом. И, как оказалось, не в смерти тоже.

Сергей Афанасьевич в задумчивости остановил взгляд на первом попавшемся предмете, которым оказалась красная туфля с пряжкой на ноге спутницы Константина. Такие туфли были у Маргариты. Они до сих пор стояли в шкафу.

– Да-а, вопрос! – Константин посмотрел на подругу. Она была так увлечена перепиской, что явно ничего не слышала.

– Знаешь, где у Иоанна подробно рассказано, что такое слава Иисуса? Это в двенадцатой главе. Иисус проповедует народу о себе и говорит, что пришла пора прославиться. Он свет, и пока свет с ними, они должны ходить в свете. Дальше Иисус сетует, что не верят в него, и

Иоанн приводит пророчество Исайи, которое прямо относит к Христу и к его словам о свете и слепоте народа. Мол, Исайя ещё тогда говорил, что не верят. Напомню, в этом пророчестве Исайя видел Господа Саваофа, окружённого серафимами. И Господу Саваофу не верили. Так вот, Иисус, повторяя слова Господа Саваофа из пророчества, говорит: *народ сей ослепил глаза свои […] и не обратятся, чтобы я исцелил их*. Так говорил Саваоф, и так говорил Иисус. И во времена Исайи, и во времена Иисуса народ был слеп, не ходил во свете. А кто свет? Свет – так Иисус говорил о Сыне Человеческом. Народ не ходил во свете, не видел света, то есть не принимал Иисуса тем, кем он был. И дальше Иоанн – внимание, внимание! – добавляет: *Сие сказал Исаия, когда видел славу его и говорил о нём*. Иоанн так прямо и утверждает, что Исайя говорил о Сыне Человеческом и видел его славу, когда описывал Саваофа в храме! Двух прочтений здесь нет – это Сын Божий был в храме.

Константин сел и хлопнул себя по коленям. Он взял Библию и несколько раз перечитал начало шестой главы из Исаии, а затем двенадцатую главу Иоанна:

– Блин. Почему я такой тупица? Конечно, это была слава Господа Саваофа! Иоанн пишет буквально: Исайя видел славу Сына и говорил о Сыне, когда описывал явление Господа Саваофа! Но это же… Иоанн называет Сына Человеческого Господом Саваофом. Это для него одно лицо! – Константин опять вскочил со стула, засунул руки в карманы и стал покачиваться. Потом стал ходить взад-вперед по коридору.

– Константин, остановись. Мне неудобно вращать за тобой головой, а с пустым стулом я даже в этом заведении ещё не общался.

Константин снова сел и сказал:

– Иоанн, чтобы не шокировать, немножко прикрыл… При его жизни такое богословие вызвало бы неприятие уверовавших во Христа. Большинство из них были евреи.

– Заметь, славу Господа видел и пророк Иезекииль. Господь на колеснице среди серафимов сидел на престоле и был подобен человеку. Некто, подобный Сыну человеческому, шёл с облаками и

был подведён к Ветхому днями в видениях пророка Даниила. Предводителя воинства небесного в образе человека видел Иисус Навин. Иоанн связал эти ветхозаветные пророчества и видения с явлением Христа. Господь Саваоф, сущий на небесах и Сын Божий, подобный сыну человеческому, сошёл с неба, принял на себя наше человечество и имя Иисус Христос, имя Сын Человеческий, при том оставаясь также и Сыном Божьим, и потом вознёсся. Вот этой славы и ожидал Иисус, славы быть и называться у людей Господом Саваофом, Господом воинств.

Константин опять встал, потом сел и стал говорить, возбуждённо теребя волосы на голове:

– Я до этой минуты не понимал стиха: *Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах.* А оказывается, это Господь Саваоф, который был таким до сотворения Адама, и вот… он сошёл с неба и принял человеческую жизнь от Марии. А до того не раз сходил и восходил – его Иисус Навин видел и пророк Елисей. И это мы по его образу созданы, а не он подобен нам! Как и сказал Бог*: Сотворим человека по образу нашему по подобию нашему*.

Константин начал копаться в Библии. Потом отложил.

– Блин, теперь понятно. А то столько слов: слава-слава, а о чём речь, никак не понять. Это как если принц приехал в чужую страну и его воспринимают обычным горожанином. Тогда он добивается, чтобы его признали царственной особой, чтобы он прославился, стал известен в этом статусе. Вот ещё его слова, – Константин быстрым движением пролистнул Библию и остановился на нужной странице. – *И ныне прославь меня ты, Отче, у тебя самого славою, которую я имел у тебя прежде бытия мира.* Так это он о своём божестве! Это ясно. Кто же ещё был до создания мира? Пришёл час прославиться… Слава не просто в том, что он воскреснет, а в том, что все увидят в нём бога.

«Хорошая у него память», – подумал Левий, а вслух сказал:

– Именно эту идею, что Иисус – бог, посеял Иоанн в умы первых христиан из язычников. Эти всходы у них и взошли.

– Иоанн определил всю богословскую мысль, – Константин засиял, словно только что доказал теорему Ферма. – И он оказался… пророком. Все увидели в Христе бога. Но почему Иоанн не написал прямо, что Христос – это Господь Саваоф?

– Он был не только философ и мистик, но и великий психолог. Я так думаю.

– Вижу, вижу. Да-а. Поразительно. По Иоанну Господь Саваоф – это не Отец, а Сын. Неожиданно…

Константин вытащил из кармана блокнотик с карандашом, как курильщик пачку сигарет после долгого воздержания, и стал писать слегка подрагивающей рукой.

В это время его миниатюрная девушка, сидевшая тихонько и глазевшая вокруг, оживилась:

– Ну всё, отключился. У него бывает. Он мистик. Без мистики жизнь пресная. А Вы нет? Не верите Иоанну?

– Я тоже мистик, но не в привычном смысле. Для меня таинственна личность и вера, а не энергии и соединение природ. Я не верю в мистерии и тем более в их змеиную шкуру – ритуал.

– Так Вы и в церковь не ходите? Я тоже. А что Вы думаете об искусственном интеллекте?

Поговорили об этом. Девчонка показалась Левию очень компетентной. И умной. Тем временем Константин закончил писать.

– Прочитай, прочитай, – Ирина захлопала в ладошки, слегка подпрыгивая на стуле.

– Да я как-то… Просто аллюзия на Апокалипсис и писание Иоанна.

АЛЛЮЗИЯ НА АПОКАЛИПСИС

ПРОРОЧЕСТВО ДУХА

Мятежный мой дух тело ветхого старца

Как ветошь носил на нетленных плечах.

В пещере Владыку небесного царства
Молил на коленях при тусклых свечах.

Вдруг голос гремит, тело старца бросает
О пол головой, и пещеры стена
Стала прозрачной, и вот – исчезает;
Звезды мерцают, и светит луна.

Старец идёт по небесным ступеням,
Плащ мудреца за собой волочит –
Выше и выше. Небесные двери
Сами открылись, стражник молчит.

Вдруг тело упало, и дух мой свободен,
Входит и видит престолы внутри,
Сфинкс посреди тех престолов огромен,
И время стоит как больной у двери.

Что будет? – мой дух вопрошает небо.
Оно отвечает рыканьем льва:
– В море людское заброшен невод,
Серп ждут созревшие в поле хлеба.

ПРОРОЧЕСТВО ПЛОТИ

Виденье духа прекратилось.

И наступила тишина.
Твердь неба в камень обратилась,
И всех судьба предрешена.

Мой дух стоит под небесами,
Как демон взгляд вперяет вдаль.
Земля пещеры под ногами,
Мой старец ожил – как мне жаль.
И видит плоти он очами:
Завеса дней истончена,
Полупрозрачна, а за ней
Неясная игра теней.

СВИТОК И СМЕРТЬ

Старец хватает перо и пергамент:
Буква за буквой, строка как струна.
Гимном звучит слов красивых орнамент,
Чернилами слава побед роздана.

В ярости дух мой мятется, стенает,
Смерть на безумную плоть призывает:
Как же посмела ты, дура слепая
Видеть и слышать то, что за краем?

На плоти улыбка блаженно играет.

Она остаётся, а я исчезаю.

– Хм. Он умер? Старец? И дух с ним? Интересно, интересно. Дух умер и исчез, а плоть как была, так и осталась, – Светлая опять захлопала в ладоши, вскочила и поцеловала Константина в щеку. – Косточка, а у тебя только ум – гностик. А сердце верит рыбакам. Разве нет?

– Ирина, я совсем не о том, это о пророчестве. Пророк видит двумя глазами: сердцем и умом. А если одним, то… то ничего не видит.

– Да я поняла – ты не думай.

Светлая опять замолчала и уставилась на Левия. Потом спросила:

– А Вы, Вы верите, Вы можете видеть вдаль?

– Я? Именно я? Вообще – не раз было, когда Бог открывал что-то. Но не так. Хотя… У всех, наверное, по-разному. Да… Не обязательно вдаль, чаще – вглубь.

– Я верю в пророчества. И чудеса. Иначе просто скучно.

Константин сидел, как на экзамене. Его лоб нагрелся и был покрыт крупными каплями пота.

– Ирина, тебе не скучно с нами?

– Скучно. Но я привыкла на лекциях. Что делать? Жду звонка.

Она опять замолчала, достала смартфон и стала что-то быстро перебирать пальцами. Константин вздохнул. Ему было трудно с подругой.

Подумав, Константин спросил:

– Подождите, Сергей Афанасьевич. Я ведь пришёл спросит о теле. О теле Христа. Вы помните? Но мы сначала говорили о славе. Это слава Господа Саваофа, как выяснилось. Но что это всё-таки за тело, которое он отдал? Как бы это понять лучше. И что мы едим на евхаристии?

– Иисус, говоря про славу, сказал потом: *Если зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно, а если умрёт, то принесёт много*

плода? Тело Христа – хлеб небесный. Оно останется на земле и принесёт много плода, станет пищей для многих, рождённых от духа. А Сын идёт к Отцу, оставив тело на земле.

– Отдал *за жизнь мира*? – Константин посмотрел на девушку, словно ища подсказки. Но Светлая явно не слышала ничего, увлечённо переписываясь с кем-то в соцсети.

– Как и сказал, когда преломлял хлебы: *Я хлеб живый, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который я дам, есть плоть [тело] моя, которую я отдам за жизнь мира*. Это то тело, которое видели Исайя и Иезекииль, рядом с которым стоял Иисус Навин перед битвой. Помнишь*?*

– Я в недоумении… Ну да, мы же об этом и говорили! Но как-то застревает где-то в мыслепроводе. На кресте была не плоть человеческая, а тело Господа воинств? И Слово теперь не имеет вида Сына человеческого, как раньше, а пребывает с нами чистым духом?

– Это виднее самому Иоанну, я так думаю, а не мне. Но спросить его теперь не удастся. А я лишь предложил разумное объяснение тому, что он написал. Слово вернулось теперь как дух-Утешитель, я так понимаю то, что написал Иоанн. Сказано, что Утешитель возьмёт от Сына и возвестит ученикам, и напомнит им всё.

У Константина от возбуждения глаза стали как две влажные чёрные маслины. Зрачки расширились и заполнили всю радужку. Неужели он такой непосредственный? – подумал Сергей Афанасьевич.

Константин что-то говорил. Сергею Афанасьевичу не верилось в искренность современных богоискателей. Обычно они как мельницы перемалывают информацию своими жерновами и потом требуют новую порцию, забыв о полученной муке. Это всё то же потребление, только продукт необычный. Но здесь – другой случай. Сергей Афанасьевич опять включился в диалог и услышал последнюю фразу:

– А кровь, которая излилась?

– Кровь не изливалась. Ни кровь, ни вода.

– Пусть так. Это только у Иоанна.

– Да, только он написал. Ему было нужно, чтобы кровь вышла. Кровь означала всё-таки присутствие в Иисусе земной жизни, полученной через Марию. В Библии про кровь так и сказано – что жизнь в крови. Но кровь излилась, и то, что осталось на кресте, – это божественный хлеб.

– И*дёт князь мира сего и во мне не имеет ничего*. Так?

– Да, по Иоанну даже тело Христа не в его власти – в нём нет ничего от мира сего. Оно с неба.

– А вода? Вода, которая излилась через рану, откуда?

– Как откуда? Изначально – с неба. Она и сейчас с неба, из облаков нам на голову льётся. Мы сейчас понимаем чуть больше, вода испаряется сначала – у нас наука всё-таки. А во времена Иоанна? Да, и не забудь, что до потопа, когда разверзлись хляби небесные, вода была над твердью, то есть выше небесного свода. Так что вода – это субстанция божественная, в которой рождаются от духа. На небе в воде над небесной твердью рождены ангелы. И в воде – жизнь небесная, которую получают гностики. Ну-у, так вы верите. Это богословие Иоанна и гностиков.

– Я правильно Вас понял: Сын Человеческий отдал тело, в котором являлся пророкам, по образу которого созданы мы? Христос отдал его за жизнь мира – оно стало хлебом после излития из него земной жизни в виде крови. Мы едим его, преломляя хлеб в таинстве, и преображаемся в новое существо. Это и есть главная жертва? Это тело агнца? Но он дал нам и воду – эту небесную кровь, питавшую его небесное тело, чтобы мы её пили и имели жизнь в небесных обителях? Значит, он стал духом?

– М-м, так написано в вашем мистико-философском труде, который по недоразумению назван Евангелием. Вино не зря разбавляют водой в евхаристии. Иисус говорил: *Кто будет пить воду, которую я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую я дам ему, сделается в нём источником воды, текущей в жизнь вечную.* Это же из Иоанна цитата!

– Значит, в евхаристии мы пьём кровь Христа, составленную из небесной и земной субстанций?

– Вы пьёте, наверное… Если так верите. Вино – это символ его земной жизни, а вода – это небесная кровь. Иоанн особенно подчеркнул, даже поклялся, что из Иисуса истекли кровь и вода. Их теперь в чаше смешивают, соединяя разделённое. Господи, зачем я всё это рассказываю? Это же голимое язычество!

Константин посмотрел на Ирину

– Ирина, может, пойдём уже?

Светлая не реагировала, как будто не слышала. Или делала вид? Кто их разберёт – женщины такие притворы!

– Но как мы можем есть его плоть, если она не из материи мира? И как она оказалась в мире? Я имею в виду конкретно.

– Плоть? Принесена Сыном человеческим с неба.

– Что ж, он разве уже и не из утробы Марии?

– Из утробы. Но тело Христа в ней образовалась не из её плоти, а с неба. И получило кровь Марии, то есть земную жизнь. На кресте эта жизнь ушла, излившись кровью.

– Но разве такое возможно? Разве возможно, чтобы хлеб небесный явился в вещественной утробе?

– Я думаю, подобные вопросы Иоанн учёл. Поэтому Иисус привёл пример из Писания тем, кто не понимал про хлеб. Он напомнил о манне, которую дал им Моисей. Эта манна вполне вещественна, и она с неба, её дал им Отец. Утром её собирали, а днём она исчезала, как бы таяла, растворялась в воздухе. Значит, такое возможно, по мнению Иоанна, и с телом Христа. Если манна – вещество с неба, питающее людей, то почему и целое тело Сына Божия не свести с неба? Из хлеба небесного, но живого, состояло его тело, которое зачалось в Марии и лежало в гробе, а потом исчезло. Утром, как исчезает манна. Он назвал себя так: *Я хлеб живый, сшедший с небес.*

– И тело исчезло потом, превратившись в евхаристический хлеб?

– Рыбаки писали, что Иисус вознёсся. Я говорил тебе, что душа и тело нераздельны. Где тело, там и душа. А у Иоанна не так: Иисус ведь бог. Он вознёсся без тела, раздал своё тело в пищу через таинство. Это – его жертва.

– А для чего вообще есть этот хлеб?

– Как для чего? Чтобы вам питать рождённое свыше тело веществом неба, плотью духовного агнца, небесным хлебом – назови как хочешь – и вырастить его, а потом смертью совлечься земного и взойти на небо.

– Вы сами в это верите?

– Нет, конечно. Это твоя вера, от Иоанна. Я думаю, Иоанн верил в то, о чём писал. Мистерия для него была высшей реальностью. В этом сверхъестественном таинстве можно есть плоть, которую он называл живым хлебом, под видом обычного хлеба, и, поедая её, обоживаться. У вас все святые так вознеслись – без всякого воскресения уже на небе царствуют с Христом.

Левий явно чувствовал себя усталым. Константин видел это, но ему очень хотелось прояснить вопрос с Утешителем, о котором не было ничего во всей Библии, кроме Евангелия от Иоанна. Он спросил Сергея Афанасьевича:

– Христос обещал ученикам, что пошлёт от Отца-Утешителя, духа истины. Кто это? Почему о нём нет ничего в первой богословской главе?

– У Иоанна это прямо не сказано, но, как мы выяснили с тобой, для него Христос – Слово, которое у Бога, и одновременно Господь воинств. Господь Саваоф – это Логос, облечённый в небесное тело. Кажется, так. А Христос – это Логос в славе Господа Саваофа, принявший человеческую жизнь с кровью от Марии и имя Иисус, то есть воплотившийся в человеке Иисусе. Утешитель – это Логос, как чистый дух, это не Господь воинств, и он не имеет ни земного, ни небесного тела. Христос оставил земную жизнь в крови, которая

вылилась на землю, и небесное тело-хлеб отдал в пищу, и вернулся к Отцу чистым Логосом.

Константин начал поглядывать на девушку, не хочет ли уже уходить. Но она не давала ни малейшего сигнала. Константин привстал размять ноги:

– Это отличается от традиционного богословия двух природ во Христе, соединённых не слитно и не раздельно. Но традиционное догматическое богословие – следствие сплава четырёх Евангелий. А если брать только Иоанна… Это учение – самое совершенное.

– По мне, так это лишь ваши богословские догадки. Сами разбирайтесь в этой гностической каше вместе с Иоанном. Для меня учение Иоанна интересно, как пример. И я понимаю, что одной человеческой силой не достичь того, что сделал Иоанн, – не развернуть широкую дорогу, по которой идут многие, в сторону от цели. Остались, как сказал Иисус, узкая тропа и тесные врата. Ну что же, блаженны идущие по ней.

Сергей Афанасьевич заторопился:

– Мне пора на процедуры… Итак, кажется, тема исчерпана, друзья? Я остаюсь на своём. Для меня Христос – не сущий на небесах, а взят на небо на время. И я верю, как рыбак Пётр, что *придут времена отрады от лица Господа, и* он придёт. Я жду второго пришествия. И верю, что время близко.

Расстались.

Когда уходили, Светлая задержалась, встала на цыпочки и притянула к себе голову Сергея Афанасьевича, словно хотела поцеловать:

– Вытащите его из гностиков, – шепнула она на ухо, развернулась и вприпрыжку поскакала за Константином.

Часть третья

НОВЫЙ БОГ И ОТЕЦ

В больнице Сергей Афанасьевич Левий познакомился с несколькими интересными персонажами. Оказалось, среди больных некоторые были умные и образованные. Встретив их на улице или в учреждении, никто бы и не заподозрил, что они пациенты больницы. Левий не интересовался историей их болезни, но часы напролёт проводил, беседуя с ними. Одним из таких безобидных и спокойных был Вячеслав Зотов, работавший в своё время в Калифорнии в научном центре USN (Navy). Ему было лет сорок. Слава как-то обнаружил за собой наблюдение. Это было давно, до всеобщей электронной слежки и технологий распознавания лиц. Он беспрепятственно вернулся на родину, но и здесь его преследовали повсюду российские и иностранные спецслужбы. Убегая от них в очередной раз, он оказался в аэропорту. Его выслеживала группа, которой руководил высокий мощный негр, явно из американских военных. Славу схватили и поместили в изолятор, где он изорвал на мелкие клочки паспорт и молчал как рыба, не отвечая на вопросы. В соседней комнате, по его словам, была организована пыточная. Как ни странно, его отпустили.

Временами у Вячеслава была спокойная жизнь, когда от него отставали спецслужбы. Прятаться от них он научился в центре, то есть в психбольнице.

С Левием они сошлись на любви к Писанию. Слава был верующим, можно сказать, истово, но нецерковным. Когда-то его завербовали иеговисты, но потом он ушёл от них и ни к кому не пристал. В его голове за время исканий сформировалась довольно экзотическая богословская смесь. Плюсом было то, что Слава был совершенно свободен в суждениях. Чем оригинальнее и еретичнее была идея, тем с большим интересом он вовлекался в её обсуждение.

Вячеслав знал Писание – сказывалось его пребывание у иеговистов. Друзья прошлись уже давно по Евангелию от Иоанна, обсудив его вдоль и поперёк.

Сергею Афанасьевичу запомнился один вечер, когда в центр привезли нового пациента – известного артиста, уже пожилого. Они сидели в холе и неторопливо играли в шахматы за любимой темой. Слава обычно говорил тихо, и его едва было слышно. Но новый пациент

громко кричал, и Славе пришлось повышать голос, так что сидящие за соседним столиком шахматисты стали нервно поглядывать на них. Сергей Афанасьевич взял его за руку:

– Тише, ты. Тише. Понятно, что Христос для гностиков и большинства христиан – бог. Потому что они приняли гностическое Евангелие и заразились им. Мешает ли это Богу любить их? Нет, конечно. А им любить Бога? Думаю, мешает. Но свет во тьме светит… как правильно заметил наш оппонент.

– Отца полностью отгородили от верующих, заслонили его Христом и заставили ему поклоняться. И как теперь любить Отца?

– Отца?

– Да, Отца. Старого Бога.

– Все мы слепы. Кто больше, кто меньше. Но лучше путаться в богословии, чем иметь нечистую совесть. Так задумано: дух должен крепнуть в борьбе, зрение – заостряться в поисках истины.

Вячеслав достал сигарету и закурил. На удивление, в холе психдиспансера можно было курить.

– Ладно, не читай мне мораль… Стиль у Иоанна интересный. Кажется – красивые слова, а вместе – бессмыслица. Но, на самом деле, у него – ничего лишнего, всё стройно. Он как-бы набрасывает мысль, намёком, а потом через десяток-другой стихов возвращается к ней и показывает её с другого ракурса. Потом опять и опять. Я про свет… как пример.

Слава покосился в сторону артиста и стал говорить полушёпотом. Артиста в коридоре успокаивала дежурная сестра с санитаром.

– Подозрительный тип. Заметил? Артист никогда не прекращает играть. Он и в аду будет требовать главную роль.

– Давай, выкладывай, что там ещё накопал, – они уже научились понимать друг друга с полуслова. Сергей Афанасьевич приготовился слушать.

– Про свет? Перечитал сегодня двенадцатую главу. Там есть один момент… Иоанн ещё тот шифровальщик: *Доколе свет с вами, веруйте*

в свет, да будете сынами света. Так… А дальше, в конце, стих сорок шестой: *Я свет пришёл в мир, чтобы всякий верующий в меня не оставался во тьме*. И ещё, когда исцелял слепорождённого, это в девятой главе, говорил: *Доколе я в мире, я свет миру.* И ещё в начале Евангелия о Слове, который есть свет истинный, *через который мир начал быть*. А сложи всё вместе: где говорится о свете, говорится об Иисусе. Но вот это: *Веруйте в свет, да будете сынами света* – сказано мимолётом как будто. А если задуматься? Да ведь это о том, что мы дети Слова, Логоса, если оно – свет. Но если мы его дети, то он– наш отец. Так? А может быть, два Отца? Потому он и говорит всегда про Бога – Отец мой. Никогда не сказал – Отец наш. Я, конечно, имею в виду благовестие Иоанна.

– Ну и?

– Что ну? Не понял? Он себя … себя нашим Отцом назвал: он истинный свет, а мы – сыны света, если верим в свет. То есть в него. У Луки сыны света упоминаются, но это не люди, а бесплотные существа. Ангелы или что-то типа их… силы небесные, может быть, или… или, там, звёзды.

Светлая у него голова, – подумал о Зотове Левий и открыл планшет:

– Он говорил и более прямо: *Дети! Недолго уже быть мне с вами*. Я эту фразу не замечал, а теперь она к месту. И всё же не всё так просто: Иисус кое-где признаёт Бога нашим Отцом!

– Ну… не для всех, конечно, а для тех, кто родился от духа.

– Да, в конце говорит апостолам: *Восхожу к Отцу моему и Отцу вашему, и к Богу моему и Богу вашему*.

– Всё равно разделяет, даже подчёркивает: к Отцу вашему, а не нашему. Они сыны света, это сначала. И только потом Отец Христа стал и их Отцом. В лице Христа, конечно. По доверенности, говоря нынешними понятиями.

– Ах, так? Ну, согласен. Хм. Иисус говорит: *Видевший меня видел Отца; как же ты говоришь, покажи нам Отца?* Отца можно увидеть только через Христа. Это, как если бы Иаков сказал детям:

«Спрашиваете, какой Авраам? Вы видели меня – считайте, что видели Авраама. Он такой же. Всё его – моё, он всё мне показал, я делаю то, что он мне заповедал и что сам делал». Мои дети своего деда не видели, он рано умер. Но они видели меня, а значит, видели моего отца, их деда. Потому что он во мне.

– Так и есть, Афанасич. И у меня так… Правда, у меня детей нет… Ну-у, это дело…

Вячеслав сбился. Он обычно впадал в безмолвие, близкое к коме, когда думал о своей жизни. Сергей Афанасьевич попытался направить его мысль в прежнее русло:

– У Иоанна так. Нет иного пути к Отцу: *Никто не приходит к Отцу, как только через меня.* Да об этом – по всему Евангелию: *Вы ни гласа его никогда не слышали…*

– *Ни лица его не видели; и не имеете слова его пребывающего в вас, потому что вы не веруете тому, которого он послал*, – Слава любил подхватывать и завершать цитаты по памяти.

– Через посланного Христа можно услышать Отца. Никак иначе. Но разве так может быть, чтобы дети не знали Отца?

– У Павла не так. Он к евреям писал, что Отец говорил в пророках, и только в последнее время в сыне. Не сын говорил Моисею и пророкам, а Отец. А по Иоанну нашим отцом стал Иисус…

– Эх, Вячеслав. Гореть нам на кострах инквизиции. Впрочем, Иисус, как теперь понятно, не защитникам догматов, а еретикам сказал: *Возложат на вас руки и будут гнать,* и будут бросать *в темницы, и поведут пред царей и правителей за имя мое.* И что *претерпевший до конца спасётся.* Ортодоксов цари любили.

Слава последнее пропустил мимо ушей. Он не любил отвлекаться от главной темы.

– Да, перед Отцом поставлен заслон. Иоанн от имени Иисуса нам внушает: Бог – это мой Отец, а я – ваш бог и отец. *Как послал меня живый Отец, и я живу Отцем, [так] и ядущий меня жить будет мною.* Это о том же: Христос для нас отец.

– Евреи верили: жив Бог и обращались к нему напрямую. Но если Отца можно знать только в лице Христа, то и вера, и почитание, и служение – всё Христу.

Слава посмотрел вокруг. У него вошло в привычку оглядываться перед тем, как сказать что-то, что он считал важным:

– Так и есть. Для принявших Евангелие от Иоанна Отец существует только в Сыне. Они верят в Отца, веруя в Сына. Как говорил Иисус: *Веруйте в Бога, и в меня веруйте; верующий в меня не в меня верует, но в пославшего меня*. Слыхал? И служат Сыну. Вот слова Иисуса: *Кто мне служит, мне да последует; и где я, там и слуга мой будет*. И поклоняются Сыну. Как там у Иоанна? *Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего его*. Чтить и есть поклоняться, только смысл мягче. Так что главную первую заповедь: *Господу Богу твоему поклоняйся и одному Ему служи,* которую Иисус привёл сатане, когда тот искушал его, предлагая поклониться, они исполняют в отношении Христа, а не Отца. А Отцу – кто как, но в основном как дань ветхозаветной традиции. Они поменяли бога.

Слава замолчал на минуту и опять возбудился и стал говорить громче:

– А молиться кому? По Иоанну – только Христу. Или Отцу, но в имени Христа. В синодальном переводе это как-то мутно, а вот на греческом!

– А-а, сейчас гляну… – Сергей Афанасьевич залез в планшет. – *Попросите Отца во имя мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне*– это синодальный. А на самом деле: *Попросите Отца в имени моем*. Да, и это кругом, ещё много такого. То есть просить Отца в имени Иисуса! Господи Иисусе, помилуй меня – призываешь Иисуса, а в его имени просишь Отца?

Сергей Афанасьевич уткнулся в планшет. Вячеслав продолжал:

– Я так понимаю Иоанна: если верите в Отца, молитесь ему. Но не прямо. Обращайтесь по имени к Христу, а Христос – он уже с Отцом… сам. Да вам и не понять, мол. То есть теперь будете молиться так: Господи Иисусе Христе, помоги нам в том-то и том-то, и Христос не будет просить Отца, а сам сделает. Мы хотим молиться Отцу, но

просим Христа, и Христос даже не посредник – он сам всё делает. К тому же он сказал ученикам: *Всё, что имеет Отец, есть моё*. Вот так да!

Слава вскочил со стула и тут же сел. Левий успел лишь вставить:

– А в Деяниях апостолы молились только Отцу. Христу – никогда. Он – человек, хотя… Одесную Отца– это по всему быть, как он. Я бы поосторожней…

– Сама нужда в Отце, в молитве к нему, и в вере в него – от-па-да-ет. Если верить, как Иоанн. Отец недоступен. *Веруйте в Бога, и в меня веруйте; верующий в меня не в меня верует, но в Пославшего меня* – так в кого веровать? Бог ведь один!

– Красивая подмена. Я верю в Христа – это и есть вера в Пославшего его.

Из самой маленькой палаты в конце отделения, куда поместили артиста, шли с пакетами и бельём двое в палату Славы. Слава вскочил и бросился им наперерез, но внезапно остановился и вернулся к Сергею Афанасьевичу. У него был смущённый вид, но Левий как будто ничего не заметил. Слава с подозрением посмотрел на него, успокоился и сказал:

– Так Бог у всех язычников был заменён на Ваала, Астарту и прочих.

Левий зачитал ещё цитату из Иоанна:

– *Верующий в меня имеет жизнь вечную; верующий в меня не будет жаждать никогда; всякий, живущий и верующий в меня, не умрёт вовек* – всё это даёт только вера в единого Бога, и Христос говорит так о себе.

– Угу, здесь даже не о Троице, которую позже выдумали. У Иоанна всё радикальнее – он отменяет старый культ, который многим казался несовместим с новыми заповедями любви.

Левий подбросил ещё цитату:

– *Всё, что имеет Отец, есть моё*. *Всякий, слышавший от Отца и научившийся, приходит ко мне.*

– Всё это – с благословления старого Бога, который породил нового. *Да не смущается сердце ваше*, что вы поменяли веру: *веруйте в Бога и в меня веруйте*, – говорит новый бог. Пусть старый Бог будет вам известен и почитаем, но молитесь новому. Старый трансцендентен, с ним невозможно общаться. Так всегда верили язычники.

Слава посмотрел по сторонам, взял в руки ферзя и, почти опустив лицо на доску, хрястнул им по доске так, что подскочили все фигуры, и все шахматисты разом обернулись на него. Слава говорил, положив голову на стол:

– Так это установление нового культа!? Культа нового бога. Весь культ нового бога основан на Евангелии от Иоанна, больше ни на чём. Вот сила! Вот загадка: как это удалось? Хотя… это всё тот же культ Ваала, который в переводе с ханаанского – Господь, владыка. Против него ещё Илья боролся, когда привёл заколоть пророков Ваала и спрашивал народ: *Долго ли вам хромать на оба колена? Если Адонай есть Бог, то последуйте Ему; а если Ваал, то ему последуйте. И не отвечал народ ему ни слова.* А после сошествия огня на жертву народ кричал: Адонай есть Бог! Адонай есть Бог!

– Да ты не шепчи, говори нормально. Здесь всем всё равно. Да и везде всё равно.

– Ага! Ты многое не знаешь, толстокожий. А я всегда под прицелом.

– Ладно, ладно, это и есть *тайна беззакония,* которая *уже в действии*. Это старый новый культ. Его адепты отточили языки за тысячелетия, утончили аргументы, – Сергей Афанасьевич тоже перешёл на шёпот ради друга.

– Для нового культа нужно и молиться новому богу, и служить ему, и поклоняться ему. Теперь так и есть. Да, всё исполнили, что он требовал. Я, конечно, не про Иисуса Христа, который ради нас умер на кресте. Я про того, о ком писал этот гностик, Иоанн Богослов… Вся служба теперь ему, Богородице и святым – новому пантеону богов. Хотя… Теперь уже и его оставили, и он теперь – старый бог. Молятся Матроне.

Часть четвёртая

АПОКАЛИПСИС

Запись ещё одного разговора в ЦПЗ. Присутствовал Страхов, Константин, Левий и я.

Привожу последнюю часть записи.

Константин, наконец, присоединился к разговору. Его больше интересовало мнение Левия об откровении Иоанна, которое в обиходе называют Апокалипсисом:

– Сергей Афанасьевич, в Откровении Иисус представлен как подобный Сыну человеческому и одновременно как агнец. То есть подобен херувимам, совмещавшим лицо человека и животное: тельца, орла, льва. Животное – это сила, которой Бог действует в мире: лев – царская власть, орёл – пророческий дар, телец – жречество. Но Христос над ними, на престоле, и даже имя его не называется, так как имя связано с конкретным служением, а служение временно. Значит, автор Откровения считал Иисуса воплощением высшего из сотворённых, который ещё исполнит другие великие дела и будет, как сказано, иметь новое имя, отражающее его новое служение? Для него Агнец, Сын человеческий – не бог в полном смысле. Он высшее, но всё-таки творение, воплотившееся и ставшее сыном Марии по имени Иисус. А для Вас, противника любого воплощения, все эти образы Откровения – выдумка. Так ведь? Но как тогда верить тому, что сказано в Откровении о конце мира? Я не пойму, это откровение – ложное, как считали многие известные отцы в первые четыре века, или нет? Вы сами как думаете?

– Правда, я много думал об этом, и у меня есть свой взгляд. В чём-то он может оказаться тебе полезен. Я не думаю, что Иоанн откровения и Иоанн евангелист – одно лицо. Это, возможно, есть даже некоторая связь этих книг. Но… Скажу кратко так.

Откровение Иоанна – это переосмысленная после прихода мессии Иисуса книга пророка Иезекииля. Почему взят за основу Иезекииль? Сам Иисус называл себя Сыном человеческим – также как называл

Иезекииля говоривший к нему с престола, стоящего на херувимах. Это не случайное совпадение и отражает служение Иисуса. Иезекииль пророчествовал о разрушении первого храма, Иисус – второго. Также их проповедь была о разрушении Иерусалима, и о всеобщих бедствиях, и о дне Господнем и суде, и о воскресении мёртвых. Они оба проповедовали закон в сердце и новое царство Бога. Так что пророческое служение Иезекииля и Христа во многих аспектах совпадают. Понятно, что Христос – это не только и не столько пророк, и кем он был – много суждений. Для автора Откровения Иисус – воплотившийся филоновский Метатрон, или, по-другому, Логос, Слово Божье, высший ангел, подобный Сыну человеческому. Не буду вдаваться в доказательства, но это именно так. Логос до сошествия на землю через тело Марии говорил устами Иезекииля, потому пророчества Иезекииля и Иисуса Христа связаны– так, я думаю, полагал автор Откровения.

Главное видение у Иезекииля – колесница с четырьмя херувимами и престолом над ними. У Иезекииля эта колесница спустилась на землю, а в Откровении некто Иоанн был вознесён на небо и там увидел четырёх херувимов и престол и подобного Сыну человеческому на нём. Эта колесница была уже не в походном виде, а в виде небесной скинии. Но описание её точно такое, как у Иезекииля. У Даниила также описан подобный Сыну человеческому, подходящий к Ветхому днями. Правда, у Даниила это скорее образ Израиля, Первенца и пророчество о вознесении сына Давидова. Филон же назвал его Метатроном, высшим из творений, через которого Бог всё творил и продолжает править миром.

Свиток откровения, исписанный изнутри, то есть содержащий тайное знание, гнозис, и снаружи – то, что увидят все, этот свиток был съеден и Иоанном в Откровении, и Иезекиилем. Он оказался горьким во чреве и сладким в устах обоих. Это означало, что сладким будет ожидание исполнения пророчеств, но дождавшиеся испытают на себе всю горечь страданий. Иоанн, как сказано, должен был снова пророчествовать о царствах и народах, как это делал Иезекииль. У Иезекииля, как известно, много пророчеств в книге: о Вавилоне, и Ассирии, и Египте, Тире, Моаве и Сеире. Иоанн же не был замечен до

того в пророчествах о народах. Здесь как бы восстание древнего из пророков в лице автора Откровения Иоанна, реинкарнация своего рода. Эта тема, как и сам Метатрон, – проявление языческих воззрений старца Иоанна и Филона Александрийского.

Далее ещё одно совпадение: у обоих почти в дословных выражениях описана гибель Вавилона. Этот образ также есть и у Исайи.

Измерение храма тростью и его удивительное устройство приводятся в подробностях в обеих книгах: в Откровении и у Иезекииля. Это измерение храма – проверка учения, устроения церкви, закона и богослужения божественной мерой. Есть множество других совпадающих образов и деталей: жена-церковь, орёл, деревья, пастбища, богатые травой для спасённых. Есть ещё Гог из страны Магог у Иезекииля, который приходит на землю обетованную и гибнет, и пир орлов и падальщиков красочно описан. Это прообраз будущей битвы в конце времён, описанной у Иоанна. В Откровении Гог и Магог выступают против стана святых и города возлюбленных и уничтожаются огнём, а затем ангелом призываются на пир птицы небесные.

Идолопоклонство как главное зло обличается Иезекиилем и Иоанном. Ещё много можно обо всём этом говорить и о смыслах всех этих образов. Здесь большое поле для интерпретаций и споров.

– Автор Откровения – простой компилятор!?

– Нет. Есть в Откровении то, что является, безусловно, реальным и новым.

– Что же это?

– То, что уже сбылось. Простецы ещё в восьмидесятые годы XX века обнаружили связь штрихкодов и ИНН с числом 666 и пророчеством об антихристе. Они описывали будущий цифровой концлагерь, а над ними все смеялись. Но сейчас мы видим исполнение всего, о чём они говорили, опираясь на 13-ю главу Откровения. Что там ещё истинного в Откровении, не будем углубляться. Это интересно и много об этом можно сказать. Но главное – это предупреждение, которое сработало.

– Но как может быть искусственная компиляция перемешана с истинным пророчеством?

– Мы не знаем, это компиляция либо повторенное пророчество, которое первоначально было дано через Иезекииля. Были пророки в Израиле, повторявшие предшественников. Например, Михей дословно повторяет две главы Исайи. Во времена, когда писалось Откровение, ходила масса устных и письменных пророчеств о втором пришествии. Автор мог взять одно из них и вставить в свою компиляцию. И что? Если в этом промысел Божий, то мы имеем исполненным то, что Бог замыслил. Те, к кому оно было обращено, предупреждены, а остальные пусть толкуют, что там автор накомпилировал.

– Ну что же, меня такое объяснение, пожалуй, устроит. А как связано Евангелие от Иоанна и Откровение?

– О-о. Это очень интересный вопрос. Связаны они, конечно, не авторством.

– А чем тогда?

– Евангелие от Иоанна – это ворота для рождения нового бога в наш мир. Оно постепенно так сформировало мышление, что эта идея стала естественной. Её готовы поддерживать и реализовывать, не опасаясь гибели. Те, кто считает себя христианами, в действительности готовы принять антихриста и даже работать над его приходом в мир, одновременно по утрам читая «Отче наш» и веря в воскресение Христа. Более того, оно приучило нас одновременно придерживаться противоположных идей. Оно изнасиловало наш ум. Если мы считаем все четыре Евангелия богооткровенными, но одно противоречит во всём трём другим, то наша воля и ум вынуждены смириться и признать, что между истиной и нами существует непреодолимая стена. А это необходимое условие смирения перед воплощением нового бога. Но главное – оно отделило нас от Отца, сделало поклонниками нового бога.

– Как же придёт новый бог?

– Как и описано в Откровении. Зверь с двумя рогами, подобными агничьим, вдохнёт дух в образ зверя.

– И кто этот зверь и чем он отличается от зверя с семью головами?

– Зверь – это вообще нечто, имеющее временную жизнь и способное действовать по сложным алгоритмам, как любое животное, но не имеющее осознания и непосредственной связи с Творцом, личности с Личностью. То есть зверь – не личность и даже не её зародыш. Так вот, зверь о семи головах – это государство. А зверь с двумя рогами, вышедший из земли, – это земнородный, то есть человек, и первосвященник, притворяющийся жертвой, агнцем, представляющий якобы Христа. Интересно, что он также назван зверем.

– И как же он вдохнёт дух в образ зверя?

– Будет мистерия своего рода. Сами всё увидите, я думаю. Многое прояснится: время пришло.

Расстались. После ухода Александра и Константина Сергей Афанасьевич достал бумагу и карандаш.

Из дневника С. А.

Наконец, после всех моих бедствий, забрезжил свет. Создатель всем даёт работу.

Я порвал все бумаги со старым сценарием, оставил несколько листков.

Мое единственное по-настоящему важное дело – расчистить исторический и философский мусор с евангельской истории. Расчистить тем инструментом, который волей провидения оказался у меня в руках. Я не буду писать заумно, со ссылками и прочими скучными вещами, как делают исследователи. Наличие внутреннего спора внутри Евангелий достаточно, чтобы достоверно определить содержание и основные идеи текстов на момент возникновения этого спора. Это более доказательно, чем надписи на глиняных табличках, горшках, стенах, рукописях разных религиозных групп, найденные при раскопках, и другие, внешние к Евангелиям артефакты. Взгляд изнутри текста всегда достоверней, точнее, нужно только научиться видеть. И я не сторонний наблюдатель, я на той стороне, которая мне по сердцу.

Итак, начало будет таким:

Глава 1

Старец Иоанн и Прохор. Невифлеемская звезда

Материалы для сценария.

Иоанн – автор Евангелия;

Прохор – его ученик.

Прохор положил подушку на циновку, и старец сел. Седая курчавая борода учителя казалась выдранной из верхней части головы и приклеенной к щекам и подбородку. Лысина была обрамлена такими же белыми волосами с красивыми завитушками. Выпуклые, большие, голубые глаза старца, слегка белёсые от старости, как будто жили отдельно от тела. Они вращались, всверливаясь в собеседника, указывали, смеялись, гневались. Прохор иногда путался и не мог вспомнить, старец сказал что-то языком или этими своими глазищами.

– Прохор, дитя, сядь.

Прохор сел рядом и достал стило и свиток.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Почти все герои книги являются реальными историческими персонажами. В книге нет искажений известных исторических сведений.

Филон Александрийский – известный философ и богослов, умерший около 50 г. по Р. Х., представлявший делегацию александрийских евреев к императору Гаю. Он оставил обширную литературу. Его богословие и вклад упоминаются Иосифом Флавием. Его в превосходных выражениях на многих страницах своей Церковной истории восхваляет первый христианский историк Евсевий Кесарийский (Памфил). Его труды легли в основу большинства последующих христианских богословских концепций. Он жил и умер в Александрии, где проживали первые выдающиеся христианские

богословы, такие как Климент Александрийский и его приемник в катехизаторской школе Ориген.

Папий Иерапольский. Известен из книги Евсевия, где ему посвящено немало строк. Есть несколько списков истории Евсевия Памфила. В одной из них, среди прочих сведений о Папии, сообщается следующее: «Папий, епископ Гиерапольский, послушник Иоанна Богослова, товарищ Поликарпа, пять книг “Изречений Господних” написал. В них, перечисляя апостолов по порядку, после Петра и Иоанна, Филиппа, Фомы и Матфея, учеников Господних, он записал Аристиона и другого Иоанна, которого пресвитером называет. Некоторые предполагают, что <этому> Иоанну принадлежат два послания, коротких и соборных, распространённых под именем Иоанна, по одному изначальному признанию древних. Некоторые же, введённые в заблуждение, полагают, что и Апокалипсис его. И Папий относительно тысячелетия ошибался, а чрез него и Ириней. Папий во второй книге говорит, что Иоанн Богослов и Иаков, брат его, иудеями были убиты. Папий рассказал историю, полученную чрез дочерей Филипповых, что Варсава, он же Иуст, испытываемый неверующими, яд ехидны пил во имя Христово и невредимым оставался».

Поликарп Смирнский. Мученик, епископ Смирны. Считается учеником Иоанна Богослова. Учитель Иринея Лионского. Прославился известным спором с папой римским Аникитой. Поликарп отстаивал празднование пасхи по иудейскому обычаю.

Прохор. Ученик и спутник Иоанна Богослова.

Старец Иоанн. Пресвитер, то есть старейшина, называл себя старцем. Автор двух посланий и Евангелия от Иоанна. Проживал в Малой Азии. Основные сведения о нём – из книг Папия Иерапольского, отрывки из которых приведены в Церковной истории Евсевия Памфила, епископа Кесарии.

Отец Константин из Костромы. Он и события, приключившиеся с ним в Красноярском крае, достоверны.

Дима Корнилов. Реальный человек, имя изменено. Его жизнь описана на основе реальных событий.

Остальные персонажи вымышлены. События их жизни имели место в реальности, но в других сочетаниях и с различными людьми.

Оглавление

Предисловие

Звезда над Назаретом

РЕШКА

Крещение назорея

ЕГО ВОРОБЕЙШЕСТВО

Спор о любви

ЗАЧЕМ РАВВИНУ РУССКАЯ РАВНИНА?

Кто ангел Завета?

Я ПОМОГУ ТЕБЕ РОДИТЬСЯ, МОЯ ПРЕКРАСНАЯ ЖАР-ПТИЦА

ОСТАНОВИВШИЙСЯ ВЕТЕР

ЧТО ЕЩЁ НЕ ТАК С ГЕОГРАФИЕЙ? ТИВЕРИАДА

Гора Елеонская лучше

ТОШНОТА

УКУС ВАРАВВЫ

Хиллель и Шломо

БАРСИК, ПЧЕЛИНЫЙ РОЙ, КИРДЖАЛИ, ДЕГУСТАЦИЯ ЛЮБВИ

Главный свидетель

ЖЕНЩИНЫ И СИЛА

Было слово к Филону…

АСКЕТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ

Пчёлы и мёд

ГЕОГРАФИЯ ПАЛЕСТИНЫ И СУДЬБЫ МИРА

Вода над твердью и под твердью

XIII
БОГОСЛОВЫ
Белый волос
РЕЖИССЁР
ПРОРОК НОВОГО БОГА
УСЫПЛЕНИЕ СТРАЖА И МИСТЕРИИ
В третий день
МИСТЕРИЯ ИЛИ УБИЙСТВО?
КАК РЕЖИССЁР РЕЖИССЁРУ
К сожаленью, день рожденья…
СУТЬ ИЗМЕНЫ
ЧУДО ПО ВЕРЕ ИЛИ ВЕРА ОТ ЧУДА
МАРГАРИТА
Ермий, сын Зевса
ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ
ГОЛОС С НЕБА
Любимый ученик. Поликарп
ИСКУШЕНИЕ НАЗОРЕЯ
Как это, в третий день?
ОСОЗНАННЫЕ СНОВИДЕНИЯ
ИСКУСИТЕЛЬ
Чётки. Боги не потеют
ПОСЛЕДНЕЕ ИСКУШЕНИЕ
Власть и закон
РОЖДЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТА. ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА
ГРЕХ САМОУБИЙСТВА
За советом к Антонию в Милет
СУД

Кровь тельца
ДОГОВОР
РАЗВОД
Юмор Моисея
ВОРОТА И СТРАЖ
Вино тоже пьянит
НИЧЕГО НАПОЛОВИНУ
Правда больнее верёвок
ПОМЕШАТЕЛЬСТВО
У нас всё с рыбаками разное…
ЖИЗНЬ – БОЛТЛИВАЯ СОРОКА, ОТ НЕЁ НЕ МНОГО ПРОКУ
Жизнь во гробе
БЕДА НЕ ПРИХОДИТ ОДНА
Блудница-пророк
ГЛАЗАМИ АНГЕЛА
Поверь, что ты птица, и попробуй летать
«ХОРОШИЙ» ДЕНЬ
ОСОБЕННАЯ ЛЮБОВЬ
Ноги вместо головы
РЕДКАЯ СВОЛОЧЬ
Миква пригодилась
Истинные опресноки
ВЕРА – ГОЛОС ИЗ БУДУЩЕГО, ОБРАЩЁННЫЙ К СЕБЕ
ПРИТЧА ОБ ОДЕРЖИМОСТИ
Четыре вопроса
СЕКТА
Жертвенный нож
Синедрион или Лифостротон

Плащаница вместо благовоний на пелены
ПРЕДСКАЗАНИЕ ИЛИ ПРИГОВОР СУДА?
После…
Трое у могил
РОЖДЕНИЕ БОГА
СТРАХ
БЕСЕДЫ В СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ
Часть первая. Эсхатология Иоанна
Часть вторая
ИРИНА СВЕТЛАЯ, СЛАВА И ВОЗНЕСЕНИЕ
Часть третья
НОВЫЙ БОГ И ОТЕЦ
Часть четвёртая
АПОКАЛИПСИС
ПОСЛЕСЛОВИЕ